КН15
С-79
Стеклов Ю.М.
Борцы за социализм

КН
15
С79

Ю. М. Стекловъ.

Борцы за Соціализмъ.

Очерки изъ исторіи общественныхъ и революціонныхъ движеній въ Россіи.

Добролюбовъ.—Герценъ.—Чернышевскій.—Бакунинъ.—П. Алексѣевъ.—С. Халтуринъ.—Народничество.—Народная Воля.—Черный Передѣлъ.—Соціалъ-демократія.—Рачковскій и Меньщиковъ.—Витте.

Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР
1871-35

Издательство „ДЕНИЦА".
Москва, Знаменка, Малый Знаменскій 8.
1918.

БИБЛИОТЕКА
Государ Историч. Музея
№ 1371
17 " 10 1935

Посвящается

памяти непреклоннаго бунтаря, одного изъ первыхъ рабочихъ-революціонеровъ, вольнаго штурмана Ивана Михайловича Калашникова, безвременно погибшаго жертвой царизма въ Якутской области.

Предисловіе.

Давно уже я собирался написать исторію революціоннаго движенія въ Россіи. Хотѣлось дать русскому рабочему классу нѣчто, напоминающее меринговскую исторію германской соціалъ-демократіи. Съ ранней молодости вниманіе мое было привлечено героической борьбой русскихъ революціонеровъ противъ самодержавія и капитализма. И вотъ уже около 30 лѣтъ я изучаю относящіеся сюда матеріалы.

Къ сожалѣнію, условія моей жизни не позволяли мнѣ засѣсть вплотную за такую работу. Послѣдняя требуетъ по возможности спокойнаго и продолжительнаго труда, но до сихъ поръ такая благодать на мою долю не выпадала. Поневолѣ приходилось писать разрозненныя статьи и замѣтки по отдѣльнымъ вопросамъ. Изъ крупныхъ работъ относящихся къ исторіи русскаго революціоннаго движенія, мнѣ удалось лишь написать біографію Н. Г. Чернышевскаго, вышедшую въ 1909 году въ Петербургѣ и вскорѣ выходящую вторымъ изданіемъ въ «Жизни и Знаніи» (нынѣ «Коммунистъ»), а также двухтомную біографію М. А. Бакунина, изъ которой я до сихъ поръ опубликовалъ отдѣльныя главы въ различныхъ русскихъ журналахъ («Совр. Міръ», «Просвѣщеніе», «Голосъ Минувшаго») и извлеченіе въ видѣ брошюры на нѣмецкомъ языкѣ (въ изданіи Дица), и которая потребовала бы теперь одного—двухъ мѣсяцевъ работы (если бы удалось ихъ выкроить), чтобы быть окончательно подготовленной къ печати. Сюда же я могу отнести и свою брошюру «Отказываемся-ли мы отъ наслѣдства? Историческое подготовленіе русской соціалъ-демократіи», вышедшую въ первый разъ заграницей въ 1901 году въ изданіи группы «Борьба» и во второй разъ въ Петербургѣ въ 1907 году въ изданіи «Свободный Трудъ».

Убѣдившись, что въ скоромъ времени мнѣ не удастся написать систематическую, полную и цѣльную исторію русскаго соціально-революціоннаго движенія, я рѣшилъ собрать хотя-бы часть моихъ разрозненныхъ статей, этюдовъ и замѣтокъ, относящихся къ разсматриваемой темѣ. Такъ создалась идея предлагаемаго вниманію товарищей сборника «Борцы за соціализмъ.— Очерки изъ исторіи общественныхъ и революціонныхъ движеній въ Россіи». Конечно, этотъ сборникъ ни въ какой степени не можетъ замѣнить общую исторію движенія, но все-же мнѣ кажется,

что собранныя подъ одной обложкой разрозненныя статьи дадутъ нѣкоторую общую картину. Мнѣ тѣмъ болѣе хотѣлось выпустить этотъ сборникъ, что въ большинствѣ случаевъ писатели, разрабатывавшіе исторію нашего революціоннаго движенія и не стоявшіе на марксистской точкѣ зрѣнія, по мѣрѣ своихъ силъ и способностей искажали и извращали эту исторію. Особенно потрудились на этомъ пути покойный В. Богучарскій (Яковлевъ) и безпокойный пустомеля В. Бурцевъ,

У меня не было времени перерабатывать собранный въ этомъ сборникѣ матеріалъ, да по существу вопроса это и не требуется. Если-бы я приступилъ къ мало-мальски серьезнымъ измѣненіямъ собранныхъ здѣсь статей, то мнѣ пришлось-бы, конечно, заново написать всю книгу. Къ сожалѣнію, въ настоящемъ ея видѣ въ книгѣ имѣются нѣкоторые пробѣлы и не только фактическаго свойства (объ этомъ не приходится и говорить), а пробѣлы, если такъ можно выразиться, редакціонно-политическаго характера. Это объясняется тѣми условіями, въ которыхъ д о послѣдняго времени находился русскій писатель, стоящій на точкѣ зрѣнія революціоннаго марксизма.

Ему обыкновенно приходилось подвергаться тройной цензурѣ. Во-первыхъ, свирѣпствовала цензура царская. Подробно распространяться объ этой сторонѣ вопроса, конечно, не приходится. Эта цензура или дѣлала совершенно невозможной разработку цѣлаго ряда вопросовъ, относящихся къ исторіи революціоннаго движенія, или-же заставляла трактовать ихъ, все время оглядываясь на цензорскую ферулу. Благодаря этой царской цензурѣ, въ печать не могла въ свое время попасть помѣщенная въ этомъ сборникѣ замѣтка о Витте, предназначавшаяся для журнала «Современникъ» 1914 года. Рядъ замѣтокъ, также напечатанныхъ въ настоящей книгѣ и въ свое время предназначенныхъ для «Календаря русской революціи» изданія «Шиповникъ», задержался опубликованіемъ на цѣлыхъ 11 лѣтъ, такъ какъ этотъ календарь, напечатанный въ 1906 году, былъ тогда конфискованъ и получилъ возможность выйти въ свѣтъ только послѣ Февральской революціи въ 1917 году.

Считаясь съ предстоящимъ свирѣпствомъ краснаго карандаша и цензорскаго меча, марксистскій авторъ долженъ былъ самъ подвергать себя извѣстной самоцензурѣ (цензура № 2), стараясь по возможности обломать острые углы своихъ писаній и трактовать щекотливые вопросы эзоповскимъ языкомъ. Къ сожалѣнію, авторъ этихъ строкъ никогда не отличался этой способностью и считался однимъ изъ безпардонныхъ въ этомъ отношеніи литераторовъ.

Засимъ слѣдовала редакторская цензура (цензура № 3,) осуществляемая страха ради полицейска. Къ марксистскимъ ли-

тераторамъ редакторскій карандашъ также относился особенно строго, зная, что особенными симпатіями въ сферахъ они не пользуются. Вслѣдствіе такой профилактической цензуры въ печать не могъ попасть очеркъ «Историческій документъ», помѣщаемый въ этой книгѣ, а остальныя статьи, которыя увидали свѣтъ при царскомъ режимѣ, подверглись въ большей или меньшей степени ретушевкѣ и оскопленію. Въ частности, эту участь отчасти испытала и перепечатываемая здѣсь брошюра «Отказываемся-ли мы отъ наслѣдства»? Если къ моменту окончанія печатанія этой книги мнѣ не удастся достать заграничное изданіе брошюры, то придется перепечатать ее въ томъ видѣ, какъ она была издана въ Петроградѣ въ 1907 году.

Но хуже всего была вторая редакторская цензура, по счету четвертая, а именно цензура политическая. Буржуазные редакторы русскихъ журналовъ органически не переносили марксистскаго духа. Они вообще чуяли его за цѣлую милю, но когда они знали, что имѣютъ дѣло съ опредѣленнымъ марксистскимъ писателемъ, тогда они вооружались особыми очками и выискивали тамъ «кануперъ»—сплошь и рядомъ даже тогда, когда его вовсе не было. Но тѣмъ не менѣе марксистскимъ литераторамъ отъ этой редакціонной цензуры приходилось солоно. Со всѣмъ господа буржуазные редакторы мирились, все они терпѣли, но марксистскаго духа не выносили. И когда авторъ-марксистъ подвергалъ критикѣ, напримѣръ, писанія и дѣянія даже не буржуазнаго либерализма, особенно дорогого ихъ сердцу, а, казалось бы, не столь любезнаго имъ анархизма, хотя бы «пропаганду фактами», буржуазные редакторы считали своимъ долгомъ рыцарски заступаться за невинно оклеветанныхъ и обиженныхъ анархистовъ, даже за «химиковъ революціи», «динамитчиковъ» и «экспропріаторовъ», и брали ихъ подъ свою высокую защиту отъ зловредныхъ марксистовъ.

Отъ этой редакторской цензуры не разъ приходилось страдать автору настоящихъ строкъ. Такъ изъ печатаемой въ этомъ сборникѣ статьи «Соціально-политическіе взгляды Добролюбова» г. Амфитеатровымъ, котораго Горькій счелъ нужнымъ взять въ соредакторы и чуть-ли не въ главные редакторы своего «Современника» (новаго «Современника», издававшагося съ 1911 года Горькимъ, Черновымъ и Амфитеатровымъ, а не стараго, славнаго «Современника» Добролюбова Некрасова и Чернышевскаго), были вытравлены всѣ мои указанія на столкновеніе между Добролюбовымъ и Тургеневымъ, даже указаніе на то, что фигура Базарова (изъ «Отцовъ и Дѣтей») въ значительной степени была списана Тургеневымъ съ ненавистнаго ему Добролюбова. Насколько мнѣ помнится, я сопоставлялъ тамъ нѣкоторыя цитаты изъ статей Добролюбова съ рѣчами, которыя Тургеневъ вкладываетъ въ

уста Базарову, и получалась интересная картина Не имѣя сейчасъ подъ руками оригинала, я не могу возстановить этихъ мѣстъ, но я не могу безъ негодованія вспомнить увѣщеваній г. Амфитеатрова оставить эти «ссоры» и «взаимные раздоры» въ «оппозиціонномъ лагерѣ». «Ну, стоитъ-ли вспоминать старыя недоразумѣнія»?—такъ приблизительн описалъ г. Амфитеатровъ. Несмотря на мой отказъ выбросить инкриминируемыя мѣста, они все-таки были редакторскимъ карандашемъ вычеркнуты.

Еще болѣе возмутительной была цензура, которой редакція (измѣненная и исправленная) того-же «Современника» подвергла мою статью «Герценъ и Чернышевскій», также печатаемую въ этомъ сборникѣ. Въ «Современникѣ» была опубликована только первая, меньшая часть статьи. Даже въ сглаженномъ редакціею видѣ она сразу подверглась нападенію царской цензуры, и противъ журнала было возбуждено преслѣдованіе за эту статью. Редакція, испугавшись, отказалась печатать продолженіе статьи. Это-бы еще ничего, но вся штука въ томъ, что напечатанная часть статьи подверглась 4-ой, т.-е. политической цензурѣ редакціи, въ которой тогда главную скрипку игралъ либерально-оппортунистическій фальсификаторъ исторіи русскаго революціоннаго движенія, Б. Богучарскій. Обидѣвшись за Герцена и за его кружокъ, редакція журнала рѣшила помѣстить статью послѣ долгихъ колебаній, да и то, главнымъ образомъ, напечатала ее по настоянiямъ г. Ляцкаго, который въ качествѣ «спеціалиста по Чернышевскому» отстаивалъ статью за положительное отношеніе автора ея къ отцу русскаго соціализма. Но, во-первыхъ, редакція помѣстила ее съ глупѣйшимъ примѣчаніемъ слѣдующаго рода: «Давая мѣсто статьѣ Ю. М. Стеклова, представляющую собой глубоко интересный по темѣ опытъ критическаго разсмотрѣнія взаимноотношеній Чернышевскаго и Герцена по острымъ вопросамъ политическаго мышленія, редакція не вполнѣ солидарна съ авторомъ въ части, касающейся Герцена. Общій взглядъ Ю. М. Стеклова на Герцена страдаетъ, по мнѣнію редакціи, отсутствіемъ необходимой исторической перспективы, благодаря чему и въ освѣщеніи нѣкоторыхъ частностей (напр., въ характеристикѣ отношеній Герцена къ виднѣйшимъ политическимъ дѣятелямъ его эпохи) сказался извѣстнаго рода схематизмъ, слишкомъ переносящій вопросы, далеко еще не разрѣшенные исторической критикой, въ границы современнаго намъ пониманія». А, во-вторыхъ, редакція продѣлала надъ статьей рядъ хирургическихъ операцій страшно ее изуродовавъ и взявъ подъ свою защиту «обиженныхъ» въ ней либераловъ.

Но этимъ высоко политическимъ соображеніямъ не могла появиться въ свѣтъ и статья с Бакунинѣ, помѣщаемая въ настоящемъ сборникѣ и предназначавшаяся для майской книжки

«Вѣстникъ Европы». Ее заказалъ мнѣ покойный Максимъ Ковалевскій, пріѣзжавшій весною 1914 года въ Парижъ, гдѣ я тогда проживалъ въ эмиграціи, но фактическій редакторъ журнала, извѣстный умѣренный кадетъ А. Посниковъ, статьи не принялъ вѣроятно потому, что въ ней «обижался» анархизмъ. Удивительно чутко относятся эти буржуазные консерваторы къ «обидамъ» чинимымъ марксистами анархистамъ.

Именно по этимъ мотивамъ была изуродована г. Мельгуновымъ, редакторомъ «Голоса Минувшаго», моя статья «Интернаціоналъ послѣ Гаагскаго Конгресса». Онъ взялъ подъ свою защиту Кропоткина, Бакунина и особенно дѣятелей лондонскаго анархическаго съѣзда 1881 года, который, какъ извѣстно, былъ созванъ при ближайшемъ участіи агентовъ парижскаго префекта полиціи, пресловутаго Андріе, и на которомъ анархизмъ окончательно выродился въ «революціонную тактику». Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ! Или-же господа буржуа дѣйствительно чувствуютъ свою затаенную близость къ анархистамъ, особенно когда съ послѣдними начинаютъ полемизировать марксисты?

Изъ статей, напечатанныхъ въ этомъ сборникѣ, статья «Соціально-политическіе взгляды Добролюбова» была помѣщена въ «Современникѣ» 1911 года, № 11; первая половина статьи «Герценъ и Чернышевскій» въ «Современникѣ» 1912 г., № 7; статья «Русскій Ткачъ Петръ Алексѣевъ» въ петербургскомъ журналѣ «Ткачъ» 1917 г. № 1; вторая статья о Петрѣ Алексѣевѣ, статья о Халтуринѣ[1]) и «Памяти Народной Воли»—въ Календарѣ для Всѣхъ» на 1901 годъ, изданномъ въ Женевѣ группой «Борьба»; брошюра «Отказываемся-ли мы отъ наслѣдства?—Историческое подготовленіе русской соціалъ-демократіи» напечатана въ первый разъ въ Женевѣ въ 1901 году и второй разъ въ Петербургѣ въ 1907 г.; статья «О первой соціалъ-демократической пропагандѣ въ Одессѣ» напечатана была въ журналѣ «Минувшіе годы» въ 1908 г., №9; въ томъ же журналѣ за тотъ же годъ, № 3, напечатана и статья «Мой побѣгъ изъ Якутки». Мелкія замѣтки о съѣздахъ Р. С.-Д. Р. П., о празднованіи 1-го Мая въ Россіи, о первой всеобщей забастовкѣ и т. д. были напечатаны въ «Календарѣ русской революціи», изд. «Шиповника» (1906 и 1917 года).

---

[1]) Вторая статья о П. Алексѣевѣ и статья о П. Халтуринѣ имѣютъ компилятивный характеръ. Но онѣ интересны въ чисто фактическомъ отношеніи и входятъ составнымъ звеномъ въ общую цѣпь развертывающейся картины революціоннаго движенія.

Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что большая часть статьи о «Герценѣ и Чернышевскомъ», статьи о Бакунинѣ, о Витте и статья «Историческій документъ» до сихъ поръ въ печати вовсе не появлялись; вторая статья о Петрѣ Алексѣевѣ, статьи о Халтуринѣ и «Памяти Народной Воли» были напечатаны въ недоступномъ для широкихъ круговъ читающей публики заграничномъ изданіи. Такимъ образомъ, значительная, если не большая часть помѣщеннаго въ этомъ сборникѣ матеріала появляется въ печати впервые.

Выступая передъ читающей публикой съ настоящимъ сборникомъ, я лучше всѣхъ другихъ сознаю его недостатки, но все-же мнѣ думается, что онъ окажется не лишнимъ и не безполезнымъ, и поможетъ многимъ изъ нашихъ товарищей, если не составить себѣ полное представленіе о затрагиваемыхъ сторонахъ исторіи нашей общественности, то, по крайней мѣрѣ, разобраться въ существующихъ по этимъ вопросамъ взглядахъ и усвоить основныя черты марксистскаго подхода къ исторіи русской революціи и марксистскаго метода, позволяющаго правильно ставить и разрѣшать сложные историческіе вопросы.

Москва, Октябрь 1918 года. Ю. Стекловъ.

Соціально-политическіе взгляды Добролюбова.

I. Демократія и соціализмъ

Въ великомъ расколѣ, разбившемъ послѣ Крымской войны нѣкогда единый лагерь русской оппозиціи на два враждебныхъ стана, кружокъ «Современника» представлялъ интересы революціонной демократіи, интересы трудящихся, или, какъ тогда выражались, простонародья. При этомъ между обоими главными лидерами выступившей тогда на сцену разночинной интеллигенціи или «молодого поколѣнія», міросозерцаніе котораго они обосновывали и выражали, установилось своего рода раздѣленіе труда, въ значительной мѣрѣ соотвѣтствовавшее различію ихъ темпераментовъ: въ то время, какъ Чернышевскій взялъ на себя по преимуществу разработку программныхъ вопросовъ, стараясь подвести подъ міросозерцаніе новой общественной силы философскій фундаментъ и дать съ ея точки зрѣнія исчерпывающую критику тогдашнихъ политическихъ и экономическихъ отношеній, Добролюбовъ занялся, главнымъ образомъ, разработкой вопросовъ тактическихъ, вопросовъ о томъ, какъ примѣнить на дѣлѣ тѣ положенія, къ которымъ уже привела теоретическая критика царившихъ общественныхъ неустройствъ. Сдержанный и нѣсколько скептически настроенный Чернышевскій спокойно очищалъ столбовую дорогу русскаго прогресса отъ накопившагося на ней историческаго мусора, освѣщая пути грядущимъ поколѣніямъ и расчищая арену для грядущихъ борцовъ. Его пылкій послѣдователь Добролюбовъ, этотъ геніальный юноша, не знавшій сомнѣній и не допускавшій компромиссовъ, смѣло ринулся на открытую дорогу съ развернутымъ знаменемъ, будя уснувшихъ, подстрекая отсталыхъ и во всѣхъ вселяя сжигавшее его самого «глубокое чувство гражданскаго долга». Этимъ объясняется, почему въ его сочиненіяхъ такъ много мѣста отведено выясненію вопросовъ нравственности, которую онъ, конечно, трактовалъ не въ абстрактно-философскомъ, а въ конкретно-агитаторскомъ смыслѣ.

Соціально-политическіе взгляды Добролюбова.

Демократъ до мозга костей, демократъ не только по убѣжденіямъ, но и по происхожденію и общественному положенію, Добролюбовъ страстно, до болѣзненности мечталъ объ освобожденіи трудящихся и объявлялъ безпощадную войну всѣмъ видамъ гнета—идейнаго, политическаго и экономическаго. Для него сущность исторіи— это борьба за счастье, а цѣль исторіи—освобожденіе личности. Какъ у Чернышевскаго, такъ и у Добролюбова въ центрѣ міросозерцанія стояла человѣческая личность и ея благо,—именно потому, что они были послѣдовательными демократами. Но, съ другой стороны, именно потому они не могли также остановиться на голомъ политическомъ либерализмѣ и ограничить всю свою дѣятельность одной борьбой за конституціонныя реформы, оставляя въ тѣни соціальныя задачи. А эти послѣднія они могли рѣшать только въ самомъ радикальномъ смыслѣ, въ интересахъ эксплуатируемаго и угнетаемаго народа.

Это въ свое время подало поводъ къ недоразумѣніямъ, которыя не совсѣмъ разсѣялись и донынѣ. Умѣренно-либеральные противники Добролюбова и Чернышевскаго пустили въ ходъ легенду объ ихъ политическомъ индифферентизмѣ и даже объ ихъ якобы враждебномъ отношеніи къ политическимъ свободамъ. Конечно, у того и другого можно найти нѣсколько неясныя и даже двусмысленныя заявленія по этому поводу. Въ тѣ времена связь между соціализмомъ и политической борьбой представлялась далеко не съ надлежащей ясностью. Только послѣ тяжелаго историческаго опыта, по прошествіи двухъ десятилѣтій теоретическихъ блужданій и практическихъ неудачъ, эта связь начала выясняться, да и то съ грѣхомъ пополамъ. Притомъ нельзя сказать, чтобы и въ настоящій моментъ всѣ сомнѣнія въ этой области были окончательно разсѣяны не только въ такихъ отсталыхъ странахъ, какъ Россія, но даже въ передовыхъ и политически наиболѣе развитыхъ демократіяхъ Запада. Тѣмъ болѣе естественна нѣкоторая невыясненность политическихъ взглядовъ среди первыхъ русскихъ революціонныхъ демократовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, повторяемъ, о политическомъ безразличіи или даже враждебномъ отношеніи къ политической свободѣ у Чернышевскаго и Добролюбова не можетъ быть и рѣчи.

Онъ недвусмысленно выражаетъ свое сочувствіе политической демократіи Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ,

гдѣ въ основѣ всего государственнаго строя лежитъ «народная воля» и полная «административная децентрализація». Въ другомъ мѣстѣ онъ доказываетъ, что истинный патріотизмъ, интересъ отдѣльной личности къ благу общества, мыслимъ лишь въ конституціонныхъ государствахъ: это нѣтъ въ Австріи и Россіи, но онъ есть въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ. А говоря о необходимости измѣненія общественныхъ отношеній въ Россіи, онъ набрасываетъ программу конституціонно-демократическихъ реформъ, которую можно скорѣе упрекнуть въ нѣкоторой умѣренности (уничтоженіе сословій, судебная реформа, равенство передъ закономъ, участіе гражданъ въ общественныхъ дѣлахъ, обезпеченіе каждому продукта его труда и т. п.*). Если же ему приходится иронически или критически отзываться о конституціонныхъ стремленіяхъ, то такое отрицательное отношеніе имѣетъ совершенно опредѣленный смыслъ и отнюдь не свидѣтельствуетъ объ его политическомъ индифферентизмѣ.

Въ самомъ дѣлѣ. Утверждать, что прежде всего необходимо освободить крестьянъ отъ рабства и вообще раскрѣпостить человѣческую личность, обезпечивъ ей вмѣстѣ съ тѣмъ право на продуктъ ея труда, а что остальное, въ томъ числѣ и политическія вольности, уже приложится потомъ, значитъ ли это быть политическимъ индифферентистомъ (тѣмъ болѣе, что Добролюбовъ, какъ и Чернышевскій, допускалъ возможность революціоннаго освобожденія крестьянъ, которое одновременно было бы торжествомъ полной политической демократіи и даже соціализма)? Въ этомъ смыслѣ Добролюбовъ и говоритъ, что «первое, что является непререкаемой истиной для простого смысла, есть неприкосновенность личности» (Соч. III, 368). Въ этомъ-то смыслѣ онъ и утверждаетъ, что «наши (тогдашнія) нужды настоятельнѣе, безъ удовлетворенія ихъ труднѣе прожить, нежели безъ удовлетворенія того, къ чему стремятся теперь европейскіе народы. Брайтовская реформа въ Англіи, свобода прессы во Франціи, требуемая какимъ-нибудь Фавромъ или Оливье, безъ сомнѣнія, вещи нужныя, и современемъ онѣ будутъ достигнуты, но для

*) Русская сатира въ вѣкъ Екатерины («Совр.», 1859, № 10). Сочиненія, изд. 6, т. I, стр. 159.

нихъ еще время терпитъ, онѣ далеко не такъ существенны и настоятельны, какъ законное обезпеченіе гражданскихъ правъ и матеріальнаго быта милліоновъ народа, до сихъ поръ, болѣе или менѣе терпѣвшихъ отъ тяжелаго вліянія произвола. Для этихъ милліоновъ дѣло идетъ не о какой-нибудь прибавкѣ къ правамъ, которыя они уже пріобрѣли прежде, а чисто-на-чисто о созданіи хотя какихъ-нибудь правъ, потому что подъ вліяніемъ крѣпостного принципа они, если не de jure то de facto не имѣли вовсе никакихъ» (ibid., 365).

Здѣсь Добролюбовъ разсуждаетъ съ точки зрѣнія крѣпостного крестьянина. Но у него имѣется также критика политическихъ свободъ и съ точки зрѣнія соціалистически настроеннаго пролетарія. Именно съ этой точки зрѣнія онъ говоритъ объ ограниченномъ значеніи буржуазнаго парламентаризма. Издѣваясь надъ французскими либералами, любящими поговорить съ трибуны, но отступающими передъ всякими рѣшительными дѣйствіями, протестующими противъ произвола, но ненавидящими suffrage universel и боящимися народной свободы пуще всякаго деспотизма, онъ пишетъ, что «то, чего они добиваются, недурно между прочимъ» *). Въ данномъ случаѣ Добролюбовъ подчеркиваетъ, впрочемъ, не столько ограниченность буржуазнаго либерализма съ точки зрѣнія его содержанія, сколько со стороны методовъ борьбы (о чемъ ниже). Но говоря «между прочимъ», Добролюбовъ, конечно, имѣетъ въ виду умолчаніе буржуазнаго либерализма о вопросахъ соціальныхъ, наиболѣе насущныхъ для трудовыхъ массъ. Въ біографіи Оуэна онъ разсказываетъ о нежеланіи великаго утописта примкнуть къ радикальной партіи.

«Въ это время шли сильные толки о реформѣ гнилыхъ мѣстечекъ, отъ которой радикалы ждали совершеннаго обновленія общества. Оуэнъ въ простотѣ души имѣлъ смѣлость объяснить имъ, что замышляемыя ими мѣры вовсе не такъ важны, что онѣ даже недостаточны и что отъ нихъ весьма мало будетъ толку для благосостоянія народныхъ массъ. Радикалы вознегодовали и лишили Оуэна своего довѣрія. Прямодушіе и рѣшительность и тутъ повредили наивному чудаку!» (Соч., IV, 41).

*) По поводу одной очень обыкновенной исторіи. Соч., IV, стр. 6.

Ясно, что Добролюбовъ сочувствуетъ точкѣ зрѣнія Оуэна. Но вмѣстѣ съ тѣмъ столь же очевидно, что усматривать въ подобной критикѣ либерализма проявленіе политическаго безразличія не приходится. Теперь, конечно, мы нѣсколько иначе сформулировали бы выраженную въ вышецитированныхъ словахъ Добролюбова мысль; мы не сказали бы: «вовсе не такъ важны» и, пожалуй, не стали бы такъ прямолинейно утверждать, что «отъ нихъ весьма мало будетъ толка для благосостоянія народныхъ массъ». Но съ основнымъ зерномъ добролюбовской мысли о недостаточности однѣхъ политическихъ реформъ съ точки зрѣнія трудящихся массъ нельзя не согласиться, ибо она составляетъ основное и традиціонное завоеваніе соціализма. Заслуга Добролюбова и Чернышевскаго въ томъ и заключается, что они внесли эту мысль въ сознаніе русской демократіи и этимъ предопредѣлили ея соціалистическій уклонъ.

Само собой разумѣется, что въ соціализмѣ Добролюбова, какъ и въ соціализмѣ Чернышевскаго, какъ, впрочемъ, почти во всемъ тогдашнемъ европейскомъ соціализмѣ (кромѣ небольшой, тогда мало извѣстной и не пользовавшейся еще вліяніемъ группы марксистовъ), имѣется немало утопическихъ черточекъ. Такъ, соціализмъ онъ понимаетъ, какъ защиту «безпомощныхъ людей» отъ односторонняго могущества капитала и, хотя это отчасти и вѣрно, особенно по отношенію къ первымъ стадіямъ утопическаго соціализма, но все-таки звучитъ нѣсколько странно черезъ 10 лѣтъ послѣ 1848 года. Добролюбовъ, видимо, совершенно не понималъ историческаго значенія стачекъ и, желая оправдать Оуэна отъ несправедливыхъ нападокъ, указываетъ, что тотъ съ самаго начала не совсѣмъ одобрялъ затѣвавшуюся всеобщую стачку («заговоръ рабочихъ противъ хозяевъ съ цѣлью заставить ихъ повысить заработную плату»). Съ другой стороны онъ выражаетъ сочувствіе и признаетъ вѣрной идею народнаго банка, дарового народнаго кредита и рабочихъ квитанцій, выдвинутую Оуэномъ, а затѣмъ повторенную во Франціи Прудономъ. Но, конечно, этими промахами не исчерпываются же политическіе взгляды нашего автора.

Прежде всего, какъ представитель передовой и активной соціальной группы, Добролюбовъ держался активной философіи исторіи. Подобно Чернышевскому, онъ зналъ, что въ основѣ историческаго

процесса лежитъ борьба классовъ. «Борьба аристократіи съ демократіей,—говоритъ Добролюбовъ,—составляетъ все содержаніе исторіи». Но, поясняетъ онъ далѣе, рѣчь идетъ здѣсь не о борьбѣ генеалогическихъ интересовъ, а интересовъ экономическихъ, интересовъ соціальныхъ: борьба идетъ, по словамъ Добролюбова, между людьми трудящимися и дармоѣдами. «Уничтоженіе дармоѣдовъ и возвеличеніе труда—вотъ постоянная тенденція исторіи». По степени большаго или меньшаго уваженія къ труду и по умѣнію оцѣнивать трудъ болѣе или менѣе соотвѣтственно его истинной цѣнности можно узнать степень цивилизаціи народа. Степень возможности размноженія дармоѣдства и въ народѣ можетъ служить безошибочнымъ указателемъ большей или меньшей недостаточности его цивилизаціи (это нѣсколько напоминаетъ Фурье, но только тотъ взялъ критеріемъ цивилизаціи положеніе женщинъ). Поэтому исторія культуры должна, по мнѣнію Добролюбова, заниматься не столько внѣшними политическими событіями, сколько:—

«Съ одной стороны, правами рабочихъ классовъ, а съ другой—дармоѣдствомъ во всѣхъ его видахъ, въ печальномъ ли табу океанійскихъ дикарей, въ индійскомъ ли браминствѣ, персидскомъ ли сатрапствѣ, римскомъ патриціанствѣ, средневѣковой десятинѣ и феодализмѣ; или въ современныхъ откупахъ, взяточничествѣ, казнокрадствѣ, прихлебательствѣ, служебномъ бездѣльничествѣ, крѣпостномъ правѣ, денежныхъ бракахъ, дамахъ въ камеліяхъ и другихъ подобныхъ явленіяхъ... Дармоѣдство теперь прячется, правда, подъ покровомъ капитала и разныхъ коммерческихъ предпріятій, но тѣмъ не менѣе оно существуетъ вездѣ, эксплуатируя и придавливая бѣдныхъ тружениковъ, которыхъ трудъ не оцѣняется съ достаточной справедливостью» *).

Нѣкогда представителемъ дармоѣдства былъ классъ феодаловъ, но постепенно къ нему присоединялась и буржуазія, «окраина народа, тѣ мѣщане, которыхъ, по мнѣнію г. Бабста, такъ не любятъ наши широкія натуры». Но лишь только мѣщане на себѣ почуяли благодать прогресса,—говоритъ Добролюбовъ,—они постарались прибрать ее къ рукамъ и не пускать дальше въ

*) Русская Цивилизація, сочиненная г. Жеребцовымъ. Соч., II, 293—4.

народъ. И до сихъ поръ массѣ рабочаго сословія во всѣхъ странахъ Европы приходится расплачиваться, напримѣръ, за прогрессъ фабричнаго производства, столь пріятный для мѣщанъ. «Стало быть,—заключаетъ нашъ авторъ,—теперь вся исторія только въ томъ, что актеры перемѣнились, а пьеса разыгрывается все та же». Прежде-городскія общины боролись съ феодалами, стараясь получить свою долю въ благахъ, которыя человѣчество въ своемъ прогрессивномъ движеніи завоевываетъ у природы. Города отчасти успѣли въ этомъ стремленіи, но при этомъ въ правахъ, имъ уступленныхъ, только очень ничтожная доля взята была дѣйствительно отъ феодаловъ; значительную же часть этихъ правъ пріобрѣли мѣщане отъ народа, положеніе котораго и безъ того было очень тяжелымъ: «И вышло то, что рабочій народъ остался подъ двумя гнетами: и стараго феодализма, еще живущаго въ разныхъ формахъ и подъ разными именами во всей западной Европѣ, и мѣщанскаго сословія, захватившаго въ свои руки всю промышленную область. И теперь въ рабочихъ классахъ накипаетъ новое неудовольствіе, глухо готовится новая борьба, въ которой могутъ повториться всѣ явленія прежней» *).

При этомъ выясняется одна любопытная черта, рѣшительно отличающая Добролюбова, какъ и его учителя Чернышевскаго, отъ утопистовъ старой школы. Подобно бланкистамъ и другимъ инстинктивнымъ революціонерамъ, вышедшимъ изъ рядовъ рабочей массы, онъ абсолютно не вѣритъ въ добрую волю и совѣсть господствующихъ классовъ и всѣ свои надежды въ смыслѣ осуществленія справедливости на землѣ возлагаетъ исключительно на движеніе трудящихся массъ и въ частности пролетаріата. Въ этомъ смыслѣ встрѣчающееся у него въ статьѣ о Робертѣ Оуэнѣ выраженіе «бѣдствіе пролетаріата», подобно извѣстному выраженію Чернышевскаго «язва пролетаріата», не должно вводить насъ въ заблужденіе. Конечно, Добролюбовъ, подобно всякому соціалисту, считалъ положеніе пролетаріевъ, принужденныхъ «отдавать свой трудъ въ распоряженіе богатыхъ спекулляторовъ» и въ любую минуту рискующихъ остаться безъ работы, крайне бѣдственнымъ.

*) Отъ Москвы до Лейпцига. Соч., III, 176.

Но это, конечно, не значитъ, чтобы онъ совершенно не понималъ исторической роли пролетаріата, по крайней мѣрѣ, въ промышленныхъ странахъ Западной Европы. Онъ смѣется надъ надеждами либеральнаго экономиста Бабста, будто Европу спасутъ отъ классовой борьбы между пролетаріатомъ и буржуазіей гласность, образованность и прочія блага. Эти наивныя надежды Бабста Добролюбовъ объясняетъ тѣмъ, что тотъ разсматриваетъ событія съ точки зрѣнія обезпеченныхъ среднихъ классовъ.

«О роли народныхъ массъ въ будущей исторіи Западной Европы почтенный профессоръ думаетъ очень мало. Онъ полагаетъ, что для нихъ достаточно будетъ отрицательныхъ уступокъ, уже ассигнованныхъ имъ въ мнѣніи высшихъ классовъ, т.-е. если ихъ не будутъ бить, грабить, морить съ голоду и т. п. Но такое мнѣніе, во-первыхъ, не вполнѣ согласуется съ желаніями западнаго пролетарія, а, во-вторыхъ, и само по себѣ довольно наивно. Какъ будто можно для фабричныхъ работниковъ считать прочными и существенными тѣ уступки, какія имъ дѣлаются хозяевами и вообще капиталистами, лордами, баронами и т. д.... Милостыней не устраивается быть человѣка; тѣмъ, что дано изъ милости, не опредѣляются ни гражданскія права, ни матеріальное положеніе. Если капиталисты и лорды и сдѣлаютъ уступку работникамъ и фермерамъ, такъ или такую, которая имъ самимъ ничего не стоитъ, или такую, которая имъ даже выгодна... Но какъ скоро отъ правъ работника и фермера страдаютъ выгоды этихъ почтенныхъ господъ,—всѣ права ставятся ни во что и будутъ ставиться до тѣхъ поръ, пока сила и власть общественная будутъ въ ихъ рукахъ... И пролетарій понимаетъ свое положеніе гораздо лучше, нежели многіе прекраснодушные ученые, надѣющіеся на великодушіе старшихъ братьевъ въ отношеніи къ меньшимъ... Пройдетъ еще нѣсколько времени, и меньшіе братья поймутъ его еще лучше. Горькій опытъ научаетъ понимать многія практическія истины» (Соч., III, 176—177).

Мы намѣренно привели эту длинную цитату изъ статьи Добролюбова, потому что въ ней совершенно наглядно выступаетъ его строгій соціальный реализмъ, котораго не подкупить никакимъ либеральнымъ прекраснодушіемъ и не смягчить розовой водицей соціалъ-реформатскаго штопанья. Прежде всего Добролюбовъ вообще не возлагаетъ особенныхъ надеждъ на частичныя реформы въ рамкахъ современнаго соціальнаго строя, а затѣмъ

онъ прекрасно знаетъ, что всякая реформа вырывается у господствующаго класса только напоромъ народнаго движенія. «Призовите на помощь исторію, — говоритъ онъ либеральному публицисту: — гдѣ и когда существенныя улучшенія народнаго быта дѣлались просто вслѣдствіе убѣжденія умныхъ людей, не вынужденныя практическими требованіями народа?». Разглагольствованія же о силѣ общественнаго мнѣнія вызываютъ у Добролюбова только презрительное пожиманіе плечъ. «Общественное мнѣніе!». Но, во-первыхъ, мнѣніе «умныхъ», «благожелательныхъ», «прогрессивныхъ», «лучшихъ» и пр. людей сплошь и рядомъ наталкивается на «кирасирское рѣшеніе экономическихъ вопросовъ», т.-е. на грубую физическую силу господствующихъ классовъ, а, во-вторыхъ, «такъ называемое общественное мнѣніе въ Европѣ далеко не есть въ самомъ дѣлѣ общественное убѣжденіе всей націи, а есть обыкновенно (за исключеніемъ весьма рѣдкихъ случаевъ) мнѣніе извѣстной части общества, извѣстнаго сословія или даже кружка, иногда довольно многочисленнаго, но всегда болѣе или менѣе своекорыстнаго». Оттого-то, съ одной стороны, общественное мнѣніе буржуазіи вообще игнорируетъ насущныя нужды низшихъ классовъ, еще безправныхъ и безгласныхъ, а, съ другой стороны, силы стараго самодержавнаго режима не слишкомъ-то смущаются буржуазной оппозиціей, зная, что представители ея сами заинтересованы въ эксплуатаціи народныхъ массъ, а, значитъ, и въ ихъ безправности и безгласности. Этимъ-то молчаливымъ соглашеніемъ между абсолютизмомъ и буржуазіей, установившимся вслѣдствіе усиленія рабочаго движенія, и объясняется, по мнѣнію Добролюбова, сила сопротивленія абсолютизма движенія въ пользу политической свободы.

«Если разсмотрѣть дѣло ближе,—говоритъ онъ,—то и окажется, что между грубымъ произволомъ и просвѣщеннымъ капиталомъ, несмотря на ихъ видимый разладъ, существуетъ тайный невыговоренный союзъ, вслѣдствіе котораго они и дѣлаютъ другъ другу разныя деликатныя и трогательныя уступки, и щадятъ другъ друга, и прощаютъ мелкія оскорбленія, имѣя въ виду одно: общими силами противостоять рабочимъ классамъ, чтобы тѣ не вздумали потребовать своихъ правъ... Самая борьба городовъ съ феодализмомъ была горяча и рѣшительна только до тѣхъ поръ, пока не начала обозначаться предъ тою и другою стороною разница между буржуазіей и работникомъ. Какъ только это

различіе было понято, обѣ враждующія стороны стали сдерживать свои порывы и даже дѣлать попытки къ сближенію, какъ бы въ виду новаго общаго врага. Это повторилось во всѣхъ переворотахъ, постигшихъ Западную Европу, и безъ сомнѣнія это обстоятельство было очень благопріятно для остатковъ феодализма, какъ для партіи уже ослабѣвшей. Но для мѣщанъ эта робость, сдержанность и уступчивость была вовсе не выгодна: вмѣсто того, чтобы окончательно побѣдить слабѣвшую партію и истребить самый принципъ, ее поддерживавшій, они дали ей усилиться изъ малодушнаго опасенія, что придется подѣлиться своими правами съ остальною массою народа. Вслѣдствіе такихъ своекорыстныхъ ошибокъ остатки феодализма и принципы его—произволъ, насиліе и грабежъ—до сихъ поръ еще не совсѣмъ искорены въ Западной Европѣ и часто выказываются то здѣсь, то тамъ въ самыхъ разнообразныхъ, даже цивилизованныхъ формахъ».

Въ основѣ общественныхъ отношеній,—подчеркиваетъ Добролюбовъ,—лежитъ принципъ эксплуатаціи. Съ историческимъ развитіемъ мѣняется только форма этой эксплуатаціи, становясь болѣе ловкою и утонченною, но сущность все-таки остается та же, и вотъ почему необходимо для уничтоженія зла начинать не съ верхушки и побочныхъ частей, а съ основанія. Добролюбовъ рѣшительно отвергаетъ всѣ палліативныя и «половинныя» мѣры, которыя могутъ только повредить. Необходимо уничтожить самый принципъ современнаго общественнаго строя, принципъ эксплуатаціи, и замѣнить его новымъ принципомъ братства и равенства. «Тратиться по мелочамъ рѣшительно не для чего; нужно непремѣнно пустить въ оборотъ весь капиталъ, сколько его найдется».

Ибо его принципомъ всегда было: лучше потерпѣть кораблекрушеніе, чѣмъ увязнуть въ тинѣ.

II. Крѣпостное право, абсолютизмъ, либерализмъ.

Естественно, что къ тогдашнимъ русскимъ соціально-политическимъ отношеніямъ Добролюбовъ не могъ относиться иначе, какъ съ крайней враждой, и эту вражду онъ распространялъ также на всѣхъ тѣхъ, кто вольно или невольно являлся пособникомъ царившаго на Руси зла. И прежде всего Добролюбовъ страстно

ненавидѣлъ тогдашній русскій политическій режимъ, въ атмосферѣ котораго задыхалось все честное и живое. Съ нескрываемой злобой говоритъ онъ о «разныхъ неблагопріятныхъ петербургскихъ вліяніяхъ», губящихъ нѣжные ростки молодой общественности. Онъ чувствуетъ «глубокую, непримиримую ненависть къ тѣмъ вліяніямъ, которыя такъ задерживаютъ и искажаютъ нормальное развитіе личности», ко всѣмъ принципамъ, на которыхъ построено темное царство. Абсолютизмъ—вотъ врагъ, но вѣдь этотъ абсолютизмъ представляетъ лишь политическую оболочку того ненавистнаго соціальнаго явленія, которое, подъ названіемъ крѣпостного права, проникло во всѣ поры національнаго организма и отравило его. Поэтому первые и наиболѣе жестокіе удары должны достаться этому главному, изначальному злу русской исторіи, которое, даже послѣ своей юридической отмѣны, долго еще будетъ вліять на нашу общественную жизнь и на наши житейскія отношенія. Главная задача русской литературы это—бороться со всѣми идейными и матеріальными пережитками крѣпостного права, «преслѣдовать остатки крѣпостного права въ общественной жизни и добивать порожденныя имъ понятія, возводя ихъ къ коренному ихъ началу».

Мы видѣли выше, что уничтоженіе крѣпостного права Добролюбовъ считалъ первымъ шагомъ къ національному освобожденію, признавая эмансипацію рабовъ болѣе насущной и настоятельной задачей, чѣмъ завоеваніе даже политическихъ вольностей. Въ настоящій моментъ будетъ совершенно безплоднымъ дѣломъ поднимать споръ о томъ, можно ли и слѣдуетъ ли логически отдѣлять эти два момента въ демократической программѣ. Исторически они, во всякомъ случаѣ, оказались раздѣленными на полвѣка. Для насъ важно лишь указать, съ какой жгучей страстью тогдашніе демократы относились къ вопросу о превращеніи русскаго крестьянина изъ крѣпостного раба въ свободнаго гражданина, могущаго хотя бы и въ узкихъ предѣлахъ, допускаемыхъ административнымъ строемъ, располагать своей личностью. А какъ отзывался на этотъ больной вопросъ Добролюбовъ, видно изъ инцидента, о которомъ разсказывается въ матеріалахъ для его біографіи, собранныхъ Чернышевскимъ.

Въ одной изъ комнатъ Педагогическаго Инс. Чтута въ началѣ

1857 года собралось нѣсколько студентовъ, въ томъ числѣ и Добролюбовъ. Явился какой-то студентъ, который, какъ помѣщикъ, слылъ аристократомъ среди этихъ голышей. Передавая слухъ о предстоящемъ освобожденіи крестьянъ, этотъ господинъ высказалъ мнѣніе, что Россія еще не созрѣла для такой реформы, причемъ выразилъ неудовольствіе по поводу грозящихъ ему, какъ помѣщику, убытковъ вслѣдствіе освобожденія крѣпостныхъ. Здѣсь Добролюбовъ, обыкновенно отличавшійся удивительнымъ самообладаніемъ, не выдержалъ; блѣдный, вскочилъ онъ со своего мѣста и неистовымъ голосомъ, какого до сихъ поръ никто не слыхалъ отъ него, закричалъ: «Господа, гоните этого подлеца вонъ! Вонъ, бездѣльникъ! Вонъ, безчестье нашей камеры!»

Въ этой сценѣ есть положительно нѣчто символическое. И впослѣдствіи, сдѣлавшись вліятельнымъ литераторомъ и властителемъ думъ молодого поколѣнія, онъ съ той же жгучей ненавистью продолжалъ относиться ко всякому гнету и эксплуатаціи и ко всѣмъ тѣмъ, кто изъ личныхъ или групповыхъ видовъ готовъ былъ мириться съ царящимъ зломъ или даже поддерживать его. И сквозь блестящій стиль его страстныхъ статей, написанныхъ въ буквальномъ смыслѣ кровью сердца и сокомъ нервовъ. намъ слышится, хотя и заглушенный цензурнымъ намордникомъ, неистовый голосъ великаго энтузіаста, зовущій къ беззавѣтной борьбѣ съ темными силами жизни.

Съ какимъ убійственнымъ сарказмомъ охарактеризовано имъ царящее на Руси безправіе и гнетъ въ знаменитомъ сравненіи угнетенной Болгаріи со свободной Россіей.

«Болгарія порабощена, она страдаетъ подъ турецкимъ игомъ. Мы, слава Богу, никѣмъ не порабощены, мы свободны, мы—великій народъ, не разъ рѣшавшій своимъ оружіемъ судьбы царствъ и народовъ; мы владѣемъ другими, а нами никто не владѣетъ... Въ Болгаріи нѣтъ общественныхъ правъ и гарантій... Россія, напротивъ того, государство благоустроенное: въ ней существуютъ мудрые законы, охраняющіе права гражданъ и опредѣляющіе ихъ обязанности; въ ней царствуетъ правосудіе, процвѣтаетъ благодѣтельная гласность. Церквей ни у кого не отнимаютъ и вѣры не стѣсняютъ рѣшительно ничѣмъ, а, напротивъ, поощряютъ ревность проповѣдниковъ въ обличеніи заблудшихъ; правъ и земель не только не отнимаютъ, но еще даруютъ ихъ тѣмъ,

кто не имѣлъ доселѣ; въ вид стада никого не гонятъ... У насъ есть законы для всѣхъ равные и нелицепріятно наказывающіе преступленіе!» (Соч., III, 283-4)

Всѣ отрицательныя черты присущія старому режиму, всю свойственную ему некультурность, начальническую грубость и дикость, все пагубное вліяніе его на общество, на отдѣльныхъ лицъ и на цѣлые классы Добролюбовъ сконцентрировалъ въ могучемъ образѣ «темнаго царства», охватившаго своими щупальцами многострадальную русскую жизнь и жадно пьющаго ея жизненные соки. «Ничего святого, ничего чистаго, ничего праваго въ этомъ темномъ мірѣ: господствующее надъ нимъ самодурство—дикое, безумное, неправое—прогнало изъ него всякое сознаніе чести и права. И не можетъ быть ихъ тамъ, гдѣ поверженно въ прахъ и нагло растоптано самодурами человѣческое достоинство, свобода личности вѣра въ любовь, и счастье и святыня честнаго труда» Сущность темнаго царства заключается въ дикомъ, безправномъ самовольствѣ однихъ надъ другими. Темное царство это война всѣхъ противъ всѣхъ: война жены съ мужемъ, мужа съ женою, родителей съ дѣтьми, дѣтей съ родителями, хозяевъ съ приказчиками, начальниковъ съ подчиненными. «И всѣ эти люди воюютъ общими силами противъ людей честныхъ, которые могутъ открыть глаза угнетеннымъ труженикамъ и научить ихъ громко и настоятельно предъявить свои права». Однимъ словомъ, это всестороннее осадное положеніе. Вся ложь, все зло темнаго царства «тяготѣетъ страданіями и лишеніями именно только надъ тѣми, которые слабы, изнурены и необезпечены въ жизни; для людей же сильныхъ и богатыхъ та же самая ложь служитъ къ услажденію жизни». Отсутствіе всякаго закона, всякой логики—вотъ законъ и логика темнаго царства. Это не анархія, но нѣчто гораздо худшее. «Вообразите, что анархическое общество раздѣлилось на двѣ части: одна оставила за собою право озорничать и не знать никакого закона, а другая принуждена признавать закономъ всякую претензію первой и безропотно сносить всѣ ея капризы, всѣ безобразія». Такимъ образомъ,—говоритъ Добролюбовъ,—имѣя общимъ съ анархіей отсутствіе всякаго закона и права, обязательнаго для всѣхъ, самодурство, въ сущности, несравненно ужаснѣе анархіи, потому что даетъ озорничеству больше средствъ и простора и заставляетъ страдать

большее число людей. Съ другой стороны, оно опаснѣе ея еще въ томъ отношеніи, что можетъ держаться гораздо дольше Анархія (если она вообще возможна) можетъ служить только переходнымъ моментомъ къ болѣе раціональному устройству; самодурство, напротивъ, стремится узаконить себя и установить какъ незыблемую систему. Оттого оно вмѣстѣ съ самымъ широкимъ понятіемъ о своей собственной свободѣ старается принять всѣ возможныя мѣры, чтобы сохранить эту свободу навсегда только за собой и оградить себя отъ всякихъ посягательствъ. При этомъ жертвы темнаго царства всѣмъ своимъ положеніемъ, всей своей жизнью подъ гнетомъ произвола пріучены уже мириться съ безотчетностью и безсмысліемъ въ общественной жизни и потому находятъ неловкимъ и даже дерзкимъ настойчиво допскиваться разумныхъ основаній въ чемъ бы то ни было. Если же какой нибудь смѣльчакъ вздумаетъ упорствовать въ своей критикѣ, то темное царство быстро расправится съ нимъ своими специфическими средствами. «Поневолѣ тутъ резонировать перестанешь, когда на всякій резонъ кулакъ отвѣчаетъ, и всегда, въ концѣ-концовъ, кулакъ остается правымъ».

Темное царство не только угнетаетъ и убиваетъ свои жертвы, но, что гораздо ужаснѣе, оно ихъ обезличиваетъ и дѣлаетъ неспособными къ протесту. Въ какихъ бы умѣренныхъ формахъ самодурство ни выражалось, въ какую бы кроткую опеку ни переходило, оно все-таки ведетъ къ обезличенію людей, подвергшихся его вліянію. Отрицая права личности, кладя страхъ и покорность въ основу воспитанія и нравственности, принципы темнаго царства только и могутъ влечь за собою произволъ, угнетеніе и обманъ. Но что ужаснѣе всего, въ обществѣ, воспитанномъ подъ вліяніемъ этихъ принциповъ, нѣтъ рѣшимости на борьбу, нѣтъ способности къ энергичному протесту. И если темное царство, столь гибельное для угнетенной массы и благопріятствующее только кучкѣ насильниковъ и эксплуататоровъ, все-таки сохраняется, то объясняется это множествомъ исторически сложившихся причинъ, изъ которыхъ Добролюбовъ отмѣчаетъ чувство законности, парализующее назрѣвающій протестъ, засимъ матеріальную зависимость массы отъ господствующаго класса, наконецъ, историческую косность и неподвижность темнаго царства, стоящаго въ сторонѣ отъ кипучей свалки историческаго прогресса. «Они (жи-

тели волжскаго городка) больше проводятъ время у себя дома, занимаются хозяйствомъ, кушаютъ, спятъ, — спать ложатся очень рано, такъ что непривычному человѣку трудно и выдержать такую сонную ночь, какую они задаютъ себѣ. Но что же имъ дѣлать, какъ не спать, когда они сыты? Ихъ жизнь течетъ ровно и мирно, никакіе интересы міра ихъ не тревожатъ, потому что не доходятъ до нихъ; царства могутъ рушиться, новыя страны открываться, лицо земли можетъ измѣниться какъ ему угодно, міръ можетъ начать новую жизнь на новыхъ началахъ, —обитатели городка Калинова будутъ себѣ существовать по прежнему въ полнѣйшемъ невѣдѣніи объ остальномъ мірѣ». Всякая попытка идти наперекоръ убѣжденіямъ этой темной массы, ужасной въ своей наивности и искренности, фатально обречена на плачевное фіаско. Масса проклянетъ смѣльчаковъ, будетъ бѣгать отъ нихъ, какъ отъ зачумленныхъ, не по злобѣ, не по расчету, а по глубокому убѣжденію въ томъ, что новаторы сродни антихристу; въ лучшемъ случаѣ она сочтетъ ихъ полоумными и станетъ надъ ними подсмѣиваться.

Совершенно очевидно, что подъ видомъ критики купеческаго быта, какъ онъ отразился въ комедіяхъ Островскаго, Добролюбовъ подвергаетъ убійственному анализу основныя черты соціально-политической физіономіи стараго режима и блестяще характеризуетъ ту психику и то настроеніе, которыя въ послѣднее время получили названіе черносотенства. Онъ всячески даетъ понять читателю, что самодурство въ національномъ масштабѣ какъ разъ и превращается въ деспотическій режимъ. Психика Торцова есть та же психика восточнаго султана, располагающаго неограниченной властью.

«Разница только въ размѣрахъ, а сущность дѣла та же самая въ словахъ Торцова. Дай ему какой нибудь халифатъ, онъ и тамъ сталъ бы распоряжаться такъ же точно, какъ теперь въ своемъ семействѣ. Дурилъ бы, презирая всѣ человѣческія права и не признавая другихъ законовъ, кромѣ своего произвола, а подчасъ удивлялъ бы своимъ великодушіемъ, основаннымъ опять-таки на той мысли, что «вотъ, дескать, смотрите, у васъ правъ никакихъ нѣтъ, а на все моя полная воля; могу казнить, могу и миловать!».

«Конечно,—поясняетъ Добролюбовъ въ другомъ мѣстѣ,— купеческіе самодуры сердиты, да не сильны, и общество очень

много отъ нихъ страдать не можетъ. Но родовыя черты самодурства остаются тѣ же во всѣхъ сферахъ, и чѣмъ сфера обширнѣе, тѣмъ самодурство ужаснѣе и вреднѣе. Прозрачно намекая на болѣе широкую сферу проявленій самодурныхъ принциповъ, онъ говоритъ: «Личность самодура ставится здѣсь центромъ всего нравственнаго міра; отъ нея все исходитъ, и къ ней все должно возвращаться. Нѣтъ никакихъ правъ, кромѣ милости самодура, никакихъ нравственныхъ правилъ, кромѣ угожденія его волѣ... Такимъ образомъ, вопросъ о законности ставится здѣсь съ безстыдной прямотой: законъ есть ничто иное, какъ воля самодура, и всѣ должны ей подчиняться, а онъ не долженъ стѣсняться ничѣмъ... Каково жить людямъ подъ такою моралью!».

Въ сферѣ бюрократической самодурство еще гаже и возмутительнѣе, чѣмъ въ купеческомъ быту, потому что здѣсь дѣло идетъ объ общихъ интересахъ и прикрывается именемъ права и закона.

«Кромѣ того, здѣсь мы видимъ уже безчисленное множество оттѣнковъ и степеней; и чѣмъ выше, тѣмъ самодурство становится наглѣе внутренно и гибельнѣе для общаго блага, но благообразнѣе и величавѣе въ своихъ формахъ»

Это ужъ, кажется, довольно ясно, но какъ бы не желая оставить въ умѣ читателя мѣста ни для какихъ сомнѣній, Добролюбовъ неоднократно подчеркиваетъ, что онъ говоритъ о самодурствѣ «въ обширномъ значеніи слова», что принужденъ держаться «отчасти метафорическаго способа выраженія», и что по требованію самого предмета онъ долженъ былъ взять для своей статьи «фигуральную форму». То же, что авторъ никакъ не могъ удовлетворительно изложить и въ этой фигуральной формѣ, онъ предпочелъ пока вовсе оставить въ сторонѣ, но при этомъ онъ выражалъ надежду, что читатель, внимательно слѣдившій за его статьями, самъ сдѣлаетъ надлежащіе выводы и заключенія.

И онъ былъ, конечно, правъ. Читатель-другъ, умѣвшій читать между строкъ, прекрасно понималъ, къ чему клонитъ его любимый писатель. Вмѣстѣ съ нимъ онъ привѣтствовалъ приближающійся конецъ темнаго царства, вмѣстѣ съ нимъ онъ жадно ловилъ симптомы разложенія печальнаго режима, вмѣстѣ съ нимъ онъ благословлялъ «другую жизнь», которая выросла, не спросясь самодуровъ, и хотя далеко она еще и не видна хоро-

шенько, но уже даетъ себя предчувствовать и пробуждаетъ смутную тревогу въ душѣ насильниковъ. Вмѣстѣ съ нимъ онъ всѣми силами призывалъ «новое движеніе народной жизни», отраженіе котораго Добролюбовъ усмотрѣлъ въ характерѣ Катерины изъ «Грозы»: въ этой личности онъ видѣлъ уже возмужалое, изъ глубины всего организма возникающее «требованіе права и простора жизни». Вмѣстѣ съ нимъ онъ радостно констатировалъ, что «отовсюду возникаютъ требованія, враждебныя ихъ (самодуровъ) произволу и грозящія имъ борьбою съ пробуждающимся здравымъ смысломъ огромнаго большинства человѣчества». Вмѣстѣ съ нимъ онъ признавалъ Катерину представительницей «великой народной идеи» протеста, и вмѣстѣ съ нимъ онъ понималъ, что противъ самодурства можно дѣйствовать только силой, ибо никакихъ резоновъ самодурство не понимаетъ: «ясно, что его никакія разумныя убѣжденія не остановятъ до тѣхъ поръ, пока съ ними не соединяется осязательная для него внѣшняя сила». И хотя онъ вмѣстѣ съ авторомъ прекрасно зналъ, что самодурство не отдастъ «свое значеніе и свою силу безъ сопротивленія», тѣмъ не менѣе для всѣхъ, имѣвшихъ очи, чтобы видѣть, и уши, чтобы слышать, ясно было, что самодурство, недавно еще столь прочное и державшееся чуть ли не всеобщимъ согласіемъ, послѣ Крымской войны зашаталось, и казалось, что нужна лишь рѣшимость и энергія для того, чтобы смѣлымъ натискомъ спровадить чудовище самодурства въ царство тѣней и разъ навсегда «зачислить его по химіи».

Но для этого нужна была именно рѣшимость. Во всѣхъ своихъ статьяхъ Добролюбовъ не устаетъ развивать эту мысль, варьируя ее на всѣ лады, выворачивая и освѣщая ее со всѣхъ сторонъ, стараясь вселить въ читателя убѣжденіе, что всѣ частичныя реформы, абсурдны, нелѣпы и вредны, что прогнившее насквозь зданіе самодурства подлежитъ радикальной ломкѣ и сносу. Поражать зло надо въ самой его сущности, не переставая твердилъ онъ молодому поколѣнію, и «безполезны въ практическомъ отношеніи всѣ нападки на частныя проявленія зла безъ уничтоженія самаго корня его». А въ чемъ, по мнѣнію Добролюбова, заключается этотъ корень, мы видѣли раньше: это—крѣпостничество во всѣхъ его соціальныхъ, психологическихъ и политическихъ проявленіяхъ, въ частности режимъ политическаго

Гос. Центр. Историческая Библиотека

самодурства, чудовищный Левіафанъ, котораго нужно поразить въ первую голову.

Но откуда возьмутся дѣятели, способные осуществить эту историческую задачу? На либераловъ кружокъ «Современника», и въ особенности Добролюбовъ, возлагалъ очень мало надеждъ не только потому, что либералы меньше всего заботятся о народныхъ интересахъ и преслѣдуютъ чисто буржуазныя цѣли, но и (и даже главнымъ образомъ) потому, что они совершено неспособны къ энергичной борьбѣ даже за свои ограниченныя цѣли, и еще въ колыбели поражены параличемъ воли. Извѣстно, съ какой безпощадностью Добролюбовъ бичевалъ дряблость и безхарактерность русскаго, такъ называемаго, «образованнаго общества», съ какой злостью (и что еще болѣе раздражало ихъ, съ какимъ талантомъ и съ какой мѣткостью) онъ высмѣивалъ политическую невоспитанность, ребяческія увлеченія и неосновательную восторженность тогдашнихъ либераловъ. И подобно тому, какъ всѣ отрицательныя черты политическаго самодурства онъ объединилъ въ образѣ темнаго царства, онъ создалъ для характеристики всѣхъ недостатковъ современнаго ему россійскаго либерализма не менѣе яркій образъ о б л о м о в щ и н ы, въ которомъ органически соединились: барство, дармоѣдство, бездѣльничество, неспособность къ живому дѣлу и полнѣйшая безхарактерность. Обезкураживающую дряблость россійскаго либерализма Добролюбовъ объясняетъ его барскимъ происхожденіемъ. Крѣпостное право, извращавшее душу народную, въ еще большей степени калѣчило и уродовало душу рабовладѣльца. Старый русскій либералъ, представитель «образованнаго общества», человѣкъ 40-хъ годовъ, это прежде всего, баринъ, у котораго «есть Захаръ и еще 300 Захаровъ», который привыкъ поэтому къ бездѣлью и сибаритству и не способенъ къ серьезнымъ усиліямъ и проявленію энергіи. «Когда онъ вырастаетъ, онъ дѣлается Обломовымъ съ большей или меньшей долей его апатичности и безхарактерности, подъ болѣе или менѣе искусной маской, но всегда съ однимъ неизмѣннымъ качествомъ—отвращеніемъ отъ серьезной и самобытной дѣятельности». Эти люди одержимы, своего рода, «нравственнымъ рабствомъ». Они страдаютъ отъ того, что не видятъ цѣли въ жизни и не находятъ себѣ приличной дѣятельности; безпомощно мечутся они изъ стороны въ сторону, но изъ ихъ усилій ничего не выходитъ: «надъ

всѣми этими лицами тяготѣетъ одна и та же обломовщина, которая кладетъ на нихъ неизгладимую печать бездѣльничества, дармоѣдства и совершенной ненужности на свѣтѣ». Они неспособны къ «страшной смертельной борьбѣ съ обстоятельствами, которыя ихъ давили», и съ ужасомъ отступаютъ передъ приглашеніемъ къ дѣйствительно серьезной работѣ, къ практическому осуществленію ими же проповѣдывавшихся отвлеченныхъ началъ. На отравленной почвѣ темнаго царства не могли вырасти сильные характеры, дѣйствительные носители гражданской доблести.

«Рѣшимся выговорить слово правды: цѣлыя поколѣнія жили и прожили у насъ, не сдѣлавъ ничего путнаго и показавъ только, что они не годны къ настоящему дѣлу потому именно, что въ ихъ понятіяхъ и привычкахъ всегда бродила закваска крѣпостныхъ воззрѣній, и вся жизнь ихъ слагалась съ самаго начала подъ вліяніемъ крѣпостного устройства».

Не довольствуясь критикой умѣреннаго либерализма въ «серьезныхъ» статьяхъ, гдѣ онъ вмѣстѣ съ Чернышевскимъ неустанно разоблачалъ барско-либеральное прекраснодушіе и торжественно-напыщенное разглагольствованіе о русскомъ прогрессѣ, Добролюбовъ завелъ при «Современникѣ» знаменитое сатирическое приложеніе «Свистокъ». Въ этомъ «Свисткѣ», который составлялся почти исключительно Добролюбовымъ, въ стихахъ и въ прозѣ безжалостно вышучивалась либеральная восторженность, умѣренность, аккуратность и, набившая въ тѣ времена оскомину, беззубая «гласность» и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наглядно доказывалось, что вопреки оптимистическому кликушеству либераловъ ладья русскаго прогресса не только не пошла полнымъ ходомъ впередъ, но продолжаетъ, какъ и прежде, преблагополучно торчать въ старомъ историческомъ болотѣ.

Извѣстно, что обличительная кампанія Добролюбова и Чернышевскаго противъ либераловъ вызвала вмѣшательство Герцена, который, подъ вліяніемъ Кавелина и К°, рѣзко обрушился на революціонный кружокъ «Современника» преслозутой статьей «Very dangerous». въ № 44 «Колокола», 1859 г. Въ этой неудачной и безтактной статьѣ Герценъ, причислявшій самого себя къ людямъ 40-хъ годовъ и косвенно задѣтый нападками нашихъ радикаловъ, отказывался принять взгляды Черны-

шевскаго и Добролюбова за выраженіе общественнаго мнѣнія и намекалъ на то, что ихъ статьи внушены имъ правительствомъ. Особенно возмущало Герцена несправедливое, по его мнѣнію, отношеніе «желчевиковъ» (т.-е. радикаловъ) къ «лишнимъ людямъ», къ людямъ 40-хъ годовъ, которые при всѣхъ своихъ недостаткахъ принесли все-таки извѣстную пользу въ качествѣ первыхъ пропагандистовъ освободительныхъ идей въ Россіи, и если не сдѣлали больше, то сплошь и рядомъ въ виду внѣшнихъ препонъ.

Но этого Добролюбовъ и не отрицалъ. Конечно, въ качествѣ страстной натуры и бойца, истекающаго горячей кровью за дорогое ему дѣло, онъ могъ въ отдѣльныхъ случаяхъ увлекаться, преувеличивать и высказывать несправедливыя сужденія. Ибо кто въ пылу битвы взвѣшиваетъ силу удара? Но въ качествѣ историческаго детерминиста, онъ прекрасно зналъ и неоднократно высказывалъ, что личность есть продуктъ среды, и что промахи людей часто зависятъ не отъ ихъ воли, а отъ обстоятельствъ. Если онъ съ точки зрѣнія активнаго общественнаго дѣятеля строго осуждалъ Бельтовыхъ и Рудиныхъ, какъ лишнихъ людей, неспособныхъ къ героическому усилію, то, становясь на почву историка общественныхъ настроеній, онъ иначе относился къ «сборамъ на борьбу и страданіямъ героя, хлопотавшаго о побѣдѣ своихъ началъ, и къ его паденію передъ подавляющею силою людской пошлости». И онъ опредѣленно признавалъ, что въ свое время эти люди сдѣлали свое и далеко не безполезное дѣло:

«Они были вносители новыхъ идей въ извѣстный кругъ, просвѣтители пропагандисты,—хоть для одной женской души, да пропагандисты. За это ихъ очень хвалили, и точно—въ свое время, они, видно, очень нужны были, и дѣло ихъ было очень трудно, почтенно и благотворно. Не даромъ же всѣ встрѣчали ихъ съ такой любовью, такъ сочувствовали ихъ душевнымъ страданіямъ, такъ жалѣли объ ихъ безплодныхъ усиліяхъ». Но наступили новыя времена. Теперь роль благожелательныхъ, но безпочвенныхъ идеалистовъ уже сыграна. «Нужно уже нѣчто другое, нужно идти дальше».

Послѣ того, какъ періодъ подготовительный, періодъ пропагандисткій законченъ, должна наступить полоса активныхъ историческихъ дѣйствій: «послѣ періода сознанія извѣстныхъ идей и стремленій долженъ являться въ обществѣ періодъ ихъ

осуществленія; за размышленіями и разговорами должно слѣдовать дѣло». Ту же мысль Добролюбовъ настойчиво развиваетъ въ статьѣ «Благонамѣренность и дѣятельность», написанной по поводу повѣстей и разсказовъ Плещеева,—Намъ теперь,—говоритъ онъ,—вовсе не нужны люди съ хорошими мечтами и съ идиллическими ожиданіями. «Прекраснымъ стремленіямъ души мы не придаемъ никакого практическаго значенія, пока они остаются только стремленіями; да, мы цѣнимъ только факты, только по дѣйствіямъ признаемъ достоинство людей.

Но кто же будетъ совершать эти необходимыя историческія дѣйствія? Конечно, не выходцы изъ Обломовки, надъ которою Добролюбовъ произнесъ судъ безпощадный; и не умѣренно-аккуратные и добродѣтельные Штольцы, которые поспѣшили успокоиться на своемъ одинокомъ, отдѣльномъ исключительномъ счастьи и, судя по этому, не доросли еще до идеала русскаго общественнаго дѣятеля («да и нельзя еще: рано»,—прибавляетъ Добролюбовъ). Кто же, наконецъ, сдвинетъ съ мѣста колесницу русскаго прогресса всемогущимъ словомъ: «впередъ!», о которомъ такъ мечталъ Гоголь, и котораго такъ давно и томительно ожидаетъ Русь? Расчитывать на добрую волю господствующихъ классовъ—безуміе: никогда цѣпь добровольно не распадается на узникѣ, ее нужно разорвать силой. Столь же мало надеждъ можно возлагать на безсильный, малодушный либерализмъ, уже идущій на всякіе уступки и компромиссы и этимъ поддерживающій господство дикаго самодурства. Всѣ свои надежды Добролюбовъ возлагаетъ на молодое поколѣніе и на народную массу: соединеніе этихъ двухъ элементовъ новой жизни и должно положить конецъ темному царству и заложить основы свободнаго и разумнаго общества, построеннаго на принципахъ братства и равенства.

III. Народъ и освободительное движеніе.

Въ 1859 году (май—статья объ Обломовщинѣ, іюль и сентябрь—статьи о Темномъ Царствѣ) Добролюбовъ еще не вѣритъ въ непосредственную близость движенія. Ему кажется, что темное царство настолько искалѣчило свои жертвы, что они уже неспособны къ массовому и рѣшительному протесту, и что, въ

сущности, изъ этого тупого переулка нѣтъ выхода, по крайней мѣрѣ, въ ближайшее время. Онъ находитъ, что Гончаровъ слишкомъ ранѣ рѣшился похоронить обломовщину и сказать ей надгробное слово. Обломовка, наша родина, жива и долго еще будетъ, подобно болоту, засасывать всѣ живыя силы. Но это пессимистическое настроеніе Добролюбова скоро измѣняется, и въ 1860 году (мартъ—статья о «Наканунѣ», октябрь—статья о «Грозѣ») онъ уже вѣритъ въ неотвратимое приближеніе освободительнаго поворота, уже ловитъ чутко настороженнымъ ухомъ отдаленные глухіе раскаты надвигающейся грозы. Теперь ему кажется, что «тоска ожиданія, которая давно уже томитъ русское общество», готова разсѣяться. Съ одной стороны здѣсь дѣйствовали чисто русскія условія: уже выяснившійся къ тому моменту характеръ крестьянской реформы, неспособной дать удовлетвореніе народнымъ стремленіямъ и чаяніямъ, и растущая, въ связи съ этимъ, смѣлость крайней оппозиціи.

И вотъ Добролюбовъ вмѣстѣ со своимъ скептическимъ другомъ Чернышевскимъ начинаетъ надѣяться на возможность движенія въ Россіи. Въ дневникѣ Левицкаго*) изложены бесѣды Добролюбова (Левицкаго) съ Чернышевскимъ (Волгинымъ), причемъ послѣдній излагалъ свои глубокія, но подернутыя дымкой безнадежнаго скептицизма мысли, а первый не всегда соглашался и возражалъ. Волгинъ говорилъ, что, вѣроятно, скоро гдѣ-нибудь въ Европѣ, вѣроятнѣе всего во Франціи, подымется буря и пойдетъ гулять по остальной Европѣ, какъ было въ 1848 году. Въ 1830 году буря прошумѣла только по западной Германіи, въ 1848 году захватила Вѣну и Берлинъ; судя по этому, надобно думать, что въ слѣдующій разъ она захватитъ Петербургъ и Москву. Къ этому времени и должна приберечь себя молодежь, чтобы было кому говорить во имя народа.

Но съ такою ролью, отводимой молодежи, Добролюбовъ, считавшій себя выразителемъ взглядовъ дѣйствующаго молодого поколѣнія, согласиться, конечно, не могъ. Вѣдь всѣ его статьи какъ разъ и представляютъ несмолкаемый бурный протестъ противъ нерѣшительности и выжидательной тактики и сплошной

*) Вторая часть «Пролога» (см. соч. Чернышевскаго, т. X, ч. 1).

гимнъ энергіи, рѣшимости и активности. Онъ не могъ опровергнуть пессимистическихъ разсужденій своего болѣе опытнаго и ученаго друга, но чувствовалъ, что въ спорахъ съ Волгинымъ у него была сильная сторона, а именно дѣйственный порывъ къ практической работѣ. Онъ говоритъ:

«Но въ одномъ я былъ правѣе Волгина: никакое положеніе дѣлъ не оправдываетъ бездѣйствіе; всегда можно дѣлать что-нибудь не совершенно безполезное; всегда надобно дѣлать все, что можно. Объ это разбивались всѣ его насмѣшки надъ его собственною дѣятельностью, которая кажется ему пустою, и надъ моими стремленіями къ такой же работѣ—положимъ, и дѣйствительно мелкой, жалкой».

Мелкой и жалкой Добролюбовъ готовъ, въ припадкѣ меланхоліи, признать свою литературную работу, но отнюдь не порывъ къ воплощенію своихъ идей въ жизни, — разсужденія, но не дѣло. Пусть даже попытка къ практическому осуществленію идеи рискуетъ закончиться неудачей, она все-таки должна быть сдѣлана, иначе «дѣятели» не исполнятъ своей обязанности передъ обществомъ: «элементъ общественный вступилъ въ свои права, — пишетъ онъ въ статьѣ о разсказахъ Плещеева,—и мы должны разсматривать себя какъ членовъ общества, обязанныхъ что-нибудь дѣлать для него, такъ какъ иначе мы будемъ ему вредны уже однимъ своимъ тунеядствомъ».

Общество понимается здѣсь, конечно, въ широкомъ смыслѣ, а не въ смыслѣ «общества» въ ковычкахъ или, такъ называемаго, «образованнаго общества», къ которому, какъ мы уже видѣли, Чернышевскій и Добролюбовъ относились крайне отрицательно. И какъ бы плохо ни было это общество, попытка все-таки должна быть сдѣлана, она не можетъ не быть сдѣлана, потому что этого перехода къ дѣйствію властно требуетъ сама натура дѣйствующаго молодого поколѣнія. Проживая въ глухой провинціи, Добролюбовъ-Левицкій вспоминаетъ бесѣды со своимъ учителемъ Чернышевскимъ-Волгинымъ.

«Въ головѣ Петербургъ, журналистика, наши либералы и Волгинъ, съ вялою усмѣшкою говорящій: «Эхъ, вы! Ну, какое пиво сваришь съ этой сволочью?» И возражаешь Волгину: «Гдѣ же, когда же общество не было толпою сволочи? А между тѣмъ

порядочные люди всегда и вездѣ работали».—«Натурально, по глупости; всегда и вездѣ умные люди были глупы, Владиміръ Алексѣевичъ. Что за радость толочь воду?—продолжалъ Волгинъ свои вялые сарказмы:—исторія движется не тѣмъ, не мыслями и работою умныхъ людей, а глупостями дураковъ и невѣждъ. Умнымъ людямъ не для чего тутъ мѣшаться; глупо мѣшаться не въ свое дѣло, повѣрьте». Отвѣчаешь ему и на это: «Вопросъ не въ томъ, умно ли мѣшаться, а въ томъ, можешь ли не мѣшаться? Умно ли моему тѣлу дрожать отъ холода, умно ли моей груди чувствовать стѣсненіе въ удушающемъ газѣ? Глупо. Лучше бы для меня, если бы иначе; но такова моя природа: дрожу отъ холода, негодую на подлость, и если нечѣмъ пробить стѣну душной тюрьмы, буду биться въ нее лбомъ,—пусть она не пошатнется, такъ хоть онъ разобьется—все-таки я въ выигрышѣ». Вижу вялую улыбку, вижу покачиваніе головы: «Эхъ, Владиміръ Алексѣевичъ, натурально въ этомъ смыслѣ вы говорите справедливо, но повѣрьте, не стоитъ имѣть такія чувства».—«Не въ томъ дѣло, стоитъ ли имѣть, а въ томъ, что имѣешь ихъ».

Психологія молодого поколѣнія складывалась изъ двоякихъ элементовъ. Во-первыхъ, сюда входило то, что впослѣдствіи получило названіе долга передъ народомъ и составило отличительную черту, такъ называемаго, «кающагося дворянина».

«Всѣ эти поколѣнія,—говоритъ Добролюбовъ,—прожившія свою жизнь даромъ, на счетъ другихъ—всѣ они должны были бы почувствовать стыдъ, горькій стыдъ при видѣ самоотверженнаго безкорыстнаго труда своихъ крестьянъ... Горькое и тяжелое чувство сдавливаетъ грудь при воспоминаніяхъ о давно минувшихъ несправедливостяхъ и насиліяхъ» *).

И, дѣйствительно, часть молодыхъ выходцевъ изъ помѣщичьяго класса почувствовала стыдъ при видѣ страданія эксплуатируемаго народа и пыталась, принося себя въ жертву, искупить хоть часть исторической вины, великаго историческаго грѣха передъ народной массой. Но другая, наиболѣе многочисленная и активная часть молодого поколѣнія не имѣла ничего общаго съ эксплуататорскимъ классомъ, а сама вышла изъ среды низшихъ или, точнѣе, среднихъ классовъ, мѣщанъ, духовенства, низшаго

*) Деревенская жизнь помѣщика въ старые годы. Соч., I, 326.

чиновничества и т. п. Это были, такъ называемые, «разночинцы». Въ нихъ говорилъ не голосъ покаянія за грѣхи, которыхъ они не совершали, а протестъ противъ всяческихъ несправедливостей, которымъ они сами подвергались въ классовомъ и сословномъ обществѣ. Въ нихъ преобладаетъ бодрый духъ поднимающагося класса, дерзкая удаль, вызовъ судьбѣ, готовность сыграть съ капризной исторіей вабанкъ. Ихъ сочувствіе къ униженнымъ и оскорбленнымъ базируется не на чувствѣ жалости или раскаянія, а подсказано здоровымъ соціальнымъ эгоизмомъ, чувствомъ классоваго самосохраненія.

Эти люди соединяютъ «съ справедливостью и возвышенностью стремленій честную и неутомимую дѣятельность». Боль о чужомъ страданіи, протестъ противъ соціальной и политической эксплуатаціи соединяется въ нихъ съ жаждою дѣятельнаго добра. Новое поколѣніе, по словамъ Добролюбова, не обольщается «колоссальной фразой» и ложью самонадѣяннаго либерализма. Отъ предыдущаго поколѣнія оно отличается своимъ реалистическимъ характеромъ. Люди того поколѣнія проникнуты были высокими, но нѣсколько отвлеченными стремленіями. Они стремились къ истинѣ, желали добра, ихъ плѣняло все прекрасное, но выше всего былъ для нихъ принципъ *). «Принципомъ же называли общую философскую идею, которую признавали основаніемъ всей своей логики и морали. Страшной мукой сомнѣнія и отрицанія купили они свой принципъ, и никогда не могли освободиться отъ его давящаго мертвящаго вліянія. Что-то пантеистическое было у нихъ въ признаніи принципа; жизнь была для нихъ служеніемъ принципу, человѣкъ —рабомъ принципа; всякій поступокъ, не соображенный съ принципомъ, считался преступленіемъ». Добролюбовъ упрекаетъ ихъ не въ томъ, что они были людьми принципа, а въ томъ, что ихъ принципы и мораль не срослись органически съ ихъ существомъ и играли для нихъ роль внѣшней давящей на нихъ силы (исключеніемъ онъ признаетъ только Бѣлинскаго, у котораго внѣшній, отвлеченный принципъ превратился во внутреннюю жизненную потребность). Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ молодымъ поко-

*) Литературныя мелочи прошлаго года («Совр.», 1859, 1). Соч., II, стр. 389.

лѣніемъ, которое знать не хочетъ никакихъ внѣшнихъ давленій и формальныхъ предписаній морали, а въ которомъ велѣнія нравственнаго долга органически слились съ естественными склонностями и потребностями ихъ природы, которое не знаетъ раздвоенности личности и психологическаго дуализма, отказывается противопоставлять грубую дѣйствительность возвышеннымъ идеальнымъ принципамъ и потому являетъ намъ зрѣлище цѣльныхъ и сильныхъ характеровъ, у котораго, однимъ словомъ, «любовь къ общему благу есть ни что иное, какъ благороднѣйшее проявленіе личнаго эгоизма». Это новый общественный типъ, «типъ людей реальныхъ съ крѣпкими нервами и здоровымъ воображеніемъ». Пожилые люди обыкновенно упрекаютъ его въ холодности, черствости и безстрастіи. Но это ошибка; молодое поколѣніе просто стало тверже, реалистичнѣе и жизненнѣе. Отвлеченныя понятія замѣнились у него живыми представленіями.

«Люди новаго времени не только поняли, но и прочувствовали, что абсолютнаго въ мірѣ ничего нѣтъ, а все имѣетъ только относительное значеніе». Они не умѣютъ блистать и шумѣть; «признавая неизмѣнные законы историческаго развитія, люди нынѣшняго поколѣнія не возлагаютъ на себя несбыточныхъ надеждъ, не думаютъ, что они могутъ по произволу передѣлывать исторію, не считаютъ себя избавленными отъ вліянія обстоятельствъ». Ясное сознаніе своего положенія не позволяетъ имъ входить въ азартъ и убиваться изъ-за пустяковъ, но въ то же время они вовсе не впадаютъ въ апатію и безчувственность, потому что сознаютъ и свое значеніе. Они смотрятъ на себя, какъ на одно изъ колесъ машины, какъ на одно изъ обстоятельствъ, управляющихъ ходомъ міровыхъ событій; такъ какъ всѣ міровыя обстоятельства находятся въ связи и нѣкоторомъ взаимномъ подчиненіи, то и они подчиняются необходимости, силѣ вещей; но внѣ этого подчиненія они никакимъ кумирамъ не поклоняются, а отстаиваютъ самостоятельность и полноправность своихъ дѣйствій противъ всѣхъ случайно возникающихъ претензій. «Предоставляя другимъ кричать, гнѣваться, плакать и прыгать, они дѣлаютъ свое дѣло ровно и спокойно, плачутъ и прыгаютъ, когда приводитъ къ этому сила событій, но не дѣлаютъ ни одного лишняго движенія по своему капризу, а если и сдѣлаютъ что лишнее, то не гордятся этимъ, а прямо сознаются, что сдѣлали лишнее. Они—актеры, хорошо вошедшіе въ свою роль житейской комедіи; они дѣлаютъ, чего требуетъ роль, и не выходятъ изъ нея, несмотря на всѣ бѣснованія, хло-

панье, свистъ и стукъ партера... Пусть праздные зрители бѣсятся: актеру нѣтъ надобности покрывать ихъ крикъ своимъ голосомъ. Онъ переждетъ немного; потомъ опять станетъ продолжать свою роль: стихнутъ же они, наконецъ, если хотятъ его слушать» (Соч., II, 394).

Мы нарочно привели эту блестящую страницу изъ Добролюбова, которая могла бы сдѣлать честь любому объективисту, потому что въ ней выражается его взглядъ не только на характеръ молодого поколѣнія, но и на значеніе его собственной литературной и общественной дѣятельности. Реализмъ, вражда къ либеральной и идеалистической фразеологіи, отклоненіе невыполнимыхъ задачъ, правильная оцѣнка своихъ силъ и окружающихъ обстоятельствъ, пробужденіе и вразумленіе отсталыхъ и спящихъ, выдержка и рѣшимость въ борьбѣ,—вотъ чего онъ требуетъ отъ революціонеровъ, вотъ что, по его мнѣнію, можетъ обезпечить имъ успѣхъ, при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы они стремились поражать зло въ корнѣ и не тратили своей энергіи на пустяки и палліативы.

Съ этой точки зрѣнія Добролюбовъ привѣтствовалъ появленіе тургеневской повѣсти «Наканунѣ», въ которой, по его мнѣнію, отразилась новая полоса русской общественности, готовность перейти отъ отвлеченной просвѣтительной пропаганды къ практикѣ. Правда, пока еще русская жизнь не предъявляетъ прямого спроса на активныхъ дѣятелей; вотъ почему Инсаровъ не можетъ быть русскимъ, и вотъ почему Елена, жаждущая непосредственнаго дѣла, уходитъ за нимъ изъ Россіи. Но,—продолжаетъ Добролюбовъ,—всѣ симптомы психическаго перелома, наблюдающіеся теперь въ русской жизни, служатъ порукою въ томъ, что появленіе русскихъ Инсаровыхъ не за горами. Правда, русскій Инсаровъ не будетъ имѣть передъ собой задачи освобожденія родного народа отъ національнаго гнета: «Но развѣ мало у насъ враговъ внутреннихъ? Развѣ не нужна борьба съ ними, и развѣ не требуется геройства для этой борьбы? До сихъ поръ наша общественная среда не благопріятствовала появленію такихъ героевъ. Вдобавокъ задача ихъ будетъ гораздо сложнѣе и труднѣе, чѣмъ у Инсарова, ибо легче справиться съ внѣшнимъ притѣснителемъ,

чѣмъ съ внутреннимъ врагомъ, разсѣяннымъ повсюду въ тысячѣ разныхъ видовъ, отравляющимъ общественную атмосферу и не дающимъ организоваться своимъ противникамъ. Но измѣненія, происшедшія въ самой общественной средѣ, помогутъ появленію активныхъ дѣятелей. И тогда придетъ настоящій день!».

Но Добролюбовъ отмѣчаетъ при этомъ оригинальную и осложняющую особенность въ положеніи русскаго дѣятеля. Борьба національная, какая предстоитъ Инсарову, и борьба классовая, которую предстоитъ вести русскому дѣятелю, далеко не одно и то же. «Въ Болгаріи,—говоритъ Инсаровъ,—послѣдній мужикъ, послѣдній нищій и я—мы желаемъ одного и того же, у всѣхъ одна цѣль». Такой однотонности,—замѣчаетъ Добролюбовъ,—вовсе нѣтъ въ русской жизни, въ которой каждое сословіе, даже каждый кружокъ живутъ своей отдѣльной жизнью, имѣютъ свои особыя цѣли и стремленія, свое установленное назначеніе. Поэтому у насъ не можетъ быть и рѣчи объ общенаціональныхъ выступленіяхъ, въ которыхъ могли бы объединиться, скажемъ, помѣщики и крестьяне. Благодаря этому положеніе русскаго дѣятеля, особенно вышедшаго изъ привилегированной среды и желающаго работать на пользу народную, крайне осложняется. Онъ долженъ порвать со своей средой для того, чтобы слиться съ народомъ. Сядьте-ка въ пустой ящикъ и попробуйте его перевернуть вмѣстѣ съ собою! Между тѣмъ какъ, подойдя со стороны, вы могли бы опрокинуть его однимъ толчкомъ. Сила Инсарова въ томъ и состоитъ, что онъ не сидитъ въ ящикѣ: притѣснители его отечества—турки, съ которыми онъ не имѣетъ ничего общаго, ему стоитъ только подойти да и толкнуть ихъ, на сколько силы хватитъ.

«Русскій же герой, являющійся обыкновенно изъ образованнаго общества, самъ кровно связанъ съ тѣмъ, на что долженъ возставать. Онъ находится въ такомъ положеніи, въ какомъ былъ бы, напримѣръ, одинъ изъ сыновей турецкаго аги, вздумавшій освобождать Болгарію отъ турокъ. Трудно даже предположить такое явленіе; но если бы оно случилось, то, чтобы сынъ этотъ не представлялся намъ глупымъ и забавнымъ малымъ, нужно, чтобы онъ отрекся уже отъ всего, что его связывало съ турками: и отъ вѣры, и отъ національности, и отъ круга родныхъ и друзей, и отъ житейскихъ выгодъ своего

положенія. Нельзя не согласиться, что это ужасно трудно, и что подобная рѣшительность требуетъ нѣсколько другого развитія, нежели какое обыкновенно получаетъ сынъ турецкаго аги».

Исторія вскорѣ показала, что при всей трудности такого подвига въ Россіи нашлось достаточно выходцевъ изъ привилегированныхъ сословій, готовыхъ съ легкимъ сердцемъ отказаться отъ всѣхъ преимуществъ своего положенія и окунуться въ великое народное море въ надеждѣ вмѣстѣ съ нимъ скоро обрушиться грознымъ девятымъ валомъ на старый неправедный міръ. Ибо они такъ же, какъ и Добролюбовъ, глубоко вѣрили, что народъ хранитъ въ себѣ неизсякаемый родникъ живого чувства.

Допустимъ, что народъ и темепъ, и глупъ, что онъ не поддержалъ своихъ друзей, что онъ позволилъ подавить революцію (1848 года), но вѣдь непосредственно-то боролся съ революціонерами не онъ, а высшій классъ. Въ другихъ случаяхъ, хотя народъ, напримѣръ неаполитанскій, «и оказался все еще не очень энергичнымъ сподвижникомъ своихъ освободителей, но встрѣчалъ ихъ съ энтузіазмомъ и пассивнымъ образомъ содѣйствовалъ низверженію абсолютистскаго правленія». Во всякомъ случаѣ, мы не должны быть пессимистами по отношенію къ народу. Конечно, имѣется множество фактовъ, оправдывающихъ пессимистическое отношеніе къ народнымъ массамъ. «Но даже принимая всѣ эти факты, мы надѣемся при помощи нѣкоторыхъ дополнительныхъ соображеній придти не къ отчаянію въ жизненныхъ силахъ народа, не къ убѣжденію въ безконечности его апатіи и неспособности къ общественнымъ дѣламъ, а къ выводамъ совершенно противоположнымъ». И доказательство жизненности русскаго народа Добролюбовъ усматриваетъ въ его борьбѣ съ откупомъ, которая въ концѣ 50-хъ годовъ надѣлала нѣсколько шуму, и во время которой отдѣльныя деревни проявили большую твердость и настойчивость *).

Въ народѣ таится много внутреннихъ силъ,—не устаетъ повторять Добролюбовъ.—«Много силъ должно таится въ томъ народѣ, который не опустился нравственно среди такой жизни,

*) Народное дѣло. Соч., т. IV. 65 п.

какую онъ велъ много лѣтъ, работая на Багровыхъ, Куралесовыхъ и т. п.». Выясненію и доказательству этой мысли посвящена извѣстная статья Добролюбова «Черты для характеристики русскаго простонародья», написанная по поводу разсказовъ Марка Вовчка. Въ этой статьѣ Добролюбовъ анализируетъ всѣ анормальныя отношенія, которыя въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій давили, убивали, обезличивали и искажали характеръ русскаго простолюдина, но которымъ такъ и не удалось его исказить. «Столько ему надо нравственной чистоты и твердости,—восклицаетъ онъ,—чтобы не развратиться въ конецъ подъ вліяніемъ тяготѣющихъ надъ нимъ обстоятельствъ разнаго рода». Немудрено, что и въ крестьянскомъ быту общее мнѣніе часто бываетъ нелѣпо, иногда нечестно по неискренности, иногда совсѣмъ скрыто по малодушію. Но онъ утверждаетъ, что въ этой средѣ относятся съ большимъ вниманіемъ къ достоинству человѣка и къ доброй славѣ. Личности, которыя намъ съ перваго взгляда кажутся исключительными, оказываются, при внимательномъ разсмотрѣніи, отнюдь не рѣдкими въ крестьянскомъ сословіи, гдѣ деликатныя натуры встрѣчаются не рѣже, если не чаще, чѣмъ въ средѣ высшихъ классовъ. Да и само пресловутое смиреніе, покорность, терпѣніе и прочія свойства народа, воспѣваемыя реакціонерами и славянофилами, составляютъ просто «жалкое и безобразное искаженіе этого прекраснаго свойства деликатности». Порабощеніе русскаго народа чисто внѣшнее: подъ маской рабской покорности сплошь и рядомъ скрывается могучая сила протеста.

Народъ тяжелъ на подъемъ, но разъ онъ рѣшится на что нибудь, то «рѣшится энергически, сосредоточенно, неотступно. Страсть его глубока и упорна, и препятствія не страшатъ его, когда ихъ нужно одолѣть для достиженія страстно желаннаго и глубоко задуманнаго». У народа слово не расходится съ дѣломъ. Фактъ бойкота откупной волки имѣетъ для Добролюбова важное значеніе въ томъ отношеніи, что доказываетъ способность народа къ противодѣйствію незаконнымъ притѣсненіямъ и къ единодушію въ дѣйствіяхъ. Сказалъ да и сдѣлалъ—не сталъ пить, потому что онъ не то, что образованное общество, не станетъ тратить словъ по пустому. «Въ народѣ, въ коренномъ народѣ, нѣтъ и тѣни того, что преобладаетъ въ нашемъ цивилизованномъ обществѣ. Въ народной массѣ нашей есть дѣльность,

серьезность, есть способность къ жертвамъ... Въ этомъ народѣ есть такая сила на добро, какой положительно нѣтъ въ томъ развращенномъ и полупомѣшанномъ обществѣ, которое имѣетъ претензію одного себя считать образованнымъ и годнымъ на что-нибудь дѣльное».

Народныя массы не умѣютъ красно говорить, но слово ихъ никогда не праздно. Сотни тысячъ народа безъ всякихъ предварительныхъ обсужденій въ разныхъ концахъ обширнаго царства отказались отъ водки. Эти же сотни тысячъ откажутся отъ мяса, отъ пирога, отъ теплаго угла, отъ единственнаго армячишка, отъ послѣдняго гроша, если того потребуетъ доброе дѣло, сознаніе въ необходимости котораго созрѣетъ въ ихъ душахъ. Въ этой-то способности приносить существенныя жертвы разъ сознанному и порѣшенному дѣлу и заключается величіе простой народной массы.

«Кто серьезно проникся этой мыслью, тотъ почуствуетъ въ себѣ болѣе довѣрія къ народу, больше охоты сблизиться съ нимъ въ полной надеждѣ, что онъ пойметъ, въ чемъ заключается его благо, и не откажется отъ него по лѣни или малодушію. Съ такимъ довѣріемъ къ силамъ народа и съ надеждою на его добрыя расположенія можно дѣйствовать на него прямо и непосредственно, чтобы вызвать на живое дѣло крѣпкія свѣжія силы и предохранить ихъ отъ того искаженія, какому они такъ часто подвергаются при настоящемъ порядкѣ вещей».

Такимъ образомъ въ сентябрѣ 1860 года Добролюбовъ вполнѣ опредѣленно повторяетъ свой призывъ къ молодежи непосредственно сблизиться съ народомъ для живого дѣла, призывъ, который онъ въ гораздо менѣе ясной и рѣшительной формѣ сдѣлалъ или, вѣрнѣе, на который онъ намекалъ шестью мѣсяцами ранѣе въ статьѣ «Когда же придетъ настоящій день?». Необходимо отмѣтить, что призывъ къ хожденію въ народъ сдѣланъ былъ Добролюбовымъ на годъ-полтора раньше, чѣмъ Чернышевскимъ, который открыто призывалъ интелигенцію идти въ народъ въ концѣ 1861 года въ знаменитой статьѣ «Не начало ли перемѣны?», напечатаной въ ноябрьской книжкѣ «Современника». Впослѣдствіи неоднократно указывали на то, что Добролюбовъ исходилъ при этомъ изъ ложной идеализаціи народа (т.-е. крестьянства), что онъ игнорировалъ существовавшія въ средѣ

этого народа групповыя и классовыя различія и пр. Это, конечно, такъ. Но, во-первыхъ, въ то время эти различія были не такъ еще глубоки, а, во-вторыхъ, эта идеализація была объективной исторической необходимостью. Только она могла возбудить въ немногочисленныхъ кружкахъ тогдашней активной демократіи могучую вспышку энтузіазма и побудить ихъ къ полному разрыву съ привилегированнымъ обществомъ и къ сліянію съ народной массой, въ которой и только въ которой заключалось спасеніе, если оно вообще было возможно. Не забудемъ, что отъ этихъ призывовъ къ сліянію съ народомъ, основанныхъ на идеализаціи крестьянскихъ массъ, и датируетъ, собственно, начало русскаго движенія новой эпохи, его, если такъ можно выразиться, переходъ изъ метафизической стадіи въ положительную. И въ этомъ—безсмертная заслуга Добролюбова.

Добролюбовъ не сомнѣвался въ томъ, что движеніе въ Россіи неизбѣжно. Статья «Непостижимая странность», посвященная неаполитанской революціи и напечатанная за годъ до его смерти, была написана спеціально для того, чтобы доказать, что и въ Россіи, несмотря на кажущійся застой и апатію народа, возможенъ извѣстный переворотъ. Къ чему приведетъ этотъ переворотъ при нашихъ соціальныхъ отношеніяхъ, объ этомъ Добролюбовъ никогда опредѣленно не говорилъ: какъ мы уже указывали въ началѣ статьи, Добролюбовъ программными вопросами почти не занимался, предоставивъ ихъ въ исключительное вѣдѣніе Чернышевскаго. Взглядъ же послѣдняго можно формулировать приблизительно такъ: если революціонной партіи удастся воспользоваться замѣшательствомъ правительства и недовольствомъ широкихъ массъ, то при общеевропейской революціи, которая, въ большей или меньшей степени, будетъ окрашена соціалистическимъ цвѣтомъ, и при наличности общиннаго землевладѣнія, Россіи удастся, быть можетъ, сильно приблизиться къ соціализму... Вотъ программа, которую Чернышевскій развивалъ передъ своими современниками, и которую, несомнѣнно, раздѣлялъ съ нимъ Добролюбовъ.

Въ статьѣ о Бабстѣ Добролюбовъ развиваетъ ту идею, что Россія, вступившая на путь экономическаго развитія позже Запада, должна воспользоваться его опытомъ, дабы остеречься отъ тѣхъ паденій, которыя пришлось испытать болѣе развитымъ и

старымъ народамъ. Но реалистъ и революціонеръ Добролюбовъ не раздѣляетъ либеральныхъ иллюзій буржуазнаго экономиста. Онъ очень желалъ бы, чтобы Европа неуклонно и быстро шла къ идеальному совершенству безъ всякихъ жертвъ и потрясеній, но онъ не надѣется, чтобы все это совершилось такъ гладко и просто. «Мы еще болѣе желаемъ,—продолжаетъ онъ,—чтобы Россія достигла хоть того, что теперь есть хорошаго въ Западной Европѣ, и при этомъ уберегласъ отъ всѣхъ ея заблужденій, отвергла все, что было вреднаго и губительнаго въ европейской исторіи; но мы не смѣемъ утверждать, что это именно такъ и будетъ». Исторія не знаетъ совершенно логическаго, правильнаго, прямолинейнаго движенія; ошибки, уклоненія, перерывы неизбѣжны, но это не бѣда. Во всякомъ случаѣ, «счастье наше, что мы позднѣе другихъ народовъ вступили на поприще исторической жизни. Присматриваясь къ ходу развитія Западной Европы и представляя себѣ то, до чего она теперь дошла, мы можемъ питать себя лестною надеждою, что нашъ путь будетъ лучше. Что и мы должны пройти тѣмъ же путемъ, это несомнѣнно и даже нисколько не прискорбно для насъ... Что и мы на пути своего будущаго развитія не совершенно избѣгнемъ ошибокъ и уклоненій, въ этомъ тоже сомнѣваться нечего. Но все-таки нашъ путь облегченъ; все-таки наше гражданское развитіе можетъ нѣсколько скорѣй перейти тѣ фазисы, которые такъ медленно переходило оно въ Западной Европѣ. А главное—мы можемъ и должны идти рѣшительнѣе и тверже, потому что уже вооружены опытомъ и знаніемъ».

Вопросъ о фазисахъ развитія Россіи и о сокращеніи этихъ фазисовъ сравнительно съ исторіей Западной Европы—это проклятый вопросъ, надъ которымъ бились въ мукахъ столько русскихъ головъ. Какъ мы видимъ, Добролюбовъ рѣшаетъ его приблизительно такъ же, какъ Герценъ и Чернышевскій, но, пожалуй, менѣе оптимистически, чѣмъ эти послѣдніе писатели, допускавшіе возможность полнаго выпаденія нѣкоторыхъ звеньевъ изъ логической цѣпи эволюціи и чуть ли не идейнаго только, а не реальнаго переживанія Россіей нѣкоторыхъ стадій соціальнаго развитія. Во всякомъ случаѣ этого мѣста не слѣдуетъ толковать въ смыслѣ хотя бы временнаго примиренія Добролюбова съ медленнымъ буржуазнымъ прогрессомъ. Этотъ медленный

прогрессъ онъ ненавидѣлъ всей душой (вспомнимъ хотя бы его знаменитое стихотвореніе «Прогрессъ стопою благородной шелъ тихо торною стезей», въ № 4 «Свистка»). Живя въ такую эпоху, когда буржуазныя начала только вторгались въ русскую жизнь, когда исторія, казалось, допускала возможность грандіознаго эксперимента въ смыслѣ непосредственнаго перехода отъ натуральнаго хозяйства къ иному [1]) строю, Добролюбовъ при всемъ своемъ реализмѣ и выдержкѣ долженъ былъ въ глубинѣ души склоняться именно къ такому рѣшенію вопроса. Во всякомъ случаѣ именно къ нему склонились тѣ соціальныя группы, на которыя имѣла вліяніе литературная проповѣдь Добролюбова. И если бы преждевременная смерть не вырвала изъ рядовъ живущихъ этого великаго энтузіаста, не подлежитъ сомнѣнію, что онъ непремѣнно сдѣлалъ бы попытку осуществить свои идеи на практикѣ.

Лишній разъ оправдались вѣщія слова его учителя и друга, не перестававшаго оплакивать рано погибшаго геніальнаго юношу: «такова ужъ судьба русскаго народа: не живучи его лучшіе дѣятели».

---

[1]) Читай: соціалистическому. Результатъ царской и редакторской цензуры. (Прим. сентября 1918 года).

Герценъ и Чернышевскій.

Въ одномъ мѣстѣ Герценъ разсказываетъ, что въ своихъ воспоминаніяхъ о Маццини онъ выпустилъ нѣсколько страницъ по соображеніемъ деликатности, вслѣдствіе чего фигура знаменитаго итальянскаго заговорщика вышла не такъ ясно. Но, прибавляетъ Герценъ, „эта деликатность мелка для Маццини. О такихъ людяхъ нечего умалчивать, ихъ щадить нечего“,

То же самое примѣнимо и къ самолу Герцену. Крупная фигура русскаго изгнанника, одного изъ самыхъ блестящихъ русскихъ писателей и основоположниковъ русскаго соціализма, не нуждается въ стыдливыхъ умолчаніяхъ и ложной деликатности. О такихъ людяхъ нужно говорить всю правду. Всю свою жизнь онъ, волнуясь и спѣша, искалъ истины, не останавливаясь ни передъ какими жертвами; безжалостно низвергалъ онъ своихъ старыхъ боговъ, какъ только открывалъ въ нихъ малѣйшую фальшь, рѣзавшую его чуткую душу; не менѣе безжалостенъ былъ онъ къ своимъ собственнымъ ошибкамъ. И не боялся казнить себя за нихъ публично. Не говорить о такихъ людяхъ, какъ Герценъ, всей правды, значитъ оскорблять ихъ память: своими страданіями и душевными терзаніями они купили право на полную, неприкрашенную правду. Они иногда падали, но это потому, что безтрепетно шли впередъ черезъ горы и овраги. Они ошибались, но ихъ ошибки были ошибками гигантовъ, и даже въ этихъ ошибкахъ сказывалась ихъ глубокая искренность и стремленіе къ общему благу. Найдутся, быть можетъ, люди, которые по поводу нижеслѣдующихъ строкъ закричатъ объ „оскорбленіи величества“, но съ такими обвиненіями считаться не приходится. Историческая правда, которой самъ Герценъ принесъ столько жертвъ, должна стоять для насъ на первомъ планѣ. Да и то сказать: если въ дальнѣйшемъ изложеніи мы

формулируемъ нѣсколько критическихъ замѣчаній о Герценѣ, то во-первыхъ они касаются не его личности, а позиціи, на которой онъ временно стоялъ и съ которой впослѣдствіи сошелъ, а во-вторыхъ; если онъ нѣсколько проигрываетъ, то проигрываетъ лишь въ сравненіи съ такимъ гигантомъ мысли, какъ Чернышевскій, опередившимъ цѣлое поколѣніе.

Если мы критикуемъ Герцена, то именно потому, что онъ для насъ слишкомъ дорогъ, что мы признаемъ его однимъ изъ своихъ духовныхъ отцовъ. Его блужданія заставляютъ насъ страдать, его ошибки и безтактности причиняютъ намъ душевную боль, его горе и сомнѣнія мы переживаемъ, какъ наши собственныя. И намъ тяжело видѣть, какъ эту великую и скорбную фигуру искателя истины, ненавистника мѣщанства и пролагателя путей для соціалистическихъ поколѣній стараются захватать нечистыя руки, какъ его пытаются объявить своимъ люди, враждебные ему по существу. Эти господа стараются прицѣпиться къ ому что было въ Герценѣ недостаткомъ, слабостью, временнымъ уклоненіемъ, но они чужды органически тѣмъ сторонамъ Герцена которыя сдѣлали изъ него безстрашнаго искателя истины, непримиримаго врага буржуазной цивилизаціи. построенной на эксплуатаціи, угнетеніи и лицемѣріи Они примазываются къ тому что оставалось въ Герценѣ отъ ветхаго барскаго Адама. и стараются затушевать то, что составляло основную природу Герцена и пріобщало его къ движенію пролетаріата. Но несмотря на всѣ временныя ошибки и уклоненія Герцена, мы не отдадимъ этимъ жрецамъ умѣренности и аккуратности нашего мятущагося Искандера. Онъ нашъ со всѣми своими уклоненіями и слабостями. Онъ нашъ въ такой же степени. какъ и Чернышевскій

Но вѣдь вотъ Чернышевскаго буржуазные либералы не пытались зачислить по своему вѣдомству. не пробовали съ нимъ родными счесться. Значитъ было что-то такое въ дѣятельности Герцена, что давало хотя бы кажущееся право буржуазнымъ либераламъ попробовать искупаться въ лучахъ герценовскаго солнца? Да. несомнѣнно было, и объ этой-то сторонѣ Герцена мы и хотимъ сказать нѣсколько словъ. Вѣдь недаромъ между Герценомъ и Чернышевскимъ произошло извѣстное столкновеніе, вѣдь не даромъ они открыто и въ скрытой формѣ полемизировали другъ съ другомъ; вѣдь недаромъ между Гер-

ценомъ и революціонной молодежью, признававшей себя послѣдовательницей Чернышевскаго, царила ожесточенная вражда, сопровождавшаяся, къ сожалѣнію, глубоко несправедливыми выходками съ той и съ другой стороны. Въ разгарѣ этой вражды прямолинейная молодежь закрывала даже глаза на несомнѣнныя и великія заслуги Герцена передъ русскимъ освободительнымъ движеніемъ; въ пылу полемическаго задора она отрицала даже литературный талантъ Герцена, хотя уже и тогда не могло подлежать никакому сомнѣнію, что съ точки зрѣнія литературнаго таланта Чернышевскій не выдерживаетъ никакого сравненія съ издателемъ «Колокола», да и не въ этомъ была его сила. Теперь мы, на далекомъ разстояніи, можемъ съ большимъ безпристрастіемъ отнестись къ этому историческому спору, выдѣлить его существенныя черты и опредѣлить его настоящій смыслъ.

Было ли это столкновеніемъ поколѣній? До извѣстной степени, да. Сами участники этого историческаго спора такъ именно и смотрѣли на него: они видѣли въ немъ конфликтъ между отцами и дѣтьми, между людьми 40-хъ и 60-хъ годовъ. Но это была видимость, форма, случайная оболочка. Конечно, въ лагерѣ Герцена преобладали сравнительно пожилые люди, получившіе духовную закваску въ 40-хъ годахъ, а въ лагерѣ Чернышевскаго числилась главнымъ образомъ молодежь; но въ же время среди сторонниковъ Герцена имѣлись сравнительно молодые люди, а среди его противниковъ были люди не моложе его самого. Елисѣевъ [1]) былъ моложе Кавелина [2]) всего на три года, а Бакунинъ былъ моложе самого Герцена всего на два года. Въ дѣйствительности дѣло шло не столько о столкновеніи двухъ поколѣній, сколько о конфликтѣ двухъ теченій соціально-политической мысли, соотвѣтствующихъ противоположнымъ классовымъ интересамъ. Конфликтъ между Герценомъ и Чернышевскимъ

[1]) Елисѣевъ (1821—1891)—извѣстный журналистъ радикально-демократическаго направленія. Сотрудникъ журнала „Современникъ“, закрытаго правительствомъ въ 1866 г., и „Отечественныхъ записокъ“, закрытыхъ въ 1884 г.

[2]) Кавелинъ (1818—1885)—профессоръ юриспруденціи и литераторъ; былъ преподавателемъ наслѣдника-цесаревича Николая Александровича. Одинъ изъ лидеровъ русскаго умѣреннаго либерализма.

былъ литературнымъ выраженіемъ борьбы между умѣренно-либеральнымъ дворянствомъ и революціонною разночинною демократіею, выступившею въ защиту интересовъ трудящихся массъ.

Какимъ же образомъ соціалистъ Герценъ оказался выразителемъ дворянскаго либерализма въ борьбѣ его съ революціонною демократіей? Барское происхожденіе Герцена объясняетъ лишь половину вопроса: вѣдь и Бакунинъ происходилъ изъ помѣстной среды, но это не помѣшало ему сдѣлаться представителемъ бунтарскаго анархизма; изъ помѣстной же среды вышла впослѣдствіи масса революціонеровъ, безповоротно порвавшихъ со старымъ міромъ угнетенія и слившихъ свои интересы съ интересами порабощенныхъ массъ. Но въ томъ-то и дѣло, что Герцену не удалось сразу совлечь съ себя ветхаго Адама, что, раздираемый противоположными страстями, онъ одно время нерѣшительно остановился на рубежѣ между старымъ и новымъ міромъ и, теоретически преодолѣвъ, какъ ему казалось, буржуазное міросозерцаніе, практически въ теченіе долгаго времени оставался подъ властью буржуазной и дворянски-либеральной идеологіи. Со старымъ міромъ его связывала опредѣленная культура, воспитаніе, традиціи, житейская обстановка, глубокія интимныя переживанія, сокровенныя душевныя устремленія, заложенный въ глубинѣ души своеобразный идейный аристократизмъ, присущій ему политическій оппортюнизмъ, наконецъ, личныя связи и знакомства. Эта двойственность натуры и дѣятельности, аристократизмъ и сочувствіе къ страждущимъ, безпощадная смѣлость въ теоріи и робкая половинчатость на практикѣ, идейный разрывъ со старымъ міромъ и чувство отчужденности отъ новаго, отреченіе отъ обанкротившейся традиціонной идеологіи и органическое непониманіе пришедшей ей на смѣну идеологіи пролетарской, вотъ что составило душевную драму Герцена, отравившую послѣдніе годы его бурной страдальческой жизни.

Говоря о возмутительномъ отношеніи Герцена къ Некрасову [1]), котораго Герценъ выставлялъ въ видѣ литературнаго

[1]) Некрасовъ (1821—77)—русскій народный поэтъ, произведенія котораго оказали большое вліяніе на революціонеровъ. Какъ издатель «Современника» (1847—66), принявъ сторону

бандита, «лгущаго духомъ и торгующаго талантомъ такъ, какъ продажныя женщины лгутъ тѣломъ и продаютъ красоту», и котораго онъ причислялъ «къ барышникамъ, отдающимъ въ ростъ свои слезы о народномъ страданіи, и къ промышленникамъ, дѣлающимъ изъ сочувствія къ пролетарію доходную статью», г. Батуринскій (біографъ Герцена), вообще настроенный благожелательно къ Герцену и враждебно къ революціонной демократіи, замѣчаетъ: «Удивительнѣе всего то, что и Герценъ, и Тургеневъ, обвиняя Некрасова, снисходительно относились къ тому, что нѣкоторые ихъ друзья преспокойно владѣли крестьянами и своимъ состояніемъ всецѣло были обязаны крѣпостному труду. Да и милліонное состояніе самого Герцена имѣло своимъ источникомъ тотъ же трудъ». Тяжелое впечатлѣніе производитъ частое упоминаніе Герценомъ о мнимыхъ или дѣйствительныхъ покушеніяхъ революціонной молодежи на его деньги, презрительное отношеніе къ бѣднякамъ-эмигрантамъ, принужденнымъ прибѣгать къ его помощи [1]); больно читать описаніе его роскошной жизни въ барскихъ хоромахъ, то въ собственномъ домѣ на Елисейскихъ Поляхъ, то въ богатомъ кварталѣ Лондона, посреди эмигрантовъ, нуждавшихся въ самомъ необходимомъ, и особенно больно то, что Герценъ самъ не замѣчаетъ всего неприличія, всей, мы бы сказали, неэстетичности этого противорѣчія между словомъ и дѣломъ; стыдно становится за Герцена, когда читаешь у него, какъ онъ наканунѣ междоусобной американской войны продалъ свои американскія бумаги, спекулируя такимъ образомъ на побѣду рабовладѣльцевъ, да и самъ Герценъ впослѣдствіи со стыдомъ вспоминалъ объ этомъ малодушномъ шагѣ. Таково

революціонныхъ демократовъ Добролюбова и Чернышевскаго противъ умѣренныхъ либераловъ и доставивъ первымъ трибуну для проповѣди ихъ взглядовъ. Герценъ кромѣ того былъ недоволенъ Некрасовымъ изъ-за темныхъ счетовъ послѣдняго съ Огаревымъ, другомъ Герцена, хотя Некрасовъ въ этой исторіи былъ, повидимому, совершенно невиновенъ. Когда Некрасовъ проѣздомъ въ Лондонѣ явился къ Герцену, послѣдній, принимавшій въ своемъ домѣ всякаго встрѣчнаго, отказался его принять.

[1]) Во избѣжаніе недоразумѣній слѣдуетъ прибавить, что вообще Герценъ охотно и немало помогалъ нуждающимся политическимъ эмигрантамъ, и даже не однимъ эмигрантамъ.

было проклятіе барскаго происхожденія и барскаго богатства, основаннаго на владѣніи «крещеною собственностью»: оно отравило эту великую душу, посѣяло въ ней внутренній разладъ и обрекло ее на ложное положеніе. Но можетъ ли кто нибудь представить себѣ Чернышевскаго или Добролюбова [1]) владѣльцемъ крѣпостныхъ крестьянъ или расточителемъ выручennыхъ за нихъ милліоновъ?

Воспитаніе и образъ жизни во многихъ отношеніяхъ предопредѣлили знакомства Герцена. И очень интересенъ кругъ, въ которомъ онъ вращался, и который незамѣтно для него самого не могъ не оказывать опредѣленнаго вліянія на его психику и настроеніе. Посмотрите въ самомъ дѣлѣ, кто были друзья Герцена въ Россіи и за-границей, кого онъ любилъ, передъ кѣмъ преклонялся, а съ другой стороны, кого онъ ненавидѣлъ и презиралъ. «Я много ѣздилъ,—разсказываетъ онъ,—вездѣ жилъ и со всѣми жилъ: революціей меня прибило къ тѣмъ краямъ развитія, далѣе которыхъ ничего нѣтъ». Ужъ будто за предѣлами общества, въ которомъ вращался Герценъ, такъ-таки и не было н и ч е г о? Вся бѣда его въ томъ, что онъ искренно это думалъ, а между тѣмъ въ общемъ и цѣломъ его знакомства не выходили за предѣлы буржуазной интеллигенціи; настоящихъ же демократовъ-революціонеровъ Герценъ вовсе не зналъ, а если и зналъ, то сплошь и рядомъ относился къ нимъ враждебно и презрительно.

Начнемъ съ русскихъ. Не считая Огарева, который впослѣдствіи оставилъ его и примкнулъ къ Бакунину, мы встрѣчаемъ среди знакомыхъ Герцена: Тургенева, Кавелина, Анненкова, Боткина, кн. Долгорукова, сыновей гр. Ростовцева и т. п. Посѣщали его еще гр. Алексѣй Толстой, Головинъ, Щепкинъ и т. д. [2]). Допустимъ, что все это люди прекрасные и талантли-

---

[1]) Добролюбовъ (1836—61)—геніальный юноша, другъ Чернышевскаго, знаменитый русскій критикъ, оказавшій сильнѣйшее вліяніе на развитіе русскаго революціоннаго движенія. Умеръ 25 лѣтъ; несмотря на это, успѣлъ совершить большую работу.

[2]) Т у р г е н е в ъ (1812—83)—знаменитый романистъ, въ политикѣ умѣренный либералъ и даже сторонникъ «просвѣщеннаго абсолютизма». Хотя въ глубинѣ души по временамъ сочувствовалъ народникамъ (помогалъ даже Бакунину и давалъ

вые, но вѣдь все это представители умѣреннаго дворянскаго либерализма, стоявшіе одной, если не обѣими ногами, въ старомъ историческомъ болотѣ. Встрѣчались, конечно, съ Герценомъ и представители болѣе революціонныхъ направленій, но Кельсіевъ впослѣдствіи сдѣлался ренегатомъ, съ Чернышевскимъ Герценъ встрѣтился какъ съ врагомъ, съ представителями молодой эмиграціи, какъ А. Серно-Соловьевичъ и его товарищи, Герценъ былъ на ножахъ; а какъ онъ относился къ болѣе старымъ представителямъ революціоннаго направленія, не стоитъ и вспоминать. Кто не знаетъ, съ какимъ издѣвательствомъ онъ

Лаврову деньги на изданіе революціоннаго журнала и газеты »Впередъ«) и террористамъ (говорятъ, его послѣднія слова были: «а все-таки они (террористы)—великіе люди!»), велъ себя трусливо передъ русскимъ правительствомъ и публично отрицалъ свое знакомство съ Лавровымъ! См. о его поведеніи еще дальше въ текстѣ.

Огаревъ (1813—77)—поэтъ, другъ Герцена, но болѣе радикальнаго и демократическаго направленія. Умеръ въ эмиграціи.

Бакунинъ (1814—76)—извѣстный революціонеръ и анархистъ, былъ другомъ Герцена и Огарева.

Анненковъ (1813—87)—писатель и критикъ, вращавшійся въ кругу Бѣлинскаго, Герцена и т. д. Былъ знакомъ съ Марксомъ (см. статьи Рязанова «Марксъ и его русскіе знакомые» въ „Neue Zeit" за 1912 годъ).

Боткинъ (1810—69)—литераторъ, въ молодости либералъ, затѣмъ реакціонеръ и бонвиванъ. Тоже изъ русскихъ знакомыхъ Маркса въ 40-хъ годахъ.

Ростовцевъ, Яковъ (1803—60)—русскій государственный дѣятель. Выдвинулся благодаря своему доносу лично Николаю I на декабристовъ наканунѣ возстанія 1825 г., въ планъ котораго былъ посвященъ. Быстро сдѣлалъ карьеру и во время освобожденія крестьянъ считался «либераломъ».

Алексѣй Толстой, гр. (1817—75)—извѣстный русскій поэтъ. Аристократъ-консерваторъ и придворный.

Щепкинъ (1788—863)—изв. русскій актеръ; былъ близокъ къ либеральнымъ московскимъ кругамъ, но впослѣдствіи, по примѣру Боткина, Кетнера и др., сдѣлался консерваторомъ. Долгоруковъ и Головинъ—либеральничавшіе аристократы, жившіе заграницей одновременно съ Герценомъ.

описываетъ Сазонова, Энгельсона, [1]) и какъ онъ свысока третировалъ Бакунина, котораго онъ въ знаменитомъ очеркѣ «Михаилъ Бакунинъ и нольское дѣло» выставилъ въ видѣ наивнаго чудака, «большой Лизы», къ восторгу буржуазныхъ мацинистовъ, поспѣшившихъ перевести на итальянскій языкъ эту статью Герцена для борьбы съ ненавистнымъ революціонеромъ, разоблачавшимъ въ Италіи ихъ патріотическо-теологическія плутни. Полицейскаго «соціалиста» Милютина [2]) онъ провозглашаетъ маркизомъ Позой и посвящаетъ ему одну изъ своихъ замѣчательныхъ статей «Императоръ Александръ I и В. Н. Каразинъ»; говоря о Константинѣ Аксаковѣ, онъ извлекаетъ изъ своей лиры самыя сочувственныя ноты и дружелюбно переписывается съ Иваномъ Аксаковымъ [3]) и въ то же время обрушивается со всею силою негодованія на Чернышевскаго и Добролюбова, называя ихъ паяцами, нацѣпившими себѣ ослиные бубенчики, и инсинуируя, что вся ихъ кампанія противъ половинчатаго и лицемѣрнаго дворянскаго либерализма внушена имъ Третьимъ Отдѣленіемъ. Свою полемику съ «Современникомъ», свою яростную аттаку на Некрасова, Чернышевскаго и Добролюбова Герценъ въ значительной степени предпринялъ подъ вліяніемъ Кавелина и Тургенева. А между тѣмъ Кавелинъ злорадствовалъ по поводу ареста Чернышевскаго и одобрялъ жестокія респрессіи правительства противъ революціонеровъ; а когда онъ выпустилъ въ Берлинѣ брошюру противъ конституціонныхъ стремленій части дворянства, Герценъ самъ принужденъ былъ порвать съ нимъ. Что же касается Тургенева, то онъ находилъ, что освобожденіе крестьянъ устроено «порядочно», высказывался противъ польскаго возстанія и желалъ «скорѣйшаго подавленія безумнаго возстанія столько же для Россіи,

---

[1]) Эмигранты, товарищи Герцена. Сазоновъ тоже былъ знакомъ съ Марксомъ и даже считалъ себя его послѣдователемъ.

[2]) Николай Милютинъ (1818—72)—рус. госуд. дѣятель; статсъ-секретарь Царства Польскаго, онъ послѣ подавленія возстанія демагогически «благодѣтельствовалъ» польскимъ крестьянамъ, чтобы возстановить ихъ противъ оппозиціонно-настроеннаго польскаго дворянства и привлечь ихъ на сторону самодержавія.

[3]) Братья Аксаковы—извѣстные славянофилы.

сколько для самой Польши» (въ письмѣ къ П. Анненкову); уйдя изъ «Современника», Тургеневъ перебѣжалъ въ «Русскій Вѣстникъ» и продолжалъ печататься въ этомъ журналѣ даже послѣ того, какъ Катковъ сдѣлался лидеромъ вѣшательской реакціи и между прочимъ обливалъ помоями самого Герцена, причемъ наивно оправдывался тѣмъ, что «Отечественныя Записки» «и половины денегъ дать не могутъ»! А по поводу его трусливаго заискиванія передъ властями предержащими самъ Герценъ принужденъ былъ напечатать въ «Колоколѣ» замѣтку о «сѣдой Магдалинѣ изъ мужчинъ, у которой отъ раскаянія выпали зубы и волосы».

Аналогичный характеръ носятъ его знакомства на Западѣ. Мишле, Прудонъ, Ледрю-Ролленъ, Маццини, Саффи и другіе итальянцы, Фохтъ, Кинкель, Стрюбингъ, Кошутъ и окружавшіе его венгерскіе патріоты, польскіе патріоты—таковъ главнымъ образомъ герценовскій кругъ. Огнестись къ нимъ критически, понять сущность ихъ соціальной позиціи Герценъ, какъ это ни странно, былъ совершенно не въ состояніи. Аристократически настроенный венгерскій патріотъ Кошутъ, кость отъ кости тѣхъ надменныхъ феодаловъ, которые до сихъ поръ продолжаютъ угнетать венгерскую трудящуюся массу и населяющія Венгрію славянскія народности, надѣляется титуломъ «великаго мадьяра» и описывается съ благоговѣніемъ, какъ какой-нибудь полубогъ. Ледрю-Ролленъ, ограниченный буржуазный демократъ, типичный представитель той мелко-буржуазной массы, робость и измѣна которой обусловили разгромъ пролетаріата и гибель февральской республики, получаетъ на свой пай титулъ «великаго галла» и изображается въ самыхъ сочувственныхъ тонахъ. Консервативный мелкій буржуа Прудонъ, ругатель соціализма, заигрывавшій съ реакціей, самый отсталый изъ всѣхъ французскихъ соціалистовъ того времени, противникъ женской эмансипаціи, заклятый врагъ коммунизма, каннибальски торжествовавшій по поводу подавленія польскаго возстанія, провозглашается «новѣйшимъ Самсономъ» и «единственно свободнымъ французомъ». Герценъ съ восторгомъ описываетъ «демократическій обѣдъ», данный въ 1854 году американскимъ консуломъ Саундерсомъ въ Лондонѣ представителямъ европейской демократіи (Маццини, Кошутъ, Ледрю-Ролленъ, Гарибальди, Орсини, Вор-

цель, Пульскій), и злорадствуетъ, что нѣмца туда не пригласили. Да Марксъ бы и самъ не пошелъ на этотъ де-мо-кра-ти-че-скій обѣдъ, устроенный представителемъ американскихъ рабовладѣльцевъ!

Кашута, Маццини, Ледрю-Роллена и другихъ представителей буржуазной и аристократической эмиграціи Герценъ зачисляетъ въ „горныя вершины“; онъ ищетъ ихъ знакомства, благоговѣетъ передъ ними, говоритъ о нихъ, захлебываясь отъ восторга, и вообще смотритъ на нихъ снизу вверхъ. Даже и сейчасъ обидно читать, какъ Герценъ по пріѣздѣ Кошута въ Лондонъ зачѣмъ-то побѣжалъ къ нему знакомиться, не былъ принятъ, демонстративно оставилъ свой адресъ, явно намекая на то, что послѣ этого Кошутъ долженъ отвѣтить ему визитомъ, и, не дождавшись этого естественнаго въ отношеніяхъ между равными визита, все-таки пошелъ къ нему вторично. Зато къ демократической массѣ эмиграціи, прозванной имъ „хористами революціи“, Герценъ относится свысока и насмѣшливо, замѣчая только ея непригляднія обывательскія черты. Но съ особой ненавистью третируетъ онъ самую здоровую и самую демократическую часть тогдашней эмиграціи, а именно нѣмецкихъ и другихъ коммунистовъ, группировавшихся вокругъ Маркса. Самого Маркса онъ называетъ «неузнаннымъ геніемъ первой величины» и изображаетъ его какъ озлобленнаго интригана, мечтающаго о гегемоніи нѣмецкой націи, а подъ шумокъ занимающагося однѣми сплетнями; его послѣдователей, «марксидовъ», онъ, повторяя сплетню политической полиціи, называетъ «сѣрной шайкою» (Schwefelbande—поджигатели) и ставитъ ихъ такъ низко, что, какъ онъ деликатно выражается, «отъ сѣрной шайки, какъ сами нѣмцы (какіе?) называютъ марксидовъ, естественно и недалеко перейти къ послѣднимъ подонкамъ, къ мутной гущѣ, которая осѣдаетъ отъ континентальныхъ толчковъ и потрясеній на британскихъ берегахъ и пуще всего въ Лондонѣ». И дальше онъ описываетъ нѣсколькихъ полоумныхъ чудаковъ, мошенниковъ, проходимцевъ, попрошаекъ и шпіоновъ! А между тѣмъ въ это время, пока Герценъ задавалъ пиры и возился съ буржуазно-аристократическими «горными вершинами», Марксъ и его друзья сближались съ рабочими всѣхъ націй и залагали основы Международной Ассоціаціи Рабочихъ, открывая движеніе, которое должно

было потрясти старый міръ. Замѣчательно, что Герценъ, прожившій въ Лондонѣ съ 1852 по 1864 годъ, повидимому совершенно прозѣвалъ глубокое броженіе, происходившее тогда въ англійскомъ пролетаріатѣ; онъ, видимо, не имѣлъ никакого понятія о выдающихся вождяхъ тогдашнихъ тредъ-юніоновъ, какъ Эпльгартъ, Оджеръ, Эккаріусъ, Алланъ и т. д., которые способствовали повороту въ рабочемъ движеніи и съ которыми Марксъ поддерживалъ самыя тѣсныя сношенія; зато онъ познакомился въ Англіи съ парадоксальнымъ консерваторомъ Карлейлемъ и съ буржуазнымъ публицистомъ Дж. Льюисомъ! [1]).

Таковъ былъ кругъ герценовскихъ знакомствъ, не остававшійся, конечно, безъ вліянія на его психику и настроеніе. Не менѣе интересенъ кругъ его вліянія. На кого хотѣлъ вліять Герценъ? Основывая свой «Колоколъ», [2]) Герценъ и не думалъ апеллировать къ тѣмъ, чьи интересы онъ бралъся защищать; на активную историческую роль народныхъ массъ и въ частности крестьянства онъ совершенно не разсчитывалъ, онъ обращался къ уму и совѣсти господствующихъ классовъ, въ частности къ династіи и къ дворянству. Какая колоссальная разница въ этомъ отношеніи между нимъ и Чернышевскимъ! Чернышевскій, стоявшій на классовой точкѣ зрѣнія, прекрасно понималъ, что, если крестьянская реформа будетъ проводиться помѣщиками и бюрократами, она будетъ непремѣнно искажена и осуществлена во вредъ народнымъ интересамъ. Дѣйствительное освобожденіе крестьянъ и трудящихся вообще, на взглядъ Чернышевскаго, возможно было только на условіи ихъ самостоятельнаго и радикальнаго историческаго дѣйствія, наступленіе котораго онъ всѣми силами подготовлялъ и призывалъ. Въ своемъ недовѣріи къ тогдашней постановкѣ дѣла Чернышевскій доходилъ даже до нежe-

---

[1]) Любопытенъ отзывъ консервативной газеты «Times» о «Былomъ и Думахъ»: «Герценъ пишетъ въ духѣ нашихъ лучшихъ и наименѣе неистовыхъ либераловъ—въ духѣ людей, которые, обрушиваясь со всею силою противъ существующихъ формъ общества, чуждаются фанатизма и бурныхъ пошлостей чартистской школы». Это замѣчаніе не лишено извѣстной мѣткости.

[2]) Извѣстная газета Герцена, выходившая съ 1857 по 1868 г. и пользовавшаяся вначалѣ большимъ вліяніемъ среди либеральныхъ словъ общества и даже въ высшихъ сферахъ.

ланія реформъ при отсутствіи условій, гарантирующихъ ихъ удовлетворительное проведеніе; онъ готовъ былъ признать, что освобожденіе крестьянъ безъ земли было бы выгоднѣе для трудящихся массъ, чѣмъ то половинчатое рѣшеніе, которое вопросъ получилъ въ дѣйствительности: такое освобожденіе безъ земли онъ готовъ былъ предпочесть потому, что, по его мнѣнію, это было единственное средство расшевелить косную народную массу и возбудить въ ней движеніе, которое смело бы старый режимъ цѣликомъ и дало бы народу настоящую землю и волю.

Герцену же классовая точка зрѣнія была совершенно чужда. Даже когда вполнѣ выяснилось, что крестьянская реформа извращается господствующимъ классомъ, послѣ назначенія Панина на мѣсто Ростовцева, Герценъ не апеллируетъ къ самодѣятельности народной массы, а призываетъ «меньшинство дворянства сомкнуться и взять въ свои руки дѣло освобожденія крестьянъ» («Колоколъ», 15 марта 1860 г.). Неоднократно доказывалъ Герценъ, что верховная власть въ Россіи можетъ стать во главѣ народнаго освобожденія. Въ статьѣ «Журналисты и террористы» (15 августа 1862 г.) Герценъ, полемизируя съ революціонной молодежью изъ «Молодой Россіи», доказываетъ ей, что власть царская можетъ стать властью народной, когда она пойметъ, что требованія выдвигаются дѣйствительно народной массой. «Императорская власть у насъ только власть, т. е. сила, устройство, обзаведеніе, содержанія въ ней нѣтъ, обязанностей на ней не лежитъ, она можетъ сдѣлаться татарскимъ ханатомъ и французскимъ комитетомъ общественнаго спасенія,—развѣ Пугачевъ не былъ императоромъ Петромъ III?...Николай подъ самодержавіемъ разумѣлъ сочетаніе власти азіатскаго шаха и прусскаго вахмистра. Народъ подъ земскимъ царемъ представляетъ себѣ какую-то соціальную республику, накрытую мономаховой шапкой... Стань (!) царская власть во главу народнаго дѣла, гдѣ найдется достаточная сила, могущая бороться съ ней и ей противодѣйствовать во имя своихъ корыстныхъ интересовъ касты, сословія?» И послѣ такого блестящаго классоваго анализа характера россійскаго самодержавія Герценъ совѣтуетъ молодежи «оставить революціонную риторику и заняться дѣломъ», такъ какъ французы-де доказали, что «за переводъ съ феодально-монархическаго языка мѣстъ и чиновъ на римско-республиканскій не стоитъ проливать не только крови, но и чернилъ».

Въ такомъ же духѣ написанъ и конецъ статьи о Каразинѣ. Кто будетъ тотъ суженый, который освободитъ народную массу?—спрашиваетъ Герценъ. «Императоръ ли, который, отрекаясь отъ петровщины, совмѣститъ въ себѣ царя и Стеньку Разина? Новый ли Пестель, опять ли Емельянъ Пугачевъ, казакъ, царь и раскольникъ, или пророкъ и крестьянинъ, какъ Антонъ Безднинскій? Трудно сказать, это частности (!), des détailstrusm какъ говорятъ французы. Кто бы ни былъ, наше дѣло идти къ нему навстрѣчу съ хлѣбомъ и солью!»

Ставъ на такую оригинальную точку зрѣнія, Герценъ сдѣлалъ своей спеціальностью писаніе писемъ къ царю и другимъ членамъ царствующаго дома; въ этихъ письмахъ онъ уговаривалъ ихъ, убѣждалъ, усовѣщевалъ, заклиналъ и грозилъ. Въ открытомъ письмѣ къ Александру II отъ 10 марта 1855 г. онъ писалъ между прочимъ: «Разумѣется, моя хоругвь—не ваша: я—неисправимый соціалистъ, вы—самодержавный императоръ; но между вашимъ знаменемъ и моимъ можетъ быть одно общее...—любовь къ народу». Оффиціальное правительство съ Александромъ II во главѣ Герценъ отдѣляетъ отъ тайнаго правительства, враждебнаго реформамъ и состоящаго изъ А. Орлова, М. Муравьева, Панина и др. По поводу первоначальныхъ проектовъ главнаго комитета по крестьянскому дѣлу «Колоколъ» обращался къ царю въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Государь!... Остановитесь! Не утверждайте!... Ради всего святого умоляемъ васъ: не утверждайте! Одумайтесь!» Герценъ настолько увлекался этой нѣсколько односторонней перепиской, что простеръ свои заботы до вмѣшательства въ воспитаніе наслѣдника, чему посвящено было его письмо къ императрицѣ Маріи Александровнѣ отъ 1 ноября 1858 г. На праздникѣ по поводу освобожденія крестьянъ Герценъ собирался въ присутствіи эмигрантовъ разныхъ націй при звукахъ марсельезы предложить тостъ за Александра II. «Мы очень хорошо знали,—говоритъ онъ,—отвѣтственность, которую на насъ обрушивалъ этотъ тостъ,—мы подвергались тупому порицанію всѣхъ ограниченностей, желчной клеветѣ всѣхъ мелкихъ завистей». Но, къ счастью, варшавскіе разстрѣлы помѣшали Герцену презрѣть шипѣніе мелкихъ ограниченностей и провозгласить этотъ историческій тостъ.

Публика герценовскаго «Колокола» состояла изъ либераль-

ныхъ помѣщиковъ и либеральничающихъ бюрократовъ; до тѣхъ поръ, пока онъ говорилъ ихъ языкомъ, поддѣлывался къ ихъ предразсудкамъ и не задѣвалъ рѣзко ихъ классовыхъ интересовъ, онъ пользовался силой и вліяніемъ. Это были, выражаясь его собственными словами, «генералы изъ либераловъ, либералы изъ статскихъ совѣтниковъ, придворныя дамы съ жаждой прогресса и флигель-адъютанты съ литературой». То же самое объяснялъ Герцену Тургеневъ, протестуя противъ его славянофильски-соціалистическаго мессіанизма: «Эхъ, старый другъ, повѣрь: единственная точка опоры для живой пропаганды—то меньшинство образованнаго класса въ Россіи, которое Бакунинъ называетъ и гнилыми, и оторванными отъ почвы, и измѣнниками. Во всякомъ случаѣ для тебя другой публики нѣтъ». Упадокъ «Колокола» послѣ 1863 г. и объяснялся тѣмъ, что Герценъ утратилъ симпатіи этой дворянски-либеральной публики. И утратилъ то онъ ихъ не только потому, что принялъ сторону польскаго возстанія, но и потому, что съ пріѣздомъ Бакунина въ «Колоколѣ» живѣе забилась соціалистическая жилка. Публика Герцена ничего не имѣла противъ его умѣренно-либеральной программы, противъ проповѣди освобожденія крестьянъ и надѣленія ихъ частью земли за выкупъ, даже противъ свободы слова, но ей рѣшительно претили коммунистическія теоріи. И Тургеневъ откровенно объяснилъ это Герцену въ отвѣтъ на вопросъ послѣдняго, почему онъ не расположенъ къ Огареву какъ къ писателю: «Огареву я не сочувствую... потому что въ своихъ статьяхъ, письмахъ и разговорахъ онъ проповѣдуетъ старинныя (!) соціалистическія теоріи общей собственности и т. д., съ которыми я не согласенъ (Бакстъ въ Гейдельбергѣ, напримѣръ, объявилъ мнѣ, что «Николай Платоновичъ (Огаревъ) не потому опровергаетъ «Положеніе», что оно несправедливо для крестьянъ, а потому, что оно освящаетъ принципъ частной собственности въ Россіи»)... «Колоколъ гораздо менѣе читается съ тѣхъ поръ, какъ въ немъ сталъ царствовать Огаревъ».—Эта фраза стала въ Россіи тѣмъ что въ Англіи называется a truism. «Колоколъ», напечатавшій безъ протеста половину манифеста Бакунина и соціалистическія статьи Огарева,—уже не прежній «Колоколъ»! И Тургеневъ былъ совершенно правъ съ своей умѣренно-либеральной точки зрѣнія. Сви-

даніе и разговоръ съ Самаринымъ въ іюлѣ 1864 г. показали Герцену, что вліяніе его на либерально-дворянскую публику утеряно безвозвратно. Это открытіе поразило его тѣмъ больнѣе, что вліянія на новую разночинную демократію онъ не пріобрѣлъ, да по всей своей тактикѣ и пріобрѣсти не могъ.

Дѣло въ томъ, что въ политикѣ Герценъ оказался величайшимъ оппортунистомъ. Проявляя въ теоретической области, какъ ему казалось, величайшую смѣлость, онъ на практикѣ выказалъ крайнюю осторожность и, мы бы сказали, трезвенность: эти качества Герцена-политика связаны были съ характеромъ того круга, на который Герценъ намѣревался вліять. Въ 1855 и слѣдующихъ годахъ Герценъ выдвинулъ умѣренно-либеральную программу, состоявшую изъ четырехъ пунктовъ: 1) освобожденіе крестьянъ отъ помѣщиковъ; 2) освобожденіе слова отъ цензуры; 3) освобожденіе суда отъ мрака канцелярской тайны; 4) отмѣна тѣлесныхъ наказаній. Ту же программу онъ повторилъ и въ «Колоколѣ». А на указанія, что даже эта скромная программа не можетъ быть выполнена безъ предварительной политической реформы, Герценъ, по тактическимъ соображеніямъ умалчивавшій о конституціонномъ преобразованіи, отвѣчалъ: сначала осуществимъ эту программу, а «съ становымъ и квартальнымъ сдѣлаемся потомъ»!

Въ этомъ отношеніи Чернышевскій обнаружилъ гораздо больше политической сознательности. Онъ полагалъ, что радикальное рѣшеніе крестьянскаго вопроса немыслимо безъ предварительнаго совершенія политическаго переворота, произведеннаго массами въ интересахъ массъ. «Какъ ни важенъ,—писалъ онъ,—представляется мнѣ вопросъ о сохраненіи общиннаго владѣнія, но онъ все-таки составляетъ только одну сторону дѣла, которому принадлежитъ. Какъ высшая гарантія благосостоянія людей, до которыхъ относится, этотъ принципъ получаетъ смыслъ только тогда, когда уже даны *другія низшія гарантіи* благосостоянія, нужныя для доставленія его дѣйствію простора». Чернышевскій чуждъ былъ политическаго индифферентизма. На каторгѣ онъ говорилъ своимъ товарищамъ, что страшнѣе всего —безформенное чудовище, всепоглащающій Левіафанъ», т.-е. абсолютизмъ.

Герценъ же подъ вліяніемъ разочарованія въ политическихъ формахъ, вызваннаго въ немъ банкротствомъ революціи 1848 года,

причинъ котораго онъ не понялъ, сознательно отдѣлилъ политическій вопросъ отъ соціальнаго. По его мнѣнію русская жизнь послѣ Крымской войны выдвинула не вопросъ о конституціи, республикѣ, парламентѣ, муниципальной свободѣ и т. д., а вопросъ объ освобожденіи крестьянъ съ землею, т. е. якобы чисто соціальный вопросъ безъ примѣси политическаго элемента. «Увидавъ это, мы бросили все и прилѣпились къ этому жизненному вопросу для Россіи. И вотъ вамъ причина нашего успѣха. Тотъ только «Колоколъ» и слушаютъ люди, который зоветъ ихъ туда, куда имъ идти надобно. Представьте себѣ, что середь распрей и споровъ въ самомъ дворянствѣ, середь зачатковъ борьбы двухъ бойцовъ, до того времени гладившихъ другъ друга по головкѣ и въ первый разъ поглядѣвшихъ съ ненавистью другъ на друга (т. е. самодержавія и дворянства!—Ю. С.),—представьте, что середь этой борьбы, совершающейся передъ необозримымъ количествомъ народа, мрачно ждущаго, кто кого сломитъ, но который нисколько не намѣренъ уступить ни вершка земли, нашъ «Колоколъ» сталъ бы звонить всемірной республикѣ и солидарности народовъ? Какъ вы думаете, эти люди, дерущіеся не на животъ, а на смерть, которые теперь съ любовью или ненавистью читаютъ наши слова, стали бы читать наши дифирамбы и разглагольствованія? Ихъ отвѣтъ можно предвидѣть: «Что вы намъ толкуете о всемірной республикѣ, которой нигдѣ нѣтъ, о братствѣ народовъ, которые вездѣ рѣжутся; мы все это читали въ Руссо и Вольтерѣ, въ исторіи первой революціи и въ газетахъ 1848 года. У насъ теперь забота растолковать, что такое усадебная земля и сколько десятинъ пашни дать крестьянину, ну гдѣ же намъ читать ваши декламаціи!» Колоколу пришлось бы прикусить свой желѣзный языкъ. Вы видите, что нашъ маккіавелизмъ, наша политика очень просты. Мы говоримъ о тѣхъ вопросахъ, которые теперь выдвинуты жизнью, и безъ разрѣшенія которыхъ Левіафанъ сядетъ на мель».

Въ этой характерной цитатѣ Герценъ самъ связываетъ свой оппортунизмъ и политическій инифферелтизмъ съ характеромъ своей дворянской публики. Онъ учитываетъ только конфликты внутри дворянства, о самостоятельномъ же историческомъ дѣйствіи народа и не помышляетъ и къ нему не зоветъ. Противопоставленіе широкихъ политическихъ задачъ частичнымъ эконо-

мическимъ вопросамъ, выдвинутымъ жизнью, блестяще опровергается дѣятельностью Чернышевскаго, Никто не писалъ такъ много о томъ, «что такое усадебная земля и сколько десятинъ пашни дать крестьянину», какъ Чернышевскій, но это отнюдь не помѣшало ему поставить на очередь политическій вопросъ и тѣсно связать его съ соціальнымъ.

Ставъ на свою оппортунистическую позицію, Герценъ не могъ, разумѣется, высказываться за радикальное рѣшеніе даже крестьянскаго вопроса. Семевскій замѣтилъ, что программа Герцена за исключеніемъ пункта о сохраненіи за крестьянами всей земли, которою они фактически владѣли, сдѣлалась впослѣдствіи программою правительства; но развѣ ею могла напримѣръ сдѣлаться программа Чернышевскаго? Достаточно только поставить этотъ вопросъ, чтобы для насъ сразу стала ясною колоссальная разница позицій, занятыхъ обоими писателями. Программа Герцена это была въ сущности программа либеральныхъ помѣщиковъ, либеральныхъ дѣятелей губернскихъ комитетовъ вродѣ Самарина, Кошелева, Унковскаго, Головачева и т. п. Какъ разъ съ этими либеральничающими бюрократами и помѣщиками отчаянно боролся Чернышевскій, отстаивая противъ нихъ, равно какъ и противъ откровенныхъ крѣпостниковъ, дѣйствительные интересы трущихся массъ. Чернышевскій стоялъ за радикальное, демократическое рѣшеніе крестьянскаго вопроса, которое должно было провести рѣзкую грань между старой и новой Россіей и заложить основы новой, свободной, демократической жизни; для этого онъ апеллировалъ къ самодѣятельности народной массы. Герценъ, игнорируя эту послѣднюю, въ дѣйствительности отстаивалъ умѣренную реформу, которая—хотѣлъ ли онъ этого или нѣтъ—должна была надолго закрѣпить господство помѣстнаго дворянства въ русской общественной жизни.

Достаточно отмѣтить ихъ различное отношеніе къ двумъ основнымъ пунктамъ крестьянской реформы: къ вопросу о количествѣ земель, предоставляемыхъ крестьянству, и о выкупѣ за эту землю. Герценъ никогда не высказывался за предоставленіе крестьянамъ всей земли и за экспропріацію землевладѣльцевъ; онъ говорилъ лишь о необходимости сохранить за крестьянами всю ту землю, которою они пользовались до освобожденія. Но на это шли и либеральные помѣщики. Совершенно иначе ставилъ

этотъ вопросъ Чернышевскій. Правда, работая въ подцензурномъ журналѣ, онъ не могъ открыто высказываться за полную экспропріацію землевладѣльческаго класса (на что Герценъ имѣлъ полную возможность, если бы хотѣлъ); но въ скрытой формѣ онъ, насколько могъ, выдвигалъ именно такое рѣшеніе вопроса. Въ знаменитой статьѣ «Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго землевладѣнія» Чернышевскій, говоря о нисшихъ гарантіяхъ, необходимыхъ для доставленія полнаго простора дѣйствію общиннаго принципа, указываетъ, какъ на одну изъ такихъ гарантій, не принадлежность ренты трудящимся, т. е. на передачу всей земли народу. Герценъ же, который писалъ въ зарубежномъ «Колоколѣ» и, значитъ, имѣлъ полную возможность провозгласить этотъ принципъ, не прибѣгая къ эзоповскому языку, нигдѣ не высказывается въ этомъ смыслѣ.

Точно такъ же обстояло дѣло и съ вопросомъ о выкупѣ. Герценъ рѣшаетъ его въ положительномъ смыслѣ, онъ нигдѣ ни словомъ не намекаетъ на то, что выкупъ крестьянскихъ земель, который въ сущности являлся уплатой помѣщикамъ за личность крѣпостныхъ рабовъ, принципіально недопустимъ и ложится тяжелымъ бременемъ на трудящуюся массу. Онъ разсматривалъ различныя возможныя формы этого выкупа, говорилъ о необходимости возложить его на всю націю, о заключеніи внутренняго займа для выкупа крѣпостныхъ, но принципіально ему и въ голову не приходило противъ него высказываться. Скажутъ, что Чернышевскій въ своихъ знаменитыхъ статьяхъ по крестьянскому вопросу также допускалъ этотъ выкупъ и между прочимъ также говорилъ о томъ, что расходы по освобожденію крестьянъ должна нести вся нація; что онъ также писалъ лишь о размѣрахъ этого выкупа, доказывая, что выкупъ этотъ долженъ быть небольшой. Но опять-таки не слѣдуетъ забывать, что открыто высказывать свой взглядъ Чернышевскій, въ отличіе отъ Герцена, не могъ по цензурнымъ условіямъ; между строкъ же онъ всячески намекалъ на недопустимость этого выкупа. Раскрыть свои карты Чернышевскому пришлось только въ романѣ «Прологъ», написанномъ въ Сибири. Убѣждая революціонера Соколовскаго [1]) не

[1]) Подъ именемъ Соколовскаго Чернышевскій, какъ извѣстно, вывелъ знаменитаго польскаго революціонера Сѣраковскаго, вло-

вѣрить либераламъ и скептически относиться къ толкамъ о затѣваемыхъ серьезныхъ реформахъ, Волгинъ (Чернышевскій) утверждаетъ, что бѣды не будетъ, если дѣло освобожденія крестьянъ будетъ передано въ руки крѣпостнической партіи. Разница не колосальная, а ничтожная: была бы колоссальная, если бы крестьяне получили землю безъ выкупа. [1]) Такимъ образомъ въ этомъ основномъ вопросѣ Чернышевскій отстаивалъ стремленія и интересы крестьянской массы и предлагалъ радикально-демократическое рѣшеніе вопроса, тогда какъ Герценъ отстаивалъ умѣренно-либеральную точку зрѣнія и выражалъ взгляды либеральныхъ помѣщиковъ.

По разсказу Стахевича [2]), Чернышевскій упрекалъ Герцена между прочимъ за то, что тотъ не выставляетъ опредѣленной политической и соціальной программы, что онъ, изобличая отдѣльныя отрицательныя явленія русской жизни, не связываетъ ихъ съ общимъ характеромъ государственнаго строя, отъ котораго эти явленія зависятъ. Но въ разсматриваемый моментъ Герценъ какъ-разъ и считалъ своею силою то, что Чернышевскій признавалъ его недостаткомъ. «Мы, сколько могли,—писалъ Герценъ впослѣдствіи въ статьѣ «Порядокъ торжествуетъ» («Колоколъ», 1 декабря 1866 г.),—отстраняли всѣ вопросы, не находившіеся на череду». Въ практической политикѣ Герценъ придерживался теоріи стадій. Въ письмахъ къ «Старому товарищу» (Бакунину) онъ формулируетъ свою тактику, которой слѣдовалъ и въ «Колоколѣ»,

---

слѣдствіи повѣшеннаго Муравьевымъ (см. подробно въ нашей книгѣ «Н. Г. Чернышевскій», 1909, стр. 362 сл.). Пользуемся случаемъ, чтобы указать на странную ошибку, въ которую впалъ г. Аничковъ, заявившій, что въ лицѣ Соколовскаго Чернышевскій вывелъ В. Костомарова, извѣстнаго предателя Рѣшительно непонятно, откуда это взялъ г. Аничковъ (см. его статью о Добролюбовѣ въ № 8 «Совр. Міръ» за 1911 годъ).

[1]) Бакунинъ въ своихъ письмахъ къ Герцену также указывалъ на эту сторону вопроса. «Если земля крестьянская,—писалъ онъ,—такъ зачѣмъ же выкупъ—и какой еще выкупъ! Разворившій крестьянъ, принужденныхъ идти по цѣлой Россіи брать худшую землю за хорошія деньги» (Письма Бакунина къ Герцену и Огареву, Женева, 1896, стр. 179).

[2]) Революціонеръ, былъ на каторгѣ въ одно время съ Чернышевскимъ.

въ такихъ выраженіяхъ: «Я не вѣрю въ прежніе революціонные пути и стараюсь понять шагъ людской въ быломъ и настоящемъ, для того чтобы знать, какъ идти съ нимъ въ ногу, не отставая и не забѣгая въ такую даль, въ которую люди не пойдутъ за мною, не могутъ идти». Стремясь въ силу своего темперамента непосредственно вліять на ходъ историческихъ событій, не довольствуясь подготовкой элементовъ для будущаго историческаго дѣйствія, онъ пошелъ по линіи наименьшаго сопротивленія и примкнулъ къ той фракціи господствующаго класса, которая, какъ ему казалось, склонна была приступить къ реформамъ. Въ этомъ и заключалось его основная ошибка, связавшая полетъ его мощнаго духа, заставившая его забыть свою критику европейской буржуазіи и толкнувшая его на скользкій путь оппортунизма. Онъ хотѣлъ быть только на одинъ шагъ впереди массы, а такъ какъ его массою была умѣренно-либеральная дворянская публика, ему пришлось безпощадно урѣзывать не только свой соціализмъ, но и свой демократизмъ: держась на одинъ шагъ впереди либеральныхъ помѣщиковъ, онъ и не замѣтилъ, какъ очутился на сто шаговъ позади демократической массы.

Впослѣдствіи Герценъ подъ вліяніемъ Чернышевскаго и Бакунина заговорилъ другимъ языкомъ. Въ статьѣ «Исполинъ просыпается» («Колоколъ», 1 ноября 1861 г.) Герценъ, по поводу студенческихъ волненій и закрытія университета, обратился къ молодежи съ призывомъ идти въ народъ: «Но куда же вамъ дѣться, юноши, отъ которыхъ заперли науку?... Сказать вамъ, куда? Прислушайтесь—благо тьма не мѣшаетъ слушать—со всѣхъ сторонъ огромной родины нашей: съ Дона и Урала, съ Волги и Днѣпра растетъ стонъ, поднимается ропотъ—это начальный ревъ морской волны, которая закипаетъ, чреватая бурями, послѣ страшно утомительнаго штиля. Въ народъ! къ народу!—вотъ ваше мѣсто, изгнанники науки, покажите этимъ Бистромамъ, что изъ васъ выйдутъ не подъячіе, а воины, но не безродные наемники, а воины народа русскаго. Хвала вамъ! вы начинаете новую эпоху, вы поняли, что время шептанія, дальнихъ намековъ, запрещенныхъ книгъ проходитъ. Вы тайно еще печатаете дома, но явно протестуете. Хвала вамъ, меньшіе братья, и наше дальнее благословеніе! О, еслибъ вы знали, какъ билось сердце, какъ слезы готовы были литься—когда мы читали о студентскомъ днѣ въ Петербургѣ!»

Въ этихъ строкахъ во весь ростъ встаетъ передъ нами настоящій, великій, вѣчный Герценъ. Герценъ новой демократической Россіи. Подобно древнему Антею, онъ снова обрѣталъ свою мощь и пылъ, какъ только прикасался къ свѣжей почвѣ новыхъ народныхъ демократическихъ слоевъ. Въ № 221 «Колокола» отъ 1 іюня 1866 г. Герценъ, подъ впечатлѣніемъ извѣстій о репрессіяхъ послѣ караковозскаго покушенія, писалъ: «Передъ этимъ письмомъ мы остановились съ какой-то безконечной жгучей болью... Несчастный народъ, въ которомъ могла зародиться и назрѣть такая среда, наглая и уродская, которая безнаказанно учитъ палачей, рукоплещетъ имъ и натравливаетъ ихъ!... У насъ была готова статья, но, прочитавши письмо, мы ее разорвали: все слабо, бѣдно, словъ недостаетъ, мы это глубоко чувствуемъ. Но нельзя же и руки сложить въ праздномъ озлобленіи, нельзя же замолчать съ проклятіемъ на губахъ. Нѣтъ, это была бы измѣна всей нашей жизни, а ея не много впереди. Мы остатокъ ея употребимъ на обличеніе передъ міромъ историческаго преступленія, совершающагося въ Россіи, и на подкрѣпленіе и утѣшеніе несчастнаго молодого поколѣнія, идущаго на мученичество за свою святую любовь къ истинѣ, за свою вѣру въ Россію. Мы, старики, станемъ у изголовья гонимыхъ, отирая пятна клеветы и благословляя погибающихъ провозвѣстниковъ будущей Россіи».

Вотъ какія трогательныя ноты Герценъ находилъ въ своемъ сердцѣ, когда говорилъ о молодомъ поколѣніи какъ другъ и товарищъ. Но, къ сожалѣнію, въ своемъ отношеніи къ новой революціонной молодежи онъ не удержался на этой благожелательной позиціи. Двойственность герценовской натуры сказалась и здѣсь. Теоретически преклоняясь передъ героизмомъ юныхъ борцовъ, смѣло выступившихъ посреди всеобщаго молчанія, благословляя ихъ на дальнѣйшіе подвиги, Герценъ при непосредственномъ столкновеніи съ представителями революціонной молодежи не сумѣлъ взять по отношенію къ ней надлежащаго тона, не сумѣлъ за частичными недостатками разглядѣть ея достоинствъ. Недоразумѣнія съ молодой эмиграціей отравили послѣдніе годы Герцена, и нужно сказать, что, если молодежь была во многомъ несправедлива къ Герцену, то еще болѣе несправедливъ онъ оказался по отношенію къ ней. Здѣсь повторилось то же колоссальное историческое недоразумѣніе, которое нѣкогда побудило Герцена обру-

шиться на Чернышевскаго и Добролюбова, заслуги которыхъ онъ впослѣдствіи долженъ былъ признать.

Извѣстно, что Герценъ жестоко напалъ на Добролюбова и Чернышевскаго за безпощадное разоблаченіе ими дряблости, безсилія и классовой ограниченности россійскихъ либераловъ. Послѣ всего, что мы выше говорили о позиціи, занятой Герценомъ въ крестьянскомъ вопросѣ, совершенно естественно, что конфликтъ между обѣими соціально-политическими тенденціями неизбѣжно долженъ былъ разгорѣться. Герценъ, проводившій въ «Колоколѣ» умѣренно-либеральную программу дворянскаго меньшинства, почувствовалъ себя лично задѣтымъ той рѣзкой критикой, которую Чернышевскій и Добролюбовъ обратили противъ дворянскаго либерализма. Герценъ первый бросилъ перчатку «свистунамъ» и выступилъ на защиту «отцовъ» противъ «дѣтей», людей 40-хъ годовъ противъ шестидесятниковъ, умѣренныхъ либераловъ противъ революціонныхъ демократовъ. Въ № 44 «Колокола» за 1859 годъ появилась статья Герцена «Very dangerous!!!», прямо направленная противъ кружка Чернышевскаго. «Въ послѣднее время,—писалъ Герценъ,—въ нашемъ журнализмѣ стало повѣвать какой-то тлетворной струей, какимъ-то развратомъ мысли». Герценъ отказывается признать взгляды Чернышевскаго и Добролюбова за выраженіе общественнаго мнѣнія и высказываетъ предложеніе, что ихъ антилиберальная компанія подсказана имъ правительствомъ. «Журналы, сдѣлавшіе себѣ пьедесталъ изъ благородныхъ негодованій и чуть не ремесло изъ мрачныхъ сочувствій ко страждущимъ, катаются со смѣху надъ обличительной литературой, надъ неудачными опытами гласности. И это не то чтобы случайно, но при большомъ театрѣ ставятъ особые балаганчики для освистыванія первыхъ опытовъ свободнаго слова литературы, у которой еще не заросли волосы на головѣ, такъ она недавно сидѣла въ острогѣ» [1]).

Возмущенный насмѣшками радикаловъ надъ умѣренными либералами, Герценъ напоминаетъ «свистунамъ», какъ сурово общественное мнѣніе казнило за гражданскія «измѣны или шаткости», приводитъ примѣръ Гоголя и Сенковскаго и утверждаетъ,

[1]) Театръ—это «Современникъ», а балаганчикъ при немъ—это «Свистокъ», выходившій въ видѣ приложенія къ журналу.

что въ смѣхѣ Чернышевскаго и Добролюбова нѣтъ «того вѣчно тревожащаго демона любви и негодованія», который замѣчался у Бѣлинскаго и Грановскаго. Теперь, дескать, наступила эпоха серьезныхъ общественныхъ начинаній. «Вотъ потому-то въ такое время пустое балагурство скучно, неумѣстно; но оно дѣлается отвратительно и гадко, когда привѣшиваетъ свои ослиные бубенчики къ тройкѣ, которая, въ поту и выбиваясь изъ силъ, вытаскиваетъ— можетъ, иной разъ оступаясь—нашу телѣгу изъ грязи!.. Истощая свой смѣхъ на обличительную литературу, милые паяцы наши забываютъ, что по этой скользкой дорогѣ можно досвистаться не только до Булгарина и Греча, но (чего Боже сохрани!) и до Станислава на шею».

По поводу этой скандальной и безтактной статьи Герцена, въ которой радикалы выставлялись чуть ли не агентами-провокаторами и подголосками реакціи, между Герценомъ и Чернышевскимъ состоялась личное объясненіе, для чего Чернышевскій ѣздилъ въ іюнѣ 1859 года за-границу. Это объясненіе, натурально, ни къ чему не привело, такъ какъ въ разсматриваемый моментъ оба собесѣдника стояли на противоположныхъ полюсахъ: Чернышевскій говорилъ отъ имени революціонной демократіи, а Герценъ занималъ позицію просвѣщеннаго либерализма и еще не отдѣлался отъ надеждъ на либеральныхъ дворянъ и либеральничающую бюрократію. Чернышевскій изъ всѣхъ споровъ съ Герценомъ сдѣлалъ выводъ, что его оппонентъ очень умный, но отсталый человѣкъ, у котораго «въ нутрѣ московскій баринъ сидитъ». Онъ сохранилъ отрицательное отношеніе къ пропагандѣ Герцена и съ особенной рѣзкостью выразилъ его въ своей статьѣ «О причинахъ паденія Рима», гдѣ подъ вліяніемъ неостывшаго озлобленія назвалъ его «глупцомъ или безумцемъ»: это была отплата за «паяцовъ» и «Станислава на шею».

Послѣ объясненія съ Чернышевскимъ Герценъ принужденъ былъ отказаться отъ своихъ прежнихъ инсинуацій по адресу крайнихъ лѣвыхъ, дѣйствующихъ якобы по внушенію правительства. Въ статьѣ «Лишніе люди и желчевики», въ которой онъ чрезвычайно пристрастно и односторонне изложилъ свою бесѣду съ вождемъ революціонныхъ демократовъ, Герценъ уже признаетъ, что они—люди добрѣйшіе по сердцу и благороднѣйшіе по направленію, но прибавляетъ, что тономъ своимъ они

способны довести ангела до драки и святого до проклятія. Герценъ защищаетъ людей 40-хъ годовъ отъ несправедливыхъ, по его мнѣнію, нападокъ радикаловъ, но совершенно не касается основного раздѣлявшаго ихъ вопроса объ отношеніи къ тогдашнему россійскому либерализму и къ реформамъ 60-хъ годовъ. А между тѣмъ жизнь постепенно разбила иллюзіи Герцена и показала ему, что въ своей критикѣ буржуазнаго либерализма вообще и тогдашнихъ россійскихъ прогрессистовъ изъ дворянъ въ частности Чернышевскій съ товарищами были совершенно правы. Почти всѣ единомышленники Герцена, за которыхъ онъ ринулся въ бой съ Чернышевскимъ, довольно скоро измѣнили ему и продали свою шпагу. Выше мы уже говорили о поведеніи Тургенева и Кавелина, съ которыми Герцену пришлось вступить въ рѣзкую полемику; но большинство прежнихъ товарищей Герцена поступили еще хуже, и многіе изъ нихъ открыто перешли въ лагерь восторжествовавшей реакціи. Стоитъ вспомнить то, что Герценъ разсказываетъ о М. Щепкинѣ (который въ 1853 году пріѣзжалъ къ нему отъ имени московскихъ друзей уговорить Герцена прекратить свою дѣятельность, раскаяться и добиться прощенія у правительства), о Кетчерѣ,[1]) перешедшемъ въ станъ мракобѣсовъ и т. д. Грановскаго [2]) отъ этой печальной участи и отъ окончательнаго разрыва съ Герценомъ спасла только преждевременная смерть. И въ концѣ концовъ Герцену пришлось признать правоту Чернышевскаго. Въ вышецитированной статьѣ «Порядокъ торжествуетъ» Герценъ посвятилъ сочувственныя строки сильной личности Чернышевскаго. Послѣдній, пишетъ Герценъ, не принадлежалъ исключительно ни къ одной соціальной доктринѣ, но имѣлъ глубокій соціальный смыслъ и глубокую критику существующихъ порядковъ. «Стоя одинъ выше всѣхъ головой, середь петербургскаго броженія вопросовъ и силъ, середь застарѣлыхъ пороковъ и начинающихся угрызеній совѣсти, середь молодого желанія иначе жить, вырваться изъ обычной грязи и неправды, Чернышевскій рѣшился схватиться за руль,

[1]) Переводчикъ Шекспира, нѣкогда стоялъ близко къ московскому кружку Герцена.

[2]) Извѣстный московскій профессоръ и просвѣтитель, умѣренный либералъ.

пытаясь указать жаждавшимъ и стремившимся—что имъ дѣлать... Пропаганда Чернышевскаго была отвѣтомъ на настоящія страданія, слово утѣшенія и надежды гибнувшимъ въ суровыхъ тискахъ жизни. Она имъ указывала выходъ. Она дала тонъ литературѣ и провела черту между въ самомъ дѣлѣ юной Россіей и прикидывавшейся такою Россіей, немного либеральной, слегка бюрократической и слегка крѣпостнической. Идеалы ея были въ совокупномъ трудѣ, въ устройствѣ мастерской, а не въ тощей палатѣ, въ которой бы Собакевичи и Ноздревы разыгрывали «дворянъ въ мѣщанствѣ» и помѣщиковъ въ оппозиціи».

Этими строками Герценъ призналъ, что въ конфликтѣ, произошедшемъ между нимъ и Чернышевскимъ за семь лѣтъ до того, правда была на сторонѣ его оппонента, который сумѣлъ разглядѣть дѣйствительный характеръ либеральничающей, «слегка бюрократической и слегка крѣпостнической» Россіи, только «прикидывавшейся» прогрессивною, въ то время какъ онъ самъ возлагалъ на нее надежды, довѣрялъ ей дѣло освобожденія крестьянъ и въ угоду ей урѣзывалъ свою программу. Вышеприведенными строками, а также горячимъ протестомъ по поводу осужденія Чернышевскаго на каторгу Герценъ отчасти загладилъ свою вину передъ Чернышевскимъ лично. Но ему не удалось примириться съ молодымъ поколѣніемъ, котораго онъ ограниченно не въ состояніи былъ понять, и которое съ суровой принципіальностью чистой юности не хотѣло простить ему его безтактностей и тактическихъ колебаній.

Отношеніе молодой эмиграціи къ Герцену съ особенной рѣзкостью выразилось въ брошюрѣ А. Серно-Соловьевича «Наши домашнія дѣла» (1867). Авторъ ея, братъ Н. Серно-Соловьевича *), впослѣдствіи извѣстный пропагандистъ и дѣятель швейцарскаго Интернаціонала, говоря отъ имени молодого поколѣнія, особенно послѣдователей и учениковъ Чернышевскаго, утверждаетъ, что молодое поколѣніе давно поняло Герцена и отвернулось отъ него. Безжалостною рукою и съ явными преувеличеніями онъ переби-

*) Братья Серно-Соловьевичи—революціонеры 60-хъ годовъ. Николай былъ арестованъ въ 1862 г. и сосланъ въ Сибирь, гдѣ скоро умеръ. Второй братъ умеръ въ Швейцаріи въ 1869 году.

раетъ «измѣны», «промахи», политическія «безтактности» Герцера, «всѣ тѣ поэтическія — я хотѣлъ сказать политическія— метаморфозы, черезъ которыя несла васъ ваша артистическая, ламартиновская натура отъ краснаго республиканизма до поклоненія земскому царю, отъ дифирамбовъ Орсини... до киданія грязью въ Каракозова [1]). Дальше онъ проводитъ параллель между Герценомъ и Чернышевскимъ и издѣвается надъ утвержденіемъ Герцена, что онъ не только не былъ съ Чернышевскимъ въ антагонизмѣ, но что напротивъ они служили взаимнымъ дополненіемъ другъ другу. «Между вами и Чернышевскимъ, — говоритъ Серно-Соловьевичъ, — нѣтъ, не было, да и не могло быть ничего общаго. Вы два противоположные элемента, которые не могутъ существовать рядомъ другъ возлѣ друга; вы представители двухъ враждебныхъ натуръ, не дополняющихъ, а истребляющихъ одна другую, до того расходитесь вы во всемъ — отъ міросозерцанія до отношенія къ самимъ себѣ и людямъ, отъ общихъ вопросовъ до малѣйшихъ проявленій частной жизни».

«Чернышевскій человѣкъ по преимуществу логической, сдержанной, строго продуманной мысли, — вы спеціалистъ по энтузіазму; Чернышевскій человѣкъ науки, популяризовавшій всѣ послѣдніе выводы ея,—между вами и наукой столько же общаго, сколько между Валуевымъ и свободою; Чернышевскій человѣкъ объективной истины,—вы субъективныхъ ощущеній и восторговъ; Чернышевскій шелъ неуклонно однимъ вѣрнымъ путемъ къ цѣли,— вы сами сознаетесь, что безпрестанно мѣняете мундиры, путаетесь, сбиваетесь съ пути; Чернышевскій училъ: не вѣрьте ни одному правительству, хотя бы оно состояло изъ ангеловъ и въ тотъ день, когда я сдѣлался бы правительствомъ, перестаньте вѣрить мнѣ,—вы умилялись передъ идейкой земскаго царя и восклицали: »Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!»; Чернышевскій ненавидѣлъ декораціи, роли, громкія фразы,—вы олицетвореніе эффекта, театральныхъ подмостокъ, крика... Чернышевскій говорилъ: «И сей-

---

[1]) Каракозовъ—революціонеръ, стрѣлявшій 4 апрѣля 1866 г. въ царя Александра II и на вопросъ послѣдняго: «За что?» отвѣтившій: «За то, что ты обманулъ крестьянъ: обѣщалъ имъ землю и не далъ». Повѣшенъ послѣ пытокъ, а товарищи его сосланы въ каторгу.

дутъ эти (понимаете) люди со сцены, гордые, но скромные, суровые, но добрые, какъ всегда; они сдѣлали свое дѣло, люди получили отъ нихъ пользу, съ нихъ этого и довольно»,—вы чеканите медали съ своимъ портретомъ и формально требуете себѣ исторической благодарности; Чернышевскій со скромностью всѣхъ великихъ людей признавалъ умственное превосходство надъ собою юноши Добролюбова,—вы со скромностью, свойственной вамъ, заявляете себя основателемъ школы; Чернышевскаго идеаломъ была истина,—ваши идеалы измѣняются по настроенію духа: сегодня это Прудонъ, завтра Маццини, послѣзавтра Викторъ Гюго, самъ Викторъ Гюго!; Чернышевскій, этотъ холодный, недоступный Чернышевскій, радовался какъ ребенокъ всякому проявленію жизни въ Россіи, всякому поступку, выражавшему сознаніе, энергію,—вы до того только поэтъ свободы, что васъ поразилъ и грубо оскорбилъ даже свободный языкъ молодой эмиграціи, и вы совсѣмъ растерялись, найдя въ Женевѣ не толпу хамовъ и обожателей, а свободныхъ людей, говорящихъ съ вами такимъ же языкомъ, какъ со всѣми, и примѣняющихъ къ вамъ тотъ же критерій, что и ко всѣмъ смертнымъ; Чернышевскій основалъ дѣйствительную школу, онъ воспитывалъ людей, онъ образовалъ цѣлую фалангу людей,—гдѣ ваши послѣдователи, не знаю».

Герценъ не оставался въ долгу передъ молодежью. Если послѣдняя въ пылу полемики закрывала глаза на его блестящій талантъ, на его крупныя заслуги передъ освободительнымъ движеніемъ и на его личныя достоинства, то онъ съ своей стороны не видѣлъ въ ней никакихъ положительныхъ чертъ, подмѣчалъ только ея отрицательныя свойства, злобно раздувая ея недостатки и доходя въ этомъ отношеніи до скандальныхъ преувеличеній. Онъ объявилъ молодежь «Собакевичами и Ноздревыми нигилизма», узкими, рѣзкими, невѣжественными, лѣнивыми, одержимыми болѣзненнымъ и безцеремоннымъ самолюбіемъ, стремившимися ограбить его и взять «на дуванъ» его состояніе. Вотъ какъ онъ характеризуетъ ихъ въ статьѣ «Общій фондъ»: «Снимая все до послѣдняго клочка, наши enfants terribles гордо являлись какъ мать родила, а родила-то она ихъ плохо, вовсе не простыми дебелыми парнями, а наслѣдниками дурной и нездоровой жизни нисшихъ петербургскихъ слоевъ. Вмѣсто атлетическихъ мышцъ и юной наготы обнаружились печальные слѣды наслѣдственнаго

худосочія, слѣды застарѣлыхъ язвъ и разнаго рода колодокъ и ошейниковъ. Изъ народа было мало выходцевъ между ними. Передняя, казарма, семинарія, мелкопомѣстная господская усадьба, перегнувшись въ противоположное, сохранились въ крови и мозгу, не теряя отличительныхъ чертъ своихъ... Съ одной стороны реакція противъ старато, узкаго, давившаго міра должна была бросить молодое поколѣніе въ антагонизмъ и всяческое отрицаніе враждебной среды: тутъ нечего искать ни мѣры, ни справедливости. Напротивъ, тутъ дѣлается на зло, тутъ дѣлается въ отместку. Вы лицемѣры, мы будемъ циниками; вы были нравственны на словахъ, мы будемъ на словахъ злодѣями; вы были учтивы съ высшими и грубы съ нисшими, мы будемъ грубы со всѣми; вы кланяетесь, не уважая, мы будемъ толкаться, не извинялсь; у васъ чувство достоинства было въ одномъ приличіи и внѣшней чести, мы за честь себѣ поставимъ попраніе всѣхъ приличій и презрѣніе всѣхъ points d'honneur'овъ. Но съ другой стороны эта отрѣшенная отъ обыкновенныхъ формъ общежительства личность была полна своихъ наслѣдственныхъ недуговъ и уродствъ. Сбрасывая съ себя, какъ мы сказали, всѣ покровы, самые отчаянные стали щеголять въ костюмѣ гоголевскаго Пѣтуха, и притомъ не сохраняя позы Венеры Медицейской. Нагота не скрыла, а раскрыла, кто они. Она раскрыла, что ихъ систематическая неотесанность, ихъ грубая и дерзкая рѣчь не имѣетъ ничего общаго съ неоскорбительной и простодушной грубостью крестьянина и очень много съ пріемами подъяческаго круга, торговаго прилавка и лакейской помѣщичьяго дома... Мы невольно узнаемъ переднюю, казарму, канцелярію и семинарію по каждому ихъ движенію и по каждому слову. Бить въ рожу по первому возраженію, если не кулакомъ, то ругательнымъ словомъ, называть С.—Милля р а к а л ь е й, забывая всю службу его,—развѣ это не барская замашка, которая «стараго Гаврилу за измятое жабо хлещетъ въ усъ да въ рыло»? Развѣ въ этой и подобныхъ выходкахъ вы не узнаете квартальнаго, исправника, станового, таскающаго за сѣдую бороду бурмистра? Развѣ въ нахальной дерзости манеръ и отвѣтовъ вы не ясно видите дерзость николаевской офицерщины и въ людяхъ, говорящихъ свысока и съ пренебреженіемъ о Шекспирѣ и Пушкинѣ, внучатъ Скалозуба, получившихъ воспитаніе въ домѣ дѣдушки, хотѣвшаго «дать фельдфебеля

въ Вольтеры»? Самая проказа взяток уцѣлѣла въ домогательствахъ денегъ нахрапомъ, съ пристрастіемъ и угрозами подъ предлогомъ общихъ дѣлъ, въ поползновеніи кормиться на счетъ службы и мстить наушами и клеветами за отказъ.

«Все это переработается и перемелется; но нельзя не сознаться—странную почву приготовили царская опека и императорская цивилизація въ нашемъ «темномъ царствѣ». Почву, на которой многообѣщающіе всходы проросли съ одной стороны поклонниками Муравьевыхъ и Катковыхъ, съ другой дантистами нигилизма и базаровской безпардонной вольницы. Много дренажа требуютъ наши черноземы!»

Въ своей частной перепискѣ Герценъ выражается еще рѣзче о молодыхъ эмигрантахъ, но изъ уваженія къ его памяти мы не станемъ приводить этихъ печальныхъ выраженій, вырвавшихся у него въ минуту отчаянія и духовнаго одиночества. Приведемъ лишь выдержки изъ письма, коимъ Герценъ сопроводилъ посылку Бакунину брошюры Серно-Соловьевича: «Онъ—наглый и сумасшедшій, но страшно то, что большинство молодежи такое, и что мы всѣ помогли ему такимъ быть.. Это мошенники, оправдавшіе(!) своимъ сукиносынизмомъ мѣры правительства, невѣжды, на которыхъ Катковы, Погодины, Аксаковы etc. указываютъ пальцами. Это люди, которые обратили на меня втрое больше ненависти, чѣмъ на Скарятина, говоря просто, что они завидуютъ, что они хотѣли бы обобрать, и что они не могутъ переварить художественной стороны статей. Ты и Огаревъ, вы этихъ скорпіоновъ откармливали млекомъ вашимъ. Это вѣрно. Caro mio,, подумай. Имъ будущности нѣтъ, это меньшой венерическій братъ, который умретъ—и на его могилѣ встрѣтится старшій съ еще болѣе меньшимъ» [1]).

И въ то самое время, какъ Герценъ писалъ такія глубоко несправедливыя строки о революціонной молодежи, можетъ быть, кое въ чемъ и виноватой, и слишкомъ рѣзкой, и впадавшей въ

---

[1]) Любопытно, что г. Вѣтринскій въ своей книгѣ о Герценѣ выпустилъ всѣ подчеркнутыя нами мѣста, не поставивши даже точекъ и не оговоривши этихъ пропусковъ. Такъ пишется исторія! Герценъ въ такомъ обѣливаніи не нуждается.

преувеличенія, но по существу честной, здоровой и преданной народнымъ интересамъ, въ это самое время онъ дружески встрѣчался и бесѣдовалъ съ Самаринымъ и Погодинымъ! Своей вины (не личной, а принципіальной) передъ молодымъ поколѣніемъ, передъ революціонной демократіей, передъ Чернышевскимъ и его послѣдователями онъ признать не хочетъ; болѣе того, онъ какъ будто ея не замѣчаетъ. Онъ возлагаетъ на Бакунина и Огарева моральную отвѣтственность за оскорбившіе его недостатки молодого поколѣнія. Но въ чемъ же дѣло? Да просто въ томъ, что Бакунинъ, подобно Чернышевскому, хотя и съ нѣсколько иной точки зрѣнія, высказался противъ соціально-политическаго оппортунизма Герцена, а Огаревъ въ этомъ вопросѣ пошелъ за Бакунинымъ. Въ своихъ письмахъ къ Герцену и Огареву (который тогда еще выступалъ рука объ-руку съ первымъ) Бакунинъ рѣшительно высказывается противъ ихъ тактики въ «Колоколѣ» и въ частности противъ писемъ къ государю, способныхъ по его словамъ лишь посѣять смуту въ неопытныхъ умахъ. «Вы,—говоритъ онъ въ письмѣ отъ 19 іюля 1866 г.,—испугались и отступились передъ искусственнымъ подкупленнымъ воплемъ московскихъ и петербургскихъ журналистовъ, поддерживаемыхъ гнусною массою плантаторовъ и нравственно обанкротившимся большинствомъ учениковъ Бѣлинскаго и Грановскаго, твоихъ учениковъ, Герценъ, большинствомъ старой гуманно-эстетизирующей братіи, книжный идеализмъ которой не выдержалъ, увы, напора грязной казенной русской дѣйствительности. Ты оказался слабъ, Герценъ, передъ этой измѣной, которую твой свѣтлый, проницательный строго логическій умъ непремѣнно предвидѣлъ бы, еслибъ не затемнила его сердечная слабость. Ты до сихъ поръ не можешь справиться съ ней, забыться, утѣшиться. Въ твоемъ голосѣ слышится до сихъ поръ оскорбленная, раздраженная грусть... ты все говоришь съ ними, усовѣщеваешь ихъ, точно также какъ усовѣщеваешь царя, вмѣсто того чтобы плюнуть одинъ разъ навсегда на всю свою старую публику и, обернувшись къ ней спиною, обратиться къ публикѣ новой, молодой, едино способной понять, тебя искренно, широко и съ волею дѣла. Такимъ образомъ ты отъ излишней нѣжности къ своимъ многогрѣшнымъ старикамъ измѣняешь своему долгу».

Бакунинъ отвергаетъ оппортунистическую тактику Герцена,

который «ради успѣха практической пропаганды» обрекъ себя на трудную и неблагодарную задачу «быть по плечу своему хору, всегда шагомъ впередъ и никогда двумя». Бакунинъ отказывается понять, что значитъ идти однимъ шагомъ впереди передъ поклонниками Каткова, Скарятина, Муравьева, даже передъ сторонниками Милютиныхъ, Самариныхъ, Аксаковыхъ. Онъ указываетъ Герцену, что между нимъ и ими разница не только количественная, но и качественная: они—сторонники сословныхъ и классовыхъ привилегій, патріоты-государственники, Герценъ—соціалистъ (анархическія разсужденія Бакунина къ интересующему насъ въ настоящій моментъ вопросу не относятся). Онъ напоминаетъ Герцену, что даже въ періодъ компромиссовъ онъ, Бакунинъ, и тогда не вѣрилъ, «чтобы изъ среды дворянскаго сословія могла подняться сила, способная потрясти или только ограничить самодержавіе», и припоминаетъ, какъ оба они «вмѣстѣ отрицали дворянскую самостоятельность и защищали неумытыхъ семинаристовъ и нигилистовъ, эту единственную свѣжую силу внѣ народа». Бакунинъ указываетъ Герцену на неосновательность его надеждъ на возможность мирной эволюціи, онъ подчеркиваетъ безплодный и мистическій характеръ мессіанистскихъ ожиданій Герцена отъ русской общины; онъ рекомендуетъ своимъ друзьямъ заговорить рѣшительнымъ, открытымъ языкомъ. «Противъ насъ подымется всероссійская помѣщичья литературная оффиціальная буря... Царь перестанетъ читать твои письма,—бѣды нѣтъ, ты перестанешь писать ихъ,—выигрышъ ясный. Старые лысые друзья отъ тебя окончательно оттолкнутся, и потеряется всякая надежда на ихъ исправленіе,—чтожъ, развѣ ты дѣйствительно вѣришь, Герценъ, въ возможность и въ пользу ихъ исправленія? Мнѣ кажется, что между тобою и ими даже въ лучшее время существовало большое недоразумѣніе. Они преклонялись передъ твоимъ громаднымъ талантомъ, восторгались твоимъ всепоражающимъ остроуміемъ, уважали тебя тѣмъ болѣе, что читали и слушали тебя съ уваженіемъ самъ царь, великіе князья, все министерство; вся петербургская знать передъ тобой трепетала, слово твое свѣняло генералъ-губернаторовъ, а генералъ-адъютанты съ гордостью называли тебя своимъ другомъ. Это было твое золотое время, не правда-ли, Герценъ? а друзья твои въ Россіи, видя твое полуоффиціальное могущество, хвалили, лелѣяли тебя, льстили тебѣ

какъ своему предводителю, подличали передъ тобою и, громко хвастаясь твоимъ довѣріемъ, твоею корреспонденціею, какъ бы сами становились соучастниками въ твоемъ могуществѣ. Но были ли они когда вмѣстѣ съ тобой, соціалистомъ? Ты знаешь самъ, что никогда не были, они всегда норицали тебя за твой соціализмъ и, если прощали его тебѣ, такъ только изъ уваженія къ твоимъ полуоффиціальнымъ услугамъ и потому, что сами боялись тебя. Но когда послѣ убійства Антона Петрова и послѣ ареста Михайлова и другихъ, лучшихъ, настоящихъ друзей нашихъ стали хватать, и ты принялъ громко ихъ сторону, лысые друзья твои впервые усумнились въ твоемъ практическомъ тактѣ, т. е. въ продолженіи твоего трогательнаго согласія съ императоромъ. Случились пожары, зашалила молодая Россія—они стали умолять тебя остепениться, какъ еще прежде умоляли тебя не издавать «Колокола», и все-таки еще не смѣли явно отъ тебя отступить, потому что слово твое гремѣло по прежнему. Настало польское дѣло, ты самъ испугался, ослабъ передъ искусственнымъ воплемъ, поднятымъ противъ поляковъ и противъ тебя подкупною литературою,—вольную литературу правительство задушило,—и вдругъ перешелъ изъ роли грознаго карателя, громящаго и казнящаго безъ страха и безъ устали, въ роль оскорбленнаго и покинутаго любимца, объясняющагося и чуть ли не просящаго прощенія. Съ тѣхъ поръ мнимые друзья твои перестали признавать въ тебѣ начальника, а такъ какъ они не могутъ жить безъ начальства, перешли гуртомъ подъ начальство ругавшаго тебя Каткова!...

«Повѣрь мнѣ, Герценъ, твоя пресловутая «перемѣна фронта», которою ты такъ гордился и которою хотѣлъ доказать намъ, «абстрактнымъ революціонерамъ», твое практическое и тактическое умѣнье, была огромнымъ промахомъ. Твоя уступка развратному, только мнимо-единодушному дворяно-литературному мнѣнію въ Россіи, разъярившемуся злобою во имя интегритета имперіи по случаю польскаго вопроса, была бы ошибкою даже и тогда, если весь великорусскій народъ участвовалъ бы въ этомъ мнѣніи. Развѣ правда и право перестаютъ быть правдой и правомъ потому только, что цѣлый народъ становится противъ нихъ? Бываютъ моменты въ исторіи, когда люди и партіи, сильные тѣмъ принципомъ, тою истиною, которая живетъ въ нихъ, должны для

благa общаго и для сохраненія своей собственной чести имѣть мужество остаться одни въ увѣренности, что истина притянетъ къ нимъ рано или поздно не старыхъ и лысыхъ ренегатовъ,... а новыя свѣжія массы... Массы иногда по близорукости и невѣжеству увлекаются въ сторону отъ столбовой дороги, ведущей прямо къ ихъ цѣли, и нерѣдко становятся въ рукахъ правительства и привилегированныхъ классовъ орудіемъ для достиженія цѣлей, рѣшительно противныхъ ихъ существеннымъ интересамъ. Что жъ, неужели люди, знающіе въ чемъ дѣло, знающіе, куда надо и куда не надо идти, должны ради популярности увлекаться и врать вмѣстѣ съ ними? Въ этомъ ли состоитъ ваша пресловутая практичность?»

Далѣе Бакунинъ перечисляетъ рядъ промаховъ и безтактностей, подсказанныхъ Герцену его приспособленіемъ къ такъ наз. «образованному обществу», т. е. либеральничающимъ дворянскимъ кругамъ, и совѣтуетъ ему прежде всего опредѣлить, къ кому онъ хочетъ обращаться, гдѣ его публика. Непосредственное воздѣйствіе на народную массу, которая не читаетъ, изъ заграницы невозможно; попытки воздѣйствовать на либеральное дворянство напрасны, ибо ведутъ только къ потерѣ времени и компрометируютъ попустому своихъ авторовъ. Бакунинъ указываетъ Герцену на новую публику, на революціонную молодежь. «Ищите публики новой въ молодежи, въ недоученныхъ ученикахъ Чернышевскаго и Добролюбова, въ Базаровыхъ, въ нигилистахъ—въ нихъ жизнь, въ нихъ энергія, въ нихъ честная и сильная воля. Только не кормите ихъ полусвѣтомъ, полуистиной, недомолвками. Да, встаньте опять на кафедру и, отказавшись отъ мнимой и, право, безсмысленной тактичности, валяйте все, что сами думаете, съ плеча и не заботьтесь больше о томъ, сколькими шагами вы опередили свою публику, не бойтесь, она отъ васъ не отстанетъ и въ случаѣ нужды, когда вы будете уставать, подтолкнетъ васъ впередъ. Эта публика сильна, молода, энергична,—ей надо полнаго свѣта, и не испугаете вы ее никакою истиною. Проповѣдуйте вы ей практическую осмотрительность, осторожность, но давайте ей всю истину, дабы она при свѣтѣ этой истины могла узнать, куда идти и куда вести народъ. Развяжите себя, освободите себя отъ старческой болѣзни и отъ старческихъ соображеній, отъ всѣхъ

фланговыхъ движеній, отъ тактики и отъ практики. Перестаньте быть Эразмами, станьте Лютерами, и возвратится къ вамъ вмѣстѣ съ утраченною вѣрою въ дѣло и старое краснорѣчіе, и старая сила,—и тогда, но только тогда ваши старыя блудныя дѣти-измѣнники, познавъ вновь въ вашемъ голосѣ, голосъ начальника, возвратятся къ вамъ съ покаяніемъ, и горе вамъ, если вы согласитесь принять ихъ».

Такимъ образомъ Бакунинъ опредѣленно указывалъ Герцену на новую публику, на учениковъ Чернышевскаго, къ которымъ ему и надлежало обратиться съ своей соціалистической проповѣдью. Но для Герцена этотъ поворотъ былъ уже психологически невозможенъ. Воспоминанія о недавнемъ вліяніи, которое на время обезпечила ему его оппортунистическая тактика, грызли его, и онъ никакъ не могъ примириться съ скромной ролью пропагандиста, бросающаго сѣмена, всходовъ которыхъ ему, быть можетъ, не придется увидѣть. Нужды нѣтъ, что былое вліяніе Герцена распространялось только на часть дворянскихъ круговъ, органически чуждыхъ и даже враждебныхъ его соціалистическимъ убѣжденіямъ, что оно связано было съ отказомъ отъ этихъ убѣжденій и съ принятіемъ умѣренно-либеральной программы. Онъ жаждалъ этого непосредственнаго вліянія, которое должно было сказываться въ практическихъ, законодательныхъ актахъ, и утрата этого вліянія выбила его изъ колеи. И Бакунинъ не разъ долженъ былъ отмѣчать въ своихъ письмахъ къ Герцену, что въ статьяхъ послѣдняго «много вѣрнаго и удачно выраженнаго, а все слышится въ нихъ тонъ покаявшагося революціонера, готоваго на полусдѣлки съ людьми, съ которыми для послѣдовательнаго соціалиста примиреніе невозможно». И въ то же время, сохраняя сердечную теплоту и благожелательное отношеніе къ этимъ людямъ, съ которыми его связывали воспоминанія молодости, недавняго вліянія и, скажемъ прямо, какой-то смутный если не классовый, то групповой инстинктъ, Герценъ со всей силой своего негодованія и вражды обратился противъ молодого поколѣнія, которое между тѣмъ одно только и могло составить для него настоящую аудиторію, поскольку онъ хотѣлъ бы открыто выступить со всей своей программой безъ урѣзываній, умолчаній и компромиссовъ. Тщетно Бакунинъ предостерегалъ его противъ этого ложнаго шага, въ которомъ слышался голосъ оскорбленнаго

самолюбія и старческаго раздраженія; Герценъ уже не могъ остановиться: разрывъ съ радикальнымъ крыломъ, начавшійся съ полемики противъ Чернышевскаго и Добролюбова, логически развивался до конца. И хотя, какъ мы видѣли выше, Герценъ по временамъ приходилъ въ себя и готовъ былъ, повидимому, взять надлежащій тонъ по отношенію къ молодымъ радикаламъ, но старая вражда и старыя недоразумѣнія вскорѣ снова брали верхъ и такъ и проводили Герцена черезъ печальную старость въ могилу.

Въ отвѣтъ на вышеприведенное письмо Герцена по поводу Серно-Соловьевича Бакунинъ писалъ ему: «Твое письмо испугало меня не за Серно-Соловьевича, а за тебя. Въ твоей злости противъ него слышится что-то старческое. Я готовъ вѣрить, что Серно-Соловьевичъ написалъ противъ тебя скверную пасквиль, и что твое негодованіе противъ него справедливо. Но ты ругаешь не его одного и даже не однихъ его женевскихъ однолѣтниковъ-эмигрантовъ,—на все молодое поколѣніе кладешь ты страшное проклятіе, говоря—какъ будто бы это могло служить для насъ аргументомъ!—что Погодины, Катковы, Аксаковы и Тургеневы указываютъ на нихъ, т. е. на молодыхъ людей, принадлежащихъ къ этому поколѣнію, пальцами,—прибавляя даже, что они сукиносыствомъ своимъ оправдываютъ мѣры правительства! Кто жъ эти они? Разумѣется, не одни только женевскіе эмигранты, которые такъ микроскопически малочисленны, что правительству незачѣмъ бы было принимать крупныхъ мѣръ—а цѣлое юное поколѣніе, которое ты клеймишь, называя его венерическимъ младшимъ братомъ, осужденнымъ на безплодную смерть въ ожиданіи еще младшаго и болѣе путнаго поколѣнія.

«Нѣтъ, Герценъ, каковы бы ни были недостатки настоящаго молодого поколѣнія, оно чрезмѣрно выше Катковыхъ и Погодиныхъ[1]), твоихъ Аксаковыхъ и Тургеневыхъ—такъ выше, что указываніе на него пальцемъ всѣхъ этихъ блудныхъ стариковъ служить ему въ честь, а не въ безчестье,—и ничто въ мірѣ

[1]) Катковъ (1818-87)—московскій профессоръ и публицистъ; нѣкогда либералъ, товарищъ Герцена и Бакунина, впослѣдствіи сдѣлался извѣстнымъ вождемъ и вдохновителемъ реакціи.

Погодинъ (1800-1875)—московскій историкъ и журналистъ реакціоннаго направленія.

кромѣ самой, естественно и по необходимости гнусной, природы правительства не можетъ оправдать гнусныхъ мѣръ нашихъ правителей. Десять, пять лѣтъ тому назадъ, когда ты смѣло глядѣлъ и велъ впередъ, не заботясь о томъ, что будутъ говорить люди близорукаго разума и гнилой оффиціальной или полуоффиціальной практики, и не увлекаясь мечтою о невозможномъ полуосуществленіи сегодня или завтра, а, главное, не дозволяя ослѣплять себя блескомъ лживыхъ и притворныхъ исполненій,— ты не произнесъ бы такихъ страшныхъ, для тебя страшныхъ, потому что старческихъ словъ...

«Въ молодомъ поколѣніи, взятомъ порознь—въ отдѣльныхъ экземплярахъ, тьма непріятныхъ, непорядочныхъ, даже грязныхъ сторонъ. Явленіе, впрочемъ, весьма натуральное. Старая нравственность, основанная на религіозныхъ, патріархальныхъ и сословныхъ преданіяхъ, рушилась безвозвратно. Новая далеко еще не создалась, но предчувствуется. Дѣйствительно осуществить ее можетъ только коренной соціальный переворотъ. Одинокихъ силъ одного человѣка, какъ бы онъ уменъ и силенъ ни былъ, для этого недостаточно. Поэтому новой нравственности еще нѣтъ. Молодое поколѣніе ищетъ ее, но еще не нашло; отсюда колебанія, противорѣчія, безобразія и нерѣдко грязные скандалы... Все это очень непріятно, больно и грустно, но натурально и неминуемо. Все это въ средѣ нашей бѣдной, неопытной русской эмиграціи еще усугублено тою эмиграціонною болѣзнью, которую ты такъ вѣрно изучилъ и описалъ въ своихъ запискахъ. Но все это не должно заслонять отъ насъ серьезныхъ, да, великихъ качествъ нашего молодого поколѣнія: въ немъ не оранжерейная, не искусственная и не рефлективная только, а настоящая страсть равенства, труда, справедливости, свободы и разума. Изъ-за этой страсти десятки изъ нихъ уже пошли на смерть и сотни въ Сибирь. Между ними, какъ всегда и вездѣ, много пустыхъ хвастуновъ и фразеровъ, но есть и герои,—герои безъ фразъ или только съ фразою клеветы на себя или крайностью щеголяющаго отрицанія. Нѣтъ, воля твоя, Герценъ,—эти неумытые, неуклюжіе и часто весьма неудобные піонеры новой правды и новой жизни въ милліонъ разъ выше стоятъ всѣхъ твоихъ приличныхъ покойниковъ...

«Не старѣй, Герценъ, въ старости нѣтъ прока, не стано-

вись доктринеромъ á la J.-I. Rousseau оставайся нашимъ могучимъ Вольтеромъ. Въ этомъ твоя истина и потому — сила твоя. Не старѣй, Герценъ, и не проклинай молодыхъ. Смѣйся надъ ними, когда они смѣшны, наказывай и брани, когда они виноваты, но преклоняйся почтительно передъ ихъ честнымъ трудомъ и стремленіемъ передъ ихъ подвигами и жертвами». Переписка (Бакунина).

Эти столь историчныя и разумныя замѣчанія и эти глубоко человѣчныя ноты въ устахъ стараго непреклоннаго бунтаря до сихъ поръ производятъ трогательное впечатлѣніе. Но Герценъ не услышалъ, да и психологически не въ состояніи былъ услышать и признать ихъ правоту. Конфликтъ между нимъ и молодымъ поколѣніемъ зашелъ слишкомъ далеко, недоразумѣній накопилось слишкомъ много, и въ разгаръ полемики и междоусобной борьбы для объективной исторической справедливости не было мѣста. Герценъ и ученики Чернышевскаго не поняли другъ друга, и въ области русскихъ дѣлъ Герценъ на закатѣ дней своихъ не нашелъ ни ободренія, ни утѣшенія и не увидѣлъ просвѣта. Но и съ событіями западной жизни дѣло обстояло не лучше. Точка зрѣнія, на которую сталъ Герценъ послѣ пораженія революціи 1848 года и которая съ непровзойденной силой выразилась въ донынѣ волнующихъ «Письмахъ съ того берега», помѣшала ему правильно оцѣнить развитіе европейской жизни и способна была лишь питать его глубокій пессимизмъ и скептицизмъ. И въ этомъ отношеніи между Герценомъ и Чернышевскимъ также замѣчается глубокое различіе.

Несмотря на то, что въ отдѣльныхъ мѣстахъ Герценъ подходилъ къ матеріалистическому пониманію исторіи и къ классовой точкѣ зрѣнія, онъ въ общемъ и цѣломъ стоялъ на идеалистической точкѣ зрѣнія, и міросозерцаніе новѣйшаго соціализма осталось для него книгой за семью печатями. Герценъ былъ въ этомъ смыслѣ однимъ изъ эпигоновъ утопическаго соціализма, но онъ понялъ недостаточность утопическихъ системъ и страстно искалъ новыхъ путей. Но такъ какъ ему не удалось цѣликомъ открыть ихъ, а

[1]) Въ «Развитіи революціонныхъ идей въ Россіи» онъ пишетъ, напримѣръ: «Развѣ мы не видимъ по временамъ, что одно слово, сказанное между прочимъ, нарушаетъ равновѣсіе народовъ, вызываетъ или оканчиваетъ революціи?»

лишь смутно нащупать ведущую къ нимъ дорогу, въ немъ развилось скептическое отношеніе къ судьбамъ Запада, питавшееся отрыжкою старыхъ славянофильскихъ идей. Не понявъ истиннаго смысла и движущихъ силъ европейскаго общественнаго развитія, онъ увидалъ въ пораженіи революціи 1848 года конецъ европейской исторіи, банкротство всѣхъ соціальныхъ силъ Запада. Въ то время какъ Марксъ, а отчасти и Чернышевскій усмотрѣли въ этой неудачѣ лишь банкротство буржуазныхъ партій и прологъ пролетарскаго движенія, Герценъ, тѣсно связанный, какъ мы выше показали, исключительно съ буржуазными демократами и не предвидѣвшій историческихъ судебъ пролетаріата, поспѣшилъ поставить крестъ надъ всей европейской цивилизаціей. Европа для него «падшій и развратный міръ», царство мѣщанства. «Мѣщанство—окончательная форма западной цивилизаціи, ея совершеннолѣтіе». Куда идетъ человѣчество, неизвѣстно; вѣрнѣе всего, что оно идетъ къ полной изъѣденности формъ, къ китайскому застою. Соціализмъ окончательно убитъ. И легче представить себѣ Европу, возвратившуюся къ временамъ средневѣковаго католицизма, чѣмъ соціальной республикой по рецепту Фурье или Кабе. «Добросовѣстно, съ покорностью передъ истиной» Герценъ, на основаніи десятилѣтняго изученія Европы, заявляетъ, что ни близкаго, ни хорошаго выхода для нея онъ не видитъ. И чтобы не впасть въ окончательное отчаяніе передъ разверзшейся передъ нимъ пропастью, онъ, махнувъ рукою на Западъ, возложилъ всѣ свои надежды на Россію, которая съ помощью своей общины и артели можетъ непосредственно перейти къ соціализму, минуя капиталистическую фазу, и должна своимъ вліяніемъ возродить одряхлѣвшую Европу [1]).

«Признать, что никакого выхода нѣтъ, есть тоже выходъ», любилъ говаривать Герценъ, воображая, что въ этомъ сказывается настоящій историческій объективизмъ. Онъ горячо рекомендовалъ *познаніе истины и смиреніе передъ ней*. Но объективизмъ заключается вовсе не въ этомъ. Марксъ и Черны-

[1]) До какихъ преувеличеній доходитъ въ этомъ отношеніи Герценъ, видно изъ его словъ, что жена его (временно увлеченная поэтомъ Гервегомъ) погибла «за прикосновеніе съ гнуснымъ Западомъ»! Въ отрицательномъ отношеніи Герцена къ Европѣ игралъ, видимо, нѣкоторую роль и чисто-личный элементъ.

шевскій также стояли за познаніе истины, дѣйствительности, не лишь для того, чтобы открыть въ ея противорѣчивыхъ элементахъ средства для борьбы съ нею, а вовсе не для малодушнаго смиренія передъ ней. Но бѣда Герцена въ томъ и заключалась что кругозоръ его ограниченъ былъ буржуазной демократіей, что онъ видѣлъ въ западной жизни все кромѣ коммунизма, что онъ временную и естественную неудачу первыхъ шаговъ всемірно-историческаго движенія принялъ за окончательное паденіе, послѣ котораго поднятіе невозможно. Онъ не разъ упрекалъ революціонеровъ и въ частности Бакунина (да и себя въ молодости) въ томъ, что второй мѣсяцъ беременности они приняли за девятый. Но его самого съ неменьшей основательностью можно упрекнуть въ томъ, что онъ принялъ первые симтомы беременности и связанныя съ ними болѣзненныя явленія за выкидышъ и за смерть.

Пролетаріата Герценъ не зналъ и развитія его не понималъ. Онъ видѣлъ въ немъ страдающую, эксплуатируемую, но вмѣстѣ съ тѣмъ темную, безсознательную, дикую массу, способную лишь на стихійные взрывы, а не на планомѣрную борьбу за свое освобожденіе. Насколько онъ не понималъ «незнакомаго бога, тайкомъ идущаго за стѣнкой», видно изъ того, что онъ объявилъ пролетарія такимъ же мѣщаниномъ, какъ и буржуа: «Работникъ всѣхъ странъ—будущій мѣщанинъ»,—открытіе, которое до сихъ поръ приводитъ въ восторгъ всѣхъ мѣщанъ крупнаго и мелкаго калибра.[1]) Покорный буржуазно-демократической традиціи, онъ не выдѣлялъ пролетаріата изъ массы такъ называемаго народа, который онъ объявилъ «консерваторомъ по инстинкту».

Разочаровавшись въ буржуазныхъ демократахъ, Герценъ вмѣстѣ съ тѣмъ не вѣрилъ въ живыя силы рабочаго класса. Вотъ почему онъ чувствовалъ себя чужимъ въ Европѣ, къ которой старыя симпатіи онъ потерялъ, а новыхъ не пріобрѣлъ. «Мы—чужіе въ этомъ мірѣ, мы собственно живемъ не здѣсь, а дома... Съ каждымъ годомъ, съ каждымъ событіемъ мы стано-

[1]) Въ своемъ непониманіи рабочаго класса онъ доходилъ до того, что въ сущности подписывался подъ буржуазной клеветой на пролетаріатъ, когда предсказывалъ отъ его торжества гибель культуры. «Вамъ жаль цивилизаціи. Жаль ея и мнѣ. Но ея не жаль массамъ» («Письма изъ Франціи и Италіи»).

вимся дальше и дальше отъ среды, въ которой жить осуждены нашей дѣятельностью. Мы этого не скрываемъ» («Колоколъ», 15 мая 1862 г.). Такимъ образомъ здѣсь повторилась та же трагическая двойственность, которая въ русскихъ дѣлахъ превратила соціалиста Герцена въ выразителя умѣреннаго либерализма и противника революціонной молодежи. Здѣсь на Западѣ эта двойственность обрекла его на полную духовную отчужденность отъ жизни: соціалистъ Герценъ, въ теоріи видѣвшій всѣ недостатки буржуазной демократіи, въ дѣйствительности вращался только въ ея средѣ и оставался чуждъ великому движенію пролетаріата, которому и только которому онъ могъ сочувствовать по всему складу своихъ убѣжденій.

Такимъ образомъ онъ проглядѣлъ всемірно-историческое движеніе Интернаціонала, отъ котораго остался совершенно въ сторонѣ. Въ сочиненіяхъ Герцена, посвященныхъ всевозможнымъ вопросамъ, мы почти ничего не находимъ объ этомъ колоссальномъ движеніи, если не считать отдѣльныхъ замѣчаній и писемъ «Къ старому товарищу» (т. е. къ Бакунину), но и здѣсь онъ подходитъ къ этому движенію въ качествѣ холоднаго и скептически настроеннаго посторонняго наблюдателя. Въ этихъ интересныхъ письмахъ разсѣяно много мѣткихъ замѣчаній, заставляющихъ насъ сожалѣть о томъ, что этотъ большой и проницательный умъ отошелъ отъ рабочаго движенія, которому онъ могъ бы принести много пользы своими знаніями и практической мудростью. Въ своей критикѣ анархическихъ увлеченій Бакунина Герценъ почти вплотную подходитъ къ марксизму, повторяя много аргументовъ послѣдняго противъ анархическаго бунтарства. «Наше время,—говоритъ онъ нетерпѣливому Бакунину, горѣвшему страстью разрушенія,—именно время окончательнаго изученія, того изученія, которое должно предшествовать работѣ осуществленія такъ, какъ теорія паровъ предшествовала желѣзнымъ дорогамъ. Прежде дѣло хотѣли взять грудью, усердіемъ, отвагой, и шли зря на-авось; мы на-авось не пойдемъ... Для приложенія эмпирическая сторона и всѣ внѣшнія условія осуществленія выступаютъ на первый планъ. «Мотивы могутъ быть истинны, но безъ достаточныхъ средствъ они не осуществятся»,.. А пока силъ нѣтъ, надо въ тиши собирать полки и не грозить. Угроза при безсиліи вредна. Подавленный взрывъ

двинетъ назадъ... Уничтожать и топтать всходы легче, чѣмъ торопить ихъ ростъ. Тотъ, кто не хочетъ ждать и работать, тотъ идетъ по старой колеѣ пророковъ и прорицателей, ересіарховъ, фанатиковъ и цеховыхъ революціонеровъ... Пониманіе и обсуживаніе наше единственное оружіе... Международные сходы (т. е. съѣзды Интернаціонала) только сильны проповѣдью; матеріально дальше отрицательной силы гревы (стачки) они не могутъ идти».

Возражая противъ антигосударственной программы Бакунина, Герценъ высказываетъ цѣлый рядъ глубокихъ замѣчаній объ историческомъ характерѣ государства и показываетъ, что оно подобно другимъ формамъ угнетенія приходитъ къ своему самоуничтоженію и самоотрицанію. «Между мнѣніемъ Лассаля и проповѣдью о неминуемомъ распущеніи государства въ федерально-комунную жизнь лежитъ вся разница обыкновеннаго рожденія и выкидыванія. Изъ того, что женщина беременна, никакъ не слѣдуетъ, что ей завтра слѣдуетъ родить. Изъ того, что государство форма проходящая, не слѣдуетъ, что эта форма уже прошедшая. Съ какого народа въ самомъ дѣлѣ можетъ быть снята государственная опека, какъ лишняя перевязка, безъ раскрытія такихъ артерій и внутренностей, которыя теперь надѣлаютъ страшныхъ бѣдствій; а потомъ спадутъ сами?»

Въ вышецитированныхъ разсужденіяхъ Герцена наряду съ здоровымъ критическимъ духомъ чувствуется также невѣріе, скептицизмъ и усталость. Другія мѣста этихъ интересныхъ писемъ окончательно убѣждаютъ насъ въ томъ, что Герценъ остался въ нихъ на прежней оппортунистической позиціи и критиковалъ положенія Бакунина не столько съ точки зрѣнія строгаго историческаго объективизма, сколько подъ угломъ отрицанія революціонныхъ путей и классовой борьбы. «Проповѣдь нужна людямъ,—говоритъ онъ,—проповѣдь неустанная, ежели путная; проповѣдь, равно обращенная къ работнику и хозяину, земледѣльцу и мѣщанину. Апостолы намъ нужны прежде авангардныхъ офицеровъ, прежде саперовъ разрушенія. Апостолы, проповѣдующіе не только своимъ, но и противникамъ. Проповѣдь къ врагу—великое дѣло любви».

Въ этихъ словахъ сказался весь Герценъ, оторвавшійся отъ стараго міра, но не сумѣвшій цѣликомъ пристать къ новому.

Чернышевскій тоже стоялъ за планомѣрную пропаганду, медленное накопленіе силъ и систематическую подготовку къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Онъ также высказывался противъ частичныхъ вспышекъ, подсказанныхъ легкомысліемъ или отчаяніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ стоялъ на классовой точкѣ зрѣнія, не стремился примирить непримиримое и не думалъ обращаться со своей проповѣдью одинаково къ хозяевамъ и къ работникамъ. Въ то же время ему чуждо было органическое отвращеніе Герцена къ революціоннымъ методамъ. Напротивъ, онъ всегда рѣшительно высказывался за энергичные способы дѣйствія и даже оправдывалъ эксцессы, безъ которыхъ, по его словамъ, не обходится ни одинъ серьезный историческій переворотъ. «Историческій путь,—говорилъ онъ,— не тротуаръ Невскаго проспекта; онъ идетъ цѣликомъ черезъ поля, то пыльныя, то грязныя, то черезъ болота, то черезъ дебри. Кто боится быть покрытъ пылью и выпачкать сапоги, тотъ не принимайся за общественную дѣятельность». Герценъ же, какъ мы видѣли, послѣ 1848 года разувѣрился въ революціонныхъ путяхъ. Объясняя причины своего сознательнаго оппортунизма, онъ между прочимъ писалъ: «Я знаю, что съ религіей демократіи не совмѣстно говорить что-нибудь о вѣнценосцахъ кромѣ зла; признаюсь вамъ, что мнѣ религія демократіи такъ же не по сердцу, какъ религія пана Фіалковскаго и какъ религія «возсоединеннаго» Симашки. Демократическое православіе такъ же не дастъ воли уму и жметъ его, какъ кіево-печерское» («Колоколъ», 1 января 1859 г.). А возражая «Молодой Россіи», упрекавшей его въ политическомъ оппортунизмѣ, онъ говорилъ: «Мы давно разлюбили обѣ чаши полныя крови, штатскую и военную, и равно не хотимъ ни пить изъ черепа нашихъ боевыхъ враговъ, ни видѣть голову герцогини Ламбаль на пикѣ... Какая бы кровь ни текла, гдѣ-нибудь текутъ слезы» («Колоколъ», 15 августа 1862 г.).

Это разочарованіе въ революціонныхъ выступленіяхъ связано было съ общимъ скептическимъ отношеніемъ Герцена къ судьбамъ Европы и съ недовѣріемъ къ творческимъ силамъ европейскихъ націй. Съ этимъ же настроеніемъ связаны были мессіанистическія ожиданія Герцена отъ Россіи, сильно окрашенныя славянофильскимъ цвѣтомъ. По мнѣнію Герцена спасти разлагающійся Западъ, не имѣющій собственныхъ силъ выйти

изъ тупика, должна Россія съ ея общиннымъ землевладѣніемъ; въ этомъ отношеніи Россія призвана сказать міру новое слово и влить въ жилы дряхлѣющаго Запада свѣжую кровь. (Эти-то взгляды Герцена имѣлъ въ виду Марксъ въ своемъ извѣстномъ примѣчаніи въ первомъ изданіи I тома «Капитала», которое онъ, въ виду рѣзкой формы, выбросилъ изъ дальнѣйшихъ изданій «Капитала»). Въ русской литературѣ уже много писалось о спорахъ, происходившихъ по этому поводу между Герценомъ и Тургеневымъ, который защищалъ европейскую буржуазную цивилизацію отъ огульныхъ и несправедливыхъ нападокъ своего оппонента, и мы не станемъ здѣсь подробно останавливаться на этомъ вопросѣ. Мы хотимъ лишь подчеркнуть, что опредѣленно-буржуазному либерализму Тургенева Герценъ могъ противопоставить только смутныя славянофильскія утопіи, такъ что въ этихъ спорахъ перевѣсъ явно былъ на сторонѣ европейца Тургенева. Чернышевскій такъ же рѣшительно возсталъ противъ славянофильскихъ увлеченій и мессіанистскихъ чаяній Герцена, хотя и съ другой точки зрѣнія, чѣмъ Тургеневъ. Свое отношеніе къ нимъ онъ высказалъ въ своей знаменитой статьѣ «О причинахъ паденія Рима». Не называя Герцена прямо, онъ рѣзко выступилъ въ этой статьѣ противъ его «вздорныхъ мечтаній», «риторическаго вздора», заставляющаго его «совершенно забывать здравый смыслъ и факты», противъ «невѣжественныхъ гипотезъ» о гибели цивилизаціи. Чернышевскій указывалъ на то, что община существовала у всѣхъ народовъ на извѣстной ступени развитія, сохраненіе же ея въ Россіи свидѣтельствуетъ лишь о нашей отсталости, о медленности и вялости историческаго развитія. Онъ протестуетъ противъ идеализаціи первобытныхъ формъ, представляющихъ «просто смѣсь анархіи съ деспотизмомъ», и издѣвается надъ людьми, «любящими дешевымъ манеромъ подсмѣиваться надъ славянофилами, не замѣчая того, что сами не чужды коренной тенденціи, изъ которой происходитъ славянофильство». Разговоры о томъ, что Россія призвана обновить жизнь цивилизованнаго міра и внести въ нее высшіе элементы, которыхъ сама она выработать не въ силахъ, приводитъ Чернышевскаго въ негодованіе. «Мы,—говоритъ онъ,—далеко не восхищаемся нынѣшнимъ состояніемъ Западной Европы, но все-таки полагаемъ, что нечѣмъ ей позаимствоваться отъ насъ. Если сохранился у насъ отъ патріар-

хальныхъ (дикихъ) временъ одинъ принципъ нѣсколько соотвѣтствующій одному изъ условій быта, къ которому стремятся передовые народы, то вѣдь Западная Европа идетъ къ осуществленію этого принципа совершенно независимо отъ насъ... Европѣ тутъ позаимствоваться нечѣмъ и не для чего: у Европы свой умъ въ головѣ и умъ гораздо болѣе развитый, чѣмъ у насъ, и учиться ей у насъ нечему, и помощи нашей не нужно ей; и то, что существуетъ у насъ по обычаю, неудовлетворительно для ея болѣе развитыхъ потребностей, болѣе усовершенствованной техники... Сама она гораздо лучше понимаетъ, какіе новые порядки ей нужны, какъ ихъ устроить и какими способами вводить. Значитъ, оживлять намъ ее ровно ужъ нечѣмъ... Никакихъ оживлятелей не нужно ей. Она и своимъ умомъ умѣетъ разсуждать и своими силами умѣетъ дѣлать, что ей угодно, и своихъ силъ довольно у ней на все, что ей нужно дѣлать».

И далѣе Чернышевскій вскрываетъ основную ошибку Герцена, приведшую его къ неправильной оцѣнкѣ европейской исторіи и къ неосновательному пессимизму. Онъ указываетъ Герцену, что тотъ слона-то и не примѣтилъ, что, критикуя европейскую цивилизацію и декретируя ея мнимое банкротство, Герценъ упустилъ изъ виду такую бездѣлицу, какъ пролетаріатъ, только начинающій выступать на историческую сцену. «Если даже и согласиться съ вашимъ понятіемъ (объ истощеніи Европой своихъ силъ),—объясняетъ Чернышевскій Герцену,—все-таки выходитъ, что лишь самая ничтожная доля въ составѣ населенія каждой передовой страны могла истощить свои силы, а если брать весь народъ страны, то слѣдуетъ сказать, что онъ еще только готовится выступить на историческое поприще, — только еще; авангардъ народа, среднее сословіе, уже дѣйствуетъ на исторической аренѣ, да и то почти лишь только начинаетъ дѣйствовать а главная масса еще и не принималась за дѣло, ея густыя колонны еще только приближаются къ полю исторической дѣятельности. Рано, слишкомъ рано заговорили вы о дряхлости западныхъ народовъ: они еще только начинаютъ жить».

Въ этихъ строкахъ Чернышевскій по сравненію съ Герценомъ выступаетъ передъ нами величайшимъ реалистомъ, понявшимъ смыслъ совершавшихся въ Европѣ потрясеній, сумѣвшимъ не впасть въ отчаяніе, а выдѣлить изъ хаоса всеобщаго развала

и разглядѣть зародыши новой жизни. Былой юношескій оптимизмъ Герцена, широкія надежды, съ которыми онъ устремлялся въ Европу, не выдержали суроваго испытанія дѣйствительности и быстро уступили мѣсто необоснованному пессимизму. Въ книгѣ «Съ того берега», этомъ геніальномъ плодѣ разочарованія и унылаго раздумья, Герценъ, говоря о выборѣ между блаженствомъ безумія и несчастьемъ знанія, выбираетъ послѣднее: «Я избираю знаніе, и пусть оно лишитъ меня и послѣднихъ утѣшеній, я пойду нравственнымъ нищимъ по бѣлому свѣту, но съ корнемъ вонъ дѣтскія надежды, отроческія упованія! Всѣ ихъ подъ судъ неподкупнаго разума!»

Но почему же знаніе, которое въ рукахъ такихъ людей, какъ Марксъ и Чернышевскій, оказывалось революціонной силой, могучимъ тараномъ для ниспроверженія китайскихъ стѣнъ застарѣлыхъ предразсудковъ, оказалось для Герцена источникомъ безнадежнаго пессимизма и должно было лишить его послѣднихъ утѣшеній? Потому что подъ его «дѣтскими надеждами» и «отроческими упованіями» не оказалось достаточно прочнаго реальнаго фундамента, способнаго выдержать порывы исторической бури; потому что въ основѣ этихъ надеждъ и упованій лежала роковая двойственность: теоретически—преодолѣніе буржуазно-демократическихъ традицій, освобожденіе отъ нихъ вплоть до анархическихъ выводовъ, практически—плѣненіе этими традиціями, зависимость отъ нихъ, ненахожденіе точки опоры для приложенія своего критическаго рычага. Подобно ветхозавѣтному Моисею, Герценъ былъ обреченъ на многолѣтнее блужданіе по пустынѣ, усѣянной обломками и могилами дорогихъ покойниковъ, въ страдальческихъ поискахъ не дававшейся ему истины. И грустное впечатлѣніе производитъ его элегія у порога обѣтованной земли: «Это начало борьбы... это начало войны. Конца ея мы не увидимъ... врядъ увидятъ ли младшіе изъ юныхъ. Туго развивается исторія, упорно защищается отходящее, медленно, смутно нарождается водворяемое... но самый процессъ, самая драма исторической беременности полна поэзіей. Всякому поколѣнію свое, мы не ропщемъ на нашъ пай, мы дожили не только до красной полосы на Востокѣ, но и до того, что враги наши ее видятъ. Чего же больше ждать отъ жизни, особенно когда человѣкъ, положа руку на грудь, съ чистой совѣстью можетъ сказать: и я уча-

ствовалъ въ этой гигантской борьбѣ, и я внесъ въ нее свою лепту?»

Это правда. Герценъ участвовалъ въ гигантской борьбѣ за освобожденіе человѣчества и внесъ въ нее свою далеко не малоцѣнную лепту. Несмотря на всѣ свои блужданія и ошибки, онъ всегда имѣлъ въ виду защиту страждущихъ и освобожденіе угнетенныхъ. Вся жизнь Герцена, вся многогранная и красочная дѣятельность его, его душевныя терзанія, неустанное горѣніе его духа, чистота его стремленій, его широкая человѣчность въ лучшемъ смыслѣ этого слова даютъ ему право на почетное мѣсто въ соціалистическомъ пантеонѣ. Интернаціоналъ въ своемъ органѣ Egalité заявилъ, что не забудетъ Герцена, какъ и Герценъ не забывалъ о своей связи съ нимъ. Эта духовная связь несомнѣнно существовала, несмотря на то, что въ послѣдніе годы Герценъ отошелъ отъ активнаго участія въ движеніи. Смерть примиряетъ. И если при жизни Герценъ иногда оказывался не въ томъ лагерѣ, въ которомъ находились Чернышевскій, Добролюбовъ и ихъ послѣдователи, то намъ съ историческаго разстоянія видно, что задача была у нихъ одна, что стремились они къ общей цѣли, хотя и шли къ ней разными путями. Никогда ни одной фракціи буржуазіи, царство которой Герценъ ненавидѣлъ всѣми силами своей души, не удастся зачислить мятущагося искателя въ ряды своихъ сторонниковъ[1]). Герценъ—нашъ, и объ этомъ мы никогда не забываемъ, какъ бы отрицательно ни приходилось намъ относиться къ отдѣльнымъ его шагамъ и заявленіямъ.

Герценъ—нашъ, и мы никому его не отдадимъ.

---

[1]) Здѣсь я имѣлъ въ виду комичныя попытки г. Родичева искупаться въ лучахъ герценовскаго солнца и выдать покойника за чистокровнаго «кадета». (Примѣчаніе октября 1918 года).

М. А. Бакунинъ.

(Къ столѣтней годовщинѣ со дня его рожденія).

I.

«У него былъ мрачный, подстерегающій взглядъ хищнаго звѣря и огромная грива, такъ что съ перваго раза онъ казался нѣсколько похожимъ на льва»[1]). Такъ выражаются про наружность Бакунина крайне враждебно относящійся къ нему Іеккъ, снабжающій его даже несовсѣмъ умѣстнымъ въ устахъ соціалъ-демократа эпитетомъ «политически-преступной натуры». Но взглядъ Бакунина произведъ также тяжелое впечатлѣніе на посѣтившую его въ Локарно незадолго до его смерти госпожу А. Баулеръ, которая была его сторонницей и поклонницей. Когда она въ первый разъ очутилась съ нимъ наединѣ, на нее, какъ она разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, въ упоръ глядѣли злые зеленые глаза знаменитаго агитатора[2]). А между тѣмъ друзья Бакунина разсказываютъ, что у него были добрые свѣтлые глаза. Но эти добрые глаза, лукаво щурившіеся, когда онъ въ веселой компаніи товарищей разсказывалъ забавные анекдоты, покрывая ихъ густымъ громкимъ хохотомъ, умѣли метать молніи, когда онъ приходилъ въ раздраженіе или встрѣчался съ враждебными ему людьми. Этимъ объясняется оцѣнка Іекка, а также первое впечатлѣніе госпожи Баулеръ: не забудемъ, что Бакунинъ сначала принялъ было ее за шпіонку, подосланную къ нему русской полиціей. Гильомъ, личный другъ Бакунина, бывшій долгое время его правой рукой къ Юрской федераціи, разсказывалъ мнѣ, что глаза Бакунина по временамъ производили на него впечатлѣніе

[1]) Интернаціоналъ. Изд. «Знанія», стр. 161.
[2]) Бакунинъ наканунѣ смерти. «Былое», 1907, іюль.

бездонности: казалось, что въ нихъ скрыта какая-то великая тайна, и что онъ знаетъ нѣчто такое, чего не вѣдаетъ никто, и о чемъ онъ никому не разскажетъ.

Но всѣ, и друзья, и враги, согласно признавали, что въ его внѣшнемъ обликѣ (друзья прибавляли: и во внутреннемъ) имѣется нѣчто исполинское, колоссальное, выражаясь образно—львообразное. Мы видѣли, что Іеккъ говоритъ о его сходствѣ со львомъ. Въ наружности и въ темпераментѣ Бакунина было дѣйствительно нѣчто львиное, и у всѣхъ, приступавшихъ къ описанію этого человѣка, невольно срывается съ пера сравненіе съ царемъ звѣрей. Головачева-Панаева говоритъ о немъ, напримѣръ: «Наружность Бакунина была эффектная; онъ былъ огромнаго роста, выраженіе лица энергическое, съ густыми, длинными, темными, курчавыми волосами. Голова его напоминала голову льва»[1]). Впослѣдствіи его волосы порѣдѣли и посѣдѣли, но общее впечатлѣніе отъ его личности не измѣнилось. И Герценъ, встрѣтившійся съ нимъ въ Лондонѣ въ началѣ 60-хъ годовъ послѣ побѣга его изъ Сибири, говоритъ о немъ въ своемъ извѣстномъ описаніи: «Дѣятельность его, праздность, аппетитъ и все остальное, какъ гигантскій ростъ и вѣчный потъ, все было не по человѣческимъ размѣрамъ, какъ онъ самъ; а самъ онъ исполинъ съ львиной головой, съ всклокоченной гривой»[2]). Наконецъ, Вырубовъ, который въ общемъ относится къ Бакунину скептически, чтобы не сказать, насмѣшливо, также испыталъ отъ знакомства съ нимъ аналогичное впечатлѣніе. «Личность Бакунина,—пишетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ[3]),—и въ физическомъ, и въ нравственномъ отношеніи поражала своими размѣрами. Фигура его, огромная по всѣмъ тремъ измѣреніямъ, съ курчавой головой, напоминала изображенія Бога Саваоѳа въ куполахъ церквей; ѣлъ онъ безъ разбора что попало—невѣроятное количество; чай, холодный и горячій, пилъ онъ цѣлый день, папиросъ выкуривалъ несчетное число. При такомъ режимѣ, въ особенности послѣ долгаго сидѣнія въ тюрьмахъ, простой смертный извелъ бы себя въ нѣсколько лѣтъ, а онъ ничего себѣ, прожилъ безъ особен-

[1]) Воспоминанія, стр. 84 отдѣльнаго изданія.
[2]) Сборникъ посмертныхъ статей, Женева, 1874, стр. 201.
[3]) «Вѣстникъ Европы», 1913, февраль, стр. 45 сл.

ныхъ затрудненій до 62 лѣтъ. Съ другой стороны его несокрушимая желѣзная воля, его до наивности доходившая доброта, его политическія программы и боевыя предпріятія, его достоинства и недостатки—все это было необычно и чрезмѣрно».

Какъ мы видимъ, впечатлѣніе исполина производила не только наружность Бакунина, но и его духовная дѣятельность. Бѣлинскій въ концѣ 1838 г., вспоминая о началѣ своей дружбы съ Бакунинымъ, писалъ ему: «Ты пріѣхалъ, переѣхалъ ко мнѣ, раздѣлилъ со мною все, что у тебя было, и еще такъ, что большую часть предоставилъ мнѣ. Я тратилъ твои деньги—и это было для меня пыткою, но не потому, что меня тяготило твое одолженіе, будущность котораго была очень плоха со стороны внѣшней, въ которой безъ денегъ плохо. Ты предвидѣлъ поѣздку въ Премухино и хотѣлъ уберечь нужную для нея сумму денегъ. Я тебѣ сказалъ, что ихъ нѣтъ, что намъ нечѣмъ жить—и ты, вмѣсто того чтобы сдѣлать хоть какую-нибудь гримасу, въ грустномъ раздумьѣ сталъ ходить по комнатѣ и пѣть «безъ разуму люди», что я очень любилъ слышать. Никогда я не видалъ отъ тебя столько любви ко мнѣ, въ твоей непосредственности столько благородства, въ твоей душѣ такого широкаго размета, во всей твоей индивидуальности, и внутренней, и внѣшней, такой поэзіи, такой львообразности, какъ въ этотъ день»[1]).

Уже въ ранней молодости, во время знаменитыхъ «всенощныхъ бдѣній» въ Москвѣ, когда Бакунинъ посвящалъ своихъ друзей въ тайны гегелевской философіи, онъ плѣнялъ и очаровывалъ ихъ мощнымъ кипѣніемъ своего духа, снѣдавшимъ его внутреннимъ безпокойствомъ и горячимъ стремленіемъ къ истинѣ, въ поклоненіи которой онъ не допускалъ никакихъ компромиссовъ, никакихъ уступокъ, никакихъ недоговоренностей. И этой чертѣ онъ не измѣнялъ всю свою жизнь. Именно потому, что онъ самъ кипѣлъ и горѣлъ, онъ заражалъ другихъ и властно велъ ихъ за собою. Правда, не всегда вліяніе его было прочнымъ и продолжительнымъ; сплошь и рядомъ друзья его ссорились съ нимъ и отходили отъ него: подобно всякому пророку,

[1]) Приводимыя здѣсь цитаты изъ писемъ Бѣлинскаго взяты изъ интереснѣйшихъ статей А. Корнилова «Семейство Бакунинныхъ», печатающихся послѣдніе 4 года въ «Русской Мысли».

увѣренному въ томъ, что онъ обладаетъ полной истиной, онъ былъ нетерпимъ и требовалъ полнаго, безоговорочнаго съ собою согласія, что вело естественно къ конфликтамъ, особенно съ людьми самостоятельной складки. Но пока онъ вліялъ на людей вліяніе это было глубокимъ, сильнымъ и въ большинствѣ случаевъ благотворнымъ.

А вліять на людей, пробуждать въ ихъ душѣ высокія стремленія, зажигать ихъ огнемъ вдохновенія этотъ прирожденный «ловецъ человѣковъ» умѣлъ и тогда, когда былъ еще зеленымъ юношей. Вотъ какъ выражалась о немъ и о дѣйствіи его проповѣди его пріятельница Наталья Бееръ [1]) въ письмѣ отъ 15 марта 1835 г. (Бакунину тогда не исполнилось еще 21 года): «Это одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ сила характера и пылъ души могутъ многое... Его присутствіе произвело на меня дѣйствіе, въ которомъ я никогда не буду въ состояніи отдать вамъ полный отчетъ. Это былъ хаосъ, пропасть чувствъ, идей, которыя меня совершенно потрясли; тысячу разъ я принималась обдумывать, углублять эти вещи, и всякій разъ я терялась въ ихъ лабиринтѣ. О, это потому, что сердце и голова Мишеля это такіе лабиринты, въ которыхъ не скоро найдешь руководящую нить, а искры, которыя вспыхиваютъ время отъ времени (ибо его сердце и голова—изъ огня), вамъ также незамѣтно воспламеняютъ и сердце, и голову».

Скажутъ, что это слова молодой экзальтированной дѣвушки, быстро поддавшейся горячей проповѣди юнаго пропагандиста. Но вотъ передъ нами разсказъ зрѣлаго человѣка, ученаго профессора санкскристкаго языка (правда, ему тогда было всего 25 лѣтъ). Бакунинъ встрѣтился съ нимъ, когда жилъ во Флоренціи въ 1864 г. и пытался основать свое первое тайное революціонное «братство». Губернатисъ сначала упирался, не желая поддаться вліянію Бакунина и принять его анархическія теоріи вмѣстѣ съ практическими планами. «Тогда,—разсказываетъ Губернатисъ [2]),

[1]) Кстати, не съ нея-ли писалъ Тургеневъ портретъ Натальи въ «Рудинѣ»?

[2]) Разсказъ этотъ помѣщенъ въ автобіографическомъ предисловіи де-Губернатиса къ его «Біографическому Словарю современныхъ писателей», Флоренція 1880. Цит. у Драгоманова въ предисловіи къ «Перепискѣ Бакунина», изд. въ 1895 г. въ Женевѣ.

—онъ (Бакунинъ) пустилъ въ ходъ все свое краснорѣчіе, немалое,—и убѣдилъ меня, что, въ виду мрачнаго заговора государствъ на зло общества, необходимо противопоставить другой заговоръ... Великій змій окружилъ меня съ этой минуты своими фатальными кольцами; я немного противился еще, но, наконецъ, объявилъ, что если дѣло пойдетъ на соціальную революцію непосредственную, то я вступлю въ тайное общество. Я возвратился домой въ часъ пополуночи, попробовалъ лечь въ постель, чтобы заснуть, но напрасно. Новыя мысли такъ волновали мой мозгъ, что не давали мнѣ лежать. Я всталъ съ постели, ходилъ туда и сюда въ страшномъ возбужденіи по моимъ двумъ комнатамъ, ставшимъ отнынѣ слишкомъ тѣсными для новаго одушевленія (furore), которое овладѣло мною, обвиняя гнусность и безполезность моей прошлой жизни, но объявляя громко и быстро самому себѣ, что я былъ бы тѣмъ болѣе гнусенъ, если бы остался еще одинъ часъ больше, съ моими чувствами республиканскими и даже революціонными, въ моей оффиціальной должности». Подъ вліяніемъ Бакунина Губернатисъ отказался отъ государственной службы и вступилъ въ тайное братство. Правда, онъ скоро порвалъ съ революціонной дѣятельностью, но въ данномъ случаѣ это насъ не интересуетъ. Для насъ важно отмѣтить, какимъ вліяніемъ Бакунинъ пользовался даже на людей, психологически чуждыхъ революціи.

Тургеневъ, который въ своемъ романѣ «Рудинъ» пытался изобразить молодого Бакунина, также указываетъ на эту сторону его личности.

Рудинъ случайно заѣзжаетъ къ взбалмошной богатой помѣщицѣ и своей рельефной индивидуальностью, своимъ горячимъ словомъ сразу завоевываетъ симпатіи молодежи, хозяйской дочери Натальи и учителя Басистова. «У Басистова чуть дыханіе не захватило; онъ сидѣлъ все время съ раскрытымъ ртомъ и выпученными глазами—и слушалъ, слушалъ, какъ отъ роду не слушалъ никого, а у Натальи лицо покрылось алой краской, и взоръ ея, неподвижно устремленный на Рудина, и потемнѣлъ, и заблисталъ». Рудинъ говорилъ о томъ, что «придаетъ вѣчное значеніе временной жизни человѣка». Тургеневъ также подчеркиваетъ тотъ замѣчательный фактъ, что послѣ бесѣды Бакунина сонъ бѣжалъ съ глазъ потрясенныхъ слушателей. «Басистовъ

цѣлую ночь не спалъ и не раздѣвался: онъ до самаго утра все писалъ письмо къ одному своему товарищу въ Москву, а Наталья, хотя и раздѣлась и легла въ постель, но тоже ни на минуту не уснула и не закрывала даже глазъ. Подперши голову рукою, она глядѣла пристально въ темноту; лихорадочно бились ея жилы, и тяжелый вздохъ часто приподнималъ ея грудь». Уѣзжая изъ гостепріимнаго дома послѣ скандала съ Натальей, Рудинъ по дорогѣ заводитъ съ провожающимъ его Басистовымъ разговоръ о свободѣ. «Басистовъ стиснулъ руку Рудину, и сердце честнаго юноши забилось сильно въ его растроганной груди. До самой станціи говорилъ Рудинъ о достоинствѣ человѣка, о значеніи истинной свободы (любимыя темы молодого Бакунина),—говорилъ горячо, благородно и правдиво,—и когда наступило мгновенье разлуки, Басистовъ не выдержалъ, бросился ему на шею и зарыдалъ. У самаго Рудина полились слезы». И не удивительно, что воспоминаніе о Рудинѣ навсегда осталось для Басистова самымъ свѣтлымъ пятномъ въ его жизни, и впослѣдствіи онъ говорилъ о немъ: «А что касается до вліянія Рудина, клянусь вамъ, этотъ человѣкъ не только умѣлъ потрясти тебя, онъ съ мѣста тебя сдвигалъ, онъ не давалъ тебѣ останавливаться, онъ до основанія тебя переворачивалъ, зажигалъ тебя!»

Такое облагораживающее вліяніе молодой Бакунинъ оказывалъ на сестеръ Бееръ, на своихъ собственныхъ сестеръ и братьевъ, на Боткина, Бѣлинскаго и т. д.

Какъ извѣстно, великій русскій критикъ одно время развивался подъ прямымъ вліяніемъ Бакунина, и вліяніе это было сплошь и рядомъ благотворно и способствовало самоопредѣленію крупной личности Бѣлинскаго. Его плѣняло въ Бакунинѣ «кипѣніе жизни, безпокойный духъ, живое стремленіе къ истинѣ». Правда, между друзьями происходили часто конфликты вслѣдствіе диктаторскихъ замашекъ Бакунина, требовавшаго отъ своихъ друзей безусловнаго согласія съ нимъ во всѣхъ деталяхъ, даже когда онъ мѣнялъ свои взгляды. Бѣлинскій жалуется на то, что ему приходилось „стонать“ подъ Бакунинскимъ авторитетомъ, однако прибавляетъ, что этотъ авторитетъ, хотя и былъ тяжелъ для него, но и необходимъ. „Нѣтъ, Мишель,—пишетъ онъ,—ты не навязалъ на меня свой авторитетъ: его наложило на меня могущество твоей мысли, безконечность твоего

созерцанія. Теперь я знаю твои достоинства, знаю и твои недостатки: на первыя смотрю съ любовью и уваженіемъ, на вторые съ снисхожденіемъ, какъ на зло необходимое и—я вѣрю этому—преходящее... Я вѣрю твоему прекрасному призванію, вѣрю, что ты достигнешь своей высокой цѣли. Въ тебѣ играетъ глубокая, могучая жизнь; твое созерцаніе безконечно, твоя сила громадна".

Характеръ Бакунина былъ сотканъ изъ противорѣчій. Поклонникъ неограниченной свободы и даже анархіи, онъ въ то же время отличался необычайной властностью и диктаторскими стремленіями; проповѣдникъ высоко-нравственныхъ началъ и борецъ за человѣческое достоинство, онъ зачастую не разбирался въ средствахъ борьбы, прибѣгалъ къ несовсѣмъ дозволительнымъ пріемамъ и т. д., и т. п. Конечно, такія противорѣчія въ большей или меньшей степени присущи каждому человѣку, но такъ какъ въ Бакунинѣ все принимало громадный, рѣзкій характеръ, то въ немъ эти противорѣчія особенно ярко били въ глаза и особенно рѣзали. Прекрасно изучившій его Бѣлинскій въ своемъ извѣстномъ письмѣ отъ 12—24 октября 1838 г. удачно характеризовалъ эти противорѣчія бакунинской натуры. „Всегда признавалъ,—пишетъ неистовый Виссаріонъ,—и теперь признаю я въ тебѣ благородную, львиную природу, духъ могучій и глубокій, необыкновенное движеніе духа, превосходныя дарованія, безконечныя чувства, огромный умъ; но въ то же время признавалъ и признаю: чудовищное самолюбіе, мелкость въ отношеніяхъ съ друзьями, ребячество, лѣнность, недостатокъ задушевности и нѣжности, высокое мнѣніе о себѣ насчетъ другихъ, желаніе покорять, властвовать, охоту говорить другимъ правду и отвращеніе слушать ее отъ другихъ. Для меня эти противорѣчія составляютъ единое цѣлое, одного человѣка. Ты—богатое соединеніе самыхъ прекрасныхъ элементовъ, которые еще находятся въ броженіи и требуютъ большой разработки. Не мертвый абстрактъ, не логическій трупъ, а олицетворенная философія Спинозы: ты пламенѣешь неистощимою любовью къ Богу, по Богу, какъ субстанціи всего сущаго, какъ къ общему, оторванному отъ частныхъ явленій, и еще никогда не любилъ ты субъекты и образы индивидуальные. Какъ въ индійскомъ пантеизмѣ живетъ одинъ Брама, все рождающій и все пожирающій, а част-

ное есть жертва и игрушка Брамы,—такъ и для тебя идея выше человѣка, его образъ мыслей выше его непосредственности, и ты приносишь его на жертву всерождающему и всепожирающему Брамѣ своему.

«Между нами есть что-то общее,—это — разрушительный элементъ... Сила, дикая мощь, безпокойное, тревожное и глубокое движеніе духа, безпрестанное стремленіе вдаль, безъ удовлетворенія настоящимъ моментомъ, даже ненависть и къ настоящему моменту, и къ себѣ самому въ настоящемъ моментѣ, порываніе къ общему внѣ частныхъ явленій—вотъ твоя характеристика; къ этому надо еще присовокупить недостатокъ задушевности, Gemüthlichkeit, нѣжности, если можно такъ выразиться, въ отношеніяхъ съ людьми близкими къ тебѣ... Отъ этого-то ты такъ давилъ собою всѣхъ, и любовь къ тебѣ всѣхъ и всякаго была какимъ(-то) трудомъ. По крайней мѣрѣ, я не умѣю иначе выразить моего чувства къ тебѣ, какъ любовью, которая похожа на ненависть, и ненавистью, которая похожа на любовь.. Не подумай, чтобы я отрицалъ въ тебѣ любовь; нѣтъ, я знаю, въ сокровенной глубинѣ твоего духа скрыть неизсякаемый источникъ любви; но эта любовь пока еще устремлена на абсолютъ, какъ на субстанцію, а не на явленія. Твоя кровь горяча и жива, но она (если можно употребить такое сравненіе) течетъ у тебя не въ жилахъ, а въ духѣ твоемъ».

Этотъ упрекъ Бѣлинскаго въ абстрактномъ характерѣ бакунинской любви въ извѣстномъ смыслѣ напоминаетъ аналогичный упрекъ, который народники во время полемики съ марксистами въ началѣ 90-хъ годовъ дѣлали первымъ русскимъ соціалъ-демократамъ. Но это мимоходомъ. Интереснѣе то, что Бѣлинскій прозорливо подмѣтилъ основную черту бакунинскаго интеллекта, безпрерывное кипѣніе и броженіе его духа. Въ этомъ же замѣчательномъ письмѣ онъ говорилъ: «Въ моихъ глазахъ ты есть теперь не что иное, какъ выраженіе хаотическаго броженія элементовъ. Твое я силится выработаться, но какъ ему суждено выработаться въ огромныхъ формахъ, то естественно, что эта разработка для тебя болѣзненна: въ ней разрушеніе дѣлается для созиданія, гніеніе для новой производительности».

Такъ удачно охарактеризовалъ проницательный товарищъ

могучій процессъ творческаго броженія, совершавшійся въ духовномъ мірѣ молодого Бакунина. И кто знаетъ! Когда черезъ четыре года Бакунинъ, придя къ опредѣленному революціонному міросозерцанію, выдвинулъ свою знаменитую формулу: «страсть къ разрушенію есть въ то же время творческая страсть»,—онъ, быть можетъ, безсознательно для себя, вспомнилъ вѣщія слова своего друга, что въ душѣ его «разрушеніе дѣлается для созиданія».

И при этомъ ему въ высшей степени свойственна была практическая агитаціонная жилка. Спокойнымъ теоретическимъ анализомъ, созерцаніемъ развертывающейся у него на глазахъ исторіи Бакунинъ по самой сущности своего темперамента удовольствоваться не могъ. Онъ непремѣнно долженъ былъ вмѣшаться въ самую гущу жизни, стать въ первыхъ ея рядахъ, занять самый опасный постъ. Ни на минуту не оставлялъ его этотъ порывъ къ практической дѣятельности, носила ли она грандіозно-историческій или мелочно-повседневный характеръ. Какъ настоящій практикъ, онъ прекрасно сознавалъ, что изъ такихъ мелочей складывается жизнь и возникаютъ крупныя историческія событія. Гдѣ бы онъ ни находился, въ какихъ бы тяжелыхъ личныхъ или общественыхъ условіяхъ онъ ни очутился, будь это въ дорогѣ, во время бѣгства изъ Сибири, поѣздки въ Швецію, на международномъ соціалистическомъ конгрессѣ или въ мирномъ швейцарскомъ городкѣ, всюду онъ старался заводить связи, закладывать первыя нити организаціи, связывать подходящихъ на его взглядъ людей между собою и съ собою, устраивать транспорты запрещенныхъ изданій, выпускъ прокламацій, раздавать и собирать адреса, шифры для тайной переписки и т. д., и т. п. Такая кипучая дѣятельность, переходившая подчасъ въ непосѣдливость или, какъ выражался Герценъ, «революціонную чесотку», была непонятна такимъ скептически и созерцательно настроеннымъ людямъ, какъ тотъ же Герценъ, котораго Бакунинъ тщетно пытался вовлечь въ свои революціонныя затѣи и конспираціи. Но въ томъ-то и дѣло, что скептицизмъ, эта житейская мудрость, «въ которой умеръ нашъ другъ Герценъ» [1]), органически

[1]) Слова Бакунина въ одномъ изъ его писемъ.

чуждъ былъ Бакунину. Съ юныхъ лѣтъ онъ былъ увѣренъ въ своемъ призваніи къ великимъ историческимъ дѣламъ и въ своей силѣ для выполненія этихъ дѣлъ. Уже въ молодыхъ годахъ онъ мечталъ о служеніи человѣческому роду, и это стремленіе не оставляло его всю его жизнь. И куда бы ни занесла его судьба бездомнаго бродяги, вѣчнаго профессіональнаго революціонера, онъ всюду чувствовалъ себя какъ у себя дома, сейчасъ же вмѣшивался въ мѣстныя дѣла, проникался мѣстными интересами, стараясь, впрочемъ, всегда подчинить ихъ общимъ интересамъ всемірной революціи въ цѣломъ. Его въ полномъ смыслѣ можно было назвать гражданиномъ вселенной, по крайней мѣрѣ, гражданиномъ вселенской революціи. Никогда не ограничивался онъ достигнутыми результатами, а изъ каждой завоеванной позиціи пытался сдѣлать опорный пунктъ для дальнѣйшихъ предпріятій. Что при этомъ онъ совершалъ массу промаховъ, подчасъ трагическаго, а подчасъ комическаго свойства, это само собою разумѣется. Но было бы въ высшей степени несправедливо, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые противники Бакунина, останавливаться на однѣхъ его ошибкахъ, на однѣхъ отрицательныхъ сторонахъ его дѣятельности, упорно закрывая глаза на тѣ плюсы, къ которымъ, если и несразу, то въ конечномъ результатѣ привела его работа.

II

Въ «Рудинѣ» Тургеневъ, наряду съ положительными и высокими чертами своего героя, изображаетъ цѣлый рядъ его отрицательныхъ и мелкихъ сторонъ. Правда, не слѣдуетъ забывать, что Тургеневъ, придерживавшійся въ политикѣ умѣренно-либеральныхъ взглядовъ, органически не могъ понять натуры Бакунина и даже пытался въ своемъ романѣ выставить всю его дѣятельность, въ томъ числѣ и дѣятельность въ 1848 г., пустой и безцѣльной. Быть можетъ, невольно для себя Тургеневъ впалъ здѣсь въ пасквиль, чѣмъ въ свое время возбудилъ негодованіе въ друзьяхъ Бакунина за это шаржированное описаніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ признать, что нѣкоторые отмѣченные имъ недостатки дѣйствительно присущи были Бакунину, хотя и не играли въ его жизни такой опредѣляющей роли и не занимали

въ его характерѣ такого мѣста, какъ это рисуетъ Тургеневъ. На первомъ планѣ стоитъ нѣсколько халатное отношеніе къ чужой собственности, отсутствіе усидчивости въ работѣ, склонность къ господству надъ личностью своихъ близкихъ, стремленіе вмѣшиваться въ ихъ интимную жизнь и т. п. Отъ этого Бакунину часто приходилось страдать. Правда, когда Тургеневъ говоритъ, что «Бакунинъ, занявшій у него деньги,... распространяетъ о немъ самыя пошлыя и гадкія клеветы» (письмо къ Герцену отъ 21 марта—2 апрѣля 1864 г.), или когда Герценъ въ письмѣ къ Огареву заявляетъ, что Бакунинъ «всегда любилъ быть стокомъ сплетней», то оба они сильно преувеличиваютъ просто потому, что злятся на Бакунина за обличеніе ихъ либеральныхъ увлеченій. Но, несомнѣнно, эти отрицательныя черты у Бакунина были. Только, чтобы понять ихъ, ихъ нужно поставить не въ ту перспективу, въ которую ихъ ставили его противники и недруги.

Конечно, Бакунинъ нѣсколько легкомысленно относился къ денежному вопросу. И Руге, и Фохтъ, и Герценъ, и Тургеневъ въ своихъ письмахъ или воспоминаніяхъ всѣ такъ или иначе упоминаютъ объ этой сторонѣ его характера. Но слѣдуетъ имѣть въ виду, что Бакунинъ, принадлежавшій къ той породѣ людей, которые «чужую крышу кроютъ, а свою раскрываютъ», и сверхъ того не получавшій помощи отъ родныхъ, которые относились къ нему съ удивительнымъ безсердечіемъ и холодностью, всегда нуждался въ деньгахъ. При своихъ талантахъ онъ легко могъ бы раздобывать нужныя средства, если бы интересовался устройствомъ личнаго благополучія. Но въ томъ-то и дѣло, что о себѣ и своихъ удобствахъ онъ никогда не думалъ, а отдавалъ свои силы на пропаганду своихъ идей, на «общее дѣло». При этомъ Бакунинъ, безцеремонно на мѣщанскій взглядъ занимавшій деньги у знакомыхъ, съ еще большей легкостью отдавалъ ихъ нуждающимся. И такъ дѣлалъ онъ и въ молодости, и въ старости, когда у среднихъ людей, даже вообще склонныхъ къ безсеребренничеству, невольно развивается извѣстная потребность въ комфортѣ, въ устройствѣ своего угла. Разъ только въ своей жизни Бакунинъ поддался этому неодолимому и естественному влеченію, когда на склонѣ дней принялъ денежную помощь отъ своего итальянскаго послѣдователя Карло Кафіеро и попытался изъ революціоннаго притона, устроеннаго послѣднимъ въ Локарно,

сдѣлать уютный уголокъ для своей семьи,—и какъ горько пришлось ему потомъ расплачиваться за эту минутную слабость! [1]).

Хорошо знавшій его Герценъ писалъ о немъ: «Въ 50 лѣтъ онъ былъ рѣшительно тотъ же кочующій студентъ съ Маросейки, тотъ же бездомный Bohémien съ rue de Bourgogne безъ заботы о завтрашнемъ днѣ, пренебрегая деньгами, бросая ихъ, когда есть, занимая ихъ безъ разбора направо и налѣво, когда ихъ нѣтъ, съ той простотой, съ какой дѣти берутъ у родителей, безъ заботы объ уплатѣ, съ той простотой, съ которой онъ самъ отдаетъ всякому послѣднія деньги, отдѣливъ отъ нихъ что слѣдуетъ на сигареты и чай. Его этотъ образъ жизни не тѣснилъ; онъ родился быть великимъ бродягой, великимъ бездомникомъ. Если бы его кто-нибудь спросилъ окончательно, что онъ думаетъ о правѣ собственности, онъ могъ бы сказать то, что отвѣчалъ Лаландъ Наполеону о Богѣ: «Sire, въ моихъ занятіяхъ я не встрѣчалъ никакой необходимости въ этомъ правѣ!» Въ немъ было что-то дѣтское, беззлобное и простое, и это придавало ему необычайную прелесть и влекло къ нему слабыхъ и сильныхъ, отталкивая однихъ чопорныхъ мѣщанъ».

Да и кто обвинялъ Бакунина въ безцеремонномъ отношеніи къ чужой собственности? По большей части такіе заскорузлые эгоисты, жившіе только для своей утробы, какъ В. Боткинъ, и никогда ничего не сдѣлавшіе для ближняго, хотя бы этотъ ближній и былъ ближнимъ въ буквальномъ смыслѣ слова, т. е. близкимъ товарищемъ, а въ данномъ случаѣ даже учителемъ, которому самъ Боткинъ когда-то писалъ: «Не говоря уже о томъ, что съ тобою слито мое перерожденіе, что черезъ тебя п е р в а г о узналъ я тѣ идеи, отъ которыхъ спала повязка съ моихъ глазъ, и я вошелъ въ свободную сферу бытія, гдѣ въ первый разъ свободно и легко вздохнулъ мой духъ, утомленный скитаніями по темнымъ излучинамъ разсудка и всяческими сомнѣніями». Головачева-Панаева, знавшая бакунинскій кружокъ, разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ (стр. 137—138) слѣдующій эпизодъ, имѣвшій мѣсто въ Парижѣ въ 40-хъ годахъ: «Разъ за обѣдомъ онъ (Боткинъ)

---

[1]) Объ инцидентѣ съ «Баронатой» см. подробности въ нашей статьѣ «Послѣдніе годы жизни Бакунина» въ журналѣ «Голосъ Минувшаго» за 1914 годъ, май.

сталъ укорять въ пропрошайствѣ Бакунина, который, не получая денегъ изъ Россіи, сидѣлъ безъ копѣйки и занялъ у него 50 франковъ. Меня это страшно возмутило, и я высказала, что пріятелямъ Бакунина стыдно не помочь ему, когда они сами тратятъ по сто рублей на ужины и обѣды для первой встрѣчной на улицѣ француженки. Всѣ пришли въ изумленіе отъ моихъ словъ... Но, главное, всѣ присутствующіе знали, что Бакунинъ потому сидѣлъ безъ копѣйки, что спасъ одно русское семейство отъ голодной смерти; онъ заплатилъ долгъ соотечественника, который давно уже жилъ въ Парижѣ на трудовые гроши, но заболѣлъ, пролежалъ больной два мѣсяца, вслѣдствіе чего задолжалъ, и его хотѣли посадить въ тюрьму; тогда жена и дѣти должны были бы идти просить милостыню».

Бѣлинскій, который при всей своей нуждѣ былъ человѣкомъ строго щепетильнымъ въ денежныхъ вопросахъ и не хотѣлъ прибѣгать къ помощи друзей, даже нуждаясь въ отдыхѣ и подгачиваемый страшною болѣзнью (впрочемъ, эти друзья проявляли по отношенію къ нему то же преступное равнодушіе, что и къ Бакунину),—Бѣлинскій прекрасно зналъ эту черту Бакунина. Но посмотрите, съ какимъ глубокимъ пониманіемъ и всепрощеніемъ этотъ дѣйствительно моральный человѣкъ относился къ недостаткамъ своего товарища. Въ 1836 г. Бакунинъ, переѣхавъ въ Москву, побывалъ у тогдашняго попечителя московскаго учебнаго округа, гр. С. Г. Строганова, который предложилъ ему между прочимъ перевести нѣмецкій учебникъ исторіи Шмидта. Заказаннаго ему перевода Бакунинъ такъ и не выполнилъ, поглощенный болѣе важными на его взглядъ вопросами, т. е. изученіемъ и пропагандой Гегеля. Бѣлинскій много бранился съ нимъ по поводу его безалаберности; но въ концѣ концовъ онъ призналъ, что къ Мишелю нельзя прилагать общежитейскую мѣрку. Въ письмѣ отъ 1 Ноября 1837 г. онъ пишетъ своему другу: «Прекрасная душа, неразумное и легкомысленное дитя, часто совсѣмъ пустой малый въ своей внѣшней жизни, ты, Мишель, высокая душа, олицетворенная мощь въ своей внутренней жизни». Впослѣдствіи, уже послѣ произошедшей между ними ссоры, Бѣлинскій оправдывалъ его не однимъ избыткомъ его внутренней жизни, но и въ самихъ условіяхъ его внѣшней жизни находилъ такія стороны, которыя оправдывали его неза-

лаберность. Въ письмѣ отъ 12-24 октября 1838 г. Бѣлинскій писалъ ему: «Ты, Мишель, составилъ себѣ громкую извѣстность попрошайки и человѣка, живущаго на чужой счетъ... Но я понимаю твое легкомысліе и легкость въ попрошайствѣ—ихъ источникъ твое идеальное прекраснодушіе. Да, тебѣ спросить у другого: «нѣтъ ли у тебя денегъ?»—все равно что спросить: «Нѣтъ ли у тебя щепокъ?», и ты берешь деньги какъ щепки, но зато ты и отдаешь ихъ какъ щепки». И далѣе Бѣлинскій напоминаетъ, что Бакунинъ обыкновенно самъ предлагалъ пріятелямъ деньги, не дожидаясь, пока тѣ попросятъ, оставляя себѣ «полтину на четверку табаку и двугривенный на извощика». Буквально то же самое, что говоритъ Герценъ. Бѣлинскій прежде даже видѣлъ въ этой чертѣ величіе Бакунина (и до извѣстной степени онъ, можетъ быть, былъ даже правъ), но впослѣдствіи сталъ смотрѣть на дѣло проще»: «все дѣло и вся разница была въ томъ, что я понималъ цѣну этого проклятаго металла, трудность доставать его, а ты—нѣтъ».

Вѣроятнѣе всего, это легкомысленное отношеніе къ денежному вопросу было однимъ изъ пороковъ, унаслѣдованныхъ Бакунинымъ отъ того класса, къ которому онъ принадлежалъ по рожденію. Уже во время пребыванія въ военномъ училищѣ у Бакунина начало проявляться это легкомысленное отношеніе къ деньгамъ, которое условія эмигрантской жизни впослѣдствіи могли только усилить: онъ началъ входить въ долги, а товарищи по училищу заставляли его подписывать векселя, что вызвало протестъ и упреки со стороны отца. Вотъ гдѣ начала развиваться его привычка, общая всему русскому дворянству, вскормленному рабскимъ трудомъ и государственной казной. Этотъ же классъ надѣлилъ его халатностью и лѣнью, неспособностью къ усидчивой и упорной работѣ [1]).

[1]) Впрочемъ, здѣсь играли роль и условія эмигрантской жизни, и вынужденные переѣзды съ мѣста на мѣсто, и занятіе революціонными дѣлами, которыя каждый разъ отвлекали его вниманіе въ другую сторону. Благодаря этому, Бакунину не удалось закончить ни одной своей, болѣе или менѣе крупной, работы, и большинство его трудовъ имѣютъ видъ разрозненныхъ и необработанныхъ отрывковъ. Одному критику, сдѣлавшему замѣчаніе начетъ такого характера его работъ, Бакунинъ отвѣтилъ: «Самая моя жизнь не болѣе, какъ отрывокъ». И онъ былъ правъ.

Упомянутый выше инцидентъ съ переводомъ исторіи Шмидта отчасти напоминаетъ пресловутую исторію съ начатымъ и незаконченнымъ переводомъ перваго тома марксовскаго «Капитала». Если первая работа не была выполнена изъ-за увлеченія философіей Гегеля, то вторая оставлена по уговору Нечаева, который убѣдилъ Бакунина посвятить всѣ свои силы «русскому дѣлу». Какъ извѣстно, Нечаевъ взялся уладить недоразумѣніе съ издателемъ Поляковымъ, у котораго Бакунинъ успѣлъ уже взять авансъ въ размѣрѣ 300 рублей. Но вмѣсто этого Нечаевъ написалъ на бланкѣ революціоннаго комитета письмо Любавину, бывшему посредникомъ въ этомъ дѣлѣ, съ угрозою смерти издателю, въ случаѣ если тотъ потребуетъ у Бакунина возвращенія выданнаго аванса. По всей вѣроятности, этотъ хулиганскій поступокъ былъ совершенъ Нечаевымъ безъ вѣдома Бакунина, но послѣдній за него жестоко поплатился, такъ какъ слухъ объ этой исторіи дошелъ до Маркса, а послѣдній раздобылъ это письмо и предъявилъ его слѣдственной комиссіи Гаагскаго конгресса, что повлекло за собою исключеніе Бакунина изъ рядовъ Интернаціонала не только за основаніе тайнаго Альянса соціальныхъ революціонеровъ, но и за «безчестный поступокъ», выразившій въ присвоеніи чужой собственности.

То же благородное всероссійское дворянство наградило Бакунина извѣстнымъ націоналистическимъ душкомъ, въ частности панславистскими поползновеніями и особенно враждою къ нѣмцамъ и евреямъ. Панславистская нотка послышалась въ первыхъ же публичныхъ выступленіяхъ Бакунина, напримѣръ, въ его парижской рѣчи 1847 г. по польскому вопросу, вызвавшей его высылку изъ Франціи, а затѣмъ въ его дѣятельности 1848—49 г.г. Не слѣдуетъ, конечно, забывать, что славянофильство было однимъ изъ первыхъ проявленій пробужденія политическихъ интересовъ въ русскомъ обществѣ послѣ пораженія декабристовъ. Оно не осталось безъ вліянія даже на ярыхъ враговъ славянофильства, на западниковъ, по крайней мѣрѣ, такихъ, какъ Герценъ и Бакунинъ. Правда, Бакунинъ никогда не доходилъ до такихъ славянофильскихъ преувеличеній, какъ Герценъ, но и онъ, былъ не свободенъ отъ многихъ типичныхъ чертъ славянофильства. Одною изъ нихъ было приписываніе небывалыхъ достоинствъ славянскимъ народамъ, идеализація ихъ первобытныхъ отношеній,

восхваленіе ихъ вольнолюбивыхъ, антигосударственныхъ стремленій и т. п., а другою, тѣсно связанной съ первою и составляющею какъ бы оборотную ея сторону, это была органическая нелюбовь къ нѣмцамъ, которымъ приписывались всѣ отрицательныя черты россійской оффиціальной государственности. Какъ извѣстно, Герценъ постоянно повторялъ, что деспотизмъ петербургскаго періода былъ политикою не русскою, а нѣмецкою; Бакунинъ въ этомъ отношеніи не отставалъ отъ него. Онъ также утверждалъ, что русское государство по духу своему «вовсе не русское, а татарско-нѣмецкое», что русское правительство «еще болѣе нѣмецкое, чѣмъ татарское», а знаменитые три кита русской оффиціальной государственности не что иное, какъ «выродки чудовищнаго сочетанія татарскаго варварства съ нѣмецкою политическою наукою», и т. д., и т. п.[1]).

Понятно, что нѣмцевъ эта черта въ русскихъ революціонерахъ раздражала. Въ частности Марксъ очень рѣзко относился къ славянскимъ увлеченіямъ Бакунина. Слѣдуетъ, впрочемъ, указать, что Бакунинъ никогда не унижался до разглагольствованій о «гниломъ западѣ», никогда не видѣлъ въ западной жизни голаго торжества «мѣщанства» и этимъ въ выгодную сторону отличался отъ Герцена, который не понималъ рабочаго движенія и не участвовалъ въ немъ, тогда какъ Бакунинъ напротивъ былъ его дѣятельнымъ участникомъ и ждалъ отъ него спасенія человѣчества. Но не подлежитъ сомнѣнію, что славянская жилка билась въ Бакунинѣ очень сильно, особенно до вступленія его въ Интернаціоналъ, и любопытно, что даже и въ послѣдующее время мы встрѣчаемъ у него заявленія, показывающія, что соціальная революція интересовала его въ значительной мѣрѣ съ точки зрѣнія славянскаго освобожденія. Это кстати дастъ намъ возможность лишній разъ прослѣдить славянскій источникъ бакунинскаго анархизма. Между прочимъ присущій Бакунину своего рода революціонный панславизмъ и былъ одною изъ причинъ, способствовавшихъ возникновенію среди европей-

[1]) Bakounine—Oeuvres, т. V, 246 — 251; Русскимъ, польскимъ и всѣмъ славянскимъ друзьямъ. 9; Кнуто-германская имперія, 105; Переписка, 104, 122, 125; Петербургъ—«самъ переодѣтый нѣмецъ», и т. д.

скихъ демократовъ дикихъ слуховъ о томъ, что Бакунинъ является чуть ли не агентомъ русскаго правительства или во всякомъ случаѣ работаетъ въ пользу русской автократіи. Но, конечно, зачислять Бакунина безъ оговорокъ въ ряды панславистовъ въ общепринятомъ значеніи этого слова, его, который всегда заявлялъ, что разрушеніе всероссійской имперіи является главной задачей его жизни, было бы несправедливо. Но съ другой стороны нельзя забывать, что обвиненіе Бакунина въ панславизмѣ объяснялось далеко не одною злою волею его противниковъ и желаніемъ скомпрометировать опаснаго конкурента. Дѣло въ томъ, что сплошь и рядомъ въ заявленіяхъ Бакунина, наряду съ революціонными и интернаціоналистическими деклараціями, чувствовался какой-то непріятный націоналистическій славянофильскій или, если хотите, панславистическій душокъ. Можно ли представить себѣ теперь какого-нибудь русскаго соціалиста, который сталъ бы проповѣдовать объединеніе спеціально славянскихъ народовъ, хотя бы на революціонной и соціалистической почвѣ, и борьбу съ нѣмецкимъ засильемъ или сталъ бы увѣрять, что «народное государство» нѣмецкихъ соціалдемократовъ проникнуто духомъ «пангерманизма» и имѣетъ своей цѣлью насильственное порабощеніе славянъ, и т. п.? А у Бакунина все это было и естественно возбуждало подозрѣнія среди соціалистовъ, особенно нѣмецкихъ. Такимъ образомъ обвиненіе Бакунина въ панславизмѣ было не совсѣмъ безосновательно. Конечно, Бакунинъ не былъ панславистомъ въ смыслѣ Палацкаго или агентовъ русскаго правительства. Но какъ бы революціонны ни были его собственныя стремленія и какъ бы чисты ни были его личныя побужденія, его панславистская и антинѣмецкая проповѣдь способна была лишь поселить смуту и вызвать совершенно нежелательную для него самого реакцію въ политически невоспитанной аудиторіи.

Еще болѣе дикое впечатлѣніе производятъ въ писаніяхъ и выступленіяхъ Бакунина его антисемитическія выходки. Евреевъ онъ объединяетъ въ общей ненависти съ нѣмцами. Ненависть къ евреямъ, какъ и ненависть къ нѣмцамъ, имѣетъ у него два источника: личный и идеальный. Первый объясняется тѣмъ, что среди его наиболѣе ожесточенныхъ противниковъ имѣлись и евреи: Марксъ, Боркхеймъ, Гессъ. Правда, соціалисту-

революціонеру и анархисту, казалось бы, не приличествуетъ попрекать своихъ оппонентовъ ихъ расовымъ происхожденіемъ. Но разъ позволительно заурядъ охаивать нѣмцевъ, то въ такой же мѣрѣ допустимо швыряться на каждомъ шагу словомъ „жидъ". Теперь, конечно, въ соціалистическихъ кругахъ такое явленіе было бы совершенно немыслимо; но на Бакунинѣ тяготѣло проклятіе его классоваго происхожденія, а можетъ быть, и непродолжительнаго пребыванія его на военной службѣ, да еще въ западныхъ губерніяхъ. Съ другой стороны не забудемъ, что ненависть къ евреямъ, подобно антипатіи къ нѣмцамъ, подсказывалась ему мотивами, такъ сказать, идейнаго порядка, а именно его анархизмомъ и враждою къ государству. Евреевъ, какъ и нѣмцевъ, онъ считалъ расою государственническою по существу и съ злобою подчеркивалъ, напримѣръ, что «всѣ нѣмцы и жиды въ (Австрійской) Имперіи ищутъ отнынѣ [1]) своего центра въ Берлинѣ», въ ненавистномъ Берлинѣ, этомъ средоточіи новѣйшей «государственности»! Правда, другіе анархисты, сподвижники Бакунина, не впадали изъ-за этого въ антисемитизмъ, но зато они и не были отпрысками стараго русскаго барства.

Писанія Бакунина, особенно его частныя письма, переполнены самыми рѣзкими и голословными нападками на евреевъ, которыя производятъ странное впечатлѣніе въ устахъ проповѣдника общечеловѣческаго братства. Между прочимъ въ одномъ изъ посланій къ юрскимъ рабочимъ встрѣчается даже терминъ «жидо-масоны», процвѣтающій теперь на столбцахъ черносотенныхъ изданій. Оправдать эти выходки дѣйствительными или мнимыми клеветами, которыя распространялись про Бакунина его противниками-евреями, никакъ невозможно. Вѣдь, напримѣръ, первымъ источникомъ клеветы, выставлявшей Бакунина агентомъ русскаго правительства, былъ россійскій посланникъ въ Парижѣ Киселевъ, который загѣмъ и въ Италіи продолжалъ вредить Бакунину, обвиняя его чуть ли не въ дѣланіи фальшивыхъ бумажекъ. Это однако же не побудило Бакунина огульно обвинить въ смертныхъ грѣхахъ весь русскій народъ. Но въ томъ-то и дѣло, что по отношенію къ нѣмцамъ и евреямъ онъ раздѣлялъ предразсудки самыхъ отсталыхъ слоевъ русскаго на-

[1]) То есть послѣ франко-прусской войны 1870-71 гг.

рода и въ особенности его командующихъ классовъ. Такова была шуйца Бакунина. Здѣсь онъ платилъ дань ветхому барскому Адаму. Съ другой стороны здѣсь проявлялась та его «безпардонность», которою онъ такъ дорожилъ и которую считалъ большимъ достоинствомъ. Конечно, для Бакунина эти антисемитическія и антинѣмецкія выходки не типичны; но все-таки очень жаль, что онѣ кладутъ на его фигуру лишнее пятно.

Къ счастью, у исторіи есть своя бухгалтерія. При подсчетѣ итоговъ она безжалостно отметаетъ мелочь и соръ и памятуетъ лишь великія дѣянія людей, въ дѣятельности которыхъ плюсы далеко перевѣшиваютъ ихъ минусы. Такъ случилось и съ Бакунинымъ. Современникамъ могли быть очень непріятны и тяжелы многія его отрицательныя черты, но теперь, на разстояніи многихъ лѣтъ, мы можемъ, если не умолчать о нихъ и если не вполнѣ пренебречь ими, то во всякомъ случаѣ не приписывать имъ особеннаго значенія и, памятуя о его заслугахъ, предать ихъ забвенію. Исторія скорѣе вспомнитъ любовь Бакунина къ людямъ, его честность, доходившую до наивности, когда онъ, напримѣръ, обращался изъ Сибири къ Каткову, уже начавшему показывать свои зубы, съ увѣщаніемъ выступить въ защиту угнетенныхъ поляковъ. Она вспомнитъ его благородную чувствительность, возмущенную зрѣлищемъ угнетаемой Польши и бывшую, вѣроятно, одной изъ причинъ, побудившихъ его снять съ себя офицерскій мундиръ. Она вспомнитъ его дѣтскую простоту, глубокую гуманность, облагораживающее вліяніе на окружающихъ, неустанную работу на пользу общую и, взвѣшивая его достоинства и недостатки, скажетъ вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ: «Мишель во многомъ виноватъ и грѣшенъ; но въ немъ есть нѣчто, что перевѣшиваетъ всѣ его недостатки—это вѣчно движущее начало, лежащее въ глубинѣ его духа».

III.

«Его рельефная личность, его эксцентрическое и сильное появленіе, вездѣ—въ кругу московской молодежи, въ аудиторіи Берлинскаго Университета, между коммунистами Вейтлинга и монтаньярами Коссидьера, его рѣчи въ Прагѣ, его начальство въ Дрезденѣ, процессъ, тюрьма, приговоръ къ смерти, истязанія въ Австріи, выдача Россіи—гдѣ онъ исчезъ за страшными

стѣнами Алексѣевскаго равелина,—дѣлаютъ изъ него одну изъ тѣхъ индивидуальностей, мимо которыхъ не проходитъ ни современный міръ, ни исторія». Эти слова Герцена далеко еще не исчерпываютъ всей дѣятельности Бакунина, ибо они написаны были въ 1852 г., а между тѣмъ главная дѣятельность неутомимаго агитатора, обезсмертившая его имя, началась послѣ его побѣга изъ Сибири, охватывая 60-ые и первую половину 70-хъ годовъ. Въ это время онъ принялъ дѣятельное участіе въ польскомъ возстаніи, затѣмъ приступилъ къ организаціи тайныхъ революціонныхъ братствъ съ анархическимъ оттѣнкомъ, вошелъ въ Лигу Мира и Свободы, по выходѣ изъ нея организовалъ свой Альянсъ соціальныхъ революціонеровъ, вступилъ въ Интернаціоналъ, способствовалъ организаціи первыхъ интернаціоналистическихъ секцій въ Италіи и Испаніи, оказалъ сильное вліяніе на дѣятельность соціалистовъ въ романской Швейцаріи и во Франціи, принялъ участіе въ Ліонскомъ возстаніи 1870 г. и въ Болонской попыткѣ вызвать революціонное движеніе въ Италіи въ 1874 г. и т. д., и т. д. Конечно, его поклонники увлекаются, когда уподобляютъ его «Старцу горы», коего воля свершалась одновременно въ Кордовѣ и Багдадѣ. Но не подлежитъ сомнѣнію, что вліяніе Бакунина на революціонное движеніе конца 60-хъ и начала 70-хъ годовъ въ романскихъ странахъ, а также въ Россіи было очень велико, и что во многихъ отношеніяхъ это вліяніе сказывается до сихъ поръ.

Что же гнало Бакунина по лицу всей земли, какая сила толкала его къ участію почти во всѣхъ революціонныхъ движеніяхъ вѣка, какой принципъ вдохновлялъ его мятежную работу? Это было неискоренимое стремленіе къ свободѣ, къ полной и неограниченной свободѣ личности, ненависть ко всякому гнету, въ какой бы области и въ какой бы формѣ онъ ни проявлялся, врожденное бунтарское чувство, которое не позволяло ему примириться ни съ чѣмъ установившимся, окостенѣвшимъ, отлившимся въ прочныя и, какъ ему казалось, неподвижныя формы. Эта черта сказывалась уже въ Бакунинѣ во время его гегельянскаго періода, но тогда она носила еще абстрактный характеръ. Впослѣдствіи, послѣ его ознакомленія съ европейской жизнью и съ происходившей на Западѣ соціально-политической борьбой, его свободолюбіе облеклось плотью и приняло болѣе реальный и конкретный характеръ.

Это, впрочемъ, не помѣшало его міровоззрѣнію сохранить въ извѣстномъ смыслѣ абстрактныя черты. И это вполнѣ понятно. Каково было положеніе Бакунина на Западѣ въ 40-хъ годахъ? Въ Европѣ были сложившіеся общественные классы съ своей физіономіей, своими стремленіями, своими интересами; передъ ними стояли вполнѣ опредѣленныя политическія задачи. Что же могъ сказать, что могъ предложить русскій выходецъ Бакунинъ? По всей своей предшествующей подготовкѣ, по самому своему положенію Бакунинъ долженъ былъ чувствовать себя оторваннымъ отъ европейской жизни съ ея конкретной постановкой политическихъ задачъ—оторваннымъ не только въ объективномъ, но, что еще важнѣе, въ субъективномъ смыслѣ, въ смыслѣ своего жизнеощущенія и отношенія къ проблемамъ времени. Болѣе или менѣе широкаго и сформировавшагося средняго класса, игравшаго тогда на Западѣ опредѣляющую роль, въ тогдашней Россіи не существовало; тамъ царило крѣпостное право, неограниченное полицейское государство и всеобщее рабство. Бакунинъ и могъ дать только голый революціонный протестъ, только стремленіе къ полному, стихійному, слѣпому разрушенію, протесту, бунту—безъ опредѣленныхъ ближайшихъ задачъ, для которыхъ въ тогдашней Россіи не имѣлось ни объективныхъ, ни субъективныхъ предпосылокъ.

Съ другой стороны, всесторонній гнетъ всемогущаго государства вызывалъ въ видѣ естественной реакціи, естественной при тогдашнихъ соціально-политическихъ условіяхъ Россіи, бурное стремленіе къ полной свободѣ личности, которая, какъ казалось, въ рамкахъ государства вообще не могла развиваться. Недаромъ два крупнѣйшихъ представителя анархизма выдвинуты были Россіей—и именно докапиталистической Россіей. Это Бакунинъ и Кропоткинъ. И характерно, что именно эти два человѣка являются чуть ли не единственными изъ русскихъ политическихъ дѣятелей, достигшихъ міровой популярности и добившихся вліянія во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ. Это произошло потому, что тѣ политическія и экономическія условія, которыя создаютъ и питаютъ анархическое настроеніе, именно въ тогдашней Россіи достигли наивысшаго развитія или, лучше сказать, еще сохранились въ ней въ наиболѣе неприкосновенномъ видѣ. Ни буржуазіи, ни пролетаріата, создаваемыхъ и сплачиваемыхъ крупной промыш

ленностью—этой соціологической основой новѣйшихъ общественныхъ движеній, либерализма съ одной стороны, соціалъ-демократизма съ другой,—въ тогдашней Россіи не существовало, не существовало, по крайней мѣрѣ, въ видѣ вліятельныхъ и достаточно многочисленныхъ общественныхъ силъ. Русскіе революціонеры того времени были идеологами угнетенной массы мелкихъ производителей, жившихъ въ условіяхъ натуральнаго или полунатуральнаго хозяйства, въ рабской зависимости и подъ ужаснымъ политическимъ гнетомъ. Налицо были такимъ образомъ всѣ элементы для стихійнаго бунтарства, естественно принимающаго при такихъ условіяхъ анархическій характеръ.

Герценъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что въ 1847 г. какой-то европеецъ, ѣхавшій съ нимъ на одномъ итальянскомъ пароходѣ, замѣтилъ ему: «Вы, русскіе, или рабы, или анархисты». Это замѣчаніе до извѣстной степени было вѣрно, и выше мы пытались въ общихъ чертахъ объяснить почему. Дѣйствительно большинство первыхъ русскихъ революціонеровъ въ той или иной степени окрашены были анархическимъ цвѣтомъ, кромѣ, пожалуй, Чернышевскаго и его кружка. Да и самъ Герценъ при всѣхъ своихъ въ общемъ умѣренно-либеральныхъ тенденціяхъ подчасъ склонялся къ анархическимъ устремленіямъ. И такое положеніе дѣлъ съ разными варіаціями продолжалось до тѣхъ поръ, пока «святая Русь» не ступила окончательно на дорожку, проторенную «гнилымъ Западомъ», и пока въ ней не сложились общественныя силы, показавшія возможность бороться съ полицейскимъ государствомъ не только путемъ стихійныхъ бунтовъ, но и путемъ планомѣрной политической дѣятельности, направленной на созданіе свободныхъ учрежденій.

Вотъ въ какомъ смыслѣ Бакунинъ былъ истинно-русскимъ человѣкомъ, и вотъ въ какомъ смыслѣ его анархическая концепція создана была преимущественно вліяніемъ тогдашнихъ русскихъ условій. Именно поэтому Бакунинъ очень мало понималъ настоящій смыслъ развертывавшейся у него на глазахъ въ Европѣ 40-хъ годовъ политической борьбы, хотя и принималъ въ ней непосредственное и довольно активное участіе. Отсюда между прочимъ вытекало уже тогда сказавшееся въ немъ пренебрежительное отношеніе къ парламентской дѣятельности, къ участію массъ въ парламентскихъ выборахъ и противопоставленіе

парламентской борьбѣ непосредственной революціонной борьбы, бунтовъ и возстаній. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересно слѣдующее мѣсто изъ его письма къ поэту Гервегу, написаннаго лѣтомъ 1848 г.: «Я, впрочемъ, очень мало интересуюсь парламентскими собраніями; эпоха парламентской жизни, національныхъ и учредительныхъ собраній и т. п. уже прошла; и если задать себѣ прямо вопросъ, то каждый долженъ будетъ признать, что въ сущности онъ уже не чувствуетъ никакого интереса или чувствуетъ лишь принужденный, воображаемый интересъ къ этимъ старымъ формамъ; я не вѣрю въ конституціи и законы, самая лучшая конституція меня не въ состояніи была бы удовлетворить. Намъ нужно нѣчто иное: порывъ и жизнь и новый беззаконный и потому свободный міръ» [1]).

Это-то настроеніе и сближало Бакунина съ Прудономъ и отталкивало его отъ Маркса. Мы не станемъ разсматривать здѣсь вопроса, кто на кого больше повліялъ, Прудонъ на Бакунина или Бакунинъ на Прудона. Самъ Бакунинъ, который, по свидѣтельству Ралли, въ частныхъ разговорахъ заявлялъ, что считаетъ себя не ученикомъ, а учителемъ Прудона, въ своихъ писаніяхъ неоднократно подчеркивалъ, что его система является дальнѣйшимъ развитіемъ и углубленіемъ прудоновской «анархіи». Слѣдуетъ только отмѣтить, что въ то время какъ ан-архія Прудона имѣетъ мелко-буржуазный характеръ и выражаетъ недовѣріе и ненависть разоряющагося мелкаго товаро-производителя къ государству, способствующему въ современномъ обществѣ росту крупнаго капитала, Бакунинъ старался освободить анархическую идею отъ той мѣщанской и консервативной оболочки, какую она имѣла у Прудона, и придать ей чисто революціонный и пролетарскій характеръ. Такимъ образомъ, если между анархіей Прудона и анархизмомъ Бакунина съ одной стороны существуетъ много точекъ соприкосновенія, то съ другой между ними лежитъ цѣлая пропасть.

Извѣстно, что Марксъ, съ которымъ нашъ соотечественникъ познакомился въ 1843 г. въ Парижѣ одновременно съ Прудономъ, оказалъ рѣшающее вліяніе на выработку соціалистическихъ взглядовъ Бакунина и обратилъ его вниманіе на экономическіе

[1]) 1848. Briefe an und von Georg Herwegh.

вопросы, которые до того находились внѣ круга интересовъ послѣдняго. Бакунинъ, впрочемъ, самъ всегда признавалъ вліяніе Маркса въ этомъ смыслѣ. Но въ то же время Бакунинъ былъ гораздо болѣе близокъ съ Прудономъ. Во-первыхъ, потому что у Маркса ему приходилось учиться, тогда какъ на Прудона онъ могъ вліять, особенно въ философской области; а во-вторыхъ, Прудонъ привлекалъ его большею неопредѣленностью и безсистемностью своихъ взглядовъ,—что роднило его съ Бакунинымъ, который тогда тоже находился въ процессѣ броженія мысли,—а также своимъ скептическимъ отношеніемъ къ политическимъ партіямъ и отрицаніемъ государственности,—что больше соотвѣтствовало настроенію Бакунина, этого «скиѳа», «варвара», выходца изъ отсталой въ соціально-политическомъ отношеніи страны, и такимъ образомъ совпадало съ его общимъ смутнымъ революціонизмомъ, неопредѣленнымъ порываніемъ къ безформенному разрушенію, къ бунту, къ протесту вообще.

Съ Прудономъ Бакунина роднило поклоненіе свободѣ, имѣвшее у него, впрочемъ, менѣе абстрактный характеръ, чѣмъ у перваго. Впослѣдствіи, въ расцвѣтъ своей политической дѣятельности въ началѣ 70-хъ годовъ, Бакунинъ, опредѣляя основную черту своей соціально политической физіономіи, писалъ про себя:

«Я страстный искатель истины, заклятый врагъ зловредныхъ фикцій, тѣхъ фикцій, которыми партія порядка, эта оффиціальная, эта привилегированная и лично заинтересованная представительница всѣхъ мерзостей религіозно-метафизическихъ, политическихъ, экономическихъ и соціальныхъ, прошедшаго и настоящаго, пользуется еще и нынѣ для того, чтобы держать человѣчество въ рабствѣ и невѣжествѣ.

«Я страстный поклонникъ свободы, потому что только лишь при посредствѣ свободы считаю возможнымъ полное развитіе мысли, человѣческаго достоинства и счастья среди людей; но та свобода, которой я поклоняюсь, отнюдь не похожа на нашу свободу—ограниченную, формальную, строго отмѣренную, регламентированную государствомъ; послѣдняя свобода есть ничто иное, какъ вѣчная наглая ложь, и въ дѣйствительности представляетъ собою только привилегію меньшинства, основанную на всеобщемъ рабствѣ. Моя свобода не похожа на эту индивидуалистичную, эгоистичную свободу, всегда фиктивную, всегда двуличную, кото-

рую проповѣдуютъ школа Жанъ-Жака Руссо и другія ей подобныя школы буржуазнаго либерализма... Но одна лишь та свобода можетъ по праву носить это великое имя, которая обезпечиваетъ полное развитіе всѣхъ физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ, находящихся въ скрытомъ состояніи въ организмѣ каждаго индивидуума; та свобода, для которой нѣтъ иныхъ границъ, кромѣ положенныхъ ей законами самого нашего организма; иными словами, свобода, отнюдь не имѣющая границъ, такъ какъ естественныя границы, не навязанныя намъ законодателемъ, имѣющимъ свой престолъ тамъ гдѣ-то вверху или рядомъ съ нами на землѣ, а напротивъ присущая намъ, составляетъ часть насъ самихъ, служитъ базисомъ нашего существованія, какъ физическаго, такъ и умственнаго и нравственнаго; такимъ образомъ, вмѣсто того чтобы служить намъ границами, онѣ являются для насъ какъ бы естественными условіями, какъ бы дѣйствительной логикой нашей свободы.

«Подъ свободой каждаго я понимаю такую свободу, которая отнюдь не имѣетъ предѣломъ своимъ свободу другого, а напротивъ въ послѣдней находитъ лишь свое подтвержденіе, свое продолженіе до безконечности; свобода каждаго не ограничена свободою всѣхъ; это—свобода черезъ всеобщую солидарность, свобода при всеобщемъ равенствѣ; свобода торжествующая надъ грубой силой, надъ принципомъ власти (послѣдняя никогда не была инымъ чѣмъ, какъ идеальнымъ олицетвореніемъ грубой силы); подъ свободой я понимаю лишь такую свободу, которая, опрокинувъ всѣ небесные и земные идолы, установитъ наконецъ и организуетъ новое общество—солидаризованнаго человѣчества, и организуетъ его на развалинахъ всевозможныхъ церквей и всевозможныхъ государствъ» [1]).

На основаніи этого принципа Бакунинъ возсталъ противъ «государственнаго соціализма» Карла Маркса. Съ одинаковой ненавистью относился онъ и къ консервативнымъ попыткамъ сохранить существующія отношенія, и къ либерализму, стремящемуся создать сильное правовое государство для защиты режима частной собственности и къ «народному государству»

[1]) Парижская Коммуна и понятіе о государственности, стр. 2.

нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ, къ проектировавшейся ими революціонной диктатурѣ пролетаріата, къ всеобщему избирательному праву, въ которыхъ онъ усматривалъ новую форму реакціи, новое проявленіе ненавистнаго «государственнаго принципа». Въ полемикѣ съ марксисткимъ крыломъ Интернаціонала Бакунинъ развилъ свою анархическую концепцію, сущность которой сводилась къ отрицанію самого принципа государства во всѣхъ его возможныхъ проявленіяхъ, а также отрицанію возможности и допустимости для рабочаго класса политической борьбы, какъ компромисса съ государственнымъ принципомъ. Политическая централизація должна по его словамъ уступить мѣсто экономической централизаціи: въ то время какъ послѣдняя составляетъ основное условіе цивилизаціи и создаетъ свободу, политическая централизація убиваетъ ее, уничтожая собственную жизнь и самопроизвольное дѣйствіе населенія въ интересахъ правительства и правящихъ классовъ. Соціальная революція на взглядъ Бакунина должна привести къ уничтоженію всякаго принципа власти, къ разрушенію всѣхъ государственныхъ учрежденій. Съ уничтоженіемъ политической централизаціи, съ распущеніемъ политическаго государства получитъ примѣненіе принципъ добровольной организаціи снизу вверхъ, единственный принципъ, обезпечивающій по мнѣнію Бакунина полную свободу личности и группъ. Чтобы добиться въ полной мѣрѣ освобожденія трудящихся, по его словамъ «необходимо будетъ разрушить всѣ существующія учрежденія: государство, церковь, юридическій форумъ, банкъ, университетъ, администрацію, армію и полицію, которые въ дѣйствительности представляютъ ничто иное, какъ рядъ крѣпостей, воздвигнутыхъ привилегіею противъ пролетаріата». Послѣ того какъ земля и всѣ орудія производства переданы будутъ ассоціаціямъ трудящихся, общество организуется снизу вверхъ путемъ вольной федераціи рабочихъ ассоціацій, сначала въ коммунѣ, затѣмъ коммунъ въ области, областей въ націи, а націй въ братскій Интернаціоналъ. Въ этомъ смыслѣ политическая и соціальная революція должны совершиться одновременно и, какъ гласитъ уставъ основаннаго имъ Альянса соціальныхъ революціонеровъ, всякая политическая революція, которая не ставитъ себѣ непосредственной цѣлью окончательное освобожденіе труда изъ-подъ ига капитала, т.-е. соціальный пе-

реворотъ, должна быть рѣшительно отвергнута какъ реаціонная затѣя.

А если это такъ, то никакой политики у соціалистовъ не можетъ быть, конечно, кромѣ той, которая ставитъ себѣ непосредственной задачей соціальную революцію. И Бакунинъ выдвигаетъ программу чисто экономической дѣятельности рабочаго класса въ сторонѣ отъ государства, въ сторонѣ отъ политическихъ и національныхъ конфликтовъ. Ведя борьбу за непосредственныя экономическія требованія рабочихъ, за сокращеніе рабочаго дня и увеличеніе заработной платы, организуя профессіональные союзы и пропагандируя идею экономическаго освобожденія рабочаго класса, Интернаціоналъ повсюду подготовляетъ сознательную и организованную силу, которая въ моментъ «революціи, вызванной силою вещей (?)», овладѣетъ движеніемъ и дастъ ему желательное направленіе. Этою силою будетъ «серьезная интернаціональная организація рабочихъ ассоціацій, способная замѣстить политическій міръ государства и буржуазіи»[1]).

Въ этихъ разсужденіяхъ Бакунинъ какъ бы предвосхитилъ взгляды возникшаго въ послѣдующее время и нашумѣвшаго въ романскихъ странахъ такъ называемаго «революціоннаго синдикализма». Существенными чертами послѣдняго, какъ извѣстно, являются: чисто экономическая агитація, профессіональная организація пролетаріата внѣ и въ сторонѣ отъ государства и всѣхъ политическихъ партій, невмѣшательство рабочаго класса въ политическую борьбу и въ политическіе конфликты буржуазнаго общества, замѣна политической централизаціи централизаціею экономическою, а политическаго міра—федераціею профессіональныхъ союзовъ.

IV.

Въ одномъ и весьма существенномъ пунктѣ программа Бакунина отличается отъ программы революціоннаго синдикализма. Это вопросъ о всеобщей стачкѣ, которая въ арсеналѣ революціонныхъ синдикалистовъ занимаетъ кардинальное мѣсто. Въ сочиненіяхъ Бакунина очень много говорится о стачкахъ,

[1]) «Политика Интернаціонала» въ сборникѣ «Историческое развитіе Интернаціонала», Цюрихъ, 1878, стр. 66.

которымъ онъ придаетъ громадное значеніе—впрочемъ, главнымъ образомъ (и это характерно для его міросозерцанія) съ точки зрѣнія развитія въ рабочихъ бунтовского настроенія. Но мы не найдемъ у него ничего о всеобщей забастовкѣ, которая впослѣдствіи получила значеніе чуть ли не панацеи въ рядахъ какъ анархистовъ, такъ и революціонныхъ синдикалистовъ. Правда, первый же конгрессъ бакунинскаго Интернаціонала, выдѣлившагося послѣ исключенія Бакунина на Гаагскомъ конгрессѣ стараго Интернаціонала въ 1872 г., принялъ въ 1873 г. резолюцію, признававшую всеобщую забастовку главнымъ средствомъ соціальной революціи. Но, повторяю, у самого Бакунина развитія этой мысли мы не найдемъ. Его вниманіе приковано главнымъ образомъ къ стихійнымъ возстаніямъ и бунтамъ, которыми сознательные революціонеры должны воспользоваться для того, чтобы слить разрозненныя вспышки воедино и превратить ихъ во всеразрушающую соціальную революцію. Послѣднюю онъ мыслитъ главнымъ образомъ какъ рядъ преимущественно крестьянскихъ бунтовъ, направленныхъ противъ государства и его органовъ и сопровождающихся сожженіемъ всякихъ владѣльческихъ грамотъ, оффиціальныхъ бумагъ, документовъ и т. п. Сынъ крестьянской страны, идеологъ не столько современнаго крупно-промышленнаго пролетаріата, сколько мелкихъ производителей отсталыхъ въ экономическомъ отношеніи странъ, онъ всегда находился подъ вліяніемъ воспоминаній о бунтахъ Стеньки Разина и Пугачева, смыслъ которыхъ онъ толковалъ совершенно неправильно. Эти типичные протесты отсталыхъ массъ, закрѣпощаемыхъ полицейскимъ государствомъ, протестовъ, въ которыхъ дѣятельное участіе приняли даже неосѣдлые кочевые элементы, стоящіе на самой низкой ступени экономическаго и политическаго развитія, Бакунинъ страшно идеализировалъ, разсматривалъ какъ образцы чуть ли не сознательнаго анархическаго движенія и ставилъ въ примѣръ революціонной молодежи. Это лишній разъ только показываетъ, подъ вліяніемъ какихъ историческихъ событій и соціальныхъ отношеній въ сильнѣйшей степени складывались взгляды Бакунина, и къ какой стадіи общественнаго развитія приспособлена была его теорія. Крѣпостное крестьянство, протестующее противъ феодальнаго режима, отсталыя массы, вымещающія въ дикихъ вспышкахъ

испытываемый ими гнетъ и лишенія, наконецъ, порожденные полицейскимъ государствомъ разбойничьи элементы, становящіеся во главѣ бунта полуосѣдлыхъ-полукочевыхъ массъ, вотъ соціальные элементы, наложившіе неизгладимый отпечатокъ на построенія и чаянія Бакунина. Въ этомъ отношеніи онъ былъ истиннымъ сыномъ своей отсталой крестьянской страны съ ея полицейскимъ государствомъ, съ ея обыкновенно пассивной и смиренной крестьянской общиной, по временамъ прорывавшейся въ русскомъ бунтѣ, «безсмысленномъ и безпощадномъ», съ ея нигдѣ невиданнымъ крѣпостнымъ правомъ, граничившимъ съ рабствомъ, съ ея почти полнымъ отсутствіемъ основныхъ элементовъ «благоустроеннаго» буржуазнаго государства и въ частности съ отсутствіемъ способнаго къ планомѣрной организаціи и систематической соціально-политической борьбѣ рабочаго класса. Не забудемъ, что взгляды Бакунина сложились въ то время, когда въ Россіи царило еще въ полной силѣ крѣпостное право и полицейское государство. А этимъ сказано много, если не все.

Въ Европѣ Бакунинъ натолкнулся на растущій и развивающійся рабочій классъ, возмущеніе котораго противъ капиталистическаго режима носило совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ стихійные бунты крестьянъ. Бакунинъ, правда не сразу, уразумѣлъ историческое значеніе рабочаго движенія, но понялъ его по своему и взглянулъ на него сквозь призму своихъ крестьянско-бунтарскихъ понятій. Въ примѣненіи идей, почерпнутыхъ изъ идеализаціи крестьянскихъ бунтовъ, къ движенію и задачамъ современнаго промышленнаго пролетаріата и заключается оригинальная черта Бакунина, которая должна была доставить ему временный успѣхъ среди революціонеровъ въ странахъ съ преобладающимъ сельскимъ населеніемъ и зачаточнымъ развитіемъ капитализма. И дѣйствительно, бакунизмъ успѣлъ завоевать на извѣстное время Испанію, Италію, часть романской Швейцаріи, населенную кустарями, занятыми въ часовомъ производствѣ, тогда какъ Бельгія, Голландія и часть Франціи, временно подпавшія подъ вліяніе бакунизма, скоро отъ него освободились, какъ только въ этихъ странахъ послѣ непродолжительной заминки возобновилось массовое рабочее движеніе. Это случилось приблизительно въ серединѣ 70-хъ годовъ. Но и Италія съ Испаніей, по мѣрѣ того

какъ въ этихъ странахъ все сильнѣе развивалось современное капиталистическое производство, все больше выходили изъ-подъ вліянія бакунинскихъ идей, и съ начала 80-хъ годовъ XIX вѣка анархизмъ въ этихъ странахъ началъ все болѣе вытѣсняться соціалъ-демократизмомъ.

Преобладаніе крестьянской идеологіи въ соціально-политическомъ міровоззрѣніи Бакунина было одною изъ главныхъ причинъ, способствовавшихъ возникновенію теоріи такъ называемой «пропаганды фактами». Народная масса, по мнѣнію Бакунина, т. е. та народная масса, которая рисовалась его воображенію и въ которой преобладалъ элементъ «чернорабочаго люда», «чернорабочей черни»,—т. е. крестьянства и нисшихъ слоевъ городского простонародья, только что выдѣленныхъ крестьянской массой,—эта народная масса способна, по его словамъ, воспринимать идеи только въ конкретной, фактической оболочкѣ. «Народъ мыслитъ фактами, а не словами,—говоритъ Бакунинъ,—онъ большей частью презираетъ слова. Поэтому надо убѣждать его фактами, а не абстрактно-логическими заключеніями». Только отдѣльныя лица дѣйствуютъ подъ вліяніемъ отвлеченныхъ идей; массы же обыкновенно поддаются силѣ и логикѣ фактовъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ онѣ понимаютъ и имѣютъ въ виду лишь свои непосредственные интересы или страсти данной минуты. Отсюда Бакунинъ дѣлалъ между прочимъ тотъ выводъ, что вести агитацію среди рабочихъ необходимо на почвѣ ихъ ближайшихъ, насущныхъ потребностей. Эту идею впослѣдствіи усвоили русскіе бакунисты 70-хъ годовъ, бунтари или народники, которые примѣнили этотъ методъ сначала къ крестьянству, а затѣмъ съ большимъ успѣхомъ и къ рабочимъ; этою же идеею впослѣдствіи руководилась русская соціалъ-демократія, хотя и не сопровождала ее тѣми комментаріями, съ которыми она появляется у самого Бакунина и у его ближайшихъ послѣдователей.

Въ примѣненіи къ крестьянству Бакунинъ дѣлалъ изъ своей идеи слѣдующіе выводы. Расшевелить крестьянскую массу и подорвать ея предразсудки невозможно ни отвлеченной пропагандой революціонеровъ, ни даже декретами революціоннаго правительства, если бы таковое водворилось въ городахъ. Системѣ революціонныхъ декретовъ онъ противопоставлялъ систему революціонныхъ фактовъ, по его словамъ, единственно дѣйстви-

тельную и вѣрную. Ни приказами, ни увѣщаніями съ косной и недовѣрчивой сельской массой ничего не подѣлаешь; необходимо вызвать самодѣятельность самихъ крестьянскихъ массъ, снять съ нихъ государственный гнетъ и такимъ образомъ способствовать ихъ вольной организаціи снизу вверхъ, а, главное, показать имъ наглядный примѣръ. Наиболѣе практичнымъ по его мнѣнію было бы появленіе въ деревняхъ революціонныхъ дружинъ, состоящихъ по возможности изъ рабочихъ, такъ какъ рабочіе изъ всѣхъ классовъ общества ближе всего стоятъ къ крестьянству. Не ограничиваясь словесной пропагандой, эти дружины должны показать крестьянамъ наглядный примѣръ «соціальной ликвидаціи»: онѣ должны захватить и, если нужно, разрушить правительственныя зданія, смѣстить административный персоналъ, конфисковать правительственные капиталы, сжечь всѣ оффиціальныя бумаги и всякаго рода документы, въ которыхъ въ концентрированномъ видѣ воплощена эксплуатація народа высшими классами, и призвать крестьянъ къ свободной автономной организаціи. Эта тактика лишь отчасти была усвоена и примѣнена русскими бунтарями, но зато почти въ полномъ видѣ осуществлена итальянскими бакунистами во время извѣстной Беневентской попытки въ 1877 г. (между прочимъ, въ ней принялъ участіе нашъ извѣстный соотечественникъ Степнякъ-Кравчинскій). Такъ сложилась анархическая теорія пропаганды фактами, расчитанная главнымъ образомъ на крестьянскую массу, расшевелить которую иными средствами бунтари не считали возможнымъ. (Впослѣдствіи она выродилась въ систему индивидуальныхъ террористическихъ покушеній).

Все это весьма характерно для выясненія вопроса о происхожденіи бакунистскихъ взглядовъ и объ ихъ соціологической основѣ. Бакунина никакъ нельзя считать теоретикомъ новѣйшаго пролетаріата, что между прочимъ вынужденъ признать и его послѣдователь Фрицъ Брупбахеръ въ недавно вышедшей книгѣ «Марксъ и Бакунинъ» (Мюнхенъ, 1913 г.). Система же его въ значительной своей части представляетъ идеологическое выраженіе стремленій и настроеній аморфныхъ соціальныхъ массъ, удобно объединяемыхъ въ такомъ широкомъ и расплывчатомъ понятіи, какъ «народъ». Бакунинъ и взялъ на себя задачу выразить «народные инстинкты» и открыть свой идеалъ въ «идеалахъ

народа», ибо по его утвержденію «народныя массы носятъ въ своихъ болѣе или менѣе развитыхъ исторіею инстинктахъ, своихъ насущныхъ потребностяхъ и своихъ стремленіяхъ, сознательныхъ и безсознательнымъ, всѣ элементы своей будущей нормальной организаціи» [1]).

А такъ какъ какъ въ понятіе «народъ» онъ включалъ самые разнообразные соціальные элементы, начиная отъ крѣпостного крестьянина и кончая рабочимъ современной крупной промышленности, то совершенно очевидно, что система, которая хотѣла выражать инстинкты, стремленія и идеалы всего этого пестраго соціальнаго конгломерата, и не могла быть иной, чѣмъ та, которую выработалъ Бакунинъ. Она должна была взять у всѣхъ этихъ элементовъ то, что было имъ обще, т. е. смутный протестъ противъ экономической эксплуатаціи и политическаго угнетенія, а также стремленіе сбросить съ себя этотъ гнетъ. Это естественно приводило его къ построенію анархической программы и бунтарской тактики. Беря за скобку инстинктивныя стремленія всѣхъ этихъ массъ, онъ и получилъ свою «соціальную ликвидацію».

Послѣ всего того, что мы сказали о связи идеологіи Бакунина съ идеологіей крестьянской, о его культѣ народныхъ инстинктовъ, о его бунтарскихъ симпатіяхъ, можно заранѣе предвидѣть, что къ такъ называемой «рабочей интеллигенціи» онъ долженъ былъ относиться скептически, если не прямо отрицательно, и что всѣ свои симпатіи онъ долженъ былъ отдавать люмпенъ-пролетаріату—этому продукту разложенія докапиталистическихъ формъ производства. Съ другой стороны слѣдуетъ указать, что на это отношеніе Бакунина къ различнымъ категоріямъ пролетаріата не могъ остаться безъ вліянія тотъ фактъ, что люмпенъ-пролетаріатъ, пополняющійся главнымъ образомъ путемъ деревенскаго отхода, стоитъ гораздо ближе къ крестьянству и по своей психологіи, и по низкому уровню потребностей, чѣмъ рабочая интеллигенція. Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь, вѣроятно, дѣйствовалъ примѣръ Россіи, гдѣ въ то время пролетаріатъ былъ въ значительной мѣрѣ представленъ именно люмпенъ-пролетаріатомъ, составившимся изъ массы бывшихъ дворовыхъ людей и сбѣжавшихся въ города крестьянъ.

[1]) Государственность и анархія, стр. 165.

Еще въ 40-хъ годахъ, какъ это видно изъ его извѣстнаго письма къ Анненкову, Бакунинъ презрительно отзывался о дѣятельности Маркса и его сподвижниковъ, якобы превращавшей рабочихъ въ самодовольныхъ резонеровъ и заражавшей ихъ буржуазными предразсудками. Борьба въ Интернаціоналѣ съ женевскими квалифицированными рабочими должна была еще болѣе обострить это отношеніе. Въ своей брошюрѣ «Всесвѣтный революціонный союзъ соціальной демократіи» (1871 г.) Бакунинъ даетъ своеобразную оцѣнку различныхъ категорій пролетаріата, причемъ особенно неблагопріятно относится къ наилучше поставленнымъ категоріямъ рабочихъ, которыхъ онъ не обинуясь зачисляетъ въ разрядъ «вредной рабочей аристократіи». Но, вопреки утвержденіямъ Бакунина, въ дѣйствительности соціалистическое движеніе повсюду охватываетъ прежде всего какъ разъ наиболѣе благопріятно поставленныя категоріи рабочихъ, а вовсе не тѣ, которыя находятся въ наиболѣе угнетенномъ положеніи. Да и первые кадры Интернаціонала въ значительной степени составились какъ разъ изъ рабочихъ, занятыхъ въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ рабочій день былъ короче и заработная плата выше. Столь же неосновательно его утвержденіе, что рабочіе, производящіе предметы роскоши, настроены антисоціалистически и «буржуазно». Бакунинъ могъ вспомнить хотя бы знаменитое движеніе ліонскихъ ткачей шелка въ 1831 г., которое было первымъ крупнымъ проявленіемъ современной классовой борьбы между пролетаріатомъ и буржуазіей,—могъ бы вспомнить тѣмъ легче, что на первый же конгрессъ Интернаціонала, въ которомъ ему пришлось участвовать, а именно на Базельскій, онъ явился съ мандатомъ отъ ліонскихъ размотчицъ шелка. Да и вообще, говоря о «вредной» рабочей аристократіи, онъ сознательно, а можетъ быть, и безсознательно смѣшиваетъ въ этомъ понятіи двѣ совершенно различныя категоріи: сторонниковъ буржуазной кооперація, въ частности тѣхъ прудонистовъ, съ которыми ему и Марксу приходилось воевать въ Интернаціоналѣ, а съ другой стороны представителей дѣйствительной рабочей интеллигенціи, вся вина которой заключается только въ томъ, что она не принимаетъ анархическаго символа вѣры и не хочетъ отказываться отъ орудія политической борьбы.

Бакунинъ не такъ часто употребляетъ выраженія «проле-

таріатъ» и «рабочій классъ», какъ слова «чернорабочая среда», «чернорабочій людъ» и «чернорабочій народъ». Послѣднія выраженія больше ему нравились и болѣе соотвѣтствовали всей его соціальной концепціи, во-первыхъ, потому, что термины «людъ» и «народъ» гораздо болѣе подходили, какъ мы уже видѣли, къ его общему міросозерцанію, а во-вторыхъ, и главнымъ образомъ потому, что опредѣленіемъ «чернорабочій» конкретнѣе подчеркивались его симпатіи и чаянія. И до извѣстной степени онъ былъ правъ, по крайней мѣрѣ, теоретически: для его бунтарскихъ плановъ, для вспышкопускательскихъ предпріятій какъ нельзя болѣе подходили именно деклассированные элементы. А вѣдь лумпенъ-пролетаріатъ и представляетъ деклассированную часть пролетаріата и особенно крестьянства. Процессъ капиталистическаго развитія, на первыхъ своихъ стадіяхъ разоряя массами мелкихъ ремесленниковъ и крестьянъ, создаетъ многочисленные кадры лумпенъ-пролетаріата, способнаго къ дикимъ стихійнымъ вспышкамъ, но не способнаго къ планомѣрной организаціи и всесторонней защитѣ своихъ классовыхъ интересовъ. Наоборотъ, дальнѣйшее развитіе капитализма, а именно развитіе высшей его формы, т. е. новѣйшей крупной промышленности, порождаетъ современный индустріальный пролетаріатъ съ его организаціей, сознательностью и систематической борьбою за полное освобожденіе труда. Бакунинъ, вѣрный своей идеализаціи первобытныхъ стихійныхъ народныхъ возмущеній, выворачиваетъ вопросъ наизнанку и усматриваетъ главный факторъ соціальнаго освобожденія не въ развитыхъ рабочихъ крупной индустріи, а какъ разъ въ несчастномъ лумпенъ-пролетаріатѣ. Такимъ образомъ онъ открываетъ новое преимущество экономически отсталыхъ странъ, находящихся въ переходной фазѣ капиталистическаго развитія, къ которой онъ и приспособилъ свои соціальныя теоріи.

«Въ Италіи,—говоритъ онъ,—существуетъ огромный, отъ природы чрезвычайно умный, но большей частью безграмотный и поголовно нищенскій пролетаріатъ, состоящій изъ двухъ-трехъ милліоновъ городскихъ и фабричныхъ рабочихъ и мелкихъ ремесленниковъ и около двадцати милліоновъ крестьянъ-несобственниковъ... Можетъ быть, нигдѣ такъ не близка соціальная революція, какъ въ Италіи... Въ Италіи не существуетъ, какъ во многихъ другихъ странахъ Европы, осѣдлаго рабочаго слоя, уже

отчасти привилегированъ благодаря значительному заработку, хвастающагося даже въ нѣкоторой степени литературнымъ образованіемъ и до того проникнутаго буржуазными началами, стремленіями и тщеславіемъ, что принадлежащій къ нему рабочій людъ отличается отъ буржуазнаго люда только положеніемъ, отнюдь же не направленіемъ. Особенно въ Германіи и Швейцаріи такихъ работниковъ много; въ Италіи же напротивъ такихъ работниковъ мало, такъ мало, что они теряются въ массѣ безъ малѣйшаго слѣда и вліянія. Въ Италіи преобладаетъ тотъ нищенскій пролетаріатъ, о которомъ г.г. Марксъ и Энгельсъ, а за ними и вся школа соціальныхъ демократовъ въ Германіи, отзываются съ глубочайшимъ презрѣніемъ, и совершенно напрасно, потому что въ немъ, и только въ немъ, отнюдь же не въ вышеозначенномъ буржуазномъ слоѣ рабочей массы, заключается и весь умъ, и вся сила будущей соціальной революціи» (Государственность и Анархія, стр. 5—7).

Что Германія и Швейцарія выдѣлены Бакунинымъ въ качествѣ странъ, гдѣ имѣется особенно много «буржуазно» настроенныхъ рабочихъ, это совершенно понятно. Именно здѣсь Бакунинъ натолкнулся на самое рѣшительное сопротивленіе его анархической пропагандѣ. Если онъ позабылъ отнести сюда же и Англію, пролетаріатъ который онъ, пожалуй, съ большимъ основаніемъ могъ бы упрекнуть въ буржуазности, то случилось это несомнѣнно потому, что онъ съ величайшей симпатіей относился къ чисто экономической дѣятельности англійскихъ трэдъюніоновъ, ошибочно сближая ее съ своимъ ахархическимъ отрицаніемъ политики. Германія же и отчасти Швейцарія были отечествомъ политической организаціи рабочаго класса. Но и съ другой стороны Бакунинъ ошибся: лумпенъ-пролетаріатъ не оправдалъ его надеждъ. Онъ не пополнилъ рядовъ Интернаціонала и не произвелъ никакой соціальной революціи. И во время Бакунина, и послѣ него главная роль принадлежала все-таки тѣмъ категоріямъ рабочихъ, которыя онъ презрительно относилъ къ «вредной» рабочей аристократіи и считалъ склонною чуть ли не къ измѣнѣ своему классу и къ переходу въ буржуазный лагерь. Само собою разумѣется, что и слова Бакунина (имѣющаго, вѣроятно, въ виду извѣстное мѣсто изъ «Коммунистическаго-Манифеста») о мнимомъ «глубочайшемъ презрѣніи» соціалъ-демокра-

товъ къ лумпенъ-пролетаріату также содержать немалую долю преувеличенія и подсказаны ему полемическимъ увлеченіемъ: оцѣнивать историческую роль какой-нибудь соціальной группы и на основаніи этой оцѣнки осудить ее, хотя при этомъ глубоко сожалѣя о ея несчастномъ положеніи, вовсе не значитъ относиться къ ней «съ величайшимъ презрѣніемъ».

Если среди пролетаріата Бакунинъ возлагалъ главныя надежды на деклассированный лумпенъ-пролетаріатъ, то среди буржуазнаго міра онъ возлагалъ ихъ на деклассированную интеллигенцію. Отсюда вытекала его «отщепенская» психологія, какъ разъ соотвѣтствующая положенію революціонной интеллигенціи, по рожденію принадлежащей къ господствующимъ классамъ общества, а по своей дѣятельности враждебно имъ противостоящей. Выходцевъ изъ буржуазнаго класса, всецѣло отдавшихся дѣлу освобожденія пролетаріата, Бакунинъ зачислялъ, наряду съ передовыми рабочими (передовыми, конечно, съ его точки зрѣнія), въ разрядъ «полезной и благодѣтельной» аристократіи — въ отличіе отъ вышеупомянутой «вредной». И если однимъ изъ преимуществъ Италіи онъ, какъ мы видѣли, считалъ наличность въ ней многочисленнаго нищенскаго пролетаріата, то другимъ ея преимуществомъ онъ признавалъ наличность деклассированной интеллигенціи. Въ извѣстномъ письмѣ къ Франциско Мора (1872 г.) онъ между прочимъ говорилъ: «Италія съ Испаніей является, быть можетъ, самой революціонной страной. Въ Италіи есть то, чего недостаетъ другимъ странамъ: пылкая энергическая молодежь, совершенно выбитая изъ колеи, безъ видовъ на карьеру, безъ выхода, которая, несмотря на свое буржуазное происхожденіе, не истощена морально и интеллектуально, подобно буржуазной молодежи другихъ странъ. Теперь она очертя голову бросается въ революціонный соціализмъ со всей нашею программою, съ программою Альянса» [1]). Это почетное преимущество наряду съ Италіей раздѣляла у Бакунина и Россія. Въ письмѣ къ Герцену отъ 28 октября 1869 г. онъ, заявивъ своему корреспонденту, что на Западѣ онъ вѣритъ единственно въ міръ рабо-

[1]) Напечатано въ Приложеніи къ извѣстной брошюрѣ Энгельса-Лафарга «L'Alliance de la Démocratie Socialiste», 1873, стр. 185-7.

чихъ (какихъ рабочихъ, мы уже знаемъ), прибавляетъ, что въ Россіи онъ вѣритъ только въ «міръ мужицкій и грамотный міръ безпардонныхъ юношей, не находящихъ себѣ ни мѣста, ни возможности занятія въ Россіи,—этой сорокатысячной фаланги, сознательно или безсознательно, т. е. по положенію, принадлежащей революціи».

Сама по себѣ революціонная молодежь слаба и безпомощна,—говоритъ Бакунинъ,— но она можетъ сыграть колоссальную роль въ народномъ движеніи, придавъ ему сознательность и организованность. Совершенно очевидно, что, указывая революціонной интеллигенціи такое назначеніе, Бакунинъ имѣлъ въ виду только отсталыя страны, гдѣ не существуетъ самостоятельнаго рабочаго движенія, гдѣ пролетаріатъ вообще не играетъ серьезной роли въ разсчетахъ революціонеровъ, гдѣ послѣднимъ приходится главнымъ образомъ возлагать свои надежды на крестьянскую массу. Если на Западѣ проводникомъ соціалистическихъ идей въ крестьянство могъ служить пролетаріатъ, то въ Россіи того времени рабочій классъ былъ еще слишкомъ слабъ, во всякомъ случаѣ настолько слабъ, что въ построеніяхъ крайнихъ демократовъ ему не отводилось значительнаго мѣста. И если Бакунинъ приписывалъ такое опредѣляющее значеніе итальянской молодежи, то революціонной интеллигенціи въ Россіи онъ предназначалъ еще болѣе грандіозную задачу. Здѣсь она должна была сыграть роль революціоннаго бродила и чуть ли не основного творческаго фактора въ дѣлѣ народнаго освобожденія. И не только должна была, но Бакунинъ увѣрялъ, что она въ состояніи будетъ выполнить эту задачу. «Кто сумѣетъ организовать и направить эту революцію?»—спрашиваетъ онъ и, не колеблясь, отвѣчаетъ: «молодежь». Эта молодежь, организовавшись, сдѣлается «безустаннымъ и дѣятельнымъ посредникомъ между нуждами, инстинктами, неодолимой, но еще не сознанной силой народа и революціонной идеей»[1]). И было вполнѣ естественно, что, когда Герценъ напалъ на русское молодое поколѣніе въ концѣ 60-хъ годовъ, Бакунинъ рѣшительно выступилъ въ его защиту.

[1]) Четвертая рѣчъ на Бернскомъ Конгрессѣ Лиги Мира и Свободы. См. «Историческое развитіе Интернаціонала», стр 353—355.

Въ чемъ же коренилась эта симпатія Буканина къ деклассированнымъ элементамъ, которымъ въ его построеніяхъ отводилась такая значительная роль? Во-первыхъ, онъ самъ былъ законченнымъ образчикомъ этой породы. Выходецъ изъ богатой барской семьи, онъ постепенно совлекалъ съ себя ветхаго Адама и, погрузившись съ головой во всѣ перипетіи европейскихъ революціонныхъ движеній, постепенно превратился въ профессіональнаго революціонера, не знавшаго никакой другой страсти, кромѣ революціонныхъ конспираций. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ яркихъ представителей этой соціальной группы и, порвавъ съ буржуазнымъ міромъ и со всѣми условіями буржуазнаго существованія, онъ въ силу естественнаго психологическаго закона долженъ былъ сильно преувеличить историческое значеніе той соціальной категоріи, въ ряды которой вошелъ. И недаромъ онъ въ Россіи, кромѣ крестьянской массы, признавалъ серьезной прогрессивной силой только деклассированную интеллигенцію, про которую онъ выражался такъ: «она состоитъ изъ безчисленнаго множества лицъ всѣхъ сословій,... оторвавшагося отъ сословій и отъ всѣхъ признанныхъ положеній въ Россіи, ненавидящихъ настоящее, готовыхъ отдать жизньсвою за будущее, живущихъ завтрашнимъ днемъ и, такъ сказать, на воздухѣ,—бездомная, странствующая церковь свободы, разбросанная и заграницею, и по цѣлой Россіи, но живущая въ тысячу разъ дѣйствительнѣе, чѣмъ всѣ такъ называемые полезные люди» [1]).

Во-вторыхъ, его анархическая программа и бунтарскіе планы требовали именно деклассированныхъ элементовъ. Послѣдніе благодаря своему образованію, сплошь и рядомъ, правда, весьма одностороннему и рудиментарному, способны играть руководящую роль въ революціонномъ движеніи массъ, особенно въ тотъ періодъ, когда эти массы не обладаютъ еще достаточнымъ политическимъ опытомъ, и какъ нельзя болѣе подходятъ для пополненія заговорщическихъ штабовъ, которыми обыкновенно окружаютъ себя такіе дѣлатели революцій, какъ Бакунинъ. Съ другой стороны, въ людяхъ, принадлежащихъ къ деклассированной интеллигенціи, не имѣющихъ, какъ говорилъ Бакунинъ, ни надежды на карьеру, ни

[1]) Русскимъ и т. д. друзьямъ, стр. 15—16.

выхода, революціонная страсть, протестъ противъ общества, выбросившаго ихъ изъ своей среды и обдѣлившаго ихъ, достигаетъ небывалаго напряженія, вселяетъ имъ «чорта въ тѣло»[1]), развиваетъ въ нихъ революціонную нетерпѣливость и наклонность къ самымъ головоломнымъ, отчаяннымъ предпріятіямъ. Правда, многіе представители этого умственнаго пролетаріата, для которыхъ пролетарское состояніе является чисто временнымъ, преходящей принадлежностью бурной юности, впослѣдствіи примиряются съ буржуазнымъ обществомъ и, въ качествѣ бывшихъ, раскаявшихся революціонеровъ, занимаетъ въ немъ даже выдающееся положеніе. Такъ и случилось со многими бывшими участниками бакунинскихъ конспирацій. Но это ничуть не мѣшаетъ имъ въ свое время, въ пору розовой и мечтательной юности, проявлять интенсивное бунтовское чувство, не только не мѣшаетъ, а, можетъ быть, даже обусловливаетъ его, какъ естественную дань пылкой молодости, отъ грѣховъ которой они затѣмъ съ тѣмъ большимъ азартомъ отрекаются. Наконецъ, не забудемъ, что въ составъ этой деклассированной интеллигенціи входятъ такіе безусловно благородные, честные и преданные люди, какъ, напримѣръ, Карло Кафіеро, у которыхъ въ жизни бываетъ только одна любовь, одно увлеченіе и которые знаютъ одну лишь пламенную страсть, одной лишь мысли вдохновенье. Эти люди оказываются именно въ силу своей искренности и глубины своего сочувствія ко всѣмъ угнетеннымъ и оскорбленнымъ самымъ подходящимъ элементомъ для всякаго рода заговорщическихъ плановъ, расчитанныхъ на немедленное, безотлагательное уничтоженіе зла и освобожденіе всѣхъ страждущихъ.

Кромѣ того на бакунинскую оцѣнку соціальнаго значенія деклассированной интеллигенціи не остался безъ вліянія примѣръ Россіи, Италіи и вообще экономически отсталыхъ странъ[1]). Въ этихъ странахъ отсутствуетъ или недостаточно проявилъ себя промышленный пролетаріатъ, эта главная основа

[1]) Любимое выраженіе Бакунина для характеристики настоящей «революціонной страсти».

[1]) Не слѣдуетъ кромѣ того забывать, что въ такихъ отсталыхъ странахъ особенно живо чувствуется относительное перепроизводство интеллигенціи—тоже одинъ изъ факторовъ, толкающихъ ее на революціонный путь.

и дѣятель соціалистическаго движенія. Въ такихъ странахъ не только кажется, но и дѣйствительно бываетъ такъ, что деклассированные элементы являются главными, если не единственными, представителями соціально-революціонныхъ стремленій. И даже, если рабочій классъ въ такихъ странахъ принимаетъ участіе въ соціалистическомъ движеніи, то онъ въ силу своей малочисленности, неорганизованности, политической неопытности и неспособности къ самостоятельному дѣйствію выступаетъ подъ руководствомъ и подъ опекой вождей изъ революціонной интеллигенціи. Такимъ образомъ взглядъ Бакунина на значеніе и задачи умственнаго пролетаріата и вытекающая отсюда его переоцѣнка деклассированныхъ элементовъ опять-таки вполнѣ соотвѣтствуетъ тому дѣтскому періоду рабочаго движенія, къ которому приспособлено было все его міровоззрѣніе.

V.

Вышеуказанными чертами міровоззрѣнія и тактики Бакунина и объясняется быстрый, но преходящій успѣхъ, достигнутый имъ въ романскихъ странахъ и въ Россіи, соціально-политическимъ условіямъ которыхъ (по крайней мѣрѣ, въ тогдашней ихъ формѣ) соотвѣтствовала его доктрина. Но съ теченіемъ времени обнаружилось, что рекомендованная имъ тактика не только не привела къ быстрому осуществленію соціальной революціи, на которую онъ разсчитывалъ, но даже повлекла за собою разгромъ и дезорганизацію тѣхъ немногочисленныхъ силъ, которыя удалось съ такимъ трудомъ накопить до того. Все это повело къ упадку духа и къ разочарованію среди его послѣдователей, изъ которыхъ часть впала въ отчаянное настроеніе и пустилась на рискованныя политическія авантюры, вродѣ индивидуальныхъ покушеній, а другая, большая часть сознала неправильность избраннаго ею пути и постаралась въ томъ или иномъ видѣ пріобщиться къ массовому рабочему движенію, поднявшему всюду голову со второй половины 70-хъ годовъ. При этомъ весьма характерно, что многіе изъ самыхъ ярыхъ бакунистовъ, какъ, напримѣръ, Андреа Коста и Поль Бруссъ, перейдя въ соціалъ-демократическій лагерь, заняли мѣсто на крайнемъ правомъ его флангѣ и стали на оппортюнистическій путь.

Значитъ ли это, что жизнь Бакунина прошла безплодно,

что дѣятельность его не дала никакихъ положительныхъ результатовъ, однимъ словомъ, что онъ понапрасну растратилъ богатыя силы, которыми природа надѣлила его при рожденіи? Это, конечно, не такъ. Въ исторіи случается сплошь и рядомъ, что дѣятельность крупныхъ борцовъ приводитъ не къ тѣмъ именно результатамъ, къ которымъ они сами субъективно стремились; но это далеко не значитъ, чтобы дѣятельность эта прошла совершенно безплодно, и чтобы она не дала положительныхъ результатовъ, хотя бы не въ той области и не въ томъ видѣ, какъ объ этомъ мечтали сами дѣятели. Именно такъ случилось съ Бакунинымъ.

Во-первыхъ, слѣдуетъ указать, что прямыми результатами его дѣятельности явилась анархическая партія и отчасти революціонный синдикализмъ. Авторъ настоящихъ строкъ не симпатизируетъ ни той, ни другому и не считаетъ методы ихъ работы отвѣчающими правильно понятымъ интересамъ соціальнаго прогресса и рабочаго движенія. Тѣмъ не менѣе они существуютъ и въ общей экономіи исторіи играютъ, можетъ быть, свою опредѣленную роль. Конечно, если бы ничего другого дѣятельность Бакунина не дала, то пришлось бы говорить о ея продуктивности съ большой осторожностью и значительными оговорками. Но дѣло въ томъ, что она привела, хотя бы и косвеннымъ путемъ, еще и къ совершенно другимъ результатамъ.

Начнемъ съ его дѣятельности въ 40-хъ годахъ. Послѣ декабристовъ Бакунинъ былъ однимъ изъ первыхъ русскихъ, которые рѣшительно солидаризировались съ стремленіями польской націи къ независимости и передъ всѣмъ міромъ торжественно отреклись отъ всякой солидарности съ репрессивной политикой русскаго правительства въ Польшѣ. Въ 1848 г. Бакунинъ мечталъ придти на помощь польскому народу, если бы послѣдній нашелъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы открыто возстать за свою свободу; и то, что не удалось ему сдѣлать тогда, онъ осуществилъ 15 лѣтъ спустя, когда послѣ своего побѣга изъ Сибири принялъ активное участіе въ польскомъ возстаніи 1863-4 года. Такимъ образомъ Бакунинъ былъ одинъ изъ тѣхъ русскихъ людей, которые пытались своимъ личнымъ примѣромъ снять съ русскаго народа отвѣтственность передъ исторіей за угнетеніе Польши. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ однимъ изъ тѣхъ, кто не словами только, но и дѣлами способствовалъ разсѣянію вѣковыхъ недоразумѣній

между обоими родственными народами, скованными общей цѣпью и несущими общій историческій крестъ.

Съ другой стороны вспомнимъ объ его участіи въ революціи 1848—9 года въ Германіи. Правда, дѣятельность его тамъ носила въ это время преимущественно славянскій характеръ, но она стремилась при этомъ служить общимъ цѣлямъ европейской демократіи. Бакунинъ поставилъ себѣ задачей вырвать славянскіе народы Австрійской Имперіи изъ-подъ вліянія реакціонныхъ сферъ и выяснить имъ солидарность ихъ дѣйствительныхъ интересовъ съ интересами революціоннаго движенія. Опять-таки непосредственныхъ результатовъ дѣятельность Бакунина и въ этой области не дала. Славяне оказались слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ реакціонной партіи и своими силами способствовали торжеству стараго режима. Но, во-первыхъ, кто знаетъ, не наступила ли бы безъ дѣятельности Бакунина и ему подобныхъ реакція еще раньше и не затянулась ли бы она еще на болѣе продолжительный періодъ, если бы въ 1848—9 г.г. ей не былъ нанесенъ смертельный ударъ? А во-вторыхъ, кто рѣшится утверждать, что въ пробужденіи славянскихъ народовъ къ сознательной жизни, начавшемся во второй половинѣ XIX вѣка, не было изрядной ложки и бакунинскаго меда? Не играли ли здѣсь роль воспоминанія о героическихъ попыткахъ, дѣлавшихся имъ и его сотрудниками въ то время? И не было ли среди дѣятелей славянскаго возрожденія многихъ людей, находившихся подъ прямымъ или косвеннымъ вліяніемъ бакунинской работы въ революціонные годы?

Но кромѣ того Бакунинъ принималъ также прямое участіе и въ чисто нѣмецкой революціонной борьбѣ: стоитъ вспомнить хотя бы роль его во время обороны Дрездена отъ прусской арміи въ 1849 г. Вспоминая участіе Бакунина, этого питомца нѣмецкой философіи, въ борьбѣ за нѣмецкую революцію на баррикадахъ Дрездена, Мишлэ въ своемъ письмѣ къ Герцену когда-то писалъ: «Когда Германія станетъ Германіей, этому русскому будетъ тамъ воздвигнутъ алтарь». Во всякомъ случаѣ ясно, что дѣятельность Бакунина въ Германіи въ эти годы можетъ быть признана безплодной только въ томъ случаѣ, если признать безплоднымъ все движеніе 1848—9 года. А на это, конечно, не рѣшится ни одинъ здравомыслящій человѣкъ. Времен-

ное пораженіе какого либо общественнаго движенія отнюдь не свидѣтельствуетъ о его безплодности, ибо у исторіи своя особая мѣрка, и сплошь и рядомъ результаты какого либо историческаго дѣйствія проявляются спустя много лѣтъ, а иногда и десятилѣтій. Новѣйшая Германія, Германія свободы и прогресса, ведетъ свое начало именно съ 1848 г. И Бакунинъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ тогдашнихъ революціонныхъ событій, изъ которыхъ вышла возрожденная Германія.

Наконецъ, нельзя говорить о безплодности бакунинской работы и на соціалистической почвѣ. Правда, какъ мы указали выше, основанныя подъ его прямымъ вліяніемъ и при его непосредственномъ участіи анархическія организаціи сравнительно скоро распались и на первый взглядъ не принесли никакихъ положительныхъ плодовъ. Но это только на первый взглядъ. Фактъ тотъ, что соціалистическое движеніе въ Италіи и Испаніи впервые создано было именно Бакунинымъ и его партизанами, которые вызвали къ жизни первыя интернаціоналистическія секціи въ этихъ странахъ. Правда, впослѣдствіи движеніе получило соціалъ-демократическій характеръ, но первыя основы его заложены были все-таки Бакунинымъ и его друзьями, изъ которыхъ многіе впослѣдствіи сыграли видную роль въ рабочемъ движеніи конца XIX и начала XX вѣка.

Еще въ большей степени то же самое можно сказать относительно Россіи. Оставляя въ сторонѣ печальный эпизодъ нечаевщины, въ которомъ Бакунинъ въ большей степени былъ жертвою, чѣмъ виновникомъ (хотя мы ничуть не намѣрены смягчать его отвѣтственность въ этомъ дѣлѣ), мы должны признать, что вліяніемъ Бакунина въ той или иной степени окрашена была дѣятельность почти всѣхъ русскихъ революціонеровъ 70-хъ годовъ, какъ эпохи «хожденія въ народъ», такъ и особенно послѣдующаго періода «народничества» и «бунтарства». Именно бакунистамъ-бунтарямъ, пользуясь его методомъ агитаціи на почвѣ насущныхъ потребностей массъ, удалось создать въ Россіи первыя рабочія организаціи, которыя, повинуясь голосу жизни, постепенно начали становиться на соціалъ-демократическій путь. И въ высшей степени характерно, что именно изъ рядовъ бакунистовъ вышли первые русскіе соціалъ-демократы, примѣнившіе и къ русской освободительной борьбѣ методы

современнаго европейскаго рабочаго движенія. По свидѣтельству одного изъ этихъ бакунистовъ, а впослѣдствіи одного изъ основателей первой русской соціалъ-демократической группы «Освобожденіе труда», П. Аксельрода, русскіе бакунисты конца 70-хъ годовъ, благодаря практическому участію въ рабочемъ движеніи, уже въ рамкахъ бакунизма стали на три четверти соціалъ-демократами. И если однимъ изъ родоначальниковъ русской соціалъ-демократіи является Карлъ Марксъ, то другимъ ея родоначальникомъ, хотя и болѣе отдаленнымъ и не столь прямымъ, слѣдуетъ по справедливости признать Михаила Бакунина.

И, наконецъ, развѣ самая жизнь Бакунина не представляетъ глубоко интереснаго и поучительнаго явленія? Примѣръ подвижника идеи, апостола, озареннаго огнемъ, сошедшимъ на его главу съ неба, и ни переставшаго ни при какихъ тяжелыхъ личныхъ и общественныхъ условіяхъ поучать «вся языцы», долженъ дѣйствовать ободряюще на всѣхъ людей, которые вѣрятъ въ высокое призваніе человѣка на землѣ и въ прогрессъ человѣческаго рода. И какъ бы кто ни относился къ взглядамъ и пріемамъ Бакунина, его вѣрность своимъ убѣжденіямъ, его неустанная работа на то, что онъ считалъ общей пользой, его твердость и глубокій оптимизмъ, вопреки всѣмъ ударамъ судьбы— все это даетъ ему право на всеобщее признаніе и симпатію.

Послѣ смерти Бакунина органъ базельскихъ демократовъ «Впередъ», одна изъ буржуазныхъ газетъ, сочувственно отозвавшихся на извѣстіе о кончинѣ знаменитаго агитатора, посвятилъ его памяти статью, въ которой между прочимъ говорилось: «Бакунинъ, бывшій атлетомъ въ физическомъ отношеніи, былъ также гигантомъ духа. Однако, при всей его неукротимой энергіи и сжигавшемъ его жарѣ, ему не хватало практическаго чутья. Съ Бакунинымъ исчезла мощная личность, подобная которой рѣдко попадается въ исторіи. Если бы онъ поддался обольщеніямъ своихъ собратьевъ по русской аристократіи и поступилъ бы на государственную службу, то, судя по аналогичнымъ примѣрамъ, онъ безъ сомнѣнія достигъ бы въ своемъ отечествѣ столь же высокаго положенія, какъ то, какое Бисмаркъ занимаетъ въ Германіи. Если бы онъ остался въ рядахъ арміи и вмѣсто того, чтобы посвятить свои выдающіеся способности изученію философскихъ и соціальныхъ вопросовъ, примѣ-

нилъ бы ихъ къ военнымъ дѣламъ, то онъ, быть можетъ, сдѣлался бы русскимъ Мольтке и закончилъ бы свои дни во славѣ и окруженный оффиціальными почестями. Но онъ не искалъ почестей, а стремился къ наукѣ; онъ не желалъ славы, а жаждалъ истины. И съ нимъ случилось то, что случается со всѣми тѣми, кто не ищетъ своей личной выгоды, а хочетъ жить для человѣчества: онъ принужденъ былъ кочевать изъ страны въ страну, гонимый и преслѣдуемый сильными міра сего, какъ хищный звѣрь. Онъ не оставилъ прочныхъ плодовъ своей дѣятельности, его ученія неспособны были привести къ ихъ созрѣванію. Онъ пребудетъ въ исторіи подобно старой гигантской соснѣ, которая наперекоръ бурямъ высится на вершинѣ скалы, поражаемой молніями: это фигура импозантная, но не несущая съ собою благословленія».

Этими прочувствованными словами (хотя конца ихъ мы разумѣется, совершенно не раздѣляемъ) мы и закончимъ свою растянувшуюся статью.

РУССКІЙ ТКАЧЪ
Петръ Алексѣевичъ Алексѣевъ.

(1849—1891).

I.

(Страница изъ исторіи революціоннаго движенія 70-хъ годовъ).

Въ кровавый синодикъ жертвъ, погибшихъ въ борьбѣ за освобожденіе русскаго рабочаго класса, исторія внесла много славныхъ именъ. Среди нихъ видное мѣсто занимаетъ ткачъ Петръ Алексѣевичъ Алексѣевъ, одинъ изъ первыхъ революціонеровъ, вышедшихъ изъ рабочей среды и отдавшихъ свою жизнь за дѣло своихъ братьевъ-рабочихъ.

Петръ Алексѣевъ родился въ деревнѣ Сычевскаго уѣзда, Смоленской губ., въ 1849 году. Убогая земля и нищенскіе надѣлы не кормили тогда пахарей этой губерніи. Крестьянскіе ребятишки принуждены были съ ранняго дѣтства покидать свои родныя мѣста и отправляться въ далекіе города въ поискахъ за пропитаніемъ. Цѣлыми группами ихъ отвозили на фабрики, гдѣ для нихъ, слабыхъ и неокрѣпшихъ, сразу начиналась безпросвѣтная фабричная каторга. Алексѣевъ также попалъ въ Москву, гдѣ работалъ на ткацкихъ фабрикахъ.

Жизнь русскаго ткача и сейчасъ тяжела и печальна. Но въ тѣ времена она была ужасна. Условія труда на московскихъ текстильныхъ фабрикахъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ XIX вѣка были въ полномъ смыслѣ слова каторжными. Непомѣрно длинный рабочій день (часовъ по 16), ночныя работы, грошевая заработная плата, скверная пища, житье въ сырыхъ рабочихъ казармахъ, полнѣйшее отсутствіе всякой гигіены, пьянство, умственная темнота, рабская зависимость отъ хозяевъ, фабричнаго начальства и полиціи—вотъ при какой обстановкѣ приходилось тогда тянуть свою лямку русскимъ ткачамъ. И хуже

всего было то, что масса даже не сознавала всего ужаса своего положенія и не выказывала никакого желанія бороться за лучшія условія жизни. Она даже не подозрѣвала, что судьба рабочаго класса—въ его собственныхъ рукахъ и что организаціей своихъ силъ, борьбой за свои интересы можно отстоять свои права и добиться улучшенія своего тяжелаго положенія.

Но на святой Руси уже появились люди, не желавшіе мириться съ господствомъ царя, помѣщиковъ и капиталистовъ. Революціонеры-народники, состоявшіе въ первое время изъ представителей интеллигентной молодежи, двинулись въ народъ, въ деревни и на фабрики, чтобы возбудить среди угнетенныхъ массъ революціонное движеніе и ознакомить ихъ съ идеями соціализма. Въ Москвѣ въ началѣ 1875 года дѣйствовалъ революціонный кружокъ, къ которому принадлежали Здановичъ, Чикоидзе, Карташевъ, Джабадари, Георгіевскій, Цвиленевъ, Цицiановъ и рядъ геройскихъ дѣвушекъ, какъ сестры Субботины, Любатовичъ, Л. Фигнеръ, Б. Каминская, Александрова, Топоркова и другія. Съ этими-то пропагандистами судьба и столкнула П. Алексѣева (а также другого ткача Агапова).

П. Алексѣевъ со всѣмъ пыломъ своей молодой пролетарской души отдался великому дѣлу соціализма. Отъ своихъ новыхъ товарищей онъ узналъ, что рабство рабочаго класса создано не законами природы, а людьми. Онъ понялъ, что тяжелое положеніе рабочихъ объясняется эксплуатаціей ихъ хозяевами, владѣльцами фабрикъ, машинъ и средствъ производства, и правительствомъ, которое поддерживаетъ этихъ хозяевъ противъ трудового народа. Онъ узналъ, что по лицу всего міра уже закипѣла борьба между рабочими и капиталистами, и что сознательные рабочіе повсюду стремятся къ установленію соціалистическаго строя, то-есть такого порядка, когда вся земля, рудники, шахты, желѣзныя дороги, фабрики, заводы и всѣ средства производства будутъ принадлежать всему народу, который будетъ трудиться для себя и пользоваться плодами своихъ трудовъ. И когда онъ понялъ и узналъ все это, онъ посвятилъ всѣ свои силы дѣлу просвѣщенія своихъ темныхъ братьевъ-рабочихъ, стараясь открыть имъ глаза на ихъ положеніе и призвать ихъ къ энергичной борьбѣ за свои интересы, за свободу и соціализмъ.

Алексѣевъ поступилъ въ кружокъ московскихъ пропаган-

дистовъ. Вмѣстѣ съ другими членами кружка, поступившими на фабрики въ качествѣ простыхъ рабочихъ, онъ велъ пропаганду среди своихъ товарищей, распространялъ среди нихъ соціалистическія брошюры, устраивалъ собранія, велъ революціонныя бесѣды и пр. Но эта работа сопряжена была въ тѣ времена съ большими затрудненіями. Рабочая масса была безграмотна, задавлена непосильнымъ трудомъ и не испытывала потребности въ отстаиваніи своихъ насущныхъ интересовъ. Вдобавокъ страшный шпіонажъ со стороны всякаго фабричнаго начальства и со стороны разсѣянныхъ по фабрикамъ полицейскихъ агентовъ также затруднялъ просвѣтительную работу пропагандистовъ.

Полиція скоро пронюхала о томъ, что среди московскихъ рабочихъ, а особенно среди ткачей дѣйствуетъ революціонный кружокъ. Царское правительство, вся сила котораго основывалась на народной темнотѣ, не могло стерпѣть работы «крамольниковъ», и вскорѣ большинство изъ нихъ были схвачены и брошены въ тюрьмы. Арестованъ былъ и Петръ Алексѣевъ.

Послѣ двухлѣтняго предварительнаго тюремнаго заключенія всѣ они въ числѣ 50 человѣкъ были преданы въ 1877 г. разбойничьему суду особаго присутствія Правительствующаго Сената («Процессъ 50-ти»). На судѣ Здановичъ, Бардина и Алексѣевъ произнесли рѣчи, въ которыхъ они не оправдывались, а смѣло обвиняли самодержавіе и капитализмъ за тѣ преступленія, которыя господствующіе классы совершаютъ по отношенію къ трудовому народу.

П. Алексѣевъ, описавъ въ своей рѣчи тяжелое положеніе русскаго народа, доказалъ, что крѣпостное право было уничтожено у насъ только на словахъ, а на дѣлѣ крестьяне и рабочіе по прежнему подчинены правительству, помѣщикамъ и капиталистамъ и находятся въ положеніи настоящихъ крѣпостныхъ. Только соціальная революція спасетъ и освободитъ рабочія массы. Надѣяться на правительство и на господствующіе классы нельзя. И закончилъ Алексѣевъ свою рѣчь слѣдующими словами:

«Русскому рабочему народу остается только надѣяться на самихъ себя и ни отъ кого не ожидать помощи, кромѣ какъ отъ одной нашей интеллигентной молодежи. Она одна братски протянула намъ свою руку. Она одна откликнулась, подала свой голосъ на всѣ услышанные крестьянскіе стоны Россійской Имперіи.

Она одна до глубины души прочувствовала, что значатъ и отчего это отовсюду слышны крестьянскіе стоны. Она одна не можетъ холодно смотрѣть на этого изнуреннаго, стонущаго подъ ярмомъ деспотизма, угнетеннаго крестьянина. Она одна, какъ добрый другъ, братски протянула намъ свою руку и отъ искренняго сердца желаетъ вытащить насъ изъ затягивающей пучины на благопріятный для всѣхъ стонущихъ путь. Она одна, не опуская руки, ведетъ насъ—раскрывая всѣ отрасли для выхода всѣхъ нашихъ собратьевъ изъ этой лукаво построенной ловушки, до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаетъ насъ самостоятельными проводниками къ общему благу народа. И она одна неразлучно пойдетъ съ нами до тѣхъ поръ, пока (говоритъ, поднявъ руку) подымется мускулистая рука милліоновъ рабочаго люда (Предсѣдатель суда вскакиваетъ и кричитъ: «Молчать! замолчите!», но Алексѣевъ продолжаетъ),—и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится въ прахъ!» [1]).

Царскій судъ былъ безпощаденъ къ революціонерамъ, открывавшимъ народу глаза на правду. Алексѣевъ и рядъ его сотоварищей по процессу (въ томъ числѣ и рабочій Агаповъ) были приговорены къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжныя работы. Въ частности Алексѣевъ, противъ котораго судъ былъ раздраженъ за его смѣлую и правдивую рѣчь, получилъ 10 лѣтъ каторги. Такъ дорого заплатилъ одинъ изъ первыхъ русскихъ рабочихъ-революціонеровъ за попытку просвѣтить и организовать своихъ братьевъ.

Алексѣевъ былъ сосланъ въ Карійскую каторжную тюрьму въ Сибирь. Здѣсь онъ пробылъ до 1884 года. По отбытіи каторги онъ былъ сосланъ на поселеніе въ далекую Якутскую область. Въ мерзлой тайгѣ прожилъ онъ еще 7 лѣтъ, и скоро долженъ былъ вернуться на родину, гдѣ снова могъ бы принять участіе въ борьбѣ рабочаго класса: вѣдь къ началу 90-хъ годовъ среди рабочей массы уже начиналось широкое движеніе. Но слѣпая судьба была до конца жестока къ этому сыну русскаго народа. Въ 1891 г. Алексѣевъ, отправляясь изъ глухого якутскаго улуса

[1]) Эта рѣчь П. Алексѣева впослѣдствіи неоднократно печаталась за-границей и распространялась среди рабочихъ въ Россіи.

(деревни) въ городъ Якутскъ за покупками, былъ по дорогѣ убитъ и ограбленъ якутами. И только черезъ нѣсколько дней нашли въ лѣсу въ ямѣ подъ листьями его полуистлѣвшій трупъ.

Такъ печально закончилась жизнь Петра Алексѣева, вся вина котораго заключалась въ томъ, что онъ сознадъ истинныя причины страданій рабочаго класса и хотѣлъ облегчить положеніе своихъ братьевъ. Алексѣеву не суждено было дожить до начала массового движенія среди русскихъ рабочихъ и до великой русской революціи, заложившей основы народной свободы. Но благодарный пролетаріатъ Россіи никогда не забудетъ имени П. Алексѣева, одного изъ тѣхъ, кто, въ мрачную годину торжества самодержавія, не побоялся возвысить свой голосъ протеста противъ гнета и эксплуатаціи и отдалъ свою жизнь за дѣло освобожденія рабочаго класса.

II.

Петръ Алексѣевъ.

(по „Воспоминаніямъ Ф. Волховскаго“)[1]).

Не выше средняго роста, если не ниже, онъ поражалъ шириною туловища какъ въ плечахъ такъ и отъ груди къ спинѣ; массивныя же руки и ноги казались вылитыми изъ чугуна. На этомъ богатырскомъ тѣлѣ покоилась крупная голова съ крупными же глубоко вырубленными чертами смуглаго лица, съ шапкой густыхъ, черныхъ, какъ смоль, волнистыхъ волосъ и такими же нѣсколько курчавыми усами и бородой. Но всего лучше были глаза — ясные и пламенные: неукротимая энергія свѣтилась въ нихъ, смѣшанная съ добротой сильнаго человѣка. По внѣшнему опыту лицо Петра легко было принять за лицо цыгана, если бы не его выраженіе, открытое прямое и добродушное — чисто великорусское.

Это былъ настоящій русскій крестьянинъ, какъ по внѣшнему виду, такъ и по внутреннему складу. Петръ родился въ бѣдной земледѣльческой семьѣ, въ деревнѣ Новинской, Сычевскаго уѣзда,

---

[1]) Русскій ткачъ Петръ Алексѣевичъ Алексѣевъ. Изданіе «Рабочаго Знамени», 1900 г.

Смоленской губ. При обычныхъ условіяхъ деревенской жизни ему, вѣроятно, суждено было бы оставаться весь свой вѣкъ неграмотнымъ и ходить за плугомъ. Но его родная почва плохо вознаграждаетъ земледѣльца за тяжелый трудъ, и вотъ Петрухѣ пришлось искать въ раннемъ возрастѣ хлѣба на фабрикѣ. Въ его рѣчи есть, между прочимъ, яркое и трогательное описаніе участи крестьянскаго мальчика, представляющаго дома «лишній ротъ» и конечно, надрывающая душу картина списана Алексѣевымъ прежде всего съ его собственнаго опыта. Нездоровая для тѣла и для души жизнь на ткацкой фабрикѣ, въ которую попалъ парнишка, имѣла, однако, и свою хорошую сторону для такой особенной натуры, какою былъ Алексѣевъ: въ ней онъ встрѣчался все съ новыми и новыми людьми, сравнивалъ, соображалъ; она ставила передъ нимъ вопросы, чуждые деревенской жизни, заставляла «живѣе поворачиваться» и очевидно пробудила въ способномъ подросткѣ жажду знанія, такъ какъ въ 16-17 лѣтъ онъ самъ собою, безъ помощи правильнаго учителя выучился читать и писать. Позже, когда ему было уже за 20, онъ случайно столкнулся съ революціонерами—молодыми людьми и дѣвушками, большей частью прекрасно образованными и принадлежавшими къ достаточнымъ, подчасъ богатымъ семьямъ, которые отбросили въ сторону всѣ выгоды своего положенія, надѣли мужичьи платья и отправились на фабрику заурядными рабочими и работницами. Они спали на грязныхъ нарахъ, среди міріадъ насѣкомыхъ, ходили босые, ѣли невозможную пищу, дышали промозглымъ казарменнымъ воздухомъ, въ которомъ стономъ стояли матерныя слова и похабныя шутки. Дѣвушкамъ же еще приходилось терпѣть отъ распущенности фабричныхъ нравовъ, отъ «озорства» какъ мелкаго начальства, такъ и своего брата-рабочаго. И все это они терпѣли ради того, чтобы послѣ 17 или 18 часовъ труда вмѣсто отдыха подѣлиться съ рабочими хоть крупицей истины, чтобы заставить рабочихъ призадуматься надъ собственнымъ положеніемъ, причинами этого положенія и чтобы пробудить въ рабочихъ самоуваженіе и чувства гражданина.

Съ такими-то людьми столкнулся Алексѣевъ. Общеніе съ ними было для него тѣмъ же, что живительный теплый дождь для пересохшей почвы. Они не только обсуждали съ нимъ общее положеніе дѣлъ, отвѣчали на вопросы, на которые онъ раньше

нигдѣ не могъ найти отвѣта, но еще снабжали книгами, которыя онъ жадно читалъ по ночамъ послѣ долгой дневной работы. Значительная часть этой литературы была подцензурная, но хорошо подобранная. То же, что было не договорено или искажено въ подцензурныхъ книжкахъ, разъяснялось и говорилось прямымъ языкомъ въ изданіяхъ революціонныхъ... Такимъ образомъ, Петруха получилъ возможность не только самъ понять подкладку вещей, но еще распространять истину среди своихъ товарищей.

Конечно, онъ схватился за эту возможность со всѣмъ пыломъ новичка, передъ которымъ внезапно открылся свѣтъ, но въ то же время и со всею практичностью мужика и фабричнаго, знавшаго, съ какой стороны подойти къ человѣку своей среды и какъ съ нимъ говорить. Онъ поступалъ на извѣстную фабрику, работалъ на ней нѣкоторое время и когда убѣждался, что колесо пропаганды пошло въ ходъ, онъ переходилъ на другую. Подчасъ ему приходилось скрываться внезапно, когда книжки попадались и ему угрожала опасность немедленнаго ареста, но это бывало рѣдко. Товарищи впослѣдствіи говорили мнѣ о пропагандистской дѣятельности Алексѣева какъ объ очень цѣнной и успѣшной; между тѣмъ въ обвинительномъ актѣ по процессу 50-ти, который сейчасъ лежитъ передо мною, упоминаются, въ связи съ его именемъ, всего двѣ фабрики, и улики противъ него очень скудны.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это былъ одинъ изъ самыхъ счастливыхъ періодовъ въ жизни Петра. До полной возмужалости онъ былъ и чувствовалъ себя заброшеннымъ, презираемымъ механическимъ орудіемъ въ рукахъ всевозможныхъ «мастеровъ», надсмотрщиковъ, фабрикантовъ, безъ всякаго просвѣта впереди. Онъ глядѣлъ на міръ зрячими глазами и чувствовалъ, что есть въ мірѣ что-то, что скрыто отъ него, но что именно — онъ не зналъ и не видѣлъ. Теперь завѣса, отдѣлявшая его отъ міра, была разорвана. Изъ машины онъ сталъ мыслящимъ человѣческимъ существомъ; мало того, онъ позналъ заразительную власть чувства собственнаго достоинства и разумнаго слова и испыталъ счастье дѣлать слѣпыхъ братьевъ зрячими. По временамъ, однако, онъ страдалъ отъ припадка душевной усталости. Какъ настоящій крестьянинъ, Петръ былъ человѣкъ практическій; онъ былъ человѣкъ дѣла, а не разговора. Поэтому, какъ только онъ убѣ-

дился, что избавиться отъ теперешнихъ проклятыхъ царско-чиновничьихъ порядковъ въ Россіи можно лишь революціонными средствами, силой,—онъ немедленно пожелалъ приступить къ «дѣлу». Онъ допытывался, скоро ли будетъ назначено возстаніе. И когда получалъ въ отвѣтъ или самъ убѣждался, что народъ не былъ готовъ къ такому шагу, онъ впадалъ въ уныніе, почти въ отчаяніе. Ненадолго, однако: энергичная натура брала свое, и Петруха снова принимался за пропаганду и агитацію.

4 Апрѣля 1875 года Алексѣевъ былъ арестованъ въ Москвѣ вмѣстѣ съ восемью товарищами, изъ которыхъ двое были женщины. Они были взяты на ихъ общій квартирѣ въ домѣ Корсака. Хотя всѣ они (кромѣ одной дѣвушки) были одѣты по крестьянски, на самомъ дѣлѣ лишь трое (самъ Алексѣевъ, Нафнутъ Николаевъ и Семенъ Агаповъ) были рабочіе; остальные были бывшіе студенты и студентки, жившіе по крестьянскимъ и мѣщанскимъ паспортамъ и занимавшіеся пропагандой (Джабадари, Ал. Лукашевичъ, В. Георгіевскій, Чйкоидзе, Бардина и Каминская)...

Тюрьма начала совершенно новый періодъ въ жизни Алексѣева, быть можетъ, болѣе—и ужъ никакъ не менѣе благотворный, чѣмъ предыдущій. Запертому въ четырехъ стѣнахъ, ему нечего было больше дѣлать, какъ читать (когда давали книги), размышлять, да урывками разговаривать или переписываться съ товарищами, стоявшими выше него по образованію. Два года тюрьмы несомнѣнно прояснили многое въ его умѣ и укрѣпили тѣ чувства, тѣ взгляды, изъ которыхъ онъ туда попалъ. Какъ было уже сказано, уликъ противъ него было совсѣмъ мало, и можно навѣрное сказать, что еслибы онъ на судѣ сыгралъ роль одураченной жертвы хитрыхъ пропагандистовъ изъ интеллигенціи, или хоть даже просто молчалъ и держался въ тѣни, предоставивъ своему защитнику окрашивать его передъ судьями въ какіе угодно цвѣта,—онъ отдѣлался бы сравнительно легкимъ наказаніемъ, какъ это было, напримѣръ, съ его товарищемъ Бариновымъ. Но играть такую роль Алексѣевъ не могъ: она не была согласна ни съ чувствомъ собственнаго достоинства, ни съ его понятіями о революціонномъ долгѣ. Онъ отказался избрать себѣ защитника, говоря: «Что мнѣ защищаться! Какой смыслъ имѣетъ защита, когда всякому извѣстно, что въ подобныхъ процес-

сахъ приговоръ суда бываетъ составленъ заранѣе, такъ что весь этотъ судъ есть не болѣе, какъ комедія: защищайся, не защищайся-все равно. Я отказываюсь отъ защиты». И дѣйствительно, онъ не защищался. Когда же предсѣдатель суда (сенаторъ Петерсъ), по обязанности службы, предложилъ Алексѣеву сказать послѣднее слово, которое по закону принадлежитъ подсудимому, то онъ произнесъ не защитительную, а обвинительную рѣчь: это было подавляющее обвиненіе и осужденіе того полицейски-государственнаго и эксплуататорскаго «порядка», котораго судившіе его сенаторы являлись представителями и охранителями.

Впечатлѣніе эта рѣчь произвела громадное. По словамъ одного изъ присутствовавшихъ въ засѣданіи адвокатовъ, не только публика и судьи, но даже часовые-жандармы точно окаменѣли;— «я увѣренъ», говорилъ этотъ очевидецъ, «что если бы Алексѣевъ послѣ рѣчи повернулся и вышелъ—его бы въ первую минуту никто не остановилъ: до того всѣ растерялись». Но не въ залѣ суда только, а и далеко за ея предѣлами произвела эта рѣчь потрясающее дѣйствіе. Она совершенно неожиданно показала, какая огромная сила заключается въ томъ классѣ населенія, который до тѣхъ поръ слишкомъ многими не принимался въ расчетъ въ русскихъ политическихъ дѣлахъ. Текстъ рѣчи тотчасъ же разошелся, какъ и текстъ рѣчи другихъ подсудимыхъ процесса 50-ти, тайно отпечатанный особымъ листкомъ во множествѣ экземпляровъ, а затѣмъ появился въ тогдашнемъ революціонномъ изданіи «Впередъ» (томъ 5, 1877 г.), издававшемся въ Лондонѣ подъ редакціей П. Л. Лаврова и В. Смирнова. Объ этой рѣчи, какъ и объ другихъ рѣчахъ и обо всемъ процессѣ, говорилъ «весь Петербургъ». Съ тѣхъ поръ рѣчь эта не разъ перепечатывалась различными русскими революціонными группами, и немудрено: она до сихъ поръ остается, съ одной стороны, однимъ изъ лучшихъ изложеній принциповъ русскаго рабочаго соціализма и примѣромъ политической дѣятельности для рабочихъ, а съ другой—ободреніемъ для тѣхъ интеллигентовъ, которые готовы опустить руки при видѣ политическаго непониманія и безконечнаго смиренія рабочей массы.

Рѣчь была произнесена 10 марта 1877 г...

За свою рѣчь Алексѣевъ получилъ десять лѣтъ каторжныхъ работъ въ рудникахъ (его менѣе выдающіеся или болѣе

сговорчивые товарищи рабочіе отдѣлались ссылкой на поселеніе). 10 лѣтъ!

Послѣ отбытія срока каторги Алексѣевъ былъ поселенъ въ глухомъ улусѣ Якутской области, въ двухстахъ верстахъ отъ Якутска. Здѣсь онъ занялся земледѣліемъ, но въ 1891 г. съ нимъ случилось несчастіе. Отправляясь лѣтомъ въ городъ на ярмарку, онъ по дорогѣ былъ звѣрски убитъ якутами съ цѣлью грабежа. Такъ погибъ одинъ изъ піонеровъ русскаго рабочаго движенія, который въ 1877 г. въ своей знаменитой рѣчи предсказалъ, что самодержавіе падетъ, когда противъ него «подымется мускулистая рука милліоновъ рабочаго люда». Правительство свирѣпо отомстило ему за это предсказаніе; но ни тюрьма, ни ссылка, ни каторга не могли сломить этотъ крѣпкій организмъ и смѣлую душу. Если бы не предательскій ножъ якута въ пустынѣ, куда правительство засылаетъ борцовъ за рабочее дѣло, Петруха дожилъ бы до нашихъ дней, и тогда онъ съ восторгомъ увидѣлъ бы, что его предсказанія начинаютъ сбываться, что рабочій народъ начинаетъ шевелиться, а деспотизмъ начинаетъ трещать по всѣмъ швамъ. И тогда онъ могъ бы сказать себѣ съ чувствомъ внутренняго удовлетворенія, что онъ и друзья его жили не даромъ, и что ихъ труды не пропали напрасно.

Мы же, русскіе рабочіе, должны съ благодарностью чтить святую память нашихъ предшественниковъ, пострадавшихъ за дѣло рабочаго класса.

Рѣчь Петра Алексѣева.

произнесенная имъ въ засѣданіи Особаго Присутствія Сената 10 марта 1877 года.

Мы, милліоны людей рабочаго населенія, чуть только станемъ сами на ноги, бываемъ брошены отцами и матерями на произволъ судьбы, не получая никакого воспитанія, за неимѣніемъ школъ и времени отъ непосильнаго труда и скуднаго за это вознагражденія. Съ девяти лѣтъ—мальчишками насъ стараются проводить съ хлѣба долой на заработки. Что же насъ тамъ ожидаетъ? Понятно, продаемся капиталисту на сдѣльную работу, изъ-за куска чернаго хлѣба, поступаемъ подъ присмотръ взрос-

лыхъ, которые розгами и пинками пріучаютъ насъ къ непосильному труду; питаемся кое-чѣмъ, задыхаемся отъ пыли и испорченнаго, зараженнаго разными нечистотами воздуха. Спимъ гдѣ попало—на полу безъ всякой постели и подушки въ головахъ, завернутые въ какое-нибудь лохмотье и окруженные со всѣхъ сторонъ безчисленнымъ множествомъ всякихъ паразитовъ.... Въ такомъ положеніи нѣкоторые навсегда затупляютъ свою умственную способность, и не развиваются нравственныя понятія, усвоенныя еще въ дѣтствѣ: остается все то, что можетъ выразить одна грубо воспитанная, всѣми забытая, отъ всякой цивилизаціи изолированная, мускульнымъ трудомъ зарабатывающая хлѣбъ рабочая среда.

Вотъ что намъ, рабочимъ, приходится выстрадать подъ ярмомъ капиталиста въ этотъ дѣтскій періодъ. И какое мы можемъ усвоить понятіе по отношенію къ капиталисту, кромѣ ненависти? Подъ вліяніемъ такихъ жизненныхъ условій съ малолѣтства закаляется у насъ рѣшимость до поры терпѣть, съ затаенной ненавистью въ сердцѣ, весь давящій насъ гнетъ капиталистовъ и безъ возраженій переносить всѣ причиняемыя намъ оскорбленія.

Взрослому работнику заработную плату довели до минимума; изъ этого заработка всѣ капиталисты безъ зазрѣнія совѣсти стараются, всевозможными способами, отнимать у рабочихъ послѣднюю трудовую копѣйку и считаютъ этотъ грабежъ доходомъ. Самые лучшіе для рабочихъ изъ московскихъ фабрикантовъ—и тѣ, сверхъ скуднаго заработка, эксплуатируютъ и тиранятъ рабочихъ слѣдующимъ образомъ. Рабочій отдается капиталисту на сдѣльную работу безпрекословно и въ точности исполнить всѣ рабочіе дни и работу, для которой поступилъ, не исключая и безплатныхъ хозяйскихъ чередовъ. Рабочіе склоняются передъ капиталистомъ, когда имъ по праву или не по праву пишутъ штрафъ, боясь лишиться куска хлѣба, который достается имъ 17-тичасовымъ дневнымъ трудомъ. Впрочемъ, я не берусь описывать подробности всѣхъ злоупотребленій фабрикантовъ, потому что слова мои могутъ показаться неправдоподобными для тѣхъ, которые не хотятъ знать жизни работниковъ и не видѣли московскихъ рабочихъ, живущихъ у знаменитыхъ русскихъ фабрикантовъ: Бабкина, Гучкова, Бутикова, Морозова и др...

Предсѣдатель сенаторъ Петерсъ. Это все равно. Вы можете этого не говорить.

Петръ Алексѣевъ. Да, дѣйствительно все равно, вездѣ одинаково рабочіе доведены до самаго жалкаго состоянія. 17-тичасовой дневной трудъ—и едва можно заработать 40 коп. Это ужасно. При такой дороговизнѣ съѣстныхъ припасовъ приходится выдѣлять изъ этого скуднаго заработка на поддержку семейнаго существованія и уплату казенныхъ податей. Нѣтъ, при настоящихъ условіяхъ жизни работниковъ невозможно удовлетворять самымъ необходимѣйшимъ потребностямъ человѣка. Пусть пока они умираютъ голодной, медленной смертью, а мы, скрѣпя сердце, будемъ смотрѣть на нихъ до тѣхъ поръ, пока освободимъ изъ подъ ярма нашу усталую руку, и свободно сможемъ тогда протянуть ее для помощи другимъ. Отчасти все это странно, все это непонятно, темно и отчасти какъ-то прискорбно, а въ особенности сидѣть на скамьѣ подсудимыхъ человѣку, который чуть ли не съ самой колыбели всю свою жизнь зарабатывалъ 17-тичасовымъ трудомъ кусокъ чернаго хлѣба. Я нѣсколько знакомъ съ рабочимъ вопросомъ нашихъ собратьевъ-западниковъ. Они во многомъ не походятъ на русскихъ: тамъ не преслѣдуетъ, какъ у насъ, тѣхъ рабочихъ, которые всѣ свои свободныя минуты и много безсонныхъ ночей проводятъ за чтеніемъ книгъ; напротивъ, тѣмъ этимъ гордятся, а объ насъ отзываются, какъ о народѣ рабскомъ и полудикомъ. Да какъ иначе объ насъ отзываться? Развѣ у насъ есть свободное время для какихъ-нибудь занятій? Развѣ у насъ учатъ съ малолѣтства чему-нибудь бѣдняка? Развѣ у насъ есть полезныя и доступныя книги для работника? Гдѣ и чему они могутъ научиться? А загляните въ русскую народную литературу. Ничего не можетъ быть разительнѣе того примѣра, что у насъ издаются для народнаго чтенія такія книги, какъ «Бова Королевичъ», «Еруслань Лазаревичъ», «Ванька Каинъ», «Женихъ въ чернилахъ и невѣста во щахъ» и т. п. оттого-то въ нашемъ рабочемъ народѣ и сложились такія понятія о чтеніи: одно забавное, а другое богохульное. Я думаю, каждому извѣстно, что у насъ въ Россіи рабочіе все еще не избавлены отъ преслѣдованія за чтеніе книгъ; а въ особенности если у него увидятъ книгу, въ которой говорится о его положеніи,—тогда ужъ держись. Ему прямо говорятъ: «ты, братъ, не

похожъ на рабочаго, ты читаешь книги». И страннѣе всего то, что и иронiи не замѣтно въ этихъ словахъ, что въ Россiи походить на рабочаго то же, что походить на животное. Господи, неужели кто полагаетъ, что мы, работники, ко всему настолько глухи, слѣпы, нѣмы и глупы, что не слышимъ, какъ насъ ругаютъ дураками, лѣнтяями, пьяницами? Что ужъ какъ будто и на самомъ дѣлѣ работники заслуживаютъ слыть въ такихъ порокахъ? Неужели мы не видимъ, какъ вокругъ насъ всѣ богатѣютъ и веселятся за нашей спиной? Неужели мы не можемъ сообразить и понять, почему это мы такъ дешево цѣнимся и куда дѣвается нашъ невыносимый трудъ? Отчего это другiе роскошествуютъ, не трудясь, и откуда берется ихнее богатство? Неужели мы, работники, не чувствуемъ, какъ тяжело повисла на насъ такъ называемая всесословная воинская повинность? Неужели мы не знаемъ, какъ медленно и нехотя рѣшался вопросъ о введенiи сельскихъ школъ для образованiя крестьянъ, и не видимъ, какъ сумѣли это поставить? Неужели намъ не грустно и не больно было читать въ газетахъ высказанное мнѣнiе о наймѣ рабочаго класса? Тѣ люди, которые такого мнѣнiя о рабочемъ народѣ что онъ не чувствителенъ и ничего не понимаетъ, глубоко ошибаются Рабочiй же народъ, хотя и остается въ первобытномъ положенiи и до настоящаго времени не получаетъ никакого образованiя, смотритъ на это какъ на временное зло, какъ и на самую правительственную власть, временно захваченную силой и только для одного разнообразiя ворочащую все съ лица да на изнанку. Да больше и ждать отъ нея нечего. Мы, рабочiе, желали и ждали отъ правительства, что оно не будетъ дѣлать тягостныхъ для насъ нововведенiй, не станетъ поддерживать рутины и обезпечитъ матерiально крестьянина, выведетъ насъ изъ первобытнаго положенiя и пойдетъ скорыми шагами впередъ Но, увы! Если оглянемся назадъ, то получаемъ полное разочарованiе, и если при этомъ вспомнимъ незабвенный, предполагаемый день для русскаго народа, день, въ который онъ съ распростертыми руками, полный чувства радости и надежды обезпечить свою будущую судьбу, благодарилъ царя и правительство,—19 февраля. И что же? И это для насъ было только одной мечтой и сномъ. Эта крестьянская реформа 19 февраля 1861 г., реформа «даровацная», хотя и необходимая, но не вы-

ванная самимъ народомъ, не обезпечиваетъ самыя необходимыя потребности крестьянина. Мы по прежнему остались безъ куска хлѣба съ клочками никуда негодной земли и перешли въ зависимость къ капиталисту. Именно, если свидѣтель, приказчикъ фабрики Носовыхъ, говоритъ, что у него за исключеніемъ праздничнаго дня всѣ рабочіе подъ строгимъ надзоромъ, и не явившійся въ назначенный срокъ на работу не остается безнаказаннымъ, а окружающія ихнюю сотни подобныхъ же фабрикъ набиты крестьянскимъ народомъ, живущимъ при такихъ же условіяхъ,—значитъ, они всѣ крѣпостные. Если мы, къ сожалѣнію, нерѣдко бываемъ вынуждены просить повышенія понижennой самимъ капиталистомъ заработной платы, насъ обвиняютъ въ стачкѣ и ссылаютъ въ Сибирь,—значитъ, мы крѣпостные. Если мы со стороны капиталиста вынуждены оставить фабрику и требовать расчета вслѣдствіе перемѣны доброты матеріала и притѣсненія отъ разныхъ штрафовъ, насъ обвиняютъ въ составленіи бунта и прикладомъ солдатскаго ружья приневоливаютъ продолжать у него работу, а нѣкоторыхъ, какъ зачинщиковъ, ссылаютъ въ дальніе края,—значитъ, мы крѣпостные. Если изъ насъ каждый отдѣльно не можетъ подавать жалобу на капиталиста и первый же встрѣчный квартальный бьетъ намъ въ зубы кулакомъ и пинками гонитъ вонъ,—значитъ, мы крѣпостные.

Изъ всего мною выше сказаннаго видно, что русскому рабочему народу остается только надѣяться самимъ на себя и не отъ кого ожидать помощи, кромѣ отъ одной нашей интеллигентной молодежи...

Предсѣдатель вскакиваетъ и кричитъ: «Молчите! Замолчите!».

Петръ Алексѣевъ. (возвысивъ голосъ, продолжаетъ): она одна братски протянула намъ руку. Она одна откликнулась, подала свой голосъ на всѣ слышанные крестьянскіе стоны Россійской Имперіи. Она одна до глубины души прочувствовала, что значитъ и отчего это отовсюду слышны крестьянскіе стоны. Она одна не можетъ холодно смотрѣть на этого изнуреннаго, стонущаго подъ ярмомъ деспотизма, угнетеннаго крестьянина. Она одна, какъ добрый другъ, братски протянула къ намъ свою руку и отъ искренняго сердца желаетъ вытащить насъ изъ затягивающей пучины на благопріятный для всѣхъ стонущихъ путь

Она одна, не опуская руки, ведетъ насъ, раскрывая всѣ отрасли для выхода всѣхъ нашихъ братьевъ изъ этой лукаво построенной ловушки, до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаетъ насъ самостоятельными проводниками къ общему благу народа. И она одна неразлучно пойдетъ съ нами до тѣхъ поръ, пока (говоритъ, поднявъ руку) подымется мускулистая рука милліоновъ рабочаго люда...

Предсѣдатель волнуется и, вскочивъ, кричитъ: «Молчать, молчать!»

Петръ Алексѣевъ. (возвышая голосъ)... и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится въ прахъ...

Памяти Народной Воли.

По поводу двадцатилѣтія казни дѣятелей 1 марта.

(А. Желябовъ, С. Перовская, Н. Кибальчичъ, Т. Михайловъ, Н. Рысаковъ).

3 апрѣля 1881—3 апрѣля 1901 г.

„Служу дѣлу народнаго освобожденія".
Слова Желябова на судѣ.

3 апрѣля 1881 г. къ длинному мартирологу русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ прибавились новыя имена, память о которыхъ глубоко запала въ наши сердца. И списокъ злодѣйствъ русскаго царизма увеличился новымъ преступленіемъ, за которое, какъ и за многія другія, онъ до сихъ поръ не расплатился.

Въ этотъ памятный день русскіе рабочіе должны помянуть добрымъ словомъ своихъ предшественниковъ, людей, которыя душу свою положили за рабочій народъ; въ эту памятную годовщину мы, русскіе соціалъ-демократы, должны вспомнить объ этихъ святыхъ, нашихъ святыхъ.

Да, нашихъ, потому что мы цѣликомъ принимаемъ на себя историческую отвѣтственность за совершенные ими акты, потому что мы признаемъ себя ихъ наслѣдниками и продолжателями—и дѣлаемъ это съ гордостью.

Прошли времена, когда въ пылу полемики понятное увлеченіе заставляло людей дѣлать несправедливую и одностороннюю оцѣнку дѣятелей этой столь близкой намъ эпохи. Но зрѣлость политической партіи обнаруживается, между прочимъ, въ ея способности видѣть вещи въ ихъ исторической перспективѣ, признавать заслуги своихъ предшественниковъ и установить свою органическую, неразрывную съ ними связь. И вотъ для русской соціалъ-демократіи настала пора воздать должное людямъ «Народной Воли».

Мы признаемъ себя наслѣдниками и продолжателями «Народной Воли» съ гордостью не только потому, что народовольцы сами по себѣ представляютъ живое воплощеніе идеи красоты и чести; что они своей жизнью и своей смертью доказали, что слово не расходилось у нихъ съ дѣломъ; что они раскрыли передъ глазами потрясеннаго человѣчества, на что способны люди долга, не знающіе другихъ побужденій, кромѣ служенія своему идеалу, т. е. благу народа. Но и потому, что они предприняли и довели до конца несравненно болѣе трудное дѣло. Убѣдившись, что соціально-революціонная партія идетъ не по тому пути, который они считали болѣе своевременнымъ и полезнымъ, они мужественно возстали противъ укоренившихся предразсудковъ, которые сильнѣе самаго могучаго тирана, ибо властвуютъ надъ совѣстью и умами. При этомъ они, эти новаторы, не смущались упреками замаетерѣлыхъ консерваторовъ (а революціонные консерваторы завзятѣе всякихъ другихъ), говорившихъ имъ, что они измѣняютъ интересамъ народа, дѣлу соціализма. Они, хотя и съ большимъ трудомъ, добились пересмотра господствовавшихъ тогда въ революціонной средѣ воззрѣній и, въ концѣ концовъ, перевели движеніе изъ закоулковъ антиполитическихъ или безполитическихъ тенденцій въ широкое русло политической борьбы, борьбы съ самодержавіемъ.

Въ настоящее время даже трудно понять, какъ сильно было среди семидесятниковъ убѣжденіе, что соціалисты не должны ставить себѣ политическихъ задачъ, что поступать такимъ образомъ значитъ нарушать основные принципы революціоннаго соціализма. Въ этомъ отношеніи характеренъ уже одинъ тотъ фактъ, что первые народовольцы, потратившіе столько усилій на борьбу съ остатками бакунинскихъ воззрѣній, склонны были признавать свою тактику дѣйствительно не совсѣмъ согласною съ истинными задачами соціалистовъ. Но они оправдывали ее ссылкой на оригинальность русской соціально-политической обстановки: существованіе неограниченнаго самодержавія, стоящаго поперекъ пути всякой соціалистической пропаганды, вынуждаетъ дескать русскихъ соціалистовъ народниковъ къ веденію политической борьбы. Въ маѣ 1880 г. Желябовъ, одинъ изъ основателей и главныхъ дѣятелей партіи «Народной Воли», писалъ: «не велика заслуга передъ отечествомъ аскета-хранителя общеиз-

вѣстнаго идеала. Мы, по крайней мѣрѣ, предпочли быть мірянами». (Изъ писемъ его къ Драгоманову).

Задолго еще до того, какъ сложилась теорія, отводившая политической борьбѣ и стремленію къ политическому перевороту главное мѣсто среди ближайшихъ задачъ русскихъ соціалистовъ, цѣлый рядъ самопроизвольно возникшихъ фактовъ неудержимо прокладалъ дорогу новымъ воззрѣніямъ.

Въ своихъ попыткахъ распространять соціалистическія идеи въ средѣ крестьянъ и рабочихъ, равно какъ въ своихъ попыткахъ начать агитацію на почвѣ насущныхъ экономическихъ потребностей народа народники-соціалисты ежеминутно сталкивались съ гнетомъ и произволомъ неограниченной царской власти и ея свирѣпыхъ слугъ. За передачу какой-нибудь книжки, за составленіе какого-нибудь кружка царскіе суды приговаривали къ долголѣтней каторгѣ; на всѣ попытки сближенія революціонной интеллигенціи съ народомъ правительство отвѣчало безпощадными преслѣдованіями, массовыми арестами и ссылками. Тогда соціалисты начали постепенно переходить отъ обороны къ нападенію—и скоро царскіе лакеи почувствовали что на мѣсто мечтательнаго идеалиста-пропагандиста выступаетъ закаленный борецъ и грозный мститель за поруганный народъ.

Помимо ряда убійствъ шпіоновъ [1]) и вооруженныхъ сопротивленій при арестахъ [2]), былъ совершенъ цѣлый рядъ покушеній на жизнь царскихъ сановниковъ и клевретовъ разныхъ степеней.

Такъ 24 января 1878 г. Вѣра Засуличъ выстрѣлила въ петербургскаго градоначальника, башибузука Трепова за то, что

---

[1]) 1876 г.—Финогеновъ въ С.-Пб.; Гориновичъ (неудачно) и Тавлѣевъ въ Одессѣ;

1877 г.—въ С.-Пб. Шарашкинъ;

1878 г.—Никоновъ въ Ростовѣ на Дону;

1879 г. Рейнштейнъ въ Москвѣ; Гоштофтъ (неудачно) въ Одессѣ; Куриловъ и Барановскій въ Кіевѣ и др.

[2]) 1875 г.—Ципіанова въ Москвѣ;

1878 г.—Ковальскаго и другихъ въ Одессѣ; братьевъ Избицкихъ въ Кіевѣ; Колѣнкиной и Малиновской въ С.-Пб; Сентянина въ Харьковѣ; офицера Дубровина въ Старой Руссѣ; Чубарова въ Одессѣ;

1879 г.—Лешернъ въ Кіевѣ; битва на Жилянской улицѣ въ Кіевѣ; Мирскій въ Таганрогѣ и др.

по его приказанію былъ высѣченъ розгами политическій каторжанинъ Боголюбовъ; въ Кіевѣ было произведено покушеніе на товарища прокурора Котляревскаго и убитъ жандармскій капитанъ Гейкингъ; 4 августа въ Петербургѣ среди бѣла дня Кравчинскій поразилъ ударомъ кинжала шефа жандармовъ Мезенцева; наконецъ, въ томъ же году на югѣ замышлялось покушеніе взорвать (въ Николаевѣ) пароходъ, на которомъ ѣхалъ Александръ II.

Въ 1879 г. былъ убитъ соціалистами харьковскій губернаторъ Кропоткинъ; въ Спб. произошло покушеніе Мирскаго на жизнь новаго шефа жандармовъ, Дрентельна, и, наконецъ, всѣ эти покушенія завершились покушеніемъ Соловьева на жизнь Александра II 2 апрѣля 1879 г.

Понятно, эти проявленія терроризма вызвали со стороны взбѣсившагося правительства взрывъ строгостей и репрессалій; революціонеры логически должны были идти дальше по тому же пути, несмотря на то, что изъ ихъ собственной среды раздавались предостерегающіе голоса. Направленіе дѣятельности было дано хотя сами участники террористической борьбы очень мало или совсѣмъ не понимали ея истиннаго смысла, пытаясь примирить ее со старыми народническими ученіями. Уяснить существенный характеръ и цѣли предпринятой борьбы, дать ей теоретическое обоснованіе, обобщить различныя ея проявленія и довести ее до успѣшнаго конца—такова была цѣль партіи «Народной Воли».

Люди, проникшіеся новыми идеями, собрались въ Липецкѣ Тамбовской губ. на съѣздъ, который продолжался съ 17 по 21 іюня 1879 г. и въ которомъ участвовали Желябовъ, Александръ Михайловъ, Колоткевичъ, Ширяевъ, Тихомировъ, Кѣятковскій, Фроленко, Гольденбергъ, Оловянникова, Морозовъ, Баранниковъ и др. Здѣсь были сформулированы основныя положенія новой программы и намѣчены средства къ ея осуществленію. Къ осени народовольцы разошлись съ народниками и окончательно сложились въ партію «Народной Воли»[1]).

Партія эта, какъ показываетъ ея названіе, боролась за достиженіе такого строя, при которомъ «народная воля»[2]) могла

[1]) Въ октябрѣ 1879 г. вышелъ 1-ый номеръ газеты «Народная Воля».

[2]) Не въ смыслѣ свободы, а въ смыслѣ желаній.

бы получить полное и цѣльное осуществленіе. При этомъ народовольцы, которые, по крайней мѣрѣ въ первое время, продолжали оставаться по своимъ взглядамъ народниками, предполагали, что при осуществленіи этой воли строй народной жизни выльется въ формы или совсѣмъ соціалистическія, или весьма близкія къ соціализму. Многіе мечтали даже о томъ, чтобы, воспользовавшись разстройствомъ правительственныхъ сферъ, захватить власть въ свои руки и такимъ образомъ дать народному развитію сильный толчокъ въ сторону соціализма. Но во всякомъ случаѣ ближайшей цѣлью ихъ дѣятельности было низвергнуть самодержавное правительство или, по крайней мѣрѣ, принудить его къ широкимъ политическимъ уступкамъ.

Въ стремленіи къ этой цѣли «Исполнительный Комитетъ» Народной Воли обнаружилъ нечеловѣческую энергію, упорство и самоотверженіе. На правительственныя репрессіи, на массовыя ссылки и казни неуловимый комитетъ отвѣчалъ все новыми покушеніями, все болѣе страшными ударами. Покушеніе на взрывъ царскаго поѣзда подъ Одессой, подъ Александровскомъ, взрывъ царскаго поѣзда подъ Москвой (19 ноября 1879 г.), взрывъ Зимняго дворца (5 февраля 1880 г.), подкопъ подъ Малую Садовую, минированіе Каменнаго моста въ Спб.—всѣ эти и многіе другіе подвиги[1]) увѣнчались, наконецъ, всенародной казнью тирана 1 марта 1881 г.

Послѣ того партія Народной Воли предприняла еще цѣлый рядъ покушеній и подготовленій къ совершенію политическаго переворота (какъ, напримѣръ, знаменитая Военная Организація Народной Воли и др.), но, въ концѣ концовъ, легла костьми въ неравномъ бою. Въ этой трагической схваткѣ между новой и старой Русью русская соціально-революціонная интеллигенція поставила на карту все: сверхестественными усиліями ей, немногочисленной и слабой, удалось заставить весь міръ заговорить о

[1]) Изъ многочисленныхъ дѣлъ Народной Воли отмѣтимъ еще: вооруженныя сопротивленія при взяти типографіи «Народной Воли» (въ Спб. 17 января 1880 г.), при арестѣ Пресняковой, при арестѣ Т. Михайлова, Саблина, Мартынова, Панкратова, Лисянскаго и др.; убійство жандармскаго полковника Судейкина, военнаго прокурора Стрѣльникова, шпіоновъ Прима, Шкряба, Жаркова и многое другое.

себѣ и принудить деспотизмъ къ уступкамъ[1]). Но несмотря на то, что отдѣльныя личности изъ рабочаго класса присоединились къ борющейся интеллигенціи, она не была, къ сожалѣнію, поддержана народной массой, недостаточно развитой, и потерпѣла неудачу...

А между тѣмъ народовольцы съ своей стороны прилагали много усилій, чтобы привлечь на свою сторону возможно больше рабочихъ. Такіе люди, какъ Желябовъ, Фигнеръ, Перовская и другіе, въ промежуткахъ между нѣсколькими террористическими покушеніями, ходили на рабочія собранія и вели тамъ пропаганду, рискуя быть схваченными полиціей. Они дѣлали это, можно сказать, съ веревкой на шеѣ. Но, къ сожалѣнію, самый родъ ихъ главной дѣятельности оставлялъ имъ слишкомъ мало времени для пропаганды среди рабочихъ и для организаціи рабочихъ союзовъ. Главныя свои усилія народовольцамъ приходилось затрачивать на устройство конспиративныхъ квартиръ, изготовленіе взрывчатыхъ веществъ и снарядовъ, на заведеніе связей въ обществѣ для сбора денегъ, въ которыхъ они такъ нуждались, и для пріобрѣтенія укрывателей,—однимъ словомъ, на террористическую борьбу. А когда успѣхъ ихъ террористической дѣятельности превысилъ ихъ ожиданія, потрясъ самодержавное правительство и вызвалъ надежды въ обществѣ, они увлеклись террористической борьбой до того, что остальныя отрасли ихъ дѣятельности естественно отодвинулись на второй планъ. Они, такъ сказать, затерроризировались. Но и помимо того, слабое развитіе рабочаго движенія въ то время объяснялось, въ конечномъ счетѣ, слабымъ развитіемъ капитализма и общей отсталостью экономической, политической и культурной жизни...

Политическая борьба народовольцевъ выразилась преимущественно въ формѣ террора. Но ошибочно было бы думать, что внѣ этого образа дѣйствій они не видѣли и не признавали ничего.

---

[1]) Какъ извѣстно, наканунѣ своей казни Александръ II подписалъ указъ о созывѣ представителей отъ земствъ для присоединенія ихъ къ Государственному Совѣту съ совѣщательнымъ голосомъ по вопросамъ, которые правительство укажетъ. Конечно, это уступка ничтожная, но это все-таки уступка, да еще вырванная силой.

Террористическая тактика выросла на почвѣ разочарованія въ возможности массового народнаго революціоннаго движенія, разочарованія, которое къ началу 80-хъ годовъ было преобладающей чертой интеллигентскаго настроенія [1]). Терроръ—это внѣшняя оболочка, случайный въ извѣстномъ смыслѣ покровъ народовольческой дѣятельности, костюмъ, который съ измѣненіемъ условій можно сдать въ архивъ и снова извлечь оттуда въ случаѣ надобности. Это первая историческая форма политической борьбы русскихъ соціалистовъ. Такую же роль случайнаго аппарата игралъ и пресловутый «захватъ власти», мостъ, который народовольцы пытались перебросить черезъ глубокую, по мнѣнію тогдашнихъ революціонеровъ, пропасть, отдѣляющую соціализмъ отъ политики; это, наконецъ, запоздалый отголосокъ бакунистской революціи, связующей воедино политическій и соціальный ея моменты, въ своеобразной, впрочемъ, народовольческой окраскѣ. Это остатки старой шкуры, которую движеніе въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи должно было сбросить и сбросило.

Но наряду съ этими второстепенными и, такъ сказать, случайными моментами народовольческаго міровоззрѣнія основная его черта, борьба съ самодержавіемъ за политическое освобожденіе страны, пережила партію «Народной Воли» и вошла органической составной частью въ программы послѣдующихъ революціонныхъ движеній, въ томъ числѣ нашего соціалъ-демократическаго (ср. «Манифестъ» нашей партіи) [2]).

Съ другой стороны, народовольцы оставили намъ въ наслѣдство другое завоеваніе, не менѣе важное, чѣмъ первое, и тѣсно съ нимъ связанное. До того момента, какъ на сцену выступилъ Исполнительный Комитетъ, и пока дѣйствовали революціонеры-народники, либеральные и демократическіе элементы русскаго общества могли восторгаться революціонерами, какъ прекрасными нравственными типами и печальниками народа, но видѣть въ нихъ политическихъ дѣятелей они, по всей справедливости, не могли.

---

[1]) Сказанное не совсѣмъ примѣнимо къ «чернопередѣльцамъ», остаткамъ народнической партіи «Земля и Воля». Они вѣрили въ возможность народнаго движенія и созданія «народной партіи». Но имъ ничего не удалось сдѣлать для этого.

[2]) Рѣчь идетъ о первомъ Манифестѣ Р. С.-Д. Р. П. 1898 г.

Народная Воля, сформулировавъ непосредственную политическую задачу соціалистовъ-революціонеровъ, какъ борьбу съ самодержавіемъ, сразу естественно стала во главѣ обще-оппозиціоннаго, національнаго движенія къ освобожденію Россіи отъ гнета деспотизма. Въ этомъ смыслѣ Желябовъ совершенно вѣрно замѣтилъ, что русская революція [1]) представляется ему не какъ освобожденіе спеціально крестьянскаго или рабочаго класса, а какъ возрожденіе всего русскаго народа вообще. Съ этого поворотнаго въ исторіи соціально-революціонной борьбы пункта и датируетъ главенство и руководящая роль русскихъ соціалистовъ въ освободительномъ движеніи страны.

Таковы заслуги тѣхъ дѣятелей, которыхъ мы вспоминаемъ 3-го апрѣля. Наступилъ моментъ подвести итоги тому, что сдѣлала и что дала партія Народной Воли, и въ результатѣ такого подведенія итоговъ мы можемъ сказать, что дѣло, совершенное народовольцами, при всѣхъ промахахъ и недостаткахъ отдѣльныхъ лицъ, возвышенно и велико. Ихъ недостатки были недостатками эпохи, ихъ достоинства и заслуги были ихъ личными достоинствами и заслугами. И, резюмируя свою краткую замѣтку, мы смѣло говоримъ, что Народная Воля въ этомъ смыслѣ не погибла, что она жива во всѣхъ насъ, въ нашей Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи которая подхватила выпавшее изъ рукъ побитыхъ, но не побѣжденныхъ борцовъ знамя и несетъ его впередъ вплоть до полной побѣды.

Молясь твоей многострадальной тѣни,
Учитель, передъ именемъ твоимъ
Позволь смиренно преклонить колѣни!

Іюль 1901 года.

---

[1]) Ясно, что здѣсь идетъ рѣчь о политической революціи.

Степанъ Халтуринъ [1].

Степанъ Халтуринъ родился въ Вяткѣ. Его родители, бѣдные мѣщане, посылали его въ дѣтствѣ въ какую-то школу, а затѣмъ отдали въ ученье къ столяру. Въ началѣ 70-годовъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ скоро нашелъ мѣсто на заводѣ. Неизвѣстно когда именно и при какихъ обстоятельствахъ захватило его революціонной волной, но въ 1875—76 г.г. онъ былъ уже дѣятельнымъ пропагандистомъ... Онъ былъ изъ тѣхъ людей, наружность которыхъ не даетъ даже приблизительно вѣрнаго понятія объ ихъ характерѣ. Молодой, высокій и стройный, съ хорошимъ цвѣтомъ лица и выразительными глазами, онъ производилъ впечатлѣніе очень красиваго парня; но этимъ дѣло и ограничивалось. Ни о силѣ характера, ни о выдающимся умѣ не говорила эта привлекательная, но довольно заурядная наружность. Въ его манерахъ прежде всего бросалась въ глаза какая-то застѣнчивая и почти женственная мягкость. Говоря съ вами, онъ какъ будто и конфузился, и боялся обидѣть васъ некстати сказаннымъ словомъ, рѣзко выраженнымъ мнѣніемъ. Съ его губъ не сходила нѣсколько смущенная улыбка, которою онъ какъ бы заранѣе хотѣлъ сказать вамъ: «я такъ думаю, но если вамъ это не нравится, то прошу извинить»...

Степанъ въ особенности не любилъ душевныхъ изліяній. Хотя во внѣшнемъ обращеніи застѣнчивость его исчезала при болѣе близкомъ знакомствѣ съ человѣкомъ, однако она всегда держала его на сторожѣ, дѣлая для него совершенно невозможнымъ то нравственное состояніе, которое обозначается словами: «душа на распашку»... Побесѣдовать и онъ былъ не прочь, и притомъ не только со своимъ братомъ-рабочимъ, но и съ «интел-

[1]) Компилятивный очеркъ, составленный по «Календарю Народной Воли» 1883 г., по воспоминаніямъ Г. Плеханова «Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи», по народовольческому сборнику «На Родинѣ» и пр.

лигентами». Пока онъ былъ легальнымъ, онъ даже охотно селился по сосѣдству со студентами и искалъ ихъ знакомства, заимствуясь у нихъ книгами и всякаго рода свѣдѣніями. Нерѣдко за-полночь засиживался онъ у такихъ сосѣдей. Но и тамъ онъ мало высказывался. Придетъ и подыметъ разговоръ на какую-нибудь теоретическую тему. Хозяинъ оживится, обрадованный случаемъ просвѣтить темнаго рабочаго человѣка, говоритъ долго, вразумительно и по возможности «популярно», а Степанъ слушаетъ, лишь изрѣдка вставляя свое слово и внимательно, нѣсколько исподлобья, посматривая на собесѣдника своими умными глазами, въ которыхъ по временамъ появляется выраженіе добродушной насмѣшки.

Въ рабочихъ видѣлъ онъ самыхъ надежныхъ, прирожденныхъ революціонеровъ и ухаживалъ за ними, какъ заботливая нянька: училъ, доставалъ книги, «опредѣлялъ къ мѣстамъ», мирилъ ссорящихся, журилъ виноватыхъ Его очень любили товарищи. Онъ зналъ это и платилъ имъ еще большею любовью. При всемъ томъ, едва ли и въ обращеніи съ ними его покидала привычная сдержанность. Неизвѣстно какъ онъ велъ себя съ тѣми рабочими, которыхъ привлекалъ къ дѣлу въ революціонныхъ бесѣдахъ глазъ на глазъ. Можетъ быть, тогда онъ и давалъ волю всему, что кипѣло у него на душѣ. Но на кружковыхъ рабочихъ собраніяхъ онъ говорилъ рѣдко и неохотно. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло не клеилось, когда собравшіеся говорили что-нибудь несообразное или уклонялись отъ предметовъ сходки, Степана прорывало. Краснобаемъ онъ не былъ, иностранныхъ словъ, которыми любятъ пощеголять рабочіе, никогда почти не употреблялъ, но говорилъ горячо, толково и убѣдительно. Его рѣчью и исчерпывались обыкновенно пренія. И не потому, чтобы его выдающаяся личность давила окружающихъ. Между петербургскими рабочими были люди, не менѣе его знавшіе и способные, были люди, больше его видавшіе на своемъ вѣку, пожившіе заграницей. Тайна огромнаго вліянія, своего рода диктатуры Степана заключалась въ неутомимомъ вниманіи его къ всякому дѣлу. Еще задолго до сходки онъ переговоритъ со всѣми, ознакомится съ общимъ настроеніемъ, обдумаетъ вопросъ со всѣхъ сторонъ и потому, естественно, оказывается наилучше подготовленнымъ. Онъ выражаетъ общее настроеніе. То, что говоритъ онъ, сказалъ бы, вѣроятно, каждый изъ его товарищей, но они

не такъ вдумчиво отнеслись къ дѣлу,—иные по лѣности, иные потому, что заняты были другими, можетъ быть, даже гораздо болѣе важными дѣлами, а Степанъ ни къ чему не могъ относиться невнимательно. Не было такой ничтожной практической задачи, рѣшеніе которой онъ беззаботно предоставилъ бы другимъ. Онъ приходилъ на собраніе съ совершенно установившимся взглядомъ на подлежавшій обсужденію вопросъ. Потому-то съ нимъ и соглашались. А съ другой стороны, потому-то онъ и досадовалъ, потому-то онъ и горячился, когда пренія затягивались безъ толку: «Вѣдь это же все такъ просто, говорило его выразительное лицо, неужели же васъ могутъ затруднять подобные пустяки?»

Халтуринъ отличался большою начитанностью. Это вызывало невольное уваженіе къ нему, но и эта черта не могла особенно удивить человѣка, знавшаго заводскихъ рабочихъ: страстные любители чтенія вовсе не были рѣдкостью между ними. При ближайшемъ знакомствѣ оказывалось, однако, что и читалъ Степанъ такъ, какъ умѣютъ читать только немногіе. Онъ всегда хорошо зналъ, зачѣмъ именно раскрывалъ такую-то книгу. Къ тому же мысль постоянно шла у него рука объ руку съ дѣломъ У него, напримѣръ, вовсе не было того интереса къ естественнымъ наукамъ, который замѣчается у многихъ рабочихъ. Все вниманіе его было поглощено общественными вопросами, и всѣ эти вопросы, какъ радіусы изъ центра, исходили изъ одного коренного вопроса о задачахъ и нуждахъ нарождавшагося русскаго рабочаго движенія. О чемъ бы ни читалъ онъ, объ англійскихъ ли рабочихъ союзахъ, о великой ли революціи или о современномъ соціалистическомъ движеніи,—эти нужды и задачи никогда не уходили изъ его поля врѣнія. По тому, что читалъ Халтуринъ въ данное время, можно было судить о томъ, какіе практическіе планы шевелятся въ его головѣ. Еще задолго до организаціи «Сѣверно-Русскаго-Рабочаго Союза» онъ принялся изучать европейскія конституціи.

— Что это ты на нихъ набросился?—спрашивали его.

— Да что же, вѣдь это интересно,—отвѣчалъ онъ.

Программа Союза лучше его объяснила. почему онъ набросился на конституціи: онъ обдумывалъ политическую программу русскихъ рабочихъ...

Въ сравненіи съ народниками-землевольцами Халтуринъ былъ

крайнимъ западникомъ. Западничество развивалось и поддерживалось въ немъ какъ общими условіями исключительно интересной для него рабочей жизни столицы, такъ, можетъ быть, отчасти и нѣкоторыми случайными вліяніями. Съ лавристами онъ познакомился раньше, чѣмъ съ бунтарями, а лавристы умѣли возбудить въ рабочихъ интересъ къ нѣмецкому соціалъ-демократическому движенію. Къ тому же двое изъ близкихъ товарищей Степана долго работали заграницей, и западное вліяніе распространялось черезъ нихъ какъ лично на него, такъ и на весь союзъ.

Въ Петербургѣ родственниковъ у Степана не было. Жилъ онъ всегда одиноко, занимая небольшую комнатку на манеръ студенческой кельи. Къ обстановкѣ и одеждѣ своей онъ относился съ равнодушіемъ, достойнымъ самаго «интеллигентнаго» нигилиста. Высокіе сапоги, широкое, слишкомъ длинное даже для его высокаго роста пальто, на которомъ недостаетъ нѣсколькихъ пуговицъ, довольно неуклюжая черная мѣховая шапка,—вотъ въ какомъ костюмѣ воскресаетъ онъ въ воображеніи знавшихъ его. Особаго наряда для воскресенья, у него, вопреки обычаю всѣхъ заводскихъ рабочихъ, не полагалось. Разговорясь о дѣлѣ гдѣ-нибудь въ трактирѣ или портерной, онъ охотно выпивалъ бутылку-другую пива, но врядъ ли когда принималъ участіе въ веселыхъ товарищескихъ пирушкахъ. Другихъ рабочихъ случалось иногда встрѣчать подкутившими. Его—никогда.

И, однако, этотъ сдержанный, практичный человѣкъ былъ, если хотите, большимъ фантазеромъ. Его фантазія постоянно и далеко опережала дѣйствительные успѣхи русскаго рабочаго движенія. Довольно долго мечталъ онъ объ одновременной стачкѣ всѣхъ петербургскихъ рабочихъ. Такая мечта была, разумѣется, тогда несбыточной. Но и она принесла свою пользу. Степанъ неутомимо-носился изъ одного предмѣстья въ другое, вездѣ заводилъ знакомства, вездѣ собиралъ свѣдѣнія о числѣ рабочихъ, о заработной платѣ, о продолжительности рабочаго дня, о штрафахъ и т. д.

Его присутствіе вездѣ дѣйствовало возбуждающимъ образомъ, а самъ онъ пріобрѣталъ новыя драгоцѣнныя свѣдѣнія о положеніи рабочаго класса Петербурга. Задавшись мыслью о стачкѣ, онъ, по своему обыкновенію, сталъ искать подходящихъ указаній въ книгахъ. Ему нужно было узнать численность пе-

тербургскаго рабочаго населенія. Но статистика мало дала ему въ этомъ отношеніи. «Удивительное дѣло—.не разъ говорилъ онъ.—статистическія данныя о петербургскихъ фабрикахъ и заводахъ совсѣмъ никуда не годятся. Тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ триста рабочихъ, ихъ показано пятьдесятъ, тамъ, гдѣ пятьдесятъ—записано сто или двѣсти. А вообще въ Петербургѣ несравненно больше рабочихъ, чѣмъ считаетъ статистика. Какъ же помочь горю?» «Мы сами соберемъ нужныя свѣдѣнія лучше всякихъ статистиковъ», рѣшилъ Степанъ и принялся разносить по фабрикамъ и заводамъ особые листки, требуя отъ знакомыхъ рабочихъ, чтобы тѣ вписывали точные отвѣты на поставленные въ листкахъ вопросы. Не всѣ отвѣчали обстоятельно, иные и вовсе забывали отвѣтить. Но черезъ короткое время у Степана все-таки собралось множество данныхъ. Относительно нѣкоторыхъ фабрикъ онъ хвалился, что ему удастся высчитать всѣ расходы и всѣ доходы хозяевъ и такимъ образомъ опредѣлить степень эксплуатаціи работниковъ. Относящіяся сюда выводы онъ собирался напечатать въ отдѣльной брошюрѣ.

Очень увлекался онъ также мечтами о будущей всероссійской организаціи. Когда онъ заговаривалъ о ней, собесѣднику, подъ вліяніемъ его горячей вѣры, невольно начинало казаться, что препятствія уже устранены, связи повсюду заведены, организація существуетъ, и остается только работать для ея дальнѣйшаго развитія. Но и въ этихъ мечтахъ не было ничего маниловскаго. Еще лѣтомъ 1878 г., за нѣсколько мѣсяцевъ до основанія Сѣвернаго союза, Халтуринъ отправился на Волгу, переходилъ тамъ съ завода на заводъ и вступилъ въ тѣсныя сношенія съ тамошними рабочими. Собирался онъ пробраться и на Уралъ, но петербургскіе товарищи убѣдили его вернуться въ Петербургъ. Онъ тамъ былъ слишкомъ нуженъ.

Тотчасъ по основаніи Сѣвернаго союза возникла мысль объ изданіи рабочаго журнала. Потребность въ немъ давно уже чувствовалась рабочими. Выходившая въ 1875 г. въ Женевѣ анархическая газета «Работникъ» была первой попыткой удовлетворенія этой потребности. Изданіемъ «Работника» дѣятельно интересовались многіе изъ рабочихъ, вошедшихъ потомъ въ «Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ».

Когда землевольцы завели тайную типографію въ Петербургѣ,

мысль о рабочей газетѣ приняла новую форму. Стали говорить, что органъ русскихъ рабочихъ долженъ печататься въ Россіи. Возрастающіе успѣхи рабочаго движенія дѣлали его все болѣе и болѣе необходимымъ. Вопросъ о немъ сталъ очереднымъ вопросомъ. При этомъ Степанъ былъ молчаливо и единогласно признанъ редакторомъ будущей газеты. Такимъ образомъ онъ сталъ головою дѣла, починъ котораго принадлежалъ всему Союзу.

Будущій редакторъ держался того мнѣнія, что газета должна имѣть чисто агитаціонный характеръ. У Союза было много связей въ рабочемъ мірѣ. Въ достовѣрныхъ сообщеніяхъ о темныхъ сторонахъ фабрично-заводскаго быта недостатка быть не могло. Появленія ихъ въ печати сочувственно встрѣтили бы всѣ рабочіе. Такимъ сообщеніямъ и должно было принадлежать главное мѣсто на столбцахъ газеты. Авторамъ передовыхъ статей оставалось бы лишь надлежащимъ образомъ освѣщать эти непосредственно изъ жизни взятые матеріалы. Съ распространеніемъ организаціи на провинціальные города явилась бы возможность обезпечить себѣ иногородніе извѣстія...

Уже къ веснѣ 1879 г., т. е. въ то время, когда Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ насчитывалъ едва нѣсколько мѣсяцевъ существованія, общество «Земля и Воля» изъ бунтарскаго, какимъ оно было прежде, наполовину превратилось въ террористическое. Тѣ изъ его членовъ, которые оставались вѣрны старой программѣ, жили большею частью «въ народѣ», «въ поселеніяхъ», раскинувшихся въ разныхъ мѣстахъ нижняго и средняго Поволжья, на Дону, въ Воронежской и Тамбовской губерніяхъ. Большинство же жившихъ въ Петербургѣ землевольцевъ съ ревностью новообращенныхъ стояло за террористическую дѣятельность или, какъ тогда выражались, за дезорганизацію правительства. «Рабочее дѣло» никѣмъ не отрицалось въ принципѣ. Но на дѣлѣ посвящавшіяся ему силы и средства стали убывать очень и очень замѣтно...

Съ самаго основанія своего Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ поставленъ былъ террористической тактикой интеллигенціи въ довольно затруднительное положеніе. Съ каждымъ новымъ, террористическимъ фактомъ расли полицейскія строгости, умножались обыски, аресты и ссылки. Для нелегальныхъ революціонеровъ этотъ бѣлый терроръ до поры до времени былъ совершенно

безвреденъ, такъ какъ имъ удавалось скрывать свои слѣды отъ самыхъ опытныхъ сыщиковъ. Въ иномъ положеніи были легальные революціонеры, чѣмъ нибудь успѣвшіе обратить на себя неблагосклонное вниманіе синяго начальства. Они должны были готовиться къ самымъ непріятнымъ неожиданностямъ. Въ Рабочемъ Союзѣ нелегальныхъ было немного: кромѣ Халтурина, нелегальнаго съ 1878 г., еще, можетъ быть, два-три человѣка. Но зато многіе, и часто самые дѣятельные, опытные и вліятельные—легальные члены его давно уже находились у полиціи на дурномъ счету. Имъ плохо приходилось отъ бѣлаго террора. Ихъ хватали, держали въ тюрьмахъ, ссылали... Выстрѣлъ Соловьева довелъ полицейскія строгости до неслыханной степени. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ же указывалъ, повидимому, и выходъ изъ невыносимаго положенія. Падетъ царь, падетъ и царизмъ, наступитъ новая эра, эра свободы. Такъ думали тогда очень многіе. Такъ стали думать и рабочіе.

Лѣтомъ 1879 г. кому-то изъ членовъ Союза предложено было мѣсто столяра въ Зимнемъ Дворцѣ. Онъ сообщилъ объ этомъ своимъ ближайшимъ товарищамъ. «Что-жъ, поступай, замѣтилъ одинъ изъ нихъ, кстати ужъ и царя прикончишь». Это было сказано въ шутку. Но шутка произвела на присутствовавшихъ глубокое впечатлѣніе: они серьезно задумались о цареубійствѣ. Призвали на совѣтъ Халтурина. На первый разъ онъ высказался неопредѣленно: посовѣтовалъ только не болтать да разузнать получше о предлагаемомъ мѣстѣ... Новое покушеніе на жизнь Александра II, въ случаѣ неудачи, навѣрное причинило-бы Союзу новыя потери, тѣмъ болѣе, что самому Халтурину приходилось идти почти на вѣрную смерть. Онъ зналъ, какое разстройство внесетъ его гибель въ дѣла Союза. Но всѣ эти соображенія не устояли передъ однимъ: смерть Александра II принесетъ съ собою политическую свободу, а при политической свободѣ рабочее движеніе пойдетъ у насъ не по прежнему. Тогда у насъ будутъ не такіе союзы, съ рабочими газетами не нужно будетъ прятаться. Степанъ не долго колебался. Доступъ во дворецъ былъ обезпеченъ. Оставалось запастись взрывчатыми веществами [1]).

[1]) Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи. По личнымъ воспоминаніямъ Г. Плеханова. Женева, 1892 г., стр. 78-87.

Во дворецъ Халтуринъ поступилъ, кажется, около октября 1879 г. и первое время, конечно, былъ занятъ исключительно развѣдками въ этомъ новомъ для него мірѣ. Царь въ это время проживалъ въ Ливадіи, и во дворцѣ по этому случаю все было свободно, безъ стѣсненій, безъ присмотра. Нравы и обычаи новыхъ сотоварищей поражали Халтурина. Прежде всего удивителенъ былъ безпорядокъ въ управленіи. Распущенность прислуги и страшное повальное воровство сверху до низу превосходили всякое вѣроятіе. Дворцовые товарищи Халтурина устраивали у себя пирушки, на которыя свободно приходили, безъ контроля и надзора, десятки ихъ знакомыхъ. Въ то время, какъ съ парадныхъ подъѣздовъ во дворецъ не было доступа самымъ высокопоставленнымъ лицамъ, черные ходы, во всякое время дня и ночи, были открыты для всякаго трактирнаго знакомца самаго послѣдняго дворцоваго служителя. Нерѣдко посѣтители оставались и ночевать во дворцѣ, такъ какъ остаться тамъ было безопаснѣе, чѣмъ идти поздно ночью домой по улицамъ, на которыхъ усердствовала полиція Гурко. Воровство дворцоваго имущества оказывалось настолько всеобщимъ, что даже Халтуринъ принужденъ былъ ходить воровать съѣстные припасы, чтобы не показаться подозрительнымъ. Впрочемъ нельзя было и не воровать. Едва ли кто повѣритъ, чтобы у русскаго царя дворцовые камердинеры получали по 15 руб. въ мѣсяцъ. И однако же жалованіе дворцовой прислуги было именно таково.

Халтуринъ, поступившій во дворецъ съ фальшивымъ паспортомъ, въ которомъ числился крестьяниномъ Олонецкой губ., старался разыгрывать роль простака. Онъ всему удивлялся, обо всемъ распрашивалъ. Его учили придворнымъ порядкамъ, какъ говорить, какъ отвѣчать, какъ себя держать. Надъ его неуклюжими манерами, надъ его притворной привычкой чесать за ухомъ потѣшалось все «полированное» лакейство. «Нѣтъ, братъ, нѣтъ! Полировать ты дѣйствительно мастеръ, такъ что и блоха не вскочитъ [1]), а обращенія настоящаго не понимаешь». Нео-

[1]) Это—высшая похвала полировщику. Значитъ, если на отполированную имъ вещь пустить блоху, то она не можетъ вскочить: настолько гладка поверхность, что даже блошиная нога скользитъ. Рабочіе утверждаютъ, что это дѣйствительно бываетъ

тесанному мужику всякій старался пустить пыль въ глаза, и изъ множества разсказовъ Халтуринъ скоро познакомился съ жизнью даже и верхнихъ этажей дворца. Что касается самого зданія, то Халтуринъ, конечно, скоро съ нимъ вполнѣ ознакомился. Съ любопытствомъ осматривалъ онъ царскіе покои, видѣлъ всѣ эти несмѣтныя богатства, видѣлъ комнату, гдѣ хранятся груды золотыхъ и серебряныхъ вещей и множество драгоцѣнныхъ камней, видѣлъ и только удивлялся, почему это все не раскрадено еще: до такой степени небреженъ былъ надзоръ. Познакомившись съ расположеніемъ комнатъ, Халтуринъ убѣдился, что подвалъ, гдѣ живутъ столяры, а въ томъ числѣ и онъ, находится какъ разъ подъ царской столовой, а въ среднемъ этажѣ между подваломъ и столовой помѣщается кордегардія дворцоваго караула. Обстоятельства, такимъ образомъ, складывались благопріятно для замысловъ Халтурина; но, несмотря на это, онъ не могъ приступить ни къ какимъ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ, такъ какъ въ это время во дворцѣ началась усиленная уборка, чистка, вообще работа. Царь долженъ былъ скоро пріѣхать, и во дворцѣ засуетились. Халтуринъ былъ завалень работою и, какъ лучшій столяръ, работалъ главнымъ образомъ въ царскихъ покояхъ, въ кабинетѣ и т. д., между прочимъ и въ столовой, которую собирался взорвать. Выходить изъ дворца было некогда: работать надъ «своей» работой тоже. Въ общей сложности вышло, что первоначальный планъ Исполнительнаго Комитета — превратить дворецъ въ резервный пунктъ, на случай неудачи въ другихъ мѣстахъ, не осуществился. Въ Одессѣ, Александровскѣ, Москвѣ и во время отъѣзда царя изъ Крыма все было готово для его встрѣчи, но дворецъ оставался совершенно не вооруженнымъ [1]).

Настала середина ноября. Царь выѣхалъ изъ Крыма сухимъ путемъ. Одесса, стало быть, осталась въ сторонѣ. Затѣмъ въ Александровскѣ произошла осѣчка, въ Москвѣ промахъ. Зимній Дворецъ долженъ былъ молчаливо принять въ свои покои высокаго гостя. Но зато, очевидно, съ этого момента дво-

[1]) Въ это время, по словамъ лицъ, сообщившихъ эти свѣдѣнія, Халтуринъ уже былъ агентомъ Исп. Ком. и сношенія велъ съ нимъ черезъ А. Квятковскаго

рецъ сосредоточиваетъ на себя все вниманіе революціонеровъ. Минированіе царскаго жилища естественно должно было быть поведено самымъ энергичнымъ образомъ. Однако жъ въ это именно время произошелъ арестъ Квятковскаго съ захватомъ у него плана Зимняго Дворца, на которомъ (планѣ) царская столовая была помѣчена крестомъ. Обстоятельство это подвергло страшному риску все дѣло, а Халтурина въ частности поставило въ истинно каторжное положеніе.

Планъ дворца, захваченный на такой квартирѣ, заставилъ встрепенуться дворцовую полицію. Начались строгости. Но хуже всего подѣйствовалъ крестъ на столовой. Что онъ означаетъ? Полиція государственная и дворцовая ломали себѣ голову и, хотя вѣ точности не могли разобрать дѣла, но не могли не почуять вообще какой-то опасности. Всѣ покои, прилегающіе къ столовой, сверху, снизу и съ боковъ, подверглись осмотру и самому тщательному надзору. Дворцовая полиція была усилена. Въ подвалѣ, гдѣ жили столяры, поселился жандармъ. Полковникъ, завѣдывавшій дворцовой полиціей, ввелъ систему внезапныхъ обысковъ, дневныхъ и ночныхъ. Халтуринъ, который уже успѣлъ перенести къ себѣ нѣкоторое количество динамита, въ первый разъ былъ страшно встревоженъ обыскомъ. Ночью, когда уже всѣ спали, двери подвальнаго помѣщенія вдругъ отворились. Полковникъ въ сопровожденіи жандармовъ быстро входитъ. Звукъ шпоръ, бряцаніе сабель, наконецъ приказаніе полковника встать—разбудили столяровъ. Халтуринъ считалъ себя погибшимъ. Не зная еще о систематическихъ обыскахъ, только что введенныхъ, онъ, конечно, могъ отнести ночное посѣщеніе только на свой счетъ. А у него лежалъ подъ подушкой динамитъ. Однако дѣло обошлось благополучно. Порывшись слегка въ вещахъ рабочихъ, заглянувши въ разные углы, охранители царскаго жилища съ такимъ же громомъ, звономъ и сверканьемъ удалились для обыска другихъ помѣщеній, а Халтуринъ только тутъ повѣрилъ, что онъ еще не провалился. Съ тѣхъ поръ обыски въ разное время стали повторяться все чаще. Но такъ какъ они большею частью были довольно поверхностны, то Халтуринъ ихъ еще не очень боялся. Гораздо хуже было то, что обыску стали подвергать всѣхъ рабочихъ, возвращающихся во дворецъ изъ какихъ либо отлучекъ. Какъ при такихъ усло-

віяхъ переносить на себѣ динамитъ? Вообще свободный входъ и выходъ всякой прислуги чрезвычайно стѣснили. Всѣ, живущіе въ дворцѣ, обязаны были постоянно имѣть при себѣ значокъ (мѣдная бляха), отлучки контролировались, возвращающіеся обыскивались. Посѣщенія постороннихъ стали невозможны.

При такихъ-то условіяхъ нужно было переносить во дворецъ динамитъ и устраивать мину. Желябовъ [1]) смѣнившій Квятковскаго въ сношеніяхъ Халтурина съ Исп. Ком., лихорадочно торопилъ дѣло минированія; но оно все-таки подвигалось черепашьимъ шагомъ. Не было никакой возможности проносить динамитъ иначе, какъ небольшими кусками, каждый разъ изобрѣтая разныя хитрости, чтобы избѣжать осмотра или обмануть бдительность осматривающихъ. Съ другой стороны, нельзя было и отлучаться изъ дворца слишкомъ часто. При всемъ желаніи покончить, наконецъ, съ такимъ мучительнымъ положеніемъ, Халтуринъ могъ наполнять свою мину только очень медленно. Впрочемъ, въ сущности это вовсе и не была мина, потому что, при существовавшихъ тогда условіяхъ, Халтуринъ не могъ сдѣлать почти никакихъ приспособленій для направленія силы взрыва. Онъ сперва держалъ свой динамитъ просто подъ подушкой, испытывая отъ этого страшныя головныя боли. Извѣстно, что нитроглицеринъ—вещество крайне ядовитое, довольно сильно испаряется и отравляетъ кровь даже черезъ вдыханіе этихъ испареній, производя нервное разстройство и головныя боли, которыхъ ничѣмъ нельзя облегчить. Потомъ, когда динамиту набралось много, Халтуринъ перемѣстилъ его въ свой сундукъ, заложивши разными вещами. Такимъ образомъ роль мины игралъ простой сундукъ. Затѣмъ по совѣту техниковъ Халтуринъ придвинулъ его возможно ближе къ углу между двумя капитальными стѣнами, чтобы имѣть наиболѣе шансовъ обрушить столовую. Для воспламененія динамита сразу было рѣшено прибѣгнуть къ трубкамъ, начиненнымъ особымъ составомъ, который могъ горѣть при отсутствіи воздуха. Само собою разумѣется, трубки были расчитаны на то время, которое требовалось для того, чтобы выйти изъ дворца въ столько-то минутъ. Вотъ и всѣ не-

[1]) По тѣмъ же свѣдѣніямъ, переданнымъ со словъ Халтурина.

хитрыя приспособленія, какія возможно было сдѣлать. Что же касается помѣщенія мины въ стѣну и т. п., то объ этомъ не стоило даже фантазировать. Риску на каждомъ шагу и въ каждую секунду и безъ того было достаточно.

Вообще положеніе Халтурина было самое непріятное. Постоянно слѣдя за собою и всѣмъ окружающимъ, ему нужно было въ то же время тщательно скрывать свое напряженное душевное состояніе, казаться беззаботнымъ. Между тѣмъ Халтуринъ отъ природы былъ человѣкъ крайне нервный и впечатлительный. Чахотка, которая развивалась у него все больше, еще усиливала эту нервность, не говоря уже о томъ, что самое положеніе, безпрерывная опасность, безпрерывная хитрость, безпрерывный переходъ отъ тревоги къ надеждѣ,—все это страшно раздражало нервы. Нужно было постоянное напряженіе всѣхъ силъ воли для того, чтобы не выдавать своего волненія и всей внутренней душевной борьбы. Во что обошлась Халтурину эта игра, про то зналъ только онъ одинъ. Но въ концѣ концовъ онъ выдержалъ роль превосходно. Подозрительность носилась въ дворцовомъ воздухѣ, всеобщая мнительность готова была привязаться къ малѣйшему обстоятельству. Но Халтурина никто все-таки не заподозрилъ. Даже жандармъ, поселенный въ одной комнатѣ со столярами, почувствовалъ къ Халтурину особенную симпатію и все обучалъ его «благородному обхожденію». «Ну что ты руки въ затылокъ тычешь? выговаривалъ онъ,—съ тобой господинъ полковникъ говорятъ, а ты руку въ затылокъ. Эхъ ты, деревня! Нужно, братецъ ты мой, по благородному»... Жандармъ, впрочемъ, имѣлъ свои виды: онъ помышлялъ о приличной партіи для своей дочери и остановилъ выборъ на молодомъ столярѣ. Халтуринъ не отказывался прямо, хотя и не поощрялъ намеки старика. Вообще же эта неожиданная исторія сослужила ему хорошую службу. Впрочемъ, Халтурина и безъ того никто не заподозривалъ. По прежнему ему поручались работы въ царскихъ комнатахъ. Дѣлалось это, конечно, въ отсутствіи царя, но однажды случилось, что царь возвратился не въ срокъ. Халтурина не успѣли вывести, и Александръ II неожиданно столкнулся съ своимъ врагомъ. Это былъ единственный случай встрѣчи ихъ за все время, но онъ все-таки показалъ Халтурину, какъ далеки во дворцѣ отъ всякихъ подозрѣній относительно него. А между

тѣмъ разговоры о соціалистахъ (ихъ такъ и называли тамъ) шли между полиціей и прислугой постоянно. Жандармы часто напоминали рабочимъ о злоумышленникахъ, о планѣ, найденномъ у Квятковскаго, и внушали, что нужно смотрѣть въ оба, что крестъ стоялъ на планѣ не даромъ и во дворцѣ навѣрное гдѣ-нибудь кроется измѣна. Эти рѣчи возбуждали всеобщую подозрительность, хотя, надо сказать, соціалисты рисовались нижнимъ этажамъ дворца въ довольно фантастическомъ свѣтѣ. «Вотъ хотѣлось бы взглянуть на кого-нибудь изъ нихъ, говоритъ, напримѣръ, одинъ служитель; хоть бы встрѣтить на улицѣ, что-ли!»—«Да вѣдь какъ же ты его узнаешь?—возражалъ Халтуринъ, развѣ на немъ написано?»—„Не узнаешь? Эхъ ты, деревня. Его сейчасъ видно. Онъ, братъ, идетъ, такъ сторонись. Того гляди пырнетъ. Ничего не боится, глядитъ высоко, видъ у него отчаянный. Его, братъ, сразу признаешь!“ По такимъ примѣтамъ, разумѣется, не легко было узнать Халтурина, и онъ продолжалъ свое дѣло при общемъ довѣріи, получивши даже къ Празднику (на Рождество) 100 руб. награды.

А дѣло уже шло къ развязкѣ. Около трехъ пудовъ динамиту было перенесено въ сундукъ. По разсчетамъ техниковъ этого казалось достаточно для того, чтобы взорвать столовую, не производя въ другихъ частяхъ дворца безполезнаго опустошенія. Вообще со стороны Желябова, слѣдившаго за ходомъ дѣла, постоянно сказывалось желаніе—по возможности умень-шить число жертвъ. Халтуринъ, напротивъ, не хотѣлъ этого принимать въ соображеніе. Онъ доказывалъ, что число жертвъ все равно будетъ огромное. «Человѣкъ 50 перебьешь безъ сомнѣнія,—говорилъ онъ:—такъ ужъ лучше класть побольше динамиту, чтобы хоть люди не даромъ пропадали, чтобы навѣрное свалить и самого [1]) и не устраивать новаго покушенія». Страшный рискъ при переноскѣ динамита и постоянно усиливающаяся строгость надзора во дворцѣ заставили однако дѣйствительно торопиться. Сверхъ того были даже слухи, что столяровъ переведутъ куда-то. Мнѣніе Желябова естественно, въ силу обстоя-

[1]) Эти свѣдѣнія передаются въ одинаковомъ смыслѣ со словъ и Желябова, и Халтурина. Халтуринъ всегда потомъ жаловался, что его не послушали и испортили дѣло.

тельствъ, восторжествовало. Рѣшено было дѣйствовать при данномъ количествѣ динамита, какъ только представится случай.

Благопріятный случай этотъ требовалъ совпаденія двухъ обстоятельствъ. Нужно, чтобы царь находился въ столовой, а Халтуринъ въ подвалѣ—безъ всякаго надзора. Въ столовой царь обѣдалъ ежедневно, хотя съ нѣкоторыми колебаніями во времени, такъ съ полчаса раньше или позже. Что касается столяровъ и жандарма, то ихъ отсутствіе зависѣло отчасти отъ распредѣленія дежурства въ работѣ, отчасти же отъ простой случайности. Совпаденіе всѣхъ этихъ благопріятныхъ условій происходило однако не такъ часто, и когда въ началѣ февраля Халтуринъ долженъ былъ «дѣйствовать», то нѣсколько дней испытывалъ постоянныя неудачи. Онъ въ это время каждый день, послѣ времени предполагаемаго взрыва, долженъ былъ видѣться съ Желябовымъ, чтобы сообщить объ исходѣ, такъ какъ въ случаѣ неудачи ему слѣдовало скрыться при помощи Желябова. Они встрѣчались на площади, въ темнотѣ, не всегда здороваясь. Халтуринъ, мрачный и злой, проходилъ быстро мимо, произнося нервнымъ шопотомъ: «нельзя было»...., «ничего не вышло»..... Эти отвѣты Желябовъ слышалъ нѣсколько дней подрядъ. Наконецъ, 5 февраля Халтуринъ, замѣчательно спокойный, поздоровался съ нимъ и, словно фразы изъ самаго обычнаго разговора, произнесъ «готово» [1])..... Черезъ секунду страшный грохотъ подтвердилъ его слова. Мину взорвало. Огни во дворцѣ потухли. Черная адмиралтейская площадь стала какъ будто еще темнѣе. Но что скрывалось за этой темнотой тамъ—на другомъ концѣ площади? Живъ ли онъ, для котораго пожертвовано столько жизней? Ни Желябовъ, ни Халтуринъ не могли ждать разъясненій, несмотря на жгучее любопытство. Ко дворцу сходились люди, прибѣжали пожарные. Что-то выносили оттуда: это были трупы и раненые. Ихъ казалось ужасно много. Но что съ самимъ виновникомъ этой бойни, съ Александромъ II? Желябовъ и Халтуринъ быстро удалились. Для послѣдняго уже готово было вѣрное убѣжище, насколько, конечно, они вообще существуютъ въ Россіи. И только по прибытіи туда нервы Халтурина

[1]) Все это передано со словъ Желябова, который былъ просто восхищенъ самообладаніемъ Халтурина.

будто сразу размякли. Усталый, больной, онъ едва могъ стоять и только немедленно справился, есть ли въ квартирѣ достаточно оружія. «Живой я не отдамся»—,говорилъ онъ. Его успокоили: квартира была защищена такими же динамитными бомбами.

Извѣстіе о томъ, что царь спасся, подѣйствовало на Халтурина самымъ угнетающимъ образомъ. Онъ свалился совсѣмъ больной, и только разсказы о громадномъ впечатлѣніи, произведенномъ 5 февраля на всю Россію, могли его нѣсколько утѣшить, хотя никогда онъ не хотѣлъ примириться со своею неудачею и простить Желябову то, что онъ называлъ его ошибкой [1]).

Послѣ 5 февраля онъ продолжалъ дѣйствовать болѣе 2 лѣтъ. Пробовалъ онъ вернуться къ своему «рабочему дѣлу». Но логика разъ принятаго способа дѣйствій ставила свои неотразимыя требованія. Степанъ снова пошелъ на «терроръ». Извѣстно участіе его въ убійствѣ Стрѣльникова [2]).

Еще будучи кіевскимъ военнымъ прокуроромъ, Стрѣльниковъ обратилъ на себя вниманіе какъ правительства, такъ и революціонеровъ безчисленными обысками, арестами безъ разбора, циническимъ нахальствомъ, съ которымъ онъ обращался съ арестованными, осыпая ихъ безсмысленными клеветами и до суда, и на судѣ.—«Достаточно одного моего убѣжденія въ вашей виновности»,—говорилъ Стрѣльниковъ, не находя ни одной улики противъ арестованнаго:—«судъ на все будетъ смотрѣть моими глазами». И приговоры кіевскихъ судовъ того времени, въ особенности же казнь 19-лѣтняго Розовскаго за то только, что онъ не захотѣлъ выдать лицо, давшее ему прокламацію, послужили блистательнымъ подтвержденіемъ словъ прокурора Стрѣльникова: Судъ дѣйствительно на все смотрѣлъ его глазами.

Осенью 1881 года Стрѣльниковъ былъ назначенъ царемъ производить дознанія по политическимъ преступленіямъ на всемъ югѣ Россіи. Снабженный чрезвычайными полномочіями и правомъ помимо генералъ-губернаторовъ прямо сноситься съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и даже съ самимъ царемъ, Стрѣльниковъ развернулся. Полетѣли телеграммы и приказы объ арестахъ. По желѣзнымъ дорогамъ, на пароходахъ и на почтовыхъ

[1]) Календарь «Народной Воли», стр. 41—48.
[2]) Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи, стр. 88.

тройкахъ отовсюду свозили арестованныхъ; тюрьмы быстро переполнились; жандармы выбились изъ силъ. «По цѣлымъ недѣлямъ глазъ не смыкали», — жаловался одинъ жандармъ, вспоминая объ этомъ «горячемъ» времени. Забирали огульно всѣхъ, чья фамилія такъ или иначе стала извѣстна Стрѣльникову: студентовъ, рабочихъ, частныхъ лицъ, отцовъ и матерей семействъ и молодежь обоего пола, часто не вышедшую еще изъ дѣтскаго возраста. На дѣтей Стрѣльниковъ набрасывался съ особенной жестокостью, ругался и кричалъ на допросахъ, запугивалъ казнью, читалъ подложныя показанія товарищей, уличавшія ихъ въ неслыханныхъ преступленіяхъ, и наименѣе стойкихъ доводилъ до слезъ, до истерики, до отчаянія. Арестовываютъ, напримѣръ, совсѣмъ молодую дѣвушку за какую-то невиннѣйшую переписку. На допросахъ Стрѣльниковъ обѣщаетъ ей висѣлицу «за ея преступленія», изложенныя въ показаніяхъ такого-то и такого-то (называютъ фамилію), а затѣмъ къ потрясенной, измученной допросомъ дѣвушкѣ подсылаютъ тюремнаго смотрителя, который съ самымъ сострадательнымъ видомъ говоритъ ей о страшной участи, ее ожидающей, о страданіяхъ ея семьи и друзей и отечески совѣтуетъ ей во всемъ сознаться... Стрѣльниковъ производилъ надъ арестованными и другіе эксперименты: выпускалъ на волю, опять арестовывалъ, снова выпускалъ и такъ дальше. Никогда попытки самоубійства не были такъ часты между арестованными, какъ во время производства имъ дознаній.

18 марта 1882 г. Стрѣльниковъ, пообѣдавши по обыкновенію во французскомъ ресторанѣ, вышелъ на бульваръ для обычной послѣобѣденной прогулки и, пройдясь нѣсколько разъ по средней аллеѣ, сѣлъ на скамейку у прохода изъ крайней аллеи на среднюю, отъ которой она отдѣляется изгородью, окружающей рядъ деревьевъ. Рядомъ съ нимъ сѣлъ одинъ подозрительный субъектъ, который въ Новороссійскомъ университетѣ выдавалъ себя то за студента Энгельгарда, то за вольнослушателя Смирнова. Когда Желваковъ, все время слѣдившій за Стрѣльниковымъ, подходилъ къ скамейкѣ, нащупывая въ карманѣ револьверъ, Стрѣльниковъ всталъ и пересѣлъ на сосѣднюю скамейку, оглядывая въ полоборота среднюю аллею. Желваковъ остановился у конца изгороди, за которой сидѣлъ Стрѣльниковъ, вынулъ револьверъ и, прицѣлившись въ правую сторону затылка, спустилъ курокъ. Голова Стрѣльни-

кова мгновенно склонилась на правый бокъ и оперлась о спинку скамейки. Публика такъ и замерла на мѣстѣ: никто не шевельнулся даже и тогда, когда черезъ мгновеніе на крайней аллеѣ появился человѣкъ съ револьверомъ въ рукѣ и, перепрыгнувъ черезъ изгородь, пустился внизъ по крутому спуску къ Гаванной улицѣ. Онъ поравнялся уже со зданіемъ думы, когда Смирновъ подбѣжалъ къ краю аллеи и, махая руками, сталъ кричать внизъ: «ловите! держите!... Убили среди бѣла дня!» Тогда ожила и публика на бульварѣ; послышались голоса: «за докторомъ!»... Одна барыня рѣшилась даже подойти къ Стрѣльникову и приложить платокъ къ ранѣ, но ея заботы оказались напрасными: онъ былъ уже мертвъ. Черезъ нѣсколько минутъ появился Гурко (роковая скамейка стоитъ какъ разъ противъ его дворца) и воскликнувъ: «какіе безпорядки»!, приказалъ отнести еще теплый трупъ Стрѣльникова въ ближайшую гостинницу. Появилась, наконецъ, и полиція, начавшая свою дѣятельность съ отобранія адресовъ у присутствующихъ.

Желваковъ между тѣмъ бѣжалъ внизъ, отстрѣливаясь отъ нагонявшихъ его или пытавшихся преградить ему путь. Всѣ, кто видалъ этотъ бѣгъ и эту необычайную защиту на узкомъ и крутомъ спускѣ, не могли хладнокровно говорить о силѣ, ловкости и самообладаніи молодого героя. Выпустивъ всѣ заряды изъ двухъ револьверовъ, онъ выхватилъ кинжалъ и, продолжая отбиваться, приближался все болѣе къ бѣлой лошади, запряженной въ пролетку, на которой поджидалъ его Халтуринъ у конца узкаго спуска, выходящаго на Гаванную улицу. Между тѣмъ внизу передъ спускомъ собралась уже куча прохожихъ. Они не знали, конечно, что совершилось тамъ наверху, но съ изумленіемъ смотрѣли на несущагося къ нимъ вооруженнаго человѣка, поранившаго уже многихъ, пытавшихся его задержать. Имъ скоро стала замѣтна цѣль этого отчаяннаго бѣга; многіе бросились къ выходу спуска, чтобы въ этомъ узкомъ мѣстѣ задержать бѣгущаго и окружили пролетку. Въ эту критическую минуту Халтуринъ, убѣдившись, что Желвакову пробиться къ пролеткѣ невозможно, соскочилъ съ нея и, выхвативъ револьверъ, хотѣлъ поспѣшить на помощь товарищу, но на первыхъ шагахъ онъ споткнулся. Приказчикъ изъ угольнаго склада, околодочный надзиратель и нѣсколько карантинныхъ рабочихъ бросились его

задержать. «Оставьте! я соціалистъ! я за васъ!»,—крикнулъ Халтуринъ. Рабочіе инстинктивно остановились. «Чтобы ты такъ жилъ, какъ ты за насъ!»,—отвѣчалъ приказчикъ, здоровенный негодяй, вмѣстѣ съ околодочнымъ всею тяжестью навалившійся на Халтурина. «Конечно, не за такихъ мерзавцевъ, какъ ты, а за рабочій несчастный народъ!»,—проговорилъ тотъ, съ трудомъ переводя дыханіе. Подоспѣвшая полиція помогла имъ связать Халтурина, звѣрски скрутивъ ему руки глубоко впившимися въ тѣло веревками.

Желваковъ увидалъ, что дѣлается около пролетки, и, почти у самаго прохода, свернулъ въ сторону по направленію къ Карантинной площади, все продолжая бѣжать, хотя силы, должно быть, уже начинали оставлять его. Столкнувшись съ чиновникомъ Игнатовичемъ, тоже бросившимся преграждать ему путь, онъ пріостановился немного; тогда погоня мгновенно окружила его, обезоружила, повалила и связала. Обоихъ арестованныхъ тотчасъ же увезли въ полицію.

Постепенно распространяясь съ бульвара, вѣсти дошли и до нижнихъ улицъ. Сперва разнорѣчивыя: «Стрѣльниковъ убитъ!» «Градоначальника пристрѣлили!»—«Самого Гурко». Но къ ночи всюду было уже извѣстно, что убійство «политическое», и убитъ именно Стрѣльниковъ. Отношеніе тотчасъ же измѣнилось: «если бы знали, отбили бы»—говорили карантинные рабочіе. Говорятъ, даже самъ Игнатовичъ заболѣлъ отъ угрызенія совѣсти, что помогъ задержать убійцу Стрѣльникова. Въ городѣ стало замѣтно возбужденіе. Одни спѣшили на бульваръ посмотрѣть мѣсто происшествія, кровь, скамейку; другіе толпились у полиціи, куда привезли арестованныхъ. Сочувственное отношеніе къ событію можно было подмѣтить повсюду.

Полиція вся на ногахъ. Пѣшіе и конные патрули попадаются на каждомъ шагу. По тротуару передъ зданіемъ полиціи запрещено ходить; сюда то и дѣло подъѣзжаютъ предержащія власти: генералъ-губернаторъ, градоначальникъ и другіе, а въ самомъ зданіи идутъ допросы. Желваковъ отказался отвѣчать, пока ему не скажутъ, убитъ ли Стрѣльниковъ. «Убитъ»,—отвѣчали ему.—«Ну, теперь дѣлайте со мной, что хотите». Допросы ни къ чему не приводили. Узнали, гдѣ была куплена лошадь, узнали и квартиры арестованныхъ, такъ какъ при нихъ были

паспорта, но ни ихъ личности, ни настоящія фамиліи констатированы не были. Поздно ночью подъ сильнымъ конвоемъ ихъ перевезли въ тюрьму и помѣстили въ подвальномъ этажѣ. Допросы шли безпрерывно, и до самой казни арестованнымъ не дали ни одного часа отдыха. По городу шли слухи, что ихъ пытали, но фактическихъ доказательствъ этому у насъ нѣтъ.

Въ ночь съ 20 на 21 собрался судъ, невиданный даже и въ Россіи. Вообразите себѣ глухую ночь, неизвѣстное публикѣ мѣсто суда и въ засѣданіи никого кромѣ Гурко, имъ самимъ избранныхъ судей, да подсудимыхъ.

Даже высшіе чины военнаго и судебнаго вѣдомствъ не были допущены. И всетаки намъ извѣстно въ общихъ чертахъ, что происходило на судѣ, что говорили подсудимые. Халтуринъ заявилъ, что пріѣхалъ въ Одессу съ цѣлью заняться организаціей рабочихъ, но въ дѣятельности Стрѣльникова встрѣтилъ сильное препятствіе. Онъ сообщилъ объ этомъ Исполнительному Комитету и получилъ отъ него порученіе организовать убійство Стрѣльникова, что и было имъ выполнено.

Желваковъ, говорятъ, сказалъ: «Меня повѣсятъ, но найдутся другіе, всѣхъ вамъ не перевѣшать. Отъ ожидающаго васъ конца ничто не спасетъ васъ!»

Изъ Гатчины было получено предписаніе немедленно повѣсить убійцъ Стрѣльникова, и въ виду такой поспѣшности Гурко рѣшилъ, не безпокоя Фролова, выбрать палача изъ содержавшихся въ Одесской тюрьмѣ приговоренныхъ къ каторгѣ арестантовъ. Интересны подробности этого выбора.

Вѣсть о томъ, что Стрѣльниковъ убитъ, и арестованные убійцы привезены въ тюрьму, быстро разнеслась между уголовными арестантами. Фактъ убійства былъ встрѣченъ всеобщимъ одобреніемъ, а арестованные вызвали живѣйшее сочувствіе, особенно Желваковъ своимъ удальствомъ и молодостью. Поэтому предложеніе повѣсить, за извѣстное вознагражденіе, убійцъ Стрѣльникова, было встрѣчено арестантами рѣшительнымъ отказомъ. Нѣкоторые выражали его въ самой рѣзкой формѣ: «Да не сойти мнѣ съ этого мѣста, подохнуть мнѣ совсѣмъ, если я ихъ хоть на столько трону», «Скорѣе всѣхъ генераловъ передушу, чѣмъ ихъ хоть мизинцемъ трону!»—слышалось въ отвѣтъ на позорное предложеніе.

Наконецъ напали на одного, который видимо началъ колебаться, прельщеный обѣщаніями льготъ и подарковъ. «Я только вѣшать не умѣю»,—отговаривался еще онъ. «Ну это пустяки»,—возражали ему:—«вѣшать докторъ (тюремный врачъ Розенъ) подучитъ».

Палачъ былъ наконецъ найденъ, и казнь назначена на разсвѣтѣ 22 марта.

Ни о судѣ, ни о приговорѣ, ни о самой казни общество не должно было знать раньше, чѣмъ все будетъ кончено, но тѣмъ не менѣе при повѣшеніи требовалось присутствіе его представителей. Эта диллема была разрѣшена слѣдующимъ образомъ: двумъ-тремъ благонадежнымъ гласнымъ думы и извѣстному редактору «Новороссійскаго телеграфа», Озмидову, былъ посланъ лаконическій приказъ: явиться въ 5 час. утра къ городскому головѣ. Несчастные представители гласности провели очень тревожную ночь и на разсвѣтѣ явились къ Маразли (городскому головѣ), который и повезъ ихъ прямо въ тюрьму.

Въ 6 часовъ вывели Халтурина и Желвакова. Послѣдній быстро взошелъ по ступенькамъ на эшафотъ и пересчиталъ ихъ: «14, о, какъ высоко!»—сказалъ онъ. Самъ надѣлъ петлю на шею и повисъ. Чахоточнаго, больного Халтурина должны были поддерживать. Слишкомъ много выпившій для бодрости палачъ долго возился, надѣвая на него петлю, нѣсколько разъ поправлялъ ее. Благодаря его неумѣлости, Халтуринъ страшно долго мучился, прежде чѣмъ былъ окончательно задушенъ. Полицеймейстеръ, присутствовавшій при казни, отвернулся, чтобы не видѣть его судорогъ, а офицеру, распоряжавшемуся процедурой, сдѣлалось дурно.[1]).

---

[1]) «На родинѣ», № 3, стр. 52-59. Женева. 1883.

Историческое подготовленіе русской соціалъ-демократіи.

(Страничка изъ исторіи русской соціалистической мысли).

ВВЕДЕНІЕ.

Отказываемся-ли мы отъ наслѣдства?

Противники соціалдемократовъ въ полемикѣ съ ними часто старались представить дѣло въ такомъ свѣтѣ, будто ихъ программа представляетъ не продуктъ, естественно выросшій на русской почвѣ, а состоитъ изъ элементовъ, извнѣ принесенныхъ и доктринерски навязанныхъ русскому революціонному движенію. Въ вульгарномъ выраженіи эта мысль гласитъ, что соціалдемократическая программа «добросовѣстно переведена съ нѣмецкаго». О противникахъ нечего и говорить,—самое положеніе вынуждаетъ ихъ быть тенденціозными и несправедливыми. Но совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ нѣкоторыми друзьями, которые также думаютъ, что соціалъ-демократическое движеніе вовсе не связано естественными узами съ предыдущимъ революціоннымъ развитіемъ, а составляетъ чье-нибудь личное открытіе, внѣ связи съ предшествующей исторіей революціонной мысли, примѣненное (хотя и справедливо и удачно) къ родной жизни. Какъ это ни грустно, а нужно признаться, что для значительной части молодого поколѣнія «порвалась цѣпь великая», своими звеньями связывавшая различныя стадіи, чрезъ которыя прошла русская революціонная мысль. Объясняется это, конечно, условіями, въ которыхъ приходится расти и развиваться русскому революціонеру, и это печаль-

ное, но неизбѣжное явленіе подало поводъ нѣкоторымъ людямъ утверждать, будто соціалъ-демократы отказываются отъ наслѣдства, завѣщаннаго имъ ихъ предшественниками. Это, конечно, неправда [1]).

Развитіе революціонной мысли въ Россіи представляетъ органическій процессъ, въ которомъ одно явленіе естественно связано съ другимъ и въ которомъ каждая данная стадія логически вытекаетъ изъ предыдущей. Всякая дѣятельность сопряжена съ нѣкоторыми ошибками и промахами, всякій новый методъ ведетъ вначалѣ къ извѣстнымъ увлеченіямъ и односторонностямъ, но въ теченіи событій крайности сглаживаются, ложные элементы погибаютъ, а вѣрные развиваются дальше. Величайшимъ критикомъ является въ данномъ случаѣ жизнь; правда, ея критика бываетъ порою безпощадна, и опытъ покупается цѣной слишкомъ многихъ жертвъ, но зато уроки жизни необходимы; пройдя черезъ горнило житейскаго испытанія, идея крѣпнетъ и превращается въ непоколебимое убѣжденіе. Если такая точка зрѣнія далека отъ всякихъ упрековъ какому бы то ни было направленію, которое (уже потому, что оно существовало) соотвѣтствовало, въ большей или меньшей степени, извѣстной исторической обстановкѣ, то она въ тоже время не допускаетъ старовѣрческаго упорства и коснѣнія на разъ занятой позиціи. Въ предлагаемой брошюрѣ я хотѣлъ показать, что соціалъ-демократія есть нормальный и неизбѣжный продуктъ всего русскаго соціалистическаго движенія, что она дала отвѣтъ на назрѣвшіе и настоятельно требовавшіе своего разрѣшенія вопросы. Къ началу восьмидесятыхъ годовъ основныя положенія с.-дем. программы были уже готовы, правда, въ болѣе или менѣе неопредѣленной формѣ; ихъ оставалось только развить и дополнить, и группѣ «Освобожденіе Труда» принадлежитъ эта заслуга. Народничество (въ широкомъ смыслѣ) завѣщало намъ ставить во главу угла интересы народной массы и въ самой этой массѣ искать и организовать элементы

[1]) Слѣдуетъ, въ интересахъ истины, отмѣтить, что и въ рядахъ самихъ соціалъ-демократовъ находились люди, готовые съ легкимъ сердцемъ отказаться отъ «наслѣдства»... Происходило это, между прочимъ, отъ совершеннаго незнакомства съ историческимъ развитіемъ русскаго соціалистическаго движенія.

для рѣшенія соціально-политическихъ задачъ, оно же, подъ конецъ, отвело подобающее мѣсто городскому рабочему классу. «Народная Воля» выдвинула впервые вопросъ о необходимости политической борьбы для русскихъ соціалистовъ. Отъ этого наслѣдства соціалъ-демократы не отказываются, они приняли его цѣликомъ. Правда, они привнесли сюда кое-что и свое, но хорошему наслѣднику и подобаетъ пріумножать доставшееся ему наслѣдство.

I.

Зарожденіе русскаго соціализма.

Можно сказать, что въ той или иной формѣ революціонное движеніе никогда не прекращалось въ Россіи съ конца 50-хъ годовъ XIX столѣтія. Временно затихая и мельчая, оно взмывало высокой и широкой волной въ моменты общественнаго подъема, то усиливаясь параллельно съ ростомъ общественной оппозиціи, то опережая ее въ своемъ бѣгѣ. Послѣдняя же крѣпла и черпала свою силу изъ всѣхъ обстоятельствъ, содѣйствовавшихъ паденію правительственнаго престижа, а въ томъ числѣ (какъ, напримѣръ, въ семидесятые годы) также изъ энергіи революціонной борьбы. Всякая крупная неудача во внѣшней политикѣ (а эта область до сихъ поръ остается ахиллесовой пятой русскаго абсолютизма), всякія бѣдствія, охватывающія (фатально и спорадически) значительныя пространства земли русской, содѣйствовали ослабленію правительственнаго авторитета, разоблачали всю гниль и испорченность бюрократическаго хозяйничанья въ странѣ и придавали оппозиціи новыя силы и смѣлость. Такое дѣйствіе на соціальную жизнь Россіи послѣдовательно оказали крымскій погромъ, недочеты реформы 61-го года, самарскій голодъ, неудачи нашей арміи во время русско-турецкой войны и обнаружившіяся при этомъ злоупотребленіи, наконецъ, неурожай и голодъ 1891—92 годовъ. Но въ то время, какъ либеральная оппозиція никогда не могла всецѣло оправиться отъ своего пораженія въ 60-хъ годахъ и каждый разъ возрождалась во все болѣе и болѣе слабой формѣ, въ то время какъ ей ни разу не удалось снова проявить того широкаго размаха, который характеризуетъ либеральный Sturm und Drang-Period «эпохи великихъ реформъ», русское революціон-

ное движеніе, каждый разъ какъ Фениксъ возрождаясь изъ пепла, обнаруживаетъ такую живучесть, что реакція, при всѣхъ находящихся въ ея рукахъ репрессивныхъ средствахъ, не можетъ тѣшить себя надеждой на окончательную побѣду. Русское оппозиціонное движеніе быстро пробѣгало свой циклъ развитія, логически переходя въ крайнее революціонное движеніе, принимавшее, смотря по историческимъ условіямъ, ультра-демократическій и соціалистическій характеръ. И даже когда само оппозиціонное движеніе, давшее первоначальный толчокъ движенію революціонному, затихало и гасло, это революціонное движеніе продолжало свою работу, брало на себя осуществленіе тѣхъ пунктовъ общеоппозиціонной программы, которые соотвѣтствовали требованіямъ народныхъ интересовъ и прогрессивной эволюціи Россіи, но углубляло, расширяло и доводило ихъ до крайнихъ выводовъ, мало того, путемъ отраженнаго дѣйствія оно само, какъ уже замѣчено, придавало силу и смѣлость либеральной оппозиціи, какъ, напр., въ концѣ 70-хъ годовъ.

Элементы новаго общества начинаютъ зарождаться въ нѣдрахъ стараго строя почти одновременно, причемъ возникаютъ въ различныхъ степеняхъ развитія сразу зародыши высшихъ, среднихъ и низшихъ слоевъ новаго общества. Такъ, въ нѣдрахъ крѣпостного, докапиталистическаго строя Россіи начали уже складываться къ концу XVIII-го и началу XIX-го вѣка зачатки новой формаціи землевладѣльцевъ оперирующихъ свободнымъ наемнымъ трудомъ или склонныхъ организовать свое хозяйство на началахъ вольно-наемнаго труда; далѣе, начинала складываться и развиваться торгово-промышленная буржуазія и сопутствующая ей интеллигенція въ широкомъ смыслѣ этого слова, и, наконецъ, въ связи съ развитіемъ буржуазіи, показались первыя ласточки пролетаріата, въ видѣ низшаго слоя городского мѣщанства и оброчныхъ крестьянъ. Понятно, что возникшая благодаря процессу соціальнаго превращенія оппозиція должна была такъ или иначе, въ большей или меньшей степени, болѣе или менѣе сознательно отражать и выражать интересы и стремленія различныхъ нарождающихся общественныхъ элементовъ.

Уже въ заговорѣ декабристовъ мы замѣчаемъ проявленіе интересовъ и стремленій различныхъ общественныхъ группъ. Собственно говоря, общественное движеніе, приведшее къ возста-

нію декабристовъ, включало въ себѣ требованія весьма отличныхъ другъ отъ друга, а иногда даже противоположныхъ общественныхъ группъ и интересовъ, которые, при дальнѣйшемъ естественномъ развитіи движенія, неизбѣжно должны были разойтись въ разныя стороны. Такъ, мы находимъ тамъ чисто-дворянское реформистское теченіе, мирившееся даже съ сохраненіемъ крѣпостного права; болѣе рѣзко выраженную либерально-конституціонную струю; далѣе, крайне-революціонныя демократическія политическія тенденціи, доходившія до принципіальнаго отрицанія монархіи и провозглашенія республики единственно соотвѣтствующей національнымъ интересамъ государственной формой; и, наконецъ, лѣвое крыло республиканской фракціи, ставившее своей задачей экономическія преобразованія въ интересахъ трудящихся массъ и доходившее въ этомъ отношеніи до геніальныхъ проблесковъ политической дальновидности и уже тогда смотрѣвшее на общинное землевладѣніе, какъ на ячейку совершенно новаго, народнаго соціальнаго уклада. Эти разнородные элементы связывались пока воедино совмѣстной борьбой противъ всѣмъ ненавистнаго самодержавія, съ одной стороны, и неразвитіемъ соціальной жизни, а слѣдовательно, и общественныхъ отношеній, съ другой.

Съ дальнѣйшимъ развитіемъ русской общественной жизни, диференцировавшимъ первобытный хаосъ соціальныхъ туманностей и постепенно выдѣлявшимъ изъ него различные и болѣе рѣзко отграниченные соціальные элементы, диференцировалась также и общественная оппозиція, распадаясь на рядъ ручейковъ, иногда параллельныхъ, иногда же расходившихся въ разныя стороны. Въ сороковые годы, въ эту эпоху россійскаго умственнаго ренессанса, который являлся предвѣстникомъ общественно-политическаго ренессанса конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ, въ сороковые годы XIX столѣтія процессъ разслоенія оппозиціи сдѣлалъ большой шагъ впередъ, поставивъ, съ одной стороны, славянофиловъ, этихъ предтечей различныхъ консервативныхъ и національно-либеральныхъ тенденцій русской буржуазіи, съ другой—западниковъ, первыхъ опредѣленныхъ выразителей русскаго либерализма, къ которымъ въ то время тѣсно примыкали, переплетаясь съ ними, предшественники русской революціонной и соціалистической демократіи. Въ движеніи Петрашевцевъ отразилось это

смѣшеніе либерально-реформистскихъ и демократически-революціонныхъ элементовъ, смѣшеніе, пожалуй, въ исторіи—послѣднее.

Когда крымскій разгромъ далъ возможность проявиться накопившимся въ русскомъ обществѣ соціальнымъ силамъ, то обнаружилось, что успѣхи соціальнаго развитія повели къ значительной дифференцировкѣ, а отчасти и къ полному расхожденію оппозиціонныхъ элементовъ. Отъ либеральной партіи отдѣляется демократическое теченіе, все болѣе и болѣе укрѣпляющееся и, наконецъ, остающееся на аренѣ политической борьбы единственнымъ активнымъ борцомъ противъ деспотизма и единственнымъ представителемъ и защитникомъ народныхъ интересовъ. Эта демократія быстро группируетъ вокругъ своего знамени огромное большинство революціонной интеллигенціи.

Если русскій либерализмъ оказался не въ силахъ добиться цѣльнаго осуществленія своей программы, если ему не удалось принудить правительство къ «увѣнчанію зданія», а пришлось удовлетвориться тѣми подачками, которыя извѣстны подъ пышнымъ названіемъ «эпохи великихъ реформъ» и которыя прежде всего имѣли своимъ результатомъ политическое усиленіе самодержавія [1]), то это случилось, во-первыхъ, потому, что тѣ элементы, на которые опирался тогда русскій либерализмъ, и по своей численности, и по своимъ внутреннимъ качествамъ оказались неспособными на рѣшительную борьбу съ самодержавіемъ за свою программу, а во-вторыхъ, потому, что эта программа и по своему содержанію, и по своей формѣ, не могла увлечь за собой широкія массы. Банкротство либерализма, опиравшагося на часть дворянства (извѣстно, что даже крѣпостники требовали конституціи) и часть оперявшейся буржуазіи, обнаружило всю слабость

[1]) Ослабленіе власти и мѣстнаго значенія дворянства, которое въ то время, благодаря своей сословной организаціи и экономическому господству, было единственной силой, способной налагать хоть кое-какую узду на абсолютизмъ и мѣшать превращенію Россіи въ чисто-полицейское государство; усиленіе власти губернаторовъ, представителей абсолютизма въ провинціяхъ; превращеніе исправниковъ, прежде выбиравшихся дворянами, этихъ начальниковъ уѣздной полиціи, въ агентовъ центральной власти; усиленіе извѣстной исторической легенды о «царѣ—батюшкѣ» и проч.

русскаго «средняго класса» и уже по тому одному толкало революціонную интеллигенцію на сближеніе съ народомъ, съ народными массами. А въ такомъ случаѣ либеральная программа оказывалась недостаточной и приходилось строить другую.

Народолюбивую интеллигенцію и революціонную демократію, отстаивавшую интересы трудящейся массы, узко-политическая, а въ экономическомъ отношеніи буржуазная программа либераловъ удовлетворить не могла. По опыту западно-европейскихъ націй демократія знала, что осуществленіе либеральной программы есть начало обостренныхъ страданій народа и только исходный пунктъ для самостоятельной борьбы его за свое освобожденіе отъ гнета капитала. Русская демократія того времени (идеологическомъ выразителемъ которой являлся не «Колоколъ»[1]), а кружокъ «Современника») прекрасно видѣла, что осуществленіе либеральной программы, вѣрнѣе, частичное ея осуществленіе въ видѣ «великихъ реформъ» и главной изъ нихъ, отмѣны крѣпостного права, является, въ данной обстановкѣ и при данныхъ дѣятеляхъ, не началомъ осуществленія народныхъ идеаловъ и народнаго блага, а орудіемъ превращенія Россіи въ буржуазную страну, страну капиталистическую[2]). Она сознавала, что ея мѣсто въ народѣ, къ которому она должна обратиться, чтобы вмѣстѣ съ нимъ добиться уничтоженія самыхъ основъ современнаго порядка и на его развалинахъ водрузить царство будущаго.

Расколъ въ либеральномъ лагерѣ, открытое присоединеніе одной изъ его фракцій, фракціи національ-либеральной съ Катковымъ во главѣ, къ правительству, жалкое отступленіе другой его фракціи, обратившейся къ культурнической дѣятельности, и полнѣйшая неудача крайнихъ либераловъ («Великорусса», «Колокола») окончательно завершили разрывъ между крайней демокра-

---

[1]) До вступленія въ него Бакунина.

[2]) См. интересную брошюру «Правительство и молодое поколѣніе.—По поводу выстрѣла 4 апрѣля 1866 г.» Никифора Г***, Женева, 1866.—«Желаніе добиться такого порядка вещей, при которомъ бы господству капитала и поземельной собственности не полагалось никакихъ предѣловъ, было обще всѣмъ вообще либераламъ (курсивъ автора) либеральнаго періода нашей исторіи. На этомъ желаніи и на его пропагандѣ основанъ былъ весь успѣхъ «Русскаго Вѣстника» (стр. 17).

тіей и либеральнымъ міромъ, которые отнынѣ выступаютъ какъ двѣ совершенно различныя, а иногда и враждебныя силы. И уже тогда либералы вмѣсто того, чтобы объяснить неудачу своихъ стремленій внутренними недостатками своей программы и внѣшней слабостью своихъ партійныхъ силъ, приписывали пораженіе либеральныхъ тенденцій шумливой дѣятельности крайнихъ элементовъ, якобы терроризующихъ общество и правительство.

А эти крайніе элементы, порвавши окончательно съ либеральными планами и чаяніями, самостоятельно выступили на сцену. Подвергая въ литературѣ безпощадной критикѣ всѣ либеральныя увлеченія, надежды и программы, они пытались въ то же время подойти къ народу и въ его живыхъ нѣдрахъ найти ту могучую силу, которая должна была перевернуть вверхъ дномъ всю Россію, уже не во имя либеральнаго «увѣнчанія зданія» и даже не во имя «освобожденія мужика съ землей», а для установленія мужицкаго царства, коренной революціи, устраняющей одновременно и политическій, и экономическій гнетъ. Сложившіеся въ то время революціонные кружки и примыкавшіе къ нимъ элементы, разсѣянные въ средѣ впервые тогда громко заявившей о себѣ «разночинной» интеллигенціи, пытались сблизиться съ народомъ на почвѣ преподаванія въ воскресныхъ школахъ, путемъ пропаганды среди солдатъ [1]), а впослѣдствіи путемъ попытокъ поднять крестьянскіе бунты [2]) посредствомъ распространенія подложныхъ граматъ и манифестовъ.

Въ этотъ историческій моментъ моральнаго и матеріальнаго банкротства либерализма и выступленія русскихъ «радикаловъ» въ видѣ особой фракціи, противоставлявшей себя не только правительству, но и «обществу», произошло окончательное закрѣпленіе перехода русской революціонной интеллигенціи на почву соціализма и полный разрывъ ея съ идеалами стараго, буржуазнаго міра. Въ это время оформился «русскій» соціализмъ, который въ той или иной формѣ налагалъ свою явственную печать на всѣ фазисы нашего соціально-революціоннаго движенія вплоть до возникновенія въ Россіи соціалъ-демократическаго движенія.

[1]) Въ этомъ отношеніи дѣйствовали офицеры, входившіе въ тогдашнее общество «Земля и Воля».

[2]) Стоитъ припомнить «Казанское Дѣло», повлекшее за собою пять смертныхъ казней. (См. «Подпольное Слово», № 2).

Если принять во вниманіе, подъ вліяніемъ какихъ историческихъ условій сложился этотъ русскій соціализмъ, при какихъ политическихъ и общественно-экономическихъ условіяхъ приходилось ему развиваться, на какія соціальныя силы приходилось ему расчитывать, то мы безъ труда поймемъ, что онъ и не могъ вылиться ни въ какую иную форму, кромѣ той, въ какой онъ намъ извѣстенъ. На тогдашней ступени экономическаго развитія страны, при подавляющемъ преобладаніи земледѣльчески-крестьянскихъ массъ, въ большинствѣ случаевъ неграмотныхъ, оторванныхъ не только отъ всемірной исторіи, но и отъ движенія русской общественной жизни; при полномъ почти отсутствіи пролетаріата; при зародышевомъ состояніи промышленной и городской жизни; при полной неспособности рабочихъ массъ не только выставить собственную политическую программу или программу общественныхъ реформъ, но и бороться за программу, выставленную другими общественными элементами—однимъ словомъ, при полномъ почти отсутствіи тѣхъ условій, которыя въ цивилизованныхъ странахъ вызывали и облегчали ростъ соціалистическаго движенія, каковъ могъ быть по своей формѣ и по содержанію русскій соціализмъ начала 60-хъ годовъ, которому приходилось къ тому же идти своимъ собственнымъ путемъ, ощупью и часто безъ теоретической опоры? [1]).

Эти объективныя условія русской дѣйствительности заставили русскихъ соціалистовъ выработать особыя формы теоретическаго обоснованія своей дѣятельности. Тотъ вопросъ, который для западно-европейскихъ соціалистовъ того времени былъ просто теоретически-абстрактнымъ вопросомъ историко-философскаго свойства, а именно вопросъ о томъ, можетъ-ли страна, сохранившая остатки первобытнаго коммунизма, перейти къ соціалистическому укладу, минуя капиталистическую фазу, вопросъ,

[1]) Къ этому нужно еще прибавить, что въ Западной Европѣ того времени «научный соціализмъ» начиналъ только проникать въ сознаніе соціалистовъ—и понадобилась вся кипучая дѣятельность Интернаціонала, чтобы покончить съ господствовавшими тогда въ соціалистической средѣ обрывками и сплавами различныхъ утопическихъ и мелкобуржуазныхъ системъ.

который Марксъ, напр., ставитъ какъ чисто отвлеченный и теоретическій, вродѣ вопроса о различныхъ историческихъ формахъ ренты, для русскихъ соціалистовъ получаетъ значеніе жгучей дѣйствительности, практически-насущнаго вопроса, отъ рѣшенія котораго въ ту или иную сторону зависитъ все направленіе и смыслъ ихъ непосредственной дѣятельности. Правда, не всѣми соціалистами начала 60-хъ годовъ этотъ вопросъ рѣшается или даже ставится сознательно, но кружокъ «Современника», задававшій тонъ тогдашнимъ революціонерамъ и отражавшій ихъ настроеніе, этотъ кружокъ въ статьяхъ незабвеннаго Чернышевскаго отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно. Во всякомъ случаѣ, если такое рѣшеніе не высказывалось всѣми положительно, то оно всѣми чувствовалось, да иначе и быть не могло. Въ реальной жизни совершенно не существовало элементовъ, которые могли бы лечь въ основаніе иной постановки вопроса и обусловить его рѣшеніе въ иномъ смыслѣ. Принужденные строить свое теоретическое зданіе изъ тѣхъ матеріаловъ и на томъ фундаментѣ, которые предлагались имъ тогдашней дѣйствительностью, шестидесятники-соціалисты въ своихъ стремленіяхъ и надеждахъ на предстоящее крестьянское возстаніе въ сущности отражали смутныя стремленія и чаянія многомилліонной крестьянской массы и давали имъ только, такъ сказать, обобщенное выраженіе.

Такъ сложилась окончательно національная форма русскаго соціализма, которая красной нитью проходитъ черезъ всѣ послѣдующія теоретическія построенія русскихъ соціалистовъ и, осложняясь различными побочными вліяніями, получая каждый разъ новыя дополненія и поправки подъ вліяніемъ развивающейся жизни, даетъ различныя теоретическія формулировки, къ которыхъ все-таки ясно проглядываетъ основное зерно русскаго соціализма, т. е. надежда на близкое всеобщее возстаніе крестьянства, однимъ ударомъ устраняющее и гнетъ абсолютизма, и зачатки капитализма.

Условія, при которыхъ произошло такъ называемое «освобожденіе крестьянъ», создавали, повидимому, благопріятную почву для такого стихійнаго взрыва, и, по заявленіямъ современниковъ, всеобщее возстаніе крестьянской массы противъ государственнаго порядка и господствующихъ классовъ представлялось тогда всѣмъ чрезвычайно вѣроятнымъ, начиная отъ правитель-

ства и кончая «нигилистами» [1]). Повело ли бы это крестьянское возстаніе, при данныхъ матеріальныхъ и идеологическихъ условіяхъ, къ соціалистическому укладу или какому-нибудь трудовому строю, весьма близкому къ коммунизму, или же оно могло бы послужить только исходнымъ пунктомъ для новаго цикла экономической эволюціи отъ товарнаго производства къ капиталистическому—это другой вопросъ, но несомнѣнно, что если когда-либо исторія представляла какому-нибудь народу благопріятный случай для производства такого опыта, такъ это именно было въ эпоху паденія крѣпостного права въ Россіи. Впослѣдствіи, когда ясно обозначились зародыши новаго экономическаго строя, въ который вступила Россія, подобныя надежды и попытки были только запоздалымъ отголоскомъ.

Невыясненности экономическихъ и соціальныхъ отношеній соотвѣтствовала у революціонныхъ дѣятелей того времени туманность теоретическихъ воззрѣній, особенно экономическихъ взглядовъ. Дѣятели «Молодой Россіи», какъ видно изъ ихъ прокламацій, предполагаютъ существованіе обмѣна въ грядущей «соціальной и демократической республикѣ русской». Зато этотъ недостатокъ компенсируется, повидимому, свободой ихъ отъ тѣхъ крайностей, въ которыя впало послѣдующее народническое движеніе, а именно отъ политическаго индиферентизма. Авторамъ прокламаціи «Молодая Россія» народное движеніе представляется въ видѣ возстанія противъ абсолютной монархіи и замѣны ея республиканскимъ режимомъ, основаннымъ на мѣстномъ самоуправленіи и всеобщей подачѣ голосовъ. «Земля и Воля» начала 60-хъ годовъ прямо заявляетъ, что «единственнымъ источникомъ всѣхъ бѣдствій, терзающихъ Россію, является самодержавный деспотизмъ», а спасеніемъ отъ нихъ должно послужить «созваніе Народнаго Собранія изъ выборныхъ представителей свободнаго народа». На самомъ дѣлѣ мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ

[1]) «Б. (Бакунинъ) вѣрилъ въ возможность военно-крестьянскаго возстанія въ Россіи, вѣрили отчасти и мы; да вѣрило и само правительство, какъ оказалось впослѣдствіи рядомъ мѣръ, статей по казенному заказу и казней по казенному приказу. Напряженіе умовъ, броженіе умовъ было неоспоримо, и никто не предвидѣлъ тогда, что его свернутъ на свирѣпый патріотизмъ» (Герценъ, Сборникъ посмертныхъ статей, стр. 212).

полной опредѣленностью политическихъ воззрѣній, а съ вліяніемъ, съ одной стороны, Герцена и съ другой—круга либеральныхъ идей, съ которыми «Земля и Воля» далеко не порвала окончательно всѣхъ связей.

II.

Лавризмъ и бакунизмъ.

Однимъ изъ первыхъ и главныхъ побочныхъ вліяній, выведшихъ русскій соціализмъ изъ состоянія равновѣсія и опредѣлившихъ рамки, въ которыхъ должно было впредь пойти его измѣненіе, было вліяніе Международнаго Общества Рабочихъ. Дѣятельность этого Общества, наполнившая весь міръ своимъ шумомъ, не могла остаться безъ вліянія и на русскихъ революціонеровъ. Его исторической задачей было, во-первыхъ, подорвать авторитетъ всѣхъ господствовавшихъ тогда въ соціалистическихъ сферахъ утопическихъ системъ и всевозможнаго рода сплавовъ изъ отрывковъ утопическихъ теорій и замѣнить ихъ доктриной критическаго коммунизма, иначе научнаго соціализма; во вторыхъ, усилить тенденцію къ объединенію всѣхъ различныхъ проявленій рабочаго движенія въ каждой странѣ въ одно національное рабочее движеніе съ сознательно выработанной и принятой программой и тактикой, вызвать къ жизни и организовать рабочія партіи тамъ, гдѣ онѣ еще не существовали или находились въ зародышевомъ состояніи, словомъ, пріучить борющійся пролетаріатъ на каждой ступени развитія, черезъ которую проходитъ фактически историческое движеніе пролетаріата, помнить объ общихъ интересахъ и задачахъ движенія въ его цѣломъ. Короче, задачей Интернаціонала было дать рабочему движенію теоретическій и практическій толчокъ къ переходу въ соціалъ-демократическій фазисъ.

Если въ идейномъ отношеніи вліяніе Интернаціонала на русскій соціализмъ было относительно слабымъ (что объяснялось, какъ мы увидимъ, объективными историческими условіями), то въ практическомъ, организаціонномъ отношеніи вліяніе это было громадно. Можно сказать, что до возникновенія и вліянія Интернаціонала соціалистическаго *движенія*, *какъ такового*, въ Россіи (какъ и въ Италіи, какъ и Испаніи, какъ и въ большинствѣ другихъ, даже болѣе развитыхъ странъ) не существо-

вало. Съ этого же момента оно возникаетъ и начинаетъ крѣпнуть и развиваться въ прямой связи съ вліяніемъ Международной Ассоціаціи.

Дѣятельность послѣдней, какъ извѣстно, вызвала приливъ яростнаго страха у буржуазіи и правительствъ всѣхъ европейскихъ странъ (кромѣ, развѣ, Англіи) передъ надвигающимся краснымъ призракомъ; съ другой стороны, она породила и въ европейскомъ пролетаріатѣ горячія надежды на близкое освобожденіе отъ капиталистическаго гнета и на непосредственно-предстоящую соціальную революцію. Эти надежды, эта увѣренность въ неминуемой близости переворота какъ нельзя болѣе пришлись на руку русскимъ революціонерамъ того времени, энтузіазмъ которыхъ встрѣтилъ въ этомъ настроеніи европейскаго пролетаріата родственное чувство и надежную опору. Заграницей складывается «Комитетъ Русской Секціи въ Женевѣ», принятый въ Интернаціоналъ и назначившій своимъ представителемъ въ Генеральномъ Совѣтѣ Карла Маркса. Газета «Народное Дѣло»[1]) становится оффиціальнымъ органомъ русскихъ интернаціоналистовъ и старается пропагандировать среди русскихъ революціонеровъ программу и принципы «Международной Ассоціаціи Рабочихъ». И даже Нечаевская организація пытается заявить себя частью русскимъ отдѣломъ Международнаго Общества[2]). Движеніе же 70-хъ годовъ прямо выступаетъ въ качествѣ русскаго отдѣла интернаціональнаго соціалистическаго движенія, съ которымъ оно старается стоять въ тѣсной идейной связи. И вообще съ тѣхъ поръ (за исключеніемъ небольшихъ перерывовъ) русское соціально-революціонное движеніе считаетъ себя одной изъ частей всемірнаго соціалистическаго движенія.

Итакъ, соціально-революціонное движеніе семидесятыхъ годовъ пыталось стоять на точкѣ зрѣнія «Новаго Евангелія», принесеннаго въ свѣтъ Международнымъ Обществомъ Рабочихъ. Но какое практическое примѣненіе могли русскіе революціонеры того времени дать идеямъ научнаго соціализма Маркса и Энгельса,

[1]) Первый номеръ ея былъ изданъ Бакунинымъ, въ остальныхъ онъ не принималъ никакого участія и даже говорилъ, что не согласенъ въ нихъ «ни съ формой, ни съ содержаніемъ».

[2]) Въ сущности бакунинскаго «Альянса соціальныхъ революціонеровъ».

оставлявшимъ основной тонъ Интернаціонала, тонъ, который авторы «Коммунистическаго Манифеста» окончательно дали тогда всемірному движенію пролетаріата? Они сводили это движеніе къ естественному развитію буржуазнаго общества: по ихъ ученію, въ капиталистическомъ обществѣ развиваются матеріальныя и идеологическія предпосылки будущаго строя, равно какъ назрѣваютъ и усиливаются тѣ силы, которыя должны явиться могильщиками капитализма и основоположниками коммунистическаго уклада. Могли ли наши семидесятники, обращаясь къ реальному положенію вещей въ своемъ отечествѣ, найти въ объективныхъ условіяхъ его жизни тѣ элементы и силы, которые могли бы составить для нихъ точку опоры въ стремленіи совершить соціальную революцію по указываемому Марксомъ плану? Правда, уже и тогда для всякаго вдумчиваго наблюдателя очевидностью, что десять лѣтъ «эпохи великихъ реформъ» не прошли даромъ, что Россія вступила на путь капиталистическаго развитія, что товарное производство и денежное хозяйство господствуетъ въ ней почти повсюду. Но это было *началомъ* капиталистическаго развитія; Россія тогда проходила черезъ періодъ первоначальнаго накопленія, который характеризуется больше крушеніемъ старыхъ, докапиталистическихъ формъ, чѣмъ созданіемъ новыхъ, при которомъ преобладаютъ и бросаются въ глаза не положительныя и творческія, а отрицательныя и разрушительныя стороны капитализма, при которомъ зародыши новыхъ формъ и силъ слишкомъ ничтожны и разсѣяны, чтобы послужить опорнымъ базисомъ для революціоннаго почина, но за то явно гибнутъ и распадаются хорошія стороны стариннаго уклада, оставляя за собою пустоту, которую, повидимому, нечѣмъ заполнить, по крайней мѣрѣ, въ данный моментъ. Такое состояніе дѣлъ могло только побудить семидесятниковъ поскорѣй «забирать свои котомки» и спѣшить въ революціонный походъ съ тѣмъ же, въ сущности, знаменемъ «русскаго соціализма», т. е. съ надеждой путемъ немедленнаго возстанія перескочить черезъ капиталистическую фазу, которая несла съ собой, повидимому, одно зло, не вырабатывая никакихъ положительныхъ элементовъ.

Изъ этого уже a priori можно предвидѣть, что идеи марксизма не могли въ то время расчитывать на благопріятный пріемъ среди русскихъ соціалистовъ или быть ими вѣрно истол-

кованы. Даже та ихъ фракція, которая считала себя выразителемъ марксистскихъ идей среди семидесятниковъ, лавристы. усвоила изъ этого ученія только внѣшнія формы выраженія и подчеркиваніе необходимости развить въ «пролетаріатѣ» классовое самосознаніе для успѣшности соціальной революціи.

«Впередъ», журналъ и газета, ставятъ себѣ задачей «подготовлять успѣхъ народной революціи, когда она станетъ необходима, когда она будетъ вызвана теченіемъ историческихъ событій и дѣйствіями правительства», и провести въ сознаніе русскихъ революціонеровъ «рабочій соціализмъ». подъ которымъ разумѣется критическій коммунизмъ, составлявшій ученіе марксовскаго Интернаціонала. И не даромъ «Впередъ» такъ часто и съ особымъ подчеркиваніемъ повторяетъ эти два слова: «рабочій соціализмъ». Въ нихъ, по мнѣнію впередовцевъ и лавристовъ, выражается сущность новаго міровоззрѣнія, которое представляетъ послѣднее слово раціональной соціологіи, высшій продуктъ мысли вѣка. «Рабочій соціализмъ» есть въ то же время «историческій фазисъ, фатально вырабатывающійся изъ капиталистическаго строя общества», и «самое развитіе этого послѣдняго строя составляетъ уже естественное подготовленіе къ соціальному перевороту, который долженъ поставить рабочій соціализмъ на мѣсто капиталистическаго строя». (Газета «Впередъ» № 27, стр. 25 и сл.).

А «въ Россіи пышно и быстро разростается капиталистическій строй со всѣми своими послѣдствіями». Условія для развитія этого строя «наступили съ освобожденіемъ крестьянства и съ нарѣзкою ему надѣловъ», недостаточныхъ для веденія самостоятельнаго хозяйства. «Что касается до другого условія развитія этого строя въ формѣ компанейской ассоціаціи капиталовъ для эксплуатаціи въ обширныхъ размѣрахъ, для подавленія и поглощенія небольшихъ капиталовъ; въ формѣ биржевыхъ спекуляцій, банковскаго плутовства и т. п., то Россія Александра II такъ же скоро и удобно переняла эти «продукты высшей цивилизаціи» отъ Европы, какъ Россія Петра I переняла у той же Европы бюрократическія формы, а Россія Екатерины II шитые кафтаны и французскую рѣчь періода «просвѣтителей» и «масоновъ». Во всѣхъ явленіяхъ пореформеннаго періода соціалисты видятъ «лишь фатальный процессъ, который можетъ излѣчиться только

однимъ путемъ: самое развитіе капиталистическаго строя должно вызвать и подготовить переворотъ, который унесетъ этотъ строй». Выводъ, который «Впередъ» дѣлаетъ изъ анализа тенденцій русской экономической эволюціи послѣ «великой реформы» 1861 г., гласитъ, «что соціальный переворотъ самъ собою подготовляется въ Россіи, какъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ, самыми успѣхами капиталистическаго строя». (Ibid. 67) [1]).

Въ виду этого «ближайшая задача убѣжденнаго соціалиста въ Россіи, какъ и всѣмъ «цивилизованномъ» мірѣ,—содѣйствовать организаціи революціонныхъ силъ для разрушенія этого порядка и для установленія новаго, въ которомъ могли бы осуществиться... начала рабочаго соціализма».

Конечно, тактика соціалистовъ каждой страны должна сообразоваться съ реальными условіями народной жизни, съ національными «особенностями» данной страны. Но слѣдуетъ обратить вниманіе, что начала «рабочаго соціализма», составляющія выводъ изъ условій и противорѣчій капиталистическаго строя, могутъ диктовать соціалистамъ тактику только тамъ, гдѣ развитіе капиталистическаго производства и соотвѣтствующихъ ему соціальныхъ, политическихъ и культурныхъ условій выработало (хоть отчасти) объективныя, матеріальныя и идеологическія предпосылки соціалистическаго строя. Особенности, присущія, конечно, каждой націи, благодаря особымъ условіямъ ея историческаго развитія, могутъ только осложнять или затруднять дѣятельность революціонеровъ, но онѣ не могутъ совершенно замѣнить того историческаго подготовленія коммунизма, которое постоянно и неизбѣжно создается самимъ ходомъ капиталистической эволюціи. И горе той націи, которой приходится строить свою программу и тактику только на основаніи присущихъ ей «особенностей»! Это лишній разъ только показываетъ, что не назрѣли матеріальныя основанія для успѣшности соціалистической дѣятельности.

Какія же особенности представлялъ русскій народъ по мнѣнію «Впереда»?

«Онъ представляетъ собою два класса, рѣзко раздѣленныхъ

---

[1]) Курсивъ мой.

почти двухвѣковою культурою, взаимнымъ непониманіемъ, взаимнымъ недовѣріемъ. Одинъ изъ этихъ классовъ, черный народъ [1]) остался классомъ трудящимся и, слѣдовательно (!), заключаетъ въ себѣ всѣ дѣйствительныя [2]) экономическія силы націи. Мало того: этотъ классъ (курсивъ мой), вѣчно эксплуатируемый, разоренный, порабощенный, сохранилъ единственный дѣйствительный [3]) элементъ политической жизни, который существуетъ въ Россіи: онъ и въ крѣпостномъ подчиненіи сохранилъ солидарность и самоуправленіе (!) міра [4]), живую общественную единицу мелкой поземельной общины [5]), живую общественную силу подвижной рабочей артели» [6]).

Но тѣ самыя историческія условія, которыя содѣйствовали «сохраненію политической жизни въ народѣ», поставили его «внѣ движенія мысли (курсивъ мой), которое постепенно подготовило въ Европѣ, съ одной стороны, пониманіе соціальныхъ вопросовъ, какъ вопросовъ рабочаго соціализма, съ другой стороны — сознаніе солидарности всего рабочаго класса въ борьбѣ съ его экономическими и государственными эксплуататорами». «Русскій народъ, вслѣдствіе своей исторіи, представляетъ прочную почву для солидарности небольшихъ группъ, а слѣдовательно (!), для развитія общежитія на началахъ рабочаго соціализма. Вслѣдствіе унаслѣдованнаго отдѣленія отъ высшихъ классовъ и недовѣрія къ нимъ, онъ представляетъ удобную почву для революціонной агитаціи. Но, вслѣдствіе тѣхъ же историческихъ причинъ, онъ не имѣетъ никакихъ средствъ [7]) для предусмотрѣнія» различнаго рода опасностей, вродѣ неудачи народнаго возстанія, которое можетъ повести не къ общности, а къ перераспре-

---

[1] [2] [3] [4] [5]) Курсивъ «Впереда».

[6]) «Презираемый ими (образованными русскими «классами»), но опирающійся на тысячелѣтнюю традицію мірской сходъ полуголодныхъ и невѣжественныхъ крестьянъ имѣетъ болѣе политическаго значенія въ развивающейся борьбѣ сословій, чѣмъ всѣ ихъ «культурныя», но разъединенныя силы». Ниже мы увидимъ, какъ опытъ хожденія въ народъ и осѣдлыхъ поселеній измѣнилъ въ этомъ отношеніи взгляды соціалистовъ (см. Черный Передѣлъ»).

[7]) урсивъ „Впереда“.

дѣленію имуществъ *), или вродѣ возможнаго реакціоннаго переворота. Онъ не имѣетъ также никакихъ средствъ «для огражденія себя отъ нихъ собственными усиліями усвоить результаты работъ міровой мысли и организовать народныя силы въ обширный революціонный союзъ»... «Пропаганда, уясняющая эти опасности и, слѣдовательно (!), составляющая единственное орудіе для ихъ устраненія, должна выйти изъ другого слоя русскаго общества; тоже подготовленнаго (слоя) къ этой роли своею исторіей», т. е. изъ интеллигенціи.

«На ней лежитъ обязанность инициаторства въ организаціи соціально-революціонныхъ силъ русскаго общества для подготовленія и совершенія переворота. На ней лежитъ обязанность предотвратить опасности, грозящія русскому народу отъ недостатка связи между его частями и отъ недостатка недоступнаго ему знанія»... «Около нея народъ, подготовленный [1]) своими страданіями къ воспріятію этого ученія (рабочаго соціализма), подготовленный политическою традиціею общины и артели къ развитію соціалистическаго общежитія, подготовленный нравственною традиціею къ революціонной агитаціи».

Самъ по себѣ «русскій интеллигентный классъ совершенно безсиленъ для произведенія не только соціальной революціи, но и какой-либо политической революціи серьезнаго характера. Онъ, отдѣльно взятый, не можетъ даже ее подготовить»*). Этимъ опредѣляется его мѣсто и роль въ народѣ. Правда, внезапный взрывъ «несравненно болѣе удобенъ въ Россіи, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ современномъ «цивилизованномъ» мірѣ, такъ какъ строй Россійской Имперіи—чисто механическій; въ ней органической связи между элементами не существуетъ». Но при неподготовленности народа (крестьянства), при которой «за частную движимую [2]) (!) собственность встанутъ самые бѣдные хозяева», никакой соціальной революціи изъ такого возстанія не произой-

*) Ниже мы увидимъ, что «народники» согласны были и съ такимъ исходомъ крестьянскаго возстанія. Но во «Впередѣ» сильна была традиція Интернаціонала и коммунизма.

[1], [2]) Курсивъ «Впереда».

*) Здѣсь мы видимъ скрытую полемику противъ Ткачева, что не мѣшаетъ «Впереду» утверждать, точь въ точь какъ редакторъ «Набата», что «строй Россійской Имперіи—чисто механическій» и т. д.

детъ. «Разрушеніе нынѣшнихъ господствующихъ въ обществѣ силъ народомъ, неподготовленнымъ къ возстанію цѣлесообразной пропагандой (курсивъ мой) рабочаго соціализма, должно, по всей вѣроятности, всего скорѣе привести лишь къ иному распредѣленію имуществъ, къ инымъ классамъ лицъ, живущихъ на счетъ чужого труда, къ инымъ проявленіямъ тѣхъ влеченій и привычекъ алчности, эгоизма и празднаго наслажденія, которыя господствуютъ въ настоящемъ обществѣ».

Многіе, говоритъ «Впередъ», надѣются въ этомъ случаѣ, т. е. въ случаѣ захвата центральной власти возставшими интеллигентными революціонерами, на «инстинкты» русскаго народа (инстинкты заковычены «Впередомъ»). Правда, «русскій народъ имѣетъ инстинктъ общинной и артельной солидарности, инстинктъ недовѣрія къ высшимъ классамъ и ближайшимъ властямъ, но это еще весьма далеко отъ тѣхъ инстинктовъ, которые были бы нужны, чтобы безсознательно стремиться къ построенію общежитія по началамъ рабочаго соціализма»*) («Впередъ», № 28, стр. 105 и др.).

«Первымъ условіемъ подготовленія соціальной революціи въ Россіи должна быть организація революціоннаго меньшинства, понимающаго задачи рабочаго соціализма, въ средѣ общинныхъ и артельныхъ центровъ русскаго народа» (курсивъ «Впереда»). Составленныя изъ такихъ лицъ мѣстныя группы должны, пока шансы побѣды недостаточны, сдерживать «попытки преждевременныхъ мѣстныхъ бунтовъ»**); изъ этихъ группъ, въ надлежащую историческую минуту, по общему соглашенію, долженъ грянуть одновременно въ разныхъ углахъ Россіи призывъ къ соціальной революціи, призывъ, который увлечетъ толпы сочувствующихъ, взволнованныхъ агитаціей во имя практическихъ требованій соціальной революціи, который подниметъ массы во имя ихъ стра-

*) Бакунисты тоже много говорили о коммунистическихъ инстинктахъ народа, но у Бакунина вырывается уже слѣдующее заявленіе: «Огромная разница между такимъ инстинктивнымъ заявленіемъ и сознательнымъ, ясно опредѣленнымъ требованіемъ соціальнаго переворота или соціальныхъ реформъ» (Госуд. и Анархія, стр. 230).

**) Это направлено противъ бакунистовъ.

данія и во имя ихъ довѣрія къ руководящимъ группамъ. Но этому во всякомъ случаѣ долженъ предшествовать періодъ соціалистической пропаганды. «Революціонеры не имѣютъ еще никакихъ шансовъ произвести успѣшное возстаніе и еще менѣе имѣютъ шансовъ, въ случаѣ его успѣха, осуществить помощью его цѣли рабочаго соціализма», такъ какъ «настоящія народныя силы не затронуты» революціонной организаціей.

Мѣстные бунты и вспышки могутъ принести только вредъ «при существующихъ условіяхъ раздѣльности мѣстностей, при существующемъ отсутствіи солидарности между разными группами рабочаго народа даже одной и той же губерніи». Эти взрывы, вызываемые, впрочемъ, естественнымъ положеніемъ вещей въ Россійской имперіи, не имѣютъ никакихъ шансовъ обратиться въ революцію, пока революціонная организація не связала разныя части Россіи мыслью о солидарности всѣхъ рабочихъ, объ общемъ рабочемъ дѣлѣ.

«Русскіе соціалисты»,—говоритъ передовица 29-го № «Впереда»,—«столь же мало, какъ кто другой, могутъ руководить общимъ теченіемъ историческихъ событій. Они не могутъ ускорить побѣды соціальной революціи. Но они могутъ путемъ оружія организаціи, пропаганды и агитаціи [1]), употребленныхъ надлежащимъ образомъ, подготовить почву для этой побѣды, сдерживая несвоевременные мѣстные бунты, поддерживая дѣйствительно-сильное движеніе въ нѣкоторыхъ крупныхъ мѣстностяхъ, такъ чтобы падлежащая историческая минута, наступившая внутри или внѣ Россіи, не застала ихъ врасплохъ».

Послѣднія подчеркнутыя мною слова указываютъ на ту сторону міровоззрѣнія «Впередъ», которая заставляла его смотрѣть на себя, какъ на агента международнаго соціалистическаго движенія. «Соціальная революція, говоритъ авторъ (ibid.), есть дѣло международное и для своей побѣды должна въ значительной степени расчитывать на взаимную поддержку рабочихъ классовъ, примкнувшихъ къ знамени рабочаго соціализма въ

[1]) Ср. тамъ же: революціонная «организація должна пользоваться всякимъ случаемъ мѣстнаго притѣсненія для революціонной агитаціи», такъ какъ мѣстныя волненія «служатъ въ нѣкоторой степени воспитательнымъ средствомъ для народа».

разныхъ національностяхъ. Поэтому весьма важно для русскихъ соціалистовъ устроить и поддержать живую связь русскаго движенія съ соціально-революціонными движеніями другихъ странъ. Русскіе соціалисты должны помнить, что они—одно звено въ международномъ движеніи рабочихъ».

Въ полемикѣ съ «молодымъ скептикомъ» «Впередъ» ставитъ, такъ сказать, точку надъ і. Въ Россіи «главную почву составляетъ сельское населеніе, весьма недавно обратившееся въ населеніе пролетаріевъ (курсивъ мой), представляющее прочную почву для соціалистической организаціи въ традиціи общины и артели, но «невѣжествомъ и преданіемъ» устраненное отъ всякаго участія въ міровой работѣ мысли и отъ всякой солидарности между отдаленными мѣстностями. Бѣдствія его растутъ съ каждымъ годомъ. Мѣстные бунты вызвать въ немъ нетрудно. вслѣдствіе его ненависти къ господствующимъ классамъ, отъ которыхъ оно отдѣлено всѣми формами культуры, безъ всякихъ посредствующихъ оттѣнковъ. Но побѣдоносную революцію. охватывающую значительную долю страны, и притомъ революцію. выходящую изъ указанныхъ необходимыхъ началъ, надо подготовить»[1]) (курсивъ «Впереда»).

«Эта подготовка можетъ идти только изъ меньшинства убѣжденныхъ соціалистовъ русской молодежи путемъ пропаганды въ народѣ началъ общности владѣнія и всеобщаго труда съ необходимыми слѣдствіями этихъ началъ въ нравственности, политикѣ и въ личныхъ связяхъ; путемъ борьбы съ «невѣжествомъ и преданіемъ», мѣшающими усвоенію этихъ началъ; путемъ пропаганды солидарности всего рабочаго населенія Россіи въ его страданіяхъ, въ его потребностяхъ, въ его борьбѣ противъ существующаго порядка»... «Когда достаточное число личностей

---

[1]) Долго ли должна была длиться эта подготовка? Отвѣчая на брошюру Ткачева «Задачи революціонной пропаганды», Лавровъ говоритъ между прочимъ: «Года черезъ два-три народъ могъ бы побѣдить; онъ, можетъ быть, былъ бы готовъ, но вотъ, видите-ли, русской революціонной молодежи невтерпежъ. Надо сейчасъ, сію минуту» («Русской соціально-революціонной молодежи», 1874. стр. 19). Едва ли это не полемическое увлеченіе, но значительную роль играетъ здѣсь и великая вѣра 70-хъ годовъ въ близость революціоннаго взрыва.

изъ народа (личностей, о с т а в ш и х с я [1]) въ тѣхъ же общинныхъ или артельныхъ группахъ, къ которымъ онѣ принадлежатъ) в о с п р и м у т ъ э т и н а ч а л а (курсивъ мой), то революція, произведенная народною массою, подъ вліяніемъ этихъ личностей, будетъ революціей с о ц і а л ь н о ю, т. е. не только низвергнетъ существующія власти во всѣхъ ихъ формахъ, но измѣнитъ и о с н о в ы о б щ е ж и т і я [2]) въ опредѣленномъ направленіи; и л а н ъ [2]) же новаго общежитія въ общихъ чертахъ и особенно въ п о д р о б н о с т я х ъ [2]) построитъ самъ народъ сообразно своимъ потребностямъ»... «Пропаганда эта заключаетъ столь простыя начала и требуетъ для своего воспріятія столь мало подготовки, что нужно лишь, чтобы она б ы л а [2]). Въ народѣ русскомъ, какъ и во всякомъ народѣ, найдется для нея достаточно воспріимчивости, именно потому, что она соотвѣтствуетъ существеннымъ потребностямъ всякаго солидарнаго общежитія» («Впередъ», № 29).

Въ послѣдней фразѣ явно вырисовывается теоретическое и практическое безсиліе первоначальнаго русскаго марксизма, какимъ и былъ лавризмъ. Матеріальное и идеологическое подготовленіе соціализма объективнымъ развитіемъ капиталистическаго строя замѣняется подготовленіемъ крестьянской массы къ соціальной революціи путемъ пропаганды началъ «рабочаго соціализма». Соціальный революціонеръ принужденъ лѣпить изъ этаго матеріала, который предлагается ему дѣйствительностью; русская же дѣйствительность того времени предлагала семидесятникамъ начатки капитализма и массу сельскаго населенія, начавшую уже втягиваться въ водоворотъ денежнаго хозяйства, но еще не способную къ борьбѣ за «идею четвертаго сословія». Зародыши же пролетаріата или тонули еще въ сѣромъ крестьянскомъ морѣ, или играли слишкомъ незначительную роль въ общей жизни страны, чтобы революціонеры на потребностяхъ и дѣятельности этого класса могли строить свою программу. И вотъ почему марксисткое ученіе Интернаціонала о необходимости политической и экономической организаціи пролетаріата для подготовленія коммунистическаго переворота въ рукахъ лавристовъ превратилось въ утопію о выработкѣ сознательной соціально-революціонной

[1]) Курсивъ «Впереда».
[2]) Курсивъ «Впереда».

партіи въ крестьянствѣ путемъ послѣдовательной пропаганды соціалистической доктрины.

Это противорѣчіе между немарксистскими посылками и почти марксистскимъ выводомъ обезплодило русскій марксизмъ семидесятыхъ годовъ, превративши его въ кабинетную фантазію и отдаливши отъ него всѣ живыя революціонныя силы. Но въ данный моментъ для насъ важно не это; мы считаемъ необходимымъ подчеркнуть, что лавризмъ во всякомъ случаѣ популяризировалъ въ средѣ русскихъ революціонеровъ марксистскіе термины, онъ давалъ имъ форму, двигаясь въ которой ихъ мышленіе легче подготовлялось къ воспріятію уроковъ жизни, онъ, наконецъ заставлялъ русскихъ соціалистовъ интересоваться дѣятельностью нѣмецкой соціалъ-демократіи, отъ которой ихъ рѣшительно отталкивалъ бакунинскій анархизмъ. И въ этомъ смыслѣ лавризмъ, пытавшійся обосновать народничество на ученіи марксовскаго Интернаціонала, не остался безъ вліянія на подготовленіе русской соціалъ-демократіи.

Но массѣ семидесятниковъ марксизмъ даже и въ такой руссифицированной формѣ, какъ лавризмъ остался чуждъ. Въ происшедшей въ нѣдрахъ Интернаціонала борьбѣ между марксистами и анархистами русскіе революціонеры въ большинствѣ приняли сторону Бакунина апостола всемірнаго разрушенія и «славянскаго соціализма» противъ «нѣмецкаго сектанства» Карла Маркса. Вмѣстѣ съ романскими странами, странами отсталой культуры, неразвитой экономической жизни и политическаго произвола [1]), русскіе революціонеры пошли за проповѣдникомъ всесвѣтной анархіи, вмѣстѣ съ нимъ отвергая политическую борьбу, какъ исчадіе и орудіе буржуазіи, и проповѣдуя необходимость немедленнаго возстанія, къ которому народъ подготовленъ

[1]) Бакунинъ, не отдавая себѣ отчета въ причинахъ этого явленія, говоритъ: «замѣчательно, что въ Италіи, равно какъ и въ Испаніи, рѣшительно не посчастливилось государственно-коммунистической программѣ Маркса, а напротивъ приняли широко и страстно программу пресловутаго Альянса или Союза Соціальныхъ Революціонеровъ, объявившую безпощадную войну всякому господству, правительственной опекѣ, начальству и авторитету». (Государственность и анархія, ч. I, стр. 49).

во всякую минуту, ибо, какъ говорилъ Бакунинъ, «ничего не стоитъ поднять любую деревню».

Бакунинъ, подобно Лаврову, въ русскомъ соціально-революціонномъ движеніи видитъ составную часть международнаго движенія рабочихъ. «Соціальная Революція, говоритъ онъ, не можетъ быть одинокою революціей одного народа; она по существу своему революція интернаціональная, значитъ, славяне, отыскивающіе своей свободы и ради своей свободы, должны связать свои стремленія и организацію своихъ народныхъ силъ съ стремленіями и съ организаціей народныхъ силъ всѣхъ другихъ странъ; славянскій пролетаріатъ долженъ войти цѣлою массою въ Интернаціональную Ассоціацію Рабочихъ». Но въ то время какъ лавристы явно склоняются на сторону марксовскаго Интернаціонала, бакунисты принимаютъ программу анархическаго Альянса (Союза революціонныхъ соціальныхъ демократовъ), расходившагося съ Интернаціоналомъ по существенному вопросу о «народномъ государствѣ» с диктатурѣ пролетаріата и о политической борьбѣ рабочаго класса.

Непосредственно-практическую важность представлялъ для русскихъ соціалистовъ послѣдній вопросъ. Лозаннскій конгрессъ Интернаціонала огромнымъ большинствомъ принялъ слѣдующую резолюцію «Принимая во вниманіе что отсутствіе политической свободы препятствуетъ общественному развитію народа и освобожденію пролетаріата, конгрессъ заявляетъ что соціальное освобожденіе рабочихъ немыслимо безъ политическаго освобожденія и что установленіе политической свободы есть мѣра первой и абсолютной необходимости» Когда анархическія тенденціи успѣли уже ясно проявиться въ Интернаціоналѣ Лондонская конференція 1871 года считаетъ нужнымъ повторить и расширить лозаннскую резолюцію. Между прочимъ въ своей длинной и мотивированной резолюціи конференція заявляетъ что «рабочій классъ можетъ дѣйствовать противъ объединенной силы имущихъ классовъ только какъ классъ, организуясь въ особую политическую партію отдѣльно отъ партій имущихъ классовъ», что «эта организація рабочаго класса въ политическую партію является необходимой для торжества соціальной революціи», въ виду этого конференція напоминаетъ всѣмъ членамъ Интернаціонала, «что

экономическая борьба рабочаго класса и его политическая борьба неразрывно связаны другъ съ другомъ».

Противъ этихъ взглядовъ бакунисты возстали самымъ рѣшительнымъ образомъ. Программа Альянса отвергала всякое политическое дѣйствіе, не имѣющее непосредственной и прямой цѣлью торжество рабочаго дѣла надъ капиталомъ. Программу марксовскаго Интернаціонала, подчеркивавшую необходимость политической борьбы для пролетаріата, бакунисты объявили [1]) программой «государственныхъ» соціалистовъ, только обманывающей народъ и отдаляющей его отъ полнаго освобожденія [2]). Если нѣмецкая соц.-демократія считаетъ завоеваніе политическихъ правъ (всеобщая подача голосовъ, свобода печати, союзовъ, публичныхъ собраній и т. д.) предварительнымъ условіемъ экономическаго освобожденія рабочихъ, то, по мнѣнію Бакунина, «эта программа рекомендуетъ нѣмецкимъ работникамъ усвоить себѣ прежде всего буржуазные интересы и цѣли и совершить политическое движеніе въ пользу радикальной буржуазіи».

Такое отрицаніе «политики» связывается въ умахъ анархистовъ съ подготовленностью народа къ непосредственному совершенію соціальной революціи. Каковы же, по мнѣнію бакунистовъ, главныя условія, вызывающія соціальную революцію? Это, во первыхъ, нищета, во вторыхъ, отчаяніе народныхъ массъ. «Но и нищеты съ отчаяніемъ мало, чтобы возбудить соціальную революцію. Онѣ способны произвести личные или, много, мѣстные бунты, но недостаточны, чтобы поднять цѣлыя народныя массы. Для этого необходимъ еще обще-народный идеалъ, вырабатывающійся всегда исторически изъ глубины народнаго ин-

---

[1]) Программу нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ Бакунинъ называлъ «почти исключительно патріотической и политической» (Госуд. и Анархія, стр. 89), «тѣсно-буржуазной и національно-политической, исключительно-нѣмецкой, пангерманской» (стр. 296).

[2]) «Нужно быть осломъ, невѣждою, сумашедшимъ, чтобы вообразить себѣ, что какая-нибудь конституція, даже самая либеральная и самая демократическая, могла бы измѣнить къ лучшему отношеніе государства къ народу; ухудшить, сдѣлать его еще болѣе обременительнымъ, разорительнымъ—пожалуй, хотя и трудно, потому что зло доведено до конца; но освободить народъ, улучшить его состояніе—это просто нелѣпость!» (Гос. и Ан., 96).

стинкта, воспитаннаго, расширеннаго и освѣщеннаго рядомъ знаменательныхъ происшествій, тяжелыхъ и горькихъ опытовъ,— нужно общее представленіе о своемъ правѣ и глубокая, страстная, можно сказать, религіозная вѣра въ это право. Когда такой идеалъ и такая вѣра въ народѣ встрѣчаются вмѣстѣ съ нищетою, доводящею его до отчаянія, тогда соціальная революція неотвратима, близка, и никакая сила не можетъ ей воспрепятствовать» (Г. и А., 47—48).

«Существуетъ-ли такой идеалъ въ представленіи народа русскаго?», спрашиваетъ Бакунинъ и отвѣчаетъ[1]): «Нѣтъ сомнѣнія, что существуетъ, и нѣтъ даже необходимости слишкомъ далеко углубляться въ историческое сознаніе нашего народа, чтобы опредѣлить его главныя черты».

«Первая и главная черта, это всенародное убѣжденіе, что земля, вся земля принадлежитъ народу, орошающему ее своимъ потомъ и оплодотворяющему ее собственноручнымъ трудомъ. Вторая, столь же крупная черта, что право на пользованіе ею принадлежитъ не лицу, а цѣлой общинѣ, міру, раздѣляющему ее временно между лицами; третья черта, одинаковой важности съ двумя предыдущими, это квази-абсолютная автономія, общинное самоуправленіе и, вслѣдствіе того, рѣшительно-враждебное отношеніе общины къ государству».

«Вотъ три главныя черты, которыя лежатъ въ основаніи русскаго народнаго идеала. По существу своему онѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ идеалу, вырабатывающемуся за послѣднее время въ сознаніи пролетаріата латинскихъ странъ[2]), несравненно ближе нынѣ стоящихъ къ соціальной революціи, чѣмъ страны германскія. Однако русскій народный идеалъ омраченъ тремя другими чертами, которыя искажаютъ его характеръ и чрезвычайно затрудняютъ и замедляютъ осуществленіе его; чертами, противъ которыхъ мы поэтому всѣми силами должны бороться и противъ которыхъ борьба тѣмъ возможнѣе, что она уже существуетъ въ самомъ народѣ».

---

[1]) См. «Гос. и Ан»., прибавленіе А, стр. 10 и слѣд. См. также «Начала революціи»; «Постановка революціоннаго вопроса» и др.

[2]) Курсивъ мой.

«Эти три затемняющія черты: 1) патріархальность; 2) поглощеніе лица міромъ; 3) вѣра въ царя.

«Община его (крестьянина) міръ. Она ничто иное, какъ естественное расширеніе его семьи, его рода. Поэтому въ ней преобладаетъ то же патріархальное начало, тотъ же гнусный деспотизмъ и то же подлое послушаніе, а потому и та же коренная несправедливость и то же радикальное отрицаніе всякаго личнаго права, какъ и въ самой семьѣ. Рѣшенія міра, каковы бы они ни были, законъ... «Кто смѣетъ идти противъ міра!», восклицаетъ съ удивленіемъ русскій мужикъ. Мы увидимъ, что кромѣ чиновниковъ и дворянъ, стоящихъ собственно внѣ міра или, вѣрнѣе, надъ нимъ, есть въ самомъ русскомъ народѣ лицо, смѣющее идти противъ міра: это разбойникъ*). Вотъ почему разбой составляетъ важное историческое явленіе въ Россіи: Пугачевъ и Стенька Разинъ были разбойниками».

«Государство окончательно раздавило, развратило русскую общину, уже и безъ того развращенную своимъ патріархальнымъ началомъ. Подъ его гнетомъ само общинное избирательство стало обманомъ, а лица, временно избираемыя самимъ народомъ, головы, старосты, десятскіе, старшины, превратились, съ одной стороны, въ орудія власти, а съ другой, въ подкупленныхъ слугъ богатыхъ мужиковъ-кулаковъ. При такихъ условіяхъ послѣдніе остатки справедливости, правды, простого человѣколюбія должны были исчезнуть изъ общинъ, къ тому же разоренныхъ государственными податями и повинностями и до конца придавленныхъ начальственнымъ произволомъ. Болѣе, чѣмъ когда-нибудь, разбой остается единственнымъ выходомъ для лица, а для цѣлаго народа—всеобщій бунтъ, революція».

«Въ такомъ положеніи, что можетъ дѣлать нашъ умственный пролетаріатъ, русская честная, искренняя, до конца преданная соціально-революціонная молодежь? Она должна идти въ народъ несомнѣнно, потому что нынѣ вездѣ, по преимуществу же въ Россіи, внѣ народа, внѣ многомилліонныхъ чернорабочихъ массъ нѣтъ болѣе ни жизни, ни дѣла, ни будущности. Но какъ и зачѣмъ идти въ народъ?»...

...«Народъ нашъ явнымъ образомъ нуждается въ помощи. Онъ находится въ такомъ отчаянномъ положеніи, что ничего не стоитъ поднять любую деревню. Но хотя и всякій бунтъ,

какъ бы неудаченъ онъ ни былъ, всегда полезенъ *), однако частныхъ вспышекъ недостаточно. Надо поднять всѣ деревни. Что это возможно, доказываютъ намъ громадныя движенія народныя подъ предводительствомъ Стеньки Разина и Пугачева. Эти движенія доказываютъ намъ, что въ сознаніи нашего народа живетъ дѣйствительно идеалъ, къ осуществленію котораго онъ стремится, а изъ неудачъ ихъ мы заключаемъ, что въ этомъ идеалѣ есть существенные недостатки, которые мѣшали и мѣшаютъ успѣху».

....«Каждая община составляетъ въ себѣ замкнутое цѣлое, вслѣдствіе чего—и это составляетъ одно изъ главныхъ несчастій въ Россіи—ни одна община не имѣетъ, да и не чувствуетъ надобности имѣть съ другими общинами никакой самостоятельной органической связи. Соединяются же онѣ между собою только посредствомъ царя-батюшки, только въ его верховной, отеческой власти». Поэтому «одной изъ главныхъ обязанностей революціонной молодежи должно быть установленіе всѣми возможными средствами, во что бы то ни стало живой бунтовской связи между разъединенными общинами».

Задачей революціонеровъ является агитація на почвѣ насущныхъ нуждъ, повседневно ощущаемыхъ народомъ.

«Втолковать, дать ему почувствовать это всѣми возможными способами и пользуясь всѣми плачевными и трагическими случаями, которыми переполнена ежедневная народная жизнь, показать ему, какъ всѣ чиновничьи, помѣщичьи, поповскіе и кулацкіе неистовства, разбои, грабежи, отъ которыхъ ему нѣтъ житья, идутъ прямо отъ существующаго образа правленія—вотъ прямая и теперь главная обязанность революціонной пропаганды».

«Но этого мало... Надо связать лучшихъ крестьянъ всѣхъ деревень, волостей и по возможности областей, передовыхъ людей, естественныхъ революціонеровъ изъ русскаго крестьянскаго міра между собою и тамъ, гдѣ оно возможно, провести такую же живую связь между фабричными работниками и крестьянствомъ. Эта связь не можетъ быть другою, какъличною»... Для того, чтобы собрать народную силу, «необходимо, чтобы села,

*) Курсивъ мой.

волости, области связались и организовались по одному общему плану и съ единой цѣлью всенароднаго освобожденія. Для того же, чтобы создалось въ нашемъ народѣ чувство и сознаніе дѣйствительнаго единства, надо устроить родъ народной печатной, литографированной, писанной или даже изустной газеты, которая бы немедленно извѣщала повсюду, во всѣхъ концахъ, областяхъ, волостяхъ и селахъ Россіи о всякомъ частномъ народномъ, крестьянскомъ или фабричномъ бунтѣ, вспыхивающемъ то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, а также и о крупныхъ революціонныхъ движеніяхъ, производимыхъ пролетаріатомъ Западной Европы; для того, чтобы нашъ крестьянинъ и нашъ фабричный работникъ не чувствовалъ себя одинокимъ, а зналъ бы напротивъ, что за нимъ подъ тѣмъ же гнетомъ, но за то и съ тою же страстью и волею освободиться, стоитъ огромный, безчисленный міръ къ всеобщему взрыву готовящихся чернорабочихъ массъ». «Русскій народъ только тогда признаетъ нашу образованную молодежь своею молодежью, когда онъ встрѣтиться съ нею въ своей жизни, въ своей бѣдѣ, въ своемъ отчаянномъ бунтѣ. Надо, чтобы она присутствовала отнынѣ не какъ свидѣтельница, но какъ дѣятельная и передовая, себя на гибель обрекшая соучастница, повсюду, всегда, во всѣхъ народныхъ волненіяхъ и бунтахъ, какъ крупныхъ, такъ и самыхъ мелкихъ».

Таковы были программа и взгляды бакунистовъ, которые они противоставляли мертвящей схемѣ лавристовъ, рекомендовавшихъ организацію сознательной соціалистической партіи къ крестьянствѣ путемъ мирной пропаганды. Этому способу дѣйствій бакунисты противоставляли агитацію среди рабочихъ массъ (главнымъ образомъ крестьянства) на почвѣ повседневныхъ, ощущаемыхъ народомъ потребностей. На почвѣ протестовъ такого рода предполагалось подготовить сплоченіе революціонныхъ народныхъ силъ для окончательнаго «всеразрушающаго» бунта, который дастъ выходъ накопившимся въ народѣ «анархическимъ»[1]) си-

[1]) По свидѣтельству нѣкоторыхъ современниковъ, анархизмъ тогдашнихъ революціонеровъ не былъ сознательной европейской анархической доктриной, а скорѣе инстинктивнымъ, обостреннымъ протестомъ противъ грубаго произвола русскаго полицейскаго государства. Быть можетъ, именно поэтому движеніе 70-хъ годовъ, несмотря на свой индиферентизмъ и даже

ламъ. Обѣ системы, и лавризмъ, и бакунизмъ, въ общемъ равно игнорировали тѣ стадіи, черезъ которыя проходитъ буржуазное общество, но между ними, по остроумному замѣчанію Аксельрода, существовало то различіе, что «если для бунтарской политики уже не было, то для систематической пропагандистской и организаціонной работы въ народныхъ массахъ (подъ какимъ бы то ни было революціоннымъ знаменемъ) въ широкомъ масштабѣ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ почва еще не была подготовлена»[1].

И тѣмъ не менѣе, не лавризмъ, а именно бакунизмъ, эта при тогдашнихъ русскихъ условіяхъ наиболѣе живая и дѣйственная система, далъ толчекъ зарожденію и развитію всѣхъ послѣдующихъ формъ движенія: народническаго, народовольческаго и соціалъ-демократическаго. Представители и родоначальники народовольчества и русскаго соціалъ-демократизма прошли черезъ бакунистско-бунтарскую школу. Ниже мы увидимъ, какъ «бунтарская теорія Бакунина привела нѣкоторыхъ» революціонеровъ-семидесятниковъ «почти что къ соціалъ-демократической практикѣ»[2]. Въ этомъ отношеніи анти-политическіе взгляды бакунизма при столкновеніи съ русской дѣйствительностью пережили метаморфозу, въ нѣкоторыхъ пунктахъ аналогичную съ той, которую на нашихъ глазахъ пережило такъ называемое «экономическое» направленіе въ русской соціалъ-демократіи. А пока замѣтимъ себѣ только тотъ фактъ, что «русскіе соціалъ-демократы, въ большей или меньшей степени, прошли очерченную эволюцію (отъ анархизма къ выставленію «ближайшихъ требованій») и благодаря ей, главнымъ образомъ, восприняли соціалъ-демократизмъ (и марксизмъ, конечно) съ самаго начала, какъ ученіе конкретное, боевое. Еще прежде, чѣмъ они усвоили теоретическіе взгляды марксизма, они, уже въ теоретическихъ рам-

---

враждy по отношенію къ «политикѣ», пользовалось всетаки симпатіями либеральнаго «общества». Во всякомъ случаѣ, игнорированіе историческаго развитія буржуазнаго общества и безразличное отношеніе къ политической реформѣ коренилось въ надеждахъ русскаго соціализма на непосредственную соціальную революцію.

[1]) Предисловіе къ «Красному Знамени», стр. VII-VIII.

[2]) Слова и курсивъ Аксельрода. Послѣсловіе къ брошюрѣ «Объ агитаціи», стр. 30.

кахъ бакунизма, стали чуть не на три четверти соціалъ-демократами» (Аксельродъ, Послѣсловіе къ брошюрѣ «Объ Агитаціи», стр. 84).

Лавризмъ и бакунизмъ, давшіе основной тонъ соціально-революціонному движенію семидесятыхъ годовъ, окончательно закрѣпили въ умахъ русскихъ соціалистовъ ту мысль, что главной задачей ихъ является организація народно-революціонныхъ силъ, народной, рабочей соціалистической партіи. Эту мысль восприняли отъ нихъ соціалъ-демократы. И поэтому авторъ первой соціалъ-демократической брошюры имѣлъ право заявить, что «стремленіе работать въ народѣ и для народа, увѣренность въ томъ, что «освобожденіе рабочаго класса должно быть дѣломъ самого рабочаго класса»—эта практическая тенденція нашего народничества дорога мнѣ по прежнему» (Плехановъ, Соціализмъ и полит. борьба, Предисловіе, стр. III).

Какъ мы видѣли, ни лавристы, ни бакунисты не поставили и не сформулировали политической программы русскихъ соціалистовъ. Лавристы были ближе къ рѣшенію этой задачи, которую русскіе анархисты сознательно игнорировали и отвергали. Семидесятые годы еще рѣшительнѣе шестидесятыхъ годовъ выдвинули на первый планъ соціальную сторону революціонныхъ стремленій. Дѣятели и теоретики этой эпохи ясно говорили, что непосредственной цѣлью ихъ является соціалистическій переворотъ, а не какая нибудь перемѣна въ политическомъ строѣ. Было-бы несправедливо утверждать, что среди людей 70 хъ годовъ вовсе не было такихъ, которые понимали бы рѣшающее значеніе политическихъ формъ для соціальнаго освобожденія рабочаго класса. Но общее теченіе рѣшительно не благопріятствовало выработкѣ политической программы русскихъ соціалистовъ.

Исходя изъ того положенія, что всѣ до сихъ поръ имѣвшія мѣсто политическія революціи содѣйствовали только развитію и укрѣпленію буржуазіи, революціонеры 70-хъ годовъ готовы были видѣть и видѣли признакъ буржуазныхъ тенденцій и измѣну рабочему классу, интересамъ народа во всякой попыткѣ выставить политическую программу, точнѣе, конституціонныя, демократическія требованія. Для нихъ, стоявшихъ на точкѣ зрѣнія русскаго соціализма, моменты политической и соціальной революціи

совпадали во времени, представляя въ своей совокупности единую «народную революцію».

Особенно характеренъ въ этомъ отношеніи примѣръ Лаврова. Мы видѣли, какъ близко онъ стоялъ ко взглядамъ марксовскаго Интернаціонала. Но, при всей рѣзкости полемики между нимъ и Бакунинымъ, ихъ выводы относительно борьбы за политическую свободу по существу совпадали—и это несмотря на то, что Интернаціоналъ неоднократно высказывался по этому поводу въ томъ смыслѣ, что тамъ, гдѣ не существуетъ политической свободы, пролетаріатъ долженъ бороться за ея достиженіе, въ качествѣ переходной ступени къ соціализму, а тамъ, гдѣ она есть, вести борьбу за ея расширеніе и за проведеніе демократіи во всѣ стороны общественной жизни.

Въ своей извѣстной брошюрѣ «Русскій соціально-революціонной молодежи» Лавровъ говоритъ. «Но какое основаніе думать, что борьба народа съ буржуазіей въ Россіи была бы немыслима, если бы дѣйствительно въ Россіи установились формы общественной жизни, подобныя формамъ заграничной? Развѣ не развитіе буржуазіи, именно, вызвало пролетаріатъ къ борьбѣ? Развѣ не во всѣхъ странахъ Европы раздаются громко призывы къ близкой соціальной революціи? Развѣ не сознаетъ европейская буржуазія опасность, которая грозитъ ей отъ рабочихъ и все приближается?» (стр. 22-23). «Нѣтъ, говоритъ онъ далѣе, въ Европѣ господство буржуазіи не остановило подготовленія соціальной революціи» (стр. 24).

Но это ничуть не помогаетъ ему установить начала политическихъ задачъ русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ, потому что дальше онъ говоритъ: «Пришла-ли минута или еще не пришла для революціи, будетъ-ли она до образованія у насъ многочисленной буржуазіи или послѣ того, условія революціи одни и тѣ же. Она должна быть народная, она должна быть соціальная, она должна быть произведена народомъ, должна быть направлена не только противъ правительства, не только съ цѣлью перенести власть съ однѣхъ головъ на другія, но должна разомъ опрокинуть экономическія основы настоящаго общественнаго строя. Только (курсивъ автора) такая революція можетъ быть цѣлью, для которой русская молодежь не должна жалѣть никакихъ жертвъ»... «На знамени революціонной партіи

русской молодежи... должны быть написаны не только слова: «борьба съ правительствомъ, борьба съ установившимся порядкомъ вещей», не только слово «революція», столько разъ злоупотребленное, но борьба за соціальный переворотъ, народная соціальная революція» (курсивъ автора) стр. 27-28)[1].

Но между западно-европейскими соціалистами (марксистами и анархистами) и русскими семидесятниками существовало еще другое огромное различіе, цѣликомъ проистекающее изъ экономической отсталости Россіи того времени. Точное и опредѣленное понятіе «пролетаріатъ», которое заимствовано было изъ анализа капиталистическаго общества и изъ фактическаго состоянія борьбы труда съ капиталомъ и которымъ оперрировали западно-европейскіе соціалисты, превращается у русскихъ революціонеровъ въ смутное и неясное понятіе «рабочій народъ», «чернорабочій людъ» и т. п. Дѣло здѣсь, конечно, не въ словахъ, а въ томъ различномъ состояніи дѣйствительности и связанной съ этимъ тактики, которое скрывалось за этимъ превращеніемъ. Все то, что европейскіе соціалисты говорили о развитіи капитализма и о пролетаріатѣ, переносилось революціонными народниками на русскую дѣйствительность и на русское крестьянство [2]). Правда, они же,

[1]) Интересно, что Лавровъ сохранилъ эти взгляды до конца. Такъ, напр., въ письмѣ своемъ, напечатанномъ въ № 4 «Летучихъ Листковъ Группы Народовольцевъ», вышедшемъ въ концѣ 1895 г., Лавровъ говоритъ: Для меня до сихъ поръ не доказано, что въ Россіи невозможно крестьянское возстаніе, которое одновременно уничтожитъ и абсолютизмъ, и завоеванія капитализма. (Не имѣя подъ рукой газеты, цитирую на память). А въ «Опытѣ Исторіи Мысли», вышедшемъ въ 1894 г., онъ пишетъ: «Для нашей родины переходъ всѣхъ орудій труда въ руки рабочаго класса усложнится одновременнымъ политическимъ завоеваніемъ всѣмъ народомъ тѣхъ «свободъ», которыми Россія еще не пользуется и безъ которыхъ немыслимо никакое будущее здоровое общежитіе» («Опытъ Исторіи Мысли», ч. II, стр. 1489).

[2]) По этому поводу см. между прочимъ, «Воспоминанія Дебагоріо-Мокріевича, вып. I. См. также замѣчаніе одного бакуниста, относящееся къ эпохѣ броженія, когда старые взгляды и результаты дѣятельности подверглись пересмотру и критикѣ: «Принявъ своимъ девизомъ—принципы Международнаго Товарищества Рабочихъ, мы, въ большинствѣ, не успѣли ни хорошо

эти революціонные народники, подвергли безпощадной критикѣ пассивность и отсталость общины, но тамъ, гдѣ эти отрицательныя черты слишкомъ уже больно били въ глаза, они готовы были возлагать свои надежды на раскольниковъ, сектантовъ, на остатки «казацкаго» духа, а нѣкоторые бакунисты даже на разбойниковъ, и такимъ образомъ міръ разбойниковъ, этотъ отбросъ до-капиталистическаго строя, они подставляли на мѣсто высшаго продукта строя капиталистическаго, какъ долженствующій быть однимъ изъ главныхъ дѣятелей соціальнаго переворота.

И это понятно. Они искали въ самой дѣйствительности (скорѣе въ ея прошломъ, а не въ ея тенденціяхъ) объективныхъ элементовъ для своей дѣятельности.

Если даже въ отсталыхъ западно-европейскихъ странахъ капитализмъ успѣлъ уже подготовить и выработать извѣстные кадры организованнаго пролетаріата, то у насъ въ Россіи онъ только начиналъ развиваться—и надѣяться на результаты его дѣйствія значило бы, для большинства русскихъ революціонеровъ того времени, только откладывать до очень отдаленнаго будущаго коренное рѣшеніе вопроса. Ихъ вниманіе направилось, въ силу естественнаго положенія вещей, въ другую, можно сказать, обратную сторону. Если на Западѣ развитіе капитализма подготовляетъ соціальную революцію, то въ Россіи ея совершеніе становится возможнымъ благодаря его неразвитію. Коренящіеся въ глубинѣ народнаго духа общинные и артельные инстинкты въ соединеніи съ невымершимъ анти-государственнымъ чувствомъ народныхъ массъ—вотъ тѣ камни, на которыхъ въ Россіи должно основаться царство будущаго. Развитіе капитализма можетъ лишь, ослабить эти инстинкты и разрушить существующія общинно-артельныя формы, поэтому оно у насъ будетъ играть не прогрессивную, а разрушительную и вредную роль.

Въ связи съ такой оцѣнкой пореформеннаго экономическаго развитія Россіи, на пропаганду среди промышленнаго пролетаріата среди рабочихъ крупныхъ городскихъ центровъ смотрѣли лишь.

вдуматься въ ихъ смыслъ, ни сколько нибудь порядочно ознакомиться съ фактами и условіями, породившими эти принципы», (Аксельродъ, Переходный моментъ нашей партіи, «Община», № 8—9, стр. 23—24).

какъ на выработку будущихъ пропагандистовъ среди крестьянскаго населенія. Дѣятельность среди пролетаріата разсматривалась такимъ образомъ не какъ подготовленіе элементовъ для организаціи самостоятельной рабочей партіи, которая, поставивши свои опредѣленныя соціально-политическія задачи, послужила бы естественнымъ центромъ, вокругъ котораго могли бы сосредоточиться всѣ революціонные и соціалистическіе элементы остальныхъ слоевъ рабочаго класса (въ томъ числѣ и крестьянства). Впослѣдствіи, русская соціальная демократія тоже заявила, что она ставитъ себѣ цѣлью вовлечь въ русло всемірно-историческаго движенія крестьянство, до сихъ поръ остававшееся въ сторонѣ отъ столбовой дороги историческаго прогресса; она также указала, что естественнымъ посредствующимъ звеномъ между соціалистической партіей и нашимъ земледѣльческимъ населеніемъ явится пролетарій, который, «выброшенный изъ деревни въ качествѣ обѣднѣвшаго члена общины, вернется въ нее соціалъ демократическимъ агитаторомъ». Но въ данномъ случаѣ сходство только формальное, такъ какъ соціалъ-демократы показали, что организація революціонныхъ элементовъ пролетаріата, пропаганда и агитація въ его средѣ должны совершаться на почвѣ е г о классовыхъ потребностей. Но, во всякомъ случаѣ, и эта идея о вовлеченіи крестьянства въ сферу вліянія соціалистическихъ идей путемъ воздѣйствія на рабочій пролетаріатъ коренится въ народнической эпохѣ и, пройдя цѣлый рядъ превращеній, снова возродилась въ программѣ соціалъ-демократіи [1].

III.

Народничество.

Послѣ цѣлаго ряда изолированныхъ попытокъ понести въ рабочую среду идеи Интернаціонала, начинается крестовый походъ соціалистовъ, наступаетъ «бѣшеное лѣто» и хожденіе въ народъ, выразившееся въ видѣ двухъ послѣдовательныхъ волнъ 1874 и 1875 г.

Одни шли въ народъ съ цѣлью «рекогносцировки», имѣя въ виду скорѣе приглядѣться къ этому коллективному «таинствен-

[1]) См. ниже цитаты изъ брошюры Стефановича «Злоба дня».

ному незнакомцу» и ознакомиться съ его положеніемъ и настроеніемъ, чѣмъ возбуждать народъ къ непосредственному возстанію. Другіе, глубоко убѣжденные въ предстоящемъ близкомъ взрывѣ народной революціи, шли съ цѣлью поднять крестьянскую массу, увѣренные въ неминуемомъ торжествѣ народныхъ идеаловъ, которые они считали тождественными со своими собственными идеалами.

Начавшись весной 1874 года, это движеніе въ общемъ было закончено въ слѣдующемъ же году, и сотни пропагандистовъ наполнили тюрьмы по всему лицу земли русской. Что «движеніе въ народъ» не принесло желаемыхъ результатовъ, въ этомъ были согласны всѣ. Но кто въ этомъ виноватъ, полицейскія ли репрессаліи, неподготовленность пропагандистовъ или невоспріимчивость крестьянства къ соціалистической пропагандѣ—въ этомъ мнѣнія расходились.

Замѣчательный фактъ. Практическая необходимость заставляла пропагандистовъ говорить съ народомъ о малоземельѣ, тягости податнаго времени, ростовщической эксплуатаціи—и это народъ слушалъ въ большинствѣ случаевъ съ интересомъ. Но какъ только они переходили къ анархіи и соціалистическому идеалу, настроеніе слушателей измѣнялось, и они относились къ этимъ разговоромъ, какъ къ «любопытной» сказкѣ—не болѣе. Это подкрѣпляло идею о необходимости перейти къ агитаціи на почвѣ насущныхъ нуждъ народной массы. Далѣе, пропагандисты убѣдились также въ своей неподготовленности и незнакомствѣ съ народной жизнью и должны были признать, что поверхностный характеръ ихъ пропаганды не приведетъ къ желанному результату. Появляется и крѣпнетъ тенденція къ «осѣданію» въ народѣ вмѣсто «хожденія» въ народъ. Наконецъ (и это, быть можетъ, важнѣйшее слѣдствіе «бѣшенаго лѣта») полицейскія притѣсненія начинали открывать глаза революціонерамъ, до того съ верховнымъ презрѣніемъ относившимся ко всевозможнымъ «политическимъ формамъ». Если они сразу и не признались въ прежней своей ошибкѣ, зато старый политическій индиферентизмъ началъ (сначала незамѣтно) давать мѣсто новымъ политическимъ взглядамъ.

Возникаетъ такъ называемое «народничество». Народничество было протестомъ противъ книжнаго, абстрактнаго отно-

шенія къ народу. Непродолжительный періодъ хожденія въ народъ показалъ, съ одной стороны, все доктринерство стремленій революціонной интеллигенціи, а съ другой стороны, убѣдилъ пропагандистовъ, что «въ народномъ сознаніи есть много такого, за что слѣдуетъ держаться, на чемъ до поры до времени слѣдуетъ остановиться» [1]). Убѣдившись въ невозможности при настоящихъ условіяхъ провести въ народное сознаніе соціалистическій идеалъ цѣлостью, революціонеры рѣшились дѣйствовать на почвѣ присущихъ народу и сознанныхъ имъ интересовъ. Отъ пропаганды рѣшено было перейти къ агитаціи, основанной уже не на теоретическихъ воззрѣніяхъ, а на данныхъ, почерпнутыхъ изъ опыта и наблюденія надъ народной жизнью. По словамъ Квятковскаго, основное начало этой программы было слѣдующее: «каждая историческая эпоха должна ставить себѣ тѣ задачи, которыя осуществимы, хотя, быть можетъ, и не совершенны будутъ тѣ общественныя формы, которыя заключаютъ въ себѣ эти задачи. Какъ бы ни была сильна партія, она не въ состояніи измѣнить то народное міровоззрѣніе, которое сложилось вѣковой жизнью». «На опытѣ намъ пришлось убѣдиться, что крестьянская среда представляетъ очень мало элементовъ, годныхъ для выработки *такихъ* (курсивъ автора) соціалистовъ, какихъ бы мы желали», говоритъ Стефановичъ въ своей надѣлавшей шума статьѣ, представляющей своего рода profession de foi «народниковъ» [2]). «Скорѣйшее осуществленіе соціалистическихъ цѣлей, говоритъ онъ далѣе, достигнется у насъ черезъ осуществленіе же тѣхъ желаній, тѣхъ идеаловъ, какіе коренятся въ самомъ народѣ, и черезъ свободное, не стѣсняемое никакимъ давленіемъ, дальнѣйшее теченіе народной жизни. Такъ мы думаемъ, и при нашей постановкѣ соціально-революціонныхъ задачъ въ Россіи намъ, очевидно, ничего болѣе не остается, какъ стать рука объ руку съ нашимъ народомъ, *каковъ онъ есть*» (курсивъ мой). Задача революціонеровъ—«явиться иниціаторами въ дѣлѣ организаціи народныхъ силъ» и, «выдвигая на первый планъ дѣло организаціи во имя созданныхъ самой народной жизнью идеаловъ», поставить ея цѣлью – «практическое осуществленіе этихъ желаній».

---

[1]) Слова Желябова. См. его рѣчь на судѣ.
[2]) Наши задачи въ селѣ, «Община» № 8—9, стр. 33—48.

Поэтому народники ставятъ своей цѣлью осуществленіе тѣхъ стремленій, которыя уже существуютъ въ народѣ; члены партіи должны селиться въ извѣстной мѣстности и, заручившись довѣріемъ народа, вызывать его на активное заявленіе своихъ нуждъ и потребностей, какъ на почвѣ легальной, такъ и нелегальной [1]). Вмѣсто мирнаго слова, какъ говоритъ Желябовъ, рѣшено было перейти къ фактической борьбѣ.

Мы видимъ такимъ образомъ, что народничество, бунтарство начинаетъ допускать уже ту мысль, что предстоящее народное возстаніе непосредственно можетъ и не быть соціалистической революціей. Этотъ «практицизмъ» народничества имѣлъ свою хорошую сторону въ томъ отношеніи, что, отдѣляя моментъ «народной революціи» отъ момента «соціальной революціи», онъ позволялъ въ этотъ образовавшійся такимъ образомъ промежутокъ вставить цѣлый рядъ новыхъ, прежней программой не предусматривавшихся пунктовъ, минимальныхъ требованій, экономическихъ и политическихъ. Правда, сдѣлалось это не сразу, но для такихъ «новшествъ» въ умахъ революціонеровъ подготовлялась все-же удобная психологическая почва. Прежде, ни о политической программѣ, ни о программѣ-минимумъ вообще не могло быть и рѣчи; къ чему онѣ, если ожидается непосредственная революція, долженствующая положить одновременно конецъ и экономическому, и политическому гнету? Теперь же въ прежней программѣ пробита была брешь, черезъ которую новыя идеи, подгоняемыя почерпнутымъ изъ практической дѣятельности опытомъ, устремились съ неудержимой силой, правда, не безъ сопротивленія «старовѣровъ»...

Народничество, бунтарство, какъ мы видѣли, знаменовали переходъ отъ пропаганды соціалистическихъ идей къ революціонной агитаціи на почвѣ мѣстныхъ насущныхъ потребностей трудящагося люда [2])—и въ этомъ отношеніи они были окончательнымъ

---

[1]) Заявленіе Квятковскаго на судѣ. Ср. Стефановича (Наши задачи въ селѣ): «Что касается вопроса мелкихъ или мѣстныхъ бунтовъ, то мы придаемъ имъ значеніе огромной важности».

[2]) «Организаціи массовыя создаются главнымъ образомъ или, вѣрнѣе, исключительно агитаціонными средствами; злоба дня—вотъ ихъ существенная точка отправленія, агитація противъ

вытѣсненіемъ лавризма бакунизмомъ; съ другой стороны, они знаменовали переходъ отъ «летучей» агитаціи 1874-1875 г.г. къ агитаціи прочной, осѣдлой. Отъ дѣятельности въ крестьянствѣ, несмотря на возникшія сомнѣнія въ способности его усвоить идеи международнаго соціализма, не только не отказались, но теоретически признавалось необходимымъ направить въ его среду главныя силы. По прежнему оно считалось преимущественнымъ носителемъ соціалистическаго идеала, по крайней мѣрѣ въ зародышевомъ видѣ. Кромѣ того, опытъ предыдущихъ попытокъ внушилъ революціонерамъ мысль о необходимости создать централизованную организацію, дабы положить конецъ разброду революціонныхъ силъ. Такъ возникло (второе) общество «Земля и Воля» (къ осени 1876 года), въ которое безсознательно для его участниковъ введенъ былъ и политическій элементъ въ видѣ «дезорганизаторской группы»; цѣлью ея являлась, если и не открытая, непосредственная борьба съ правительствомъ, то, по крайней мѣрѣ, борьба съ его агентами, освобожденіе изъ-подъ ареста товарищей, защита отъ особенно рѣзкихъ проявленій полицейскаго произвола, убійство шпіоновъ и предателей и т. п.*). Этимъ, какъ мы увидимъ, открыты были двери для вторженія политической программы.

Къ этому же результату велъ опытъ «поселеній», который не замедлилъ, съ своей стороны, разочаровать революціонныхъ дѣятелей. Немногія изъ этихъ поселеній могли просуществовать нѣсколько мѣсяцевъ; полицейская травля, помимо всего прочаго, дѣлала сближеніе народниковъ съ крестьянствомъ почти невозможнымъ. Ей, по крайней мѣрѣ, стали приписывать причину неудачъ.

Революціонная работа въ силу необходимости должна была

наиболѣе гнетущихъ видовъ государственной и экономической эксплуатаціи—вотъ ихъ жизненное начало, идти впереди мѣстнаго населенія во всякомъ протестѣ мирномъ или вооруженномъ—такова ихъ основная задача» (Аксельродъ, «Переходный моментъ», «Община», № 8-9, стр. 30).

*) Среди южныхъ бунтарей эти идеи зародились еще въ 1873 г. Для историка интересно отмѣтить, что одна группа южнорусскихъ бунтарей замышляла даже покушеніе на жизнь Александра II посредствомъ взрыва Зимняго Дворца.

превращаться въ культурную, да и эта становилась скоро трудной и небезопасной. А кромѣ того «поселенцамъ» пришлось убѣдиться, что въ настоящемъ своемъ видѣ деревня не представляетъ удобной почвы для соціалистической пропаганды. Агитація на почвѣ насущныхъ потребностей также не дала ожидаемыхъ результатовъ. Единственный громкій примѣръ такого образа дѣйствій въ средѣ крестьянства народническая эпоха представляетъ намъ въ Чигиринскомъ заговорѣ, причемъ объектомъ агитаціи взяты были столкновенія между двумя группами крестьянъ изъ-за земельныхъ передѣловъ и вмѣшательство въ эти раздоры административной власти.

Начинается обратное движеніе въ города, гдѣ всегда, впрочемъ, оставалась значительная часть землевольцевъ, занимавшихся пропагандой и агитаціей среди молодежи и рабочихъ. [1]) Среди молодежи организуется рядъ демонстрацій (при похоронахъ умершихъ въ тюрьмѣ товарищей), знаменитая манифестація на Казанской площади, устроенная съ помощью рабочихъ и т. д. Все это ставило революціонеровъ лицомъ къ лицу съ полицейскимъ гнетомъ. Среди рабочихъ бунтарями начинаетъ примѣняться та же тактика агитаціи на почвѣ ихъ повседневныхъ нуждъ и столкновеній труда съ капиталомъ; революціонеры участвуютъ въ стачкахъ, которыхъ въ 1878 году было нѣсколько въ Петербургѣ. И въ концѣ концовъ «рабочее дѣло» начинаетъ выдвигаться въ первый планъ.

Въ программѣ землевольцевъ городской рабочій занимаетъ второстепенное, если не третьестепенное мѣсто. Та небольшая часть силъ («рабочая группа»), которая сначала ему посвящалась, затрачивалась на него по-прежнему въ расчетѣ выработать изъ городскихъ рабочихъ пропагандистовъ для деревни. Даже въ разгаръ агитаціоннаго періода, когда въ революціонной средѣ стало обнаруживаться, съ одной стороны, разочарованіе въ крестьянствѣ, съ другой—увлеченіе дѣятельностью среди рабочихъ, правовѣрный народникъ Стефановичъ изъявляетъ «полнѣйшее сочувствіе рѣшенію одесскихъ соціалистовъ-рабочихъ идти въ село» (Община, № 8-9, стр. 37). Но и здѣсь жизнь оказалась

[1]) Тамъ же сосредоточено было веденіе административныхъ дѣлъ общества «Земля и Воля».

сильнѣе «апріорныхъ теоретическихъ рѣшеній революціонныхъ дѣятелей», какъ говоритъ передовая статья № 4 «Земли и Воли»[1]). Несмотря на то, что пропагандѣ среди рабочихъ не придавалось особенно важнаго значенія, что за рабочимъ движеніемъ, какъ таковымъ, не признавалось самостоятельной исторической роли, что на дѣятельность среди рабочихъ смотрѣли лишь какъ на подготовленіе пропагандистовъ для деревни—эта дѣятельность, тѣмъ не менѣе, дала сравнительно блестящіе результаты и привела къ образованію «Южно-русскаго» и «Сѣверно-Русскаго Рабочаго Союза».

Почва для образованія относительно солидныхъ рабочихъ организацій подготовлена была агитаціей на почвѣ насущныхъ экономическихъ нуждъ рабочаго класса. Программа обоихъ Союзовъ, какъ уже отмѣтилъ Аксельродъ[2]), включала въ себѣ новый элементъ, существенно отличавшій ее отъ теоретически царившаго еще тогда бакунизма; а именно, въ ней заключалась «программа-минимумъ», цѣлый рядъ минимальныхъ требованій, представлявшихъ обобщеніе тѣхъ нуждъ и требованій рабочаго класса, которыя выяснились во время происходившихъ столкновеній рабочихъ съ капиталомъ и съ правительственной властью. Наряду съ требованіями сокращенія рабочаго времени и запрещенія дѣтскаго труда, въ программѣ «Сѣв.-Рус. Раб. Союза» мы встрѣчаемъ уже цѣлый рядъ ближайшихъ политическихъ требованій: свобода печати, слова, собраній, союзовъ и пр., однимъ словомъ, требованіе политической свободы. Фактически это былъ разрывъ съ бакунистскими идеями.

Землевольцы высказались въ 4 № «Земли и Воли» противъ такой ереси, не замѣчая, что ихъ собственная тактика неизбѣжно ведетъ къ такому результату. Послѣдній номеръ (8-9) «Общины» также полонъ предостереженій противъ увлеченія политической борьбой («конституціонализмомъ»), но политическія идеи прокладывали себѣ широкій путь въ самыя нѣдра «Земли и Воли». Часть землевольцевъ въ союзѣ съ нѣкоторыми невходящими въ партію лицами составили группу, принявшую названіе «Испол-

[1]) См. Плехановъ. Русскій рабочій въ револ. движеніи».

[2]) См. его Послѣсловіе къ брошюрѣ «Объ агитаціи», Женева, 1896 года.

нительнаго Комитета»[1]) и показавшую себя въ цѣломъ рядѣ террористическихъ покушеній (особенно на Югѣ). При годичномъ пересмотрѣ программы общества зимой 1878 года Осинскій внесъ предложеніе, имѣвшее цѣлью болѣе опредѣленно и рѣшительно внести въ программу политическій элементъ, но это «буржуазное» предложеніе было отвергнуто «деревенщиной», имѣвшей еще тогда за собой большинство.

Но и въ этомъ пунктѣ жизнь не считалась съ теоретическими предразсудками. Все растущая террористическая борьба должна была неизбѣжно выдвинуть вопросъ о необходимости политической свободы для широкаго развитія соціалистическаго дѣла. По поводу одного сильнаго проявленія новой тактики, убійства Мезенцева, «Земля и Воля» (№ 1) предостерегала революціонеровъ отъ увлеченія этой стороной борьбы, но политическія стремленія все болѣе и болѣе завоевывали себѣ мѣсто среди революціонеровъ.

Активные сторонники новой тактики и ихъ единомышленники далеко не сознавали истиннаго смысла своей дѣятельности. Инстинктивно они чувствовали, что новая тактика неудержимо увлекаетъ ихъ на путь открытой борьбы съ правительственной системой и на путь провозглашенія необходимости политической революціи, но они тѣмъ сильнѣе старались закрывать глаза на подкладку и настоящій характеръ начавшейся террористической борьбы. Такъ, напр., революціонная прокламація, изданная по случаю убійства Мезенцева, заявляла, что этотъ актъ является проявленіемъ желанія соціалистовъ «вырвать у буржуазіи капиталъ вмѣстѣ съ жизнью»; отъ правительства революціонеры требовали нейтралитета въ предпринятой ими борьбѣ противъ капитала!

А между тѣмъ, самый составъ лицъ, противъ которыхъ направлена была террористическая дѣятельность революціонеровъ, наглядно подсказывалъ имъ отвѣтъ на вопросъ: каковъ смыслъ начавшагося терора? Драгомановъ, вообще враждебно относящійся къ русскимъ соціалистамъ-революціонерамъ, въ данномъ случаѣ оказался дальновиднѣе ихъ и вѣрно взглянулъ на

[1]) Кромѣ названія, не имѣетъ ничего общаго съ Исполнительнымъ Комитетомъ партіи Народной Воли.

дѣло. Указывая на тотъ-фактъ, что жертвами террористовъ являются такіе лица, какъ жандармы, прокуроры, шпіоны, губернаторы и, наконецъ, царь (покушеніе Виттенберга и Соловьева), носители и слуги самодержавной власти, онъ логически умозаключалъ отсюда, что революціонеры начали въ сущности борьбу съ царящей на Руси политической системой. И онъ былъ, конечно, правъ. Раньше или позже должна была явиться попытка уяснить смыслъ и цѣль загорѣвшейся битвы и дать теоретическое обоснованіе безсознательнымъ пока политическимъ тенденціямъ.

IV.

Народная Воля.

Возникновеніе партіи, которая открыто и рѣшительно написала бы на своемъ знамени борьбу за политическое освобожденіе Россіи, подготовленіе политическаго переворота, было лишь вопросомъ времени, но идея эта носилась въ воздухѣ. Смѣло и громко высказала эту идею Партія Народной Воли, со своимъ знаменитымъ «Исполнительнымъ Комитетомъ», возникшимъ послѣ Липецкаго Съѣзда (17—21 Іюня 1879 г.). Старонародническіе элементы («деревенщина»), не будучи въ состояніи отстоять отъ поклонниковъ старой доктрины на Воронежскомъ съѣздѣ (20-24 Іюня 1879 года), образовали группу «Черный Передѣлъ». Такимъ образомъ, «Земля и Воля» прекратила свое существованіе, давши начало двумъ отпрыскамъ, существовавшимъ независимо другъ отъ друга.

Тогда какъ «Черный Передѣлъ» скоро сошолъ со сцены, «Народная Воля» продолжала одна дѣйствовать, поглощая всѣ живые и дѣятельные элементы русскихъ революціонныхъ силъ. Какъ бы ни расходились отдѣльные элементы этой партіи, но въ одномъ всѣ были согласны, а именно, что первой, непосредственной задачей русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ является низверженіе существующихъ государственныхъ формъ и передача государственной власти народу. Средствомъ, которое при данныхъ условіяхъ можетъ привести къ этой цѣли, политическому перевороту и измѣненію государственнаго строя, признавался политическій заговоръ и политическій терроръ. Что народовольцы видѣли въ террорѣ только средство политической

борьбы и агитаціи, это видно изъ многочисленныхъ заявленій выдающихся народовольцевъ [1]), прямо говорившихъ, что соціалисты занимались бы мирной пропагандой своихъ идей и мирной организаціей народныхъ силъ въ случаѣ, если бы правительство предоставило имъ возможность такой мирной работы. Тѣ изъ народовольцевъ, которые видѣли въ террорѣ могущественное агитаціонное средство, также признавали, что пользованіе такимъ средствомъ является неизбѣжностью только при тогдашнихъ русскихъ политическихъ условіяхъ, гдѣ свободное исповѣданіе и распространеніе соціалистическихъ идей въ массѣ невозможно. Во всякомъ случаѣ, рѣзкое подчеркиваніе политическихъ задачъ русскихъ соціалистовъ представляетъ громадную историческую заслугу народовольчества, и въ этомъ смыслѣ эта партія явилась прямой предшественницей русской соціальной демократіи.

Но le mort saisit le vif. Поскольку народовольцы были не только политиками, но и соціалистами, ихъ взгляды примыкали къ народническому періоду русскаго соціалистическаго движенія. Даже самая форма ихъ политической борьбы была, въ сущности, прямымъ продолженіемъ и заостреніемъ террористической борьбы, начавшейся еще въ бунтарско-народническій періодъ. Но если задачѣ мѣстной агитаціи, возбужденія мѣстныхъ протестовъ и бунтовъ соотвѣтствовалъ партизанскій терроръ бунтарей, то центральная задача національно-политическаго переворота должна была создать централизованный терроръ партіи «Народной Воли». Пониманіе самаго названія партіи «Народная Воля» [2]) показывало, что члены ея, вчерашніе бунтари и земле-

[1]) Ср. заявленія Желябова, Кибальчича, подсудимыхъ процесса 20-ти (въ 1882 г.) и 17-ти (въ 1883 г.), Письмо Исполнительнаго Комитета къ Александру III и др.; даже въ брошюрѣ Морозова «Террористическая борьба».

[2]) «Воля» употреблялась здѣсь не въ смыслѣ свободы, а въ смыслѣ желаній. Народовольцы боролись за достиженіе такого строя, при которомъ народная воля, народныя желанія и стремленія могли бы получить полное, ничѣмъ не искаженное осуществленіе. Какъ мы увидимъ ниже, народовольцы допускали, что это можетъ и не повести къ чистому коммунизму, но народническая эпоха оставила имъ въ наслѣдство увѣренность, что строй, въ которомъ воплотится народная воля, будетъ во всякомъ случаѣ очень близокъ къ соціалистическому.

вольцы [1]), продолжаютъ стоять на народнической точкѣ зрѣнія. Повторяя идею, общую лавризму и ткачевизму, передовая статья № 2 «Народной Воли» подчеркиваетъ «самостоятельное значеніе нашего государства» [2]), не опирающагося ни на какія прочныя общественныя силы. «Исторія создала у насъ на Руси, двѣ главныя самостоятельныя силы: народъ и государственную организацію. Другія соціальныя группы и понынѣ у насъ имѣютъ самое второстепенное значеніе». Дворянство созданіемъ выведено въ люди государственной властью; государство же воспитываетъ и вскармливаетъ русскую буржуазію, которая «конечно, скоро составитъ грозную общественную силу и подчинитъ себѣ не только массы народа, но и само государство», если общія условія русской жизни не измѣнятся [3]).

---

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что въ партію «Народной Воли» вошли такіе люди, которые не участвовали въ «Землѣ и Волѣ». Это были якобинцы-набатчики, державшіеся въ сторонѣ отъ бакунистской «Земли и Воли» и прямо вступившіе въ «Народную Волю», начавшую политическую борьбу. Не они ли помогли развитію и укрѣпленію въ партіи теоріи «захвата власти»? Впрочемъ, благопріятная почва для этой теоріи существовала.

[2]) Какъ бы опасаясь, чтобы ея идеи не были смѣшаны съ бакунистскими декламаціями противъ государства, газета «Н. В.» дѣлаетъ слѣдующее характерное примѣчаніе: «просимъ обратить вниманіе, что подъ словомъ «государство» мы постоянно понимаемъ именно современное россійское государство».

[3]) Приводимъ, для нелишенныхъ интереса сопоставленій, нѣсколько выдержекъ изъ програмной статьи «Набата» (См. Набатъ», 1875, ноябрь, стр. 1—2). «Огонь экономическаго прогресса уже коснулся коренныхъ основъ нашей народной жизни. Подъ его вліяніемъ уже разрушаются старыя формы нашей общинной жизни, уничтожается самый принципъ общины, принципъ, долженствующій лечь краеугольнымъ камнемъ того будущаго общественнаго строя, о которомъ мы всѣ мечтаемъ.—На развалинахъ перегорающихъ формъ нарождаются новыя формы, формы буржуазной жизни, развивается кулачество, міроѣдство; воцаряется принципъ индивидуализма, экономической анархіи, безсердечнаго алчнаго эгоизма.—Каждый день приноситъ намъ новыхъ враговъ, создаетъ новые враждебные намъ общественные факторы.—Огонь подбирается и къ нашимъ государственнымъ формамъ. Теперь онѣ мертвы, безжизненны. Экономическій прогрессъ пробудитъ въ нихъ жизнь, вдохнетъ въ нихъ новый духъ,

Эта буржуазія, гораздо болѣе опасная для народа, чѣмъ служилое дворянство, «создается государствомъ отчасти вполнѣ сознательно и преднамѣренно, отчасти является какъ неизбѣжное послѣдствіе тѣхъ условій, въ которыя государство вгоняетъ народъ и которыя не могутъ не выдвигать изъ массы хищническое кулацкое сословіе». Этотъ классъ «скоро, очень скоро оформится; еще нѣсколько поколѣній, и мы увидимъ у себя настоящаго буржуа, увидимъ хищничество, возведенное въ принципъ, съ теоретической основой, съ прочнымъ міросозерцаніемъ, съ сословной нравственностью. Все это будетъ, конечно, но только въ томъ случаѣ, если буржуазію не подсѣчетъ въ корнѣ общій переворотъ нашихъ государственныхъ и общественныхъ отношеній».[1])

Кто виноватъ въ разрушеніи вѣковыхъ устоевъ народной жизни, въ выдѣленіи изъ среды народа эксплуататорской буржуазіи, готовящейся водрузить свое знамя на развалинахъ крестьянскаго благосостоянія? «Кто же, какъ не государственный гнетъ, экономическій гнетъ его, стремящійся привести массу къ состоянію нищенства имущественнаго и отнимающій у нея всякую возможность бороться съ эксплуатаціей, нравственный его гнетъ,

---

дастъ имъ ту силу и крѣпость, которыхъ пока еще въ нихъ нѣтъ. Сегодня наше государство фикція, преданіе, не имѣющее въ народной жизни никакихъ корней... Его боятся, потому что у него матеріальная сила, но разъ оно потеряетъ эту силу, ни одна рука не поднимется на его защиту...—Но завтра же за него встанутъ всѣ его сегодняшніе враги, завтра оно будетъ выражать собой ихъ интересы, интересы кулачества и міроѣдства, интересы личной собственности, интересы торговли и промышленности, интересы нарождающагося буржуазнаго міра.—Сегодня оно абсолютно-нелѣпо и нелѣпо-абсолютно.—Завтра оно станетъ конституціонно-умѣреннымъ, разсчетливо-благоразумнымъ.—Поторопитесь же!—Сегодня мы сила...—Пользуйтесь минутами. Такія минуты не часты въ исторіи. Пропустить ихъ—значитъ добровольно отсрочить возможность соціальной революціи надолго,—быть можетъ, навсегда».

Кстати. Откуда Мартыновъ взялъ приписываемыя Ткачеву слова «Теперь, или еще немножко (?), или никогда», уму непостижимо. Да это и не имѣетъ никакого смысла (См. Мартыновъ—Соціалъ-демократія и рабочій классъ, стр. 11).

[1]) Курсивъ мой.

приводящій массу къ нищенству гражданскому и политическому, деморализирующій народъ и забивающій его энергію?»

«Устраните этотъ гнетъ и вы сразу отнимете девять десятыхъ шансовъ для формированія буржуазіи» [1]).

Слабость общественныхъ силъ и соединеніе въ лицѣ государства экономическаго и политическаго угнетенія ставитъ передъ русской соціально-революціонной партіей совершенно особыя задачи. «Россія, собственно говоря, представляетъ нѣчто въ родѣ обширнаго помѣстья, принадлежащаго компаніи подъ фирмой «Русское Государство». Экономическое и политическое вліяніе, экономическій и политическій гнетъ здѣсь, какъ и быть должно, сливаются и сводятся къ одному юридическому лицу—къ этой самой компаніи. При такихъ условіяхъ политическая и экономическая реформа становятся также совершенно неотдѣлимы одна отъ другой и сливаются въ одинъ общегосударственный переворотъ».

Такимъ образомъ русскій соціалистъ долженъ сознательно вести политическую борьбу. Но и помимо того, условія въ Россіи таковы, что, хочетъ-ли онъ того или нѣтъ, соціалистъ вынужденъ перейти къ этой формѣ борьбы. Какими бы цѣлями онъ ни задавался (напр., желаніемъ «возстановить въ ихъ первобытной чистотѣ старыя традиціонныя основы народной жизни»), всюду и всегда онъ наталкивается на правительство, которое разсматриваетъ страну какъ свою вотчину и никому не дозволяетъ вмѣшиваться въ теченіе ея судебъ. «Для того, чтобы что-нибудь сдѣлать для народа, приходится прежде всего освободить его изъ-подъ власти этого правительства, сломить самое правительство, отнять у него его господскую власть надъ мужикомъ»... «Нашъ соціалистъ ведетъ политическую борьбу такъ же естественно, какъ естественно говоритъ прозой человѣкъ, не имѣющій даже никакого понятія о прозѣ и поэзіи». Здѣсь народоволецъ-авторъ остроумно указываетъ на истинный смыслъ борьбы, предпринятой въ концѣ 70-хъ годовъ партіей «Земля и Воля», смыслъ, котораго она сама не сознавала.

Но что, если политическая борьба, начатая партіей, увѣн-

[1]) Курсивъ мой.

чается успѣхомъ, если она завершится низверженіемъ абсолютизма, но если, въ то же время, государственную власть захватитъ въ свои руки растущая буржуазія?

Вѣдь если та культурно-соціальная стадія, въ какой находится масса русскаго народа (крестьянства), носитъ въ себѣ зародыши элементовъ, приближающихъ ее къ соціалистическому идеалу (традиціонныя, артельно-общинныя формы), если ростъ буржуазіи и развитіе капитализма знаменуютъ собою лишь народное обнищаніе и вырожденіе, если каждый шагъ этого развитія, разрушая общинныя и артельныя формы народной жизни, не приближаетъ, а отдаляетъ моментъ наступленія соціализма, то что-же будетъ, когда конституція дастъ полный просторъ торгашескимъ, кулаческимъ инстинктамъ буржуазіи?

Народоволецъ чувствовалъ, что народническая доктрина заводитъ его въ тупой переулокъ. Чтобы примирить свои старые народническіе взгляды съ постановкой политическихъ задачъ, онъ пытается нарисовать схему предстоящаго переворота, въ которомъ моменты соціальной и политической революціи, если и не сливаются воедино, какъ у его предшественниковъ, то во всякомъ случаѣ очень сильно сближаются. Политическій переворотъ въ Россіи долженъ послужить также началомъ соціальной ликвидаціи.

«Намъ нужно... оговориться. Понятно, что призывая партію къ борьбѣ съ правительствомъ, къ политическому перевороту, мы нисколько не отрѣшаемся отъ переворота соціальнаго, экономическаго. Мы говоримъ только, что при нашихъ государственныхъ порядкахъ политическій и соціальный переворотъ совершенно сливаются и одинъ безъ другого не мыслимъ. Для этого-то политико-соціальнаго переворота мы намѣчаемъ лишь новый путь, да и то не вполнѣ новый, а только плохо до сихъ поръ сознаваемый партіей»... «Передача государственной власти въ руки народа въ настоящее время могла бы дать всей нашей исторіи совершенно новое направленіе и развитіе въ духѣ народнаго общинно-федеративнаго міросозерцанія».

«Устраните государство, и народъ устроится, можетъ быть, лучше, чѣмъ мы даже можемъ надѣяться». И устраненіе государства, т. е. низверженіе самодержавія, вовсе не послужитъ исходнымъ пунктомъ дальнѣйшаго развитія Россіи въ буржуазно-капи-

талистическомъ направленіи. Не для того только ведетъ политическую борьбу партія «Народной Воли», чтобы открыть новую эру свободнаго политическаго развитія Россіи, чтобы добиться осуществленія такихъ политическихъ условій, при которыхъ возможно будетъ объединить всѣ подготовляемые капитализмомъ элементы рабочаго класса въ одну соціалистическую партію, непрерывно растущую въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи и шагъ за шагомъ отвоевывающую позиціи у господствующихъ классовъ, приближая моментъ соціальной революціи. Нѣтъ, вчерашніе народники не могли такъ поставить политическія задачи русскихъ соціалистовъ, именно потому, что они, по примѣру своихъ предшественниковъ, также не считались съ законами развитія буржуазнаго общества. Если не сливая совершенно воедино, подобно этимъ предшественникамъ, то сильно, можно сказать, до непосредственнаго соприкосновенія сближая моменты политической и соціальной революціи, они ставили только на мѣсто народной революціи, всеобщаго крестьянскаго взрыва [1]) политическій переворотъ, совершаемый заговорщической партіей и лишь дающій выходъ народнымъ стремленіямъ и идеаламъ.

Говоря о вѣроятномъ составѣ будущей русской Конституанты (Учредительнаго Собранія), созванной по приглашенію правительства или вопреки ему, цитируемая статья говоритъ: «Въ этомъ Собраніи 90% депутатовъ будутъ отъ крестьянъ, если же предположимъ, что наша партія дѣйствуетъ съ достаточной ловкостью, то отъ партіи. Что можетъ постановить такое Собраніе? Въ высшей степени вѣроятно, что оно дало бы намъ полный переворотъ всѣхъ нашихъ экономическихъ и государственныхъ отношеній [2]). Мы знаемъ, какъ устраивался нашъ народъ всюду, гдѣ былъ свободенъ отъ давленія государства; мы знаемъ принципы, которые развивалъ въ своей

[1]) Для тѣхъ, кто склоненъ обвинять русскую соціалъ-демократію въ «игнорированіи» крестьянства, слѣдуетъ замѣтить, что такой упрекъ, если къ кому и приложимъ, такъ именно къ партіи «Народной Воли» (это мы увидимъ изъ полемики съ ней «Чернаго Передѣла»). Именно «Народная Воля» заявила, что «сидѣть въ народѣ», работать среди крестьянства—это значитъ «биться какъ рыба объ ледъ».

[2]) Курсивъ здѣсь мой; гдѣ не отмѣчено—курсивъ автора.

жизни народъ на Дону. на Яикѣ, на Кубани, на Терекѣ, въ сибирскихъ раскольничьихъ поселеніяхъ, вездѣ, гдѣ устраивался свободно; мы знаемъ вѣчный лозунгъ народныхъ движеній. Право народа на землю, мѣстная автономія, федерація—вотъ постоянные принципы народнаго міросозерцанія. И нѣтъ въ Россіи такой силы, кромѣ государства[1]), которая имѣла бы возможность съ успѣхомъ становиться поперекъ дороги этимъ принципамъ».

Здѣсь же авторъ пытается опровергнуть возраженіе, которое, по его мнѣнію, могутъ сдѣлать и которое, какъ мы увидимъ, дѣйствительно сдѣлалъ «Черный Передѣлъ», что «различные враждебные народу слои населенія могли бы исказить результаты выборовъ, проведя своихъ людей въ большинство, и тогда мы получили бы такой общественный строй, который не имѣлъ бы ничего общаго съ народными идеалами» [1]). Для такого политическаго переворота, который послужилъ бы также началомъ соціальной ликвидаціи, время «еще не упущено, но если-бы мы, пренебрегая политической дѣятельностью, допустили существованіе современнаго государства еще нѣсколько поколѣній, то это, очень вѣроятно, затормозило бы народное дѣло на цѣлыя столѣтія»... «Буржуазія скоро подрастетъ, но за то не подлежитъ также ни малѣйшему сомнѣнію, что, разъ ставши прочно на ноги, она не потерпитъ надъ собой власти этого одряхлѣвшаго государства и съумѣетъ подчинить его себѣ. Политическій переворотъ совершится, но совершится въ томъ смыслѣ, что власть перейдетъ въ руки буржуазіи». Поэтому «теперь или никогда—вотъ наша дилемма» [2]).

---

[1]) Опровергается это возраженіе ссылкой на стойкое поведеніе галицкихъ мужицкихъ депутатовъ въ австрійскомъ рейхстагѣ въ 1849 году. Но авторъ забываетъ указать, было ли вообще въ этомъ рейхстагѣ 90% мужицкихъ депутатовъ, и упускаетъ изъ виду, что революція 1848—49 гг. вовсе не помѣшала водворенію строя, который не имѣетъ «ничего общаго съ народными идеалами». Впрочемъ, правильной постановкѣ вопроса мѣшаетъ народническая идеализація «постоянныхъ принциповъ народнаго міросозерцанія».

[2]) Ткачевъ говоритъ: «Теперь, или очень поздно, быть можетъ—никогда!»

Мы видимъ, что первая историческая формулировка политическихъ задачъ русскихъ соціалистовъ одной, по крайней мѣрѣ, ногой стоитъ еще на почвѣ народническихъ традицій. Но если субъективно, въ своемъ сознаніи, народовольцы боролись за чуть-ли не непосредственное осуществленіе соціалистическаго идеала, объективно они были борцами за политическую свободу, за политическое освобожденіе страны отъ гнета самодержавнаго правительства. И это смѣшеніе въ ихъ міровоззрѣніи народническихъ взглядовъ на настоящее и будущее русской экономики, во первыхъ, и новыхъ политическихъ стремленій, во вторыхъ, дѣлало изъ партіи «Нар. Воли» двуликаго Януса, одной стороной смотрѣвшаго въ прошлое «традиціонныхъ принциповъ», другой—въ будущее революціонное движеніе, ясно формулирующее политическія задачи соціалистической партіи въ Россіи и основывающее эту формулировку не на «традиціонныхъ принципахъ народнаго міросозерцанія», а на потребностяхъ растущаго и развивающагося класса, которому принадлежитъ будущее и для котораго политическое освобожденіе Россіи есть неизбѣжный переходный этапъ на пути его къ осуществленію своей исторической миссіи и къ полному освобожденію человѣчества.

Народническія воззрѣнія «Н. Воли», подогрѣваемыя практическими успѣхами террористической борьбы и быстро возросшимъ вліяніемъ партіи на либеральную оппозицію, естественно видѣвшую въ террористахъ передовой отрядъ обще-національнаго освободительнаго движенія, заставили народовольцевъ сдѣлать еще одинъ шагъ впередъ въ смыслѣ революціоннаго оптимизма и привели ихъ къ идеѣ «захвата власти» централизованной революціонной организаціей. Эта идея черпала силы изъ другого взгляда, общаго всѣмъ семидесятникамъ и тѣсно связаннаго съ народническимъ пониманіемъ русскаго соціальнаго строя и тенденцій его развитія, взгляда, по которому русскій государственный строй виситъ въ воздухѣ, не имѣя никакихъ корней ни въ положеніи, ни въ интересахъ существующихъ на Руси общественныхъ силъ, такъ что низвергнуть его и замѣнить революціоннымъ, напр., правительствомъ не представляетъ въ сущности особеннаго труда. Этотъ-то захватъ власти революціонными заговорщиками и долженъ былъ сыграть роль волшебнаго жезла, сближающаго соціальный и политическій моменты русской революціи. Съ одной стороны, будучи результатомъ переживанія и внѣдренія

ткачевисткихъ взглядомъ, идея захвата власти была, съ другой стороны, мостомъ, который народовольцы пытались перебросить черезъ пропасть, отдѣлявшую ихъ народническія стремленія къ немедленному соціальному переустройству отъ тѣхъ послѣдствій, которыя, по всѣмъ вѣроятіямъ, должна была имѣть политическая революція, т. е. дальнѣйшаго развитія Россіи въ капиталистическомъ направленіи.

Такимъ образомъ на мѣсто ясной опредѣленной идеи политическаго переворота, имѣвшей въ дѣйствительности прочные корни и непредрѣшавшей въ старомъ духѣ вопросъ о взаимоотношеніи общественныхъ силъ, о дальнѣйшемъ направленіи русской экономической жизни, объ элементахъ будущей соціалистической партіи, ея организаціи и борьбѣ за достиженіе соціалистическаго идеала, была произвольно поставлена догматическая схема особенной русской соціально-политической революціи, однимъ ударомъ рѣшающей соціальный вопросъ и декретирующей сліяніе такихъ моментовъ, которые въ реальномъ теченіи историческихъ событій отдѣлены другъ отъ друга значительнымъ промежуткомъ времени, посвященнаго борьбѣ, организаціи и воспитанію массъ [1]).

Изгнавши народническіе предразсудки изъ политической области, народовольцы позволили имъ остаться въ своей партіи съ другой, болѣе опасной, стороны Теперь надлежало изгнать народничество изъ послѣдняго убѣжища, въ которомъ оно еще ютилось. Дальнѣйшіе успѣхи соціалистической мысли могли начаться только съ критики традиціонныхъ народническихъ взглядовъ на русскую дѣйствительность, на ея статику и динамику, подобно тому какъ прогрессъ, коимъ наши политическія воззрѣнія обязаны дѣятельности народовольцевъ, могъ быть достигнутъ только путемъ критики народовольцами устарѣлыхъ народническихъ взглядовъ на политику.

---

[1]) Во избѣжаніе ложныхъ толкованій, замѣчу, что я не касаюсь здѣсь причинъ неудачи той или другой революціонной партіи (поскольку вообще можно говорить о неудачѣ въ примѣненіяхъ къ такому органическому процессу, какимъ представляется мнѣ наше революціонное движеніе), а пытаюсь лишь намѣтить этапы, черезъ которые проходило развитіе русской революціонной мысли.

Безсмертной заслугой народовольцевъ передъ русскимъ соціально-революціоннымъ движеніемъ остается первая и острая постановка политическихъ задачъ русскихъ соціалистовъ, которая значительно облегчила ихъ дальнѣйшіе шаги. Поставивши во главу угла обще-національный вопросъ, низверженіе абсолютизма, Народная Воля сдѣлала также первый шагъ къ тому, чтобы доставить соціалистической партіи руководящую роль въ общемъ опозиціонномъ движеніи страны.

Критику народническихъ переживаній взяли на себя соціалъ-демократы.

V.

Черный передѣлъ и зарожденіе соціалъ-демократіи.

Какъ говоритъ Аксельродъ, «родилась русская соціалъ-демократія... не въ самой Россіи, въ пылу героической борьбы революціонной партіи съ правительствомъ, а среди маленькой группы эмигрантовъ, спасшихся волею судебъ отъ участи, постигшей большинство ихъ друзей и товарищей». Эта маленькая группа эмигрантовъ, составившая впослѣдствіи «группу Освобожденіе Труда», состояла изъ чернопередѣльцевъ, и это обязываетъ насъ разсмотрѣть взгляды «Чернаго Передѣла», давшаго начало русской соціалъ-демократіи, на соціальныя и политическія задачи революціонной партіи. Тогда мы убѣдимся, что программа русскихъ соціалъ-демократовъ естественно сложилась путемъ сліянія философско-историческихъ и тактическихъ взглядовъ «Чернаго Передѣла» съ народовольческими взглядами на необходимость и значеніе политической борьбы и политической свободы, какъ неизбѣжной переходной ступени къ соціализму, и что эта программа, хотя и сформулированная заграницей, отвѣчала на вопросы, поставленные самой русской дѣйствительностью.

«Черный Передѣлъ» былъ той частью «Земли и Воли», которая осталась или, вѣрнѣе, хотѣла остаться вѣрна традиціямъ ортодоксальнаго народничества. Такимъ образомъ члены «Чернаго Передѣла» были дѣятелями народническаго періода и, поскольку жизнь ставила передъ ними каждый разъ новые вопросы, поскольку она, съ другой стороны, давало часто совершенно неожиданныя рѣшенія на поставленные вопросы, они, послушные голосу жизни, незамѣтно для самихъ себя продѣлали цѣлую

эволюцію. Въ конечномъ счетѣ послѣдняя была въ сущности эволюціей самой жизни. Но раньше, чѣмъ мы перейдемъ къ общей эволюціи землевольчества, поскольку она выразилась въ «Черномъ Передѣлѣ», остановимся на одномъ документѣ, разсмотрѣніе котораго послужитъ для насъ удобнымъ введеніемъ къ болѣе подробному знакомству съ взглядами и надеждами «Чернаго Передѣла».

Въ 1880 году вышла чрезвычайно интересная и въ настоящее время мало кому извѣстная брошюра Я. Стефановича [1]). Въ этой брошюрѣ, правда, въ довольно зародышевой формѣ, высказаны многія изъ тѣхъ идей, которыя впослѣдствіи съ такимъ талантомъ и успѣхомъ развивала группа «Освобожденіе Труда». Выражаемые въ этой брошюрѣ взгляды ясно показываютъ намъ, что съ одной стороны, подъ вліяніемъ разочарованія, наступившаго отъ относительной неудачи «поселеній», въ народнической средѣ происходила пылкая и дѣятельная работа критической мысли, а съ другой, что террористическая тактика народовольцевъ вызывала у народниковъ живыя опасенія, какъ бы увлеченіе новымъ способомъ борьбы не повело къ полному забвенію пропаганды въ народѣ и организаціи народныхъ силъ.

Авторъ говоритъ, что, при всемъ обиліи и величіи нашихъ героевъ, революція у насъ менѣе близка (писано въ концѣ 1880 года), чѣмъ гдѣ-нибудь. Почему? спрашиваетъ онъ, и отвѣчаетъ: «Потому, что наше движеніе не сумѣло втянуть въ свой заколдованный кругъ мужика и рабочаго городского. Разъ оно и дальше будетъ идти все тѣмъ же путемъ.—его вліяніе на дальнѣйшую судьбу *народа* [2]) будетъ очень косвеннымъ, а то и просто нулевымъ».

Стефановичъ находитъ, что современные ему революціонеры пренебрегаютъ пропагандой въ народѣ. Онъ согласенъ, что «насчетъ деревни у насъ найдутся какія-нибудь оправданія». Но онъ энергично протестуетъ противъ того, что «рабочіе заброшены уже нѣсколько лѣтъ», а между тѣмъ они «живутъ чуть не въ одномъ съ нами кварталѣ», да и стоятъ ближе къ революціоне-

[1]) «Злоба дня.—Дѣйствующимъ и готовымъ дѣйствовать сотоварищамъ моимъ мое дружее посланіе».

[2]) Курсивъ въ подлинникѣ.

рамъ по культурности и развитію. Въ подтвержденіе своихъ словъ о томъ, что рабочихъ «совсѣмъ, можно сказать, забыли», онъ ссылается на послѣдніе [2]) процессы; всѣ фигурирующіе въ нихъ рабочіе воспитаны движеніемъ до 1876 года.

Старый бунтарь и организаторъ Чигиринскаго заговора уже не возражаетъ противъ «теоріи» новаторовъ, что безъ политической свободы немыслимо какъ возникновеніе крупныхъ народно-революціонныхъ организацій, такъ и переустройство общества на соціалистическихъ началахъ. Но эти положительныя стороны народовольческой программы не скрываютъ отъ него ея недостатковъ. Вѣрный существу народническихъ традицій, онъ утверждаетъ, что необходима организація народной партіи, какъ въ интересахъ самого совершенія политической революціи, такъ и для того, чтобы эта политическая революція произошла при наиболѣе выгодныхъ для народа условіяхъ и чтобы народъ извлекъ изъ нея наибольшую сумму пользы.

«Вотъ почему», говоритъ онъ: «теперь, какъ и всегда, нашей задачей должно быть—созданіе партіи изъ мужиковъ, изъ городскихъ рабочихъ. Вотъ почему теперь, какъ и всегда, эта задача должна стоять во главѣ всѣхъ остальныхъ задачъ».

Практическое чутье подсказываетъ также автору выборъ той народной среды, на которую должны преимущественно направиться усилія соціалистовъ-революціонеровъ. Этой средой, по его мнѣнію, являются «городскіе рабочіе». «Преимущественный напоръ нашихъ усилій, говоритъ онъ, на городскую рабочую среду получаетъ значеніе экономіи силъ (курсивъ мой) и скорѣйшаго проникновенія революціонной организаціи въ село».

«Разъ мы успѣемъ провести настолько обширную организацію рабочихъ, насколько это возможно при всемъ теперешнемъ полицейскомъ разгулѣ, то тѣмъ самымъ мы пробьемъ для революціи болѣе широкую дорогу и въ село. Рабочіе глубже насъ поймутъ необходимость вовлеченія въ дѣло революціи и мужика. Они убѣдятся въ этомъ не въ силу народническихъ тенденцій, а просто по соображеніямъ практическимъ: успѣхъ революціи прямо пропорціоналенъ квадрату революціонныхъ силъ крестьянства».

---

[2]) Писано въ концѣ 1880 года.

Выдвигая, такимъ образомъ, на первый планъ необходимость организаціи рабочей партіи, авторъ рекомендуетъ въ то же время положить въ основаніе ея профессіональные и экономическіе союзы. «Экономическая организація должна служить подосноваціемъ организаціи революціонной pur sang» (авторъ хочетъ сказать «политической»).

Поэтому, «соединеніе рабочихъ въ союзы, напримѣръ, на кассахъ самопомощи—таковъ долженъ быть первый и необходимый приступъ къ созданію революціонной организаціи рабочихъ». Въ такіе союзы революціонерамъ слѣдуетъ провести «сознательно соціалистическое меньшинство», которое должно охватить эту организацію широкой «революціонной идеей». И авторъ думаетъ, что при такомъ способѣ дѣйствій революціонеры «попали-бы какъ разъ, что называется, въ точку».

Въ основу тактики революціонной организаціи должно, по его мнѣнію, лечь «развитіе мѣстныхъ центровъ, революціонизированіе провинціи», а руководиться народная партія должна реальными нуждами и потребностями «хранителя и сѣятеля русской земли»...

Теперь мы можемъ обратиться къ «Черному Передѣлу».

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить тотъ фактъ, что «Черный Передѣлъ» стоитъ на почвѣ «положеній научнаго соціализма, которыя должны служить для насъ критеріемъ при оцѣнкѣ различныхъ сторонъ и формъ народной жизни». Онъ заявляетъ дальше, что «экономическія отношенія въ обществѣ признаются нами основаніемъ всѣхъ остальныхъ, коренною причиною не только всѣхъ явленій политической жизни, но и умственнаго и нравственнаго склада его членовъ», «экономическія отношенія въ обществѣ служатъ субстратомъ для всѣхъ остальныхъ категорій человѣческихъ отношеній». «Въ основѣ общества лежатъ главнымъ образомъ отношенія экономическія, которыми по преимуществу и опредѣляются остальныя отношенія—государственныя, юридическія, нравственныя и пр.» [1]). Правда, своеобразно пони-

[1]) Слѣдуетъ вообще замѣтить, что, теорія такъ называемаго, «экономическаго матеріализма» (правда, въ своеобразномъ толкованіи) пользовалась большой популярностью среди семидесятниковъ, не только среди лавристовъ (несмотря на ученіе о роли «критической личности»), но и среди бакунистовъ. Такъ,

маемый черноперед'ѣльцами экономическій матеріализмъ служилъ имъ для не совсѣмъ вѣрныхъ заключеній о роли борьбы за политическую свободу и мирно уживался въ ихъ головахъ съ туманными анархическими взглядами на государство, но, какъ бы то ни было, у нихъ былъ въ рукахъ правильный методъ, который долженъ былъ въ концѣ концовъ помочь имъ исправить свои ошибки и вывести ихъ на торную дорогу.

Исходя изъ принципа, что «радикализмъ прежде всего долженъ стать... радикализмомъ экономическимъ», и, въ качествѣ «экономическихъ матеріалистовъ» sui generis, пытаясь найти въ русской дѣйствительности реальныя предпосылки для развитія коллективизма, черно-передѣльцы находятъ ихъ въ общинно-артельныхъ «формахъ русской народной жизни» и являются такимъ образомъ «революціонерами-народниками». Ожиданіе народомъ «чернаго передѣла» представляется имъ доказательствомъ его реальнаго стремленія къ коммунистическому укладу, а, съ другой стороны, оно-же должно послужить основой для революціонной агитаціи. Но они знаютъ, что народъ ждетъ этого передѣла отъ посторонней силы, по существу враждебной народу, но имъ идеализируемой, и поэтому соц.-рев. партія должна взять на себя заботу, «о скорѣйшемъ разрушеніи этой фикціи». Въ редакціонной замѣткѣ № 2 прямо говорится: «мы никогда не отступимъ отъ убѣжденія, что уничтоженіе вѣры въ эту царскую легенду есть одно изъ необходимыхъ условій народнаго освобожденія». «Чѣмъ полнѣе и скорѣе совершится разрушеніе политическихъ идоловъ народа, тѣмъ скорѣе пробьетъ часъ его экономической свободы». Но какъ «экономическіе матеріалисты», они должны были себѣ

Бакунинъ, между прочимъ, говоритъ: «Г. Марксъ, въ противоположность ему (т. е. Прудону), высказалъ и доказалъ ту несомнѣнную истину, подтверждаемую всей прошлой и настоящей исторіей человѣческаго общества, народовъ и государствъ, что экономическій фактъ всегда предшествовалъ и предшествуетъ юридическому и политическому праву. Въ изложеніи и въ доказательствѣ этой истины состоитъ одна изъ главныхъ научныхъ заслугъ г. Маркса» (Гос. и Ан., 223—224). Дюрингіанство, съ приписываніемъ преобладающей роли «политическому фактору», стало распространяться среди русскихъ революціонеровъ только съ возникновеніемъ народовольческаго движенія. Интересная справка по вопросу о наслѣдствѣ, традиціяхъ и пр.

сказать, что фикція эта будетъ разрушена измѣненіемъ экономическихъ отношеній [1]), и искать такой группы или такого класса, въ которомъ условія жизни уже разрушили въ значительной мѣрѣ эту фикцію, а это неизбѣжно заставляло ихъ обращать свои взоры на пролетаріатъ.

Къ тому же выводу чернопередѣльцы приходили и съ другой стороны. Они понимали, что капитализмъ подготовляетъ элементы соціалистическаго строя. «Нужно обратить вниманіе на тѣ формы кооперацiи производителей на Западѣ, которыя служатъ какъ бы прообразомъ организаціи труда и владѣнія въ будущемъ обществѣ».

«Эти формы созданы крупной капиталистической промышленностью [2]). Соединяя въ одно организованное цѣлое изолированныхъ производителей ремесленнаго періода, соціализируя трудъ, она подготовляетъ почву для соціализаціи владѣнія, которое, со времени разрушенія западно-европейской поземельной общины, стало индивидуалистическимъ даже по отношенію къ недвижимой собственности. Такъ какъ въ настоящее время уже немыслимъ возвратъ къ ремесленному изолированному производству, то единственно-возможное рѣшеніе рабочаго вопроса заключается въ экспропріацiи капиталистовъ и организаціи коллективнаго владѣнія орудіями труда.

«Техника современнаго производства, начавшись соціализаціей труда, логически-неизбѣжно ведетъ къ соціализаціи владѣнія, т. е. къ практическому осуществленію соціалистическихъ ученій. Родившись на фабрикѣ, рабочій соціализмъ проникаетъ и въ деревню».

Естественно, что люди, видѣвшіе въ соціалистической революціи «логически-неизбѣжный» результатъ развитія объективныхъ экономическихъ условій и считавшіе соціализацію собст-

---

[1]) Разсматриваемая легенда «сложилась въ нашемъ народѣ подъ вліяніемъ цѣлой массы жизненныхъ условій; она есть результатъ цѣлаго періода нашей исторіи. Ее невозможно поэтому устранить однимъ словомъ, одной устной пропагандой». Но и не террористическими покушеніями.

[2]) Курсивъ мой. Ср. со взглядомъ «Впереда» (стр. 183—184 этой книги).

венности «единственно-возможнымъ» выходомъ изъ совершившейся уже соціализаціи производства, должны были искать и въ русской дѣйствительности такихъ объективныхъ экономическихъ предпосылокъ, которыя дѣлали бы вѣроятной эволюцію русской народной жизни въ соціалистическомъ направленіи. Какъ мы знаемъ, такую предпосылку они нашли въ существованіи русской поземельной общины: они думали, что естественное ея развитіе (предполагая государственный гнетъ устраненнымъ) ведетъ къ соціализму, а не къ индивидуализму. Правда, передъ ними долженъ былъ вставать и вопросъ, какъ же устранить этотъ государственный гнетъ? Но они надѣялись на широкое и могучее народное движеніе, во главѣ котораго должна стать революціонная партія и которое смоетъ и абсолютизмъ, и зародыши капитализма. Обращая вниманіе преимущественно на кулацкій и ростовщическій капитализмъ, безпощадно разрушавшій тѣ самыя реальныя предпосылки соціалистической революціи, которыя чернопередѣльцы клали въ основу своей программы, они, обобщая свое впечатлѣніе, склонны были видѣть въ русскомъ капитализмѣ вообще только его отрицательныя стороны и не признавать за нимъ много творческой, положительной работы. Притомъ они считали его количественно слишкомъ ничтожнымъ, да отчасти оно тогда такъ и было. «Въ настоящее время (писано въ 1880 году) промышленное развитіе Россіи ничтожно, и понятіе «трудящіяся массы» почти покрывается понятіемъ „крестьянство“». Идеализація общины и крестьянства заставляли чернопередѣльцевъ пока закрывать глаза на значеніе капиталистическаго фактора въ русской жизни, но дорога, на которой они стояли, должна была рано или поздно привести ихъ къ вѣрнымъ взглядамъ; пока же имъ приходилось вѣрить въ общину—я говорю «вѣрить», потому что сейчасъ мы увидимъ, какъ марксисткій методъ, которымъ они оперировали, разбивалъ у нихъ иллюзіи на этотъ счетъ.

У народниковъ всегда были двѣ различныя мѣрки; одна для Европы, другая для Россіи. Выше мы уже видѣли, какъ здраво разсуждаетъ чернопередѣлецъ, говоря о роли капиталистическаго способа производства, какъ подготовителя соціалистическаго строя. Послушаемъ его дальше. «Неудивительно поэтому, что соціалистическая пропаганда встрѣчаетъ самый радушный пріемъ въ мѣстностяхъ, охваченныхъ процессомъ капиталисти-

ческаго производства; напротивъ, мелкіе собственники-крестьяне относятся къ ней очень враждебно и составляютъ надежную опору реакціонныхъ партій... Такимъ образомъ, капитализмъ подготовляетъ почву соціализму и является его необходимымъ предшественникомъ». Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ тѣми счастливыми націями, у которыхъ сохранилось общинное землевладѣніе, а значитъ, и съ нашимъ отечествомъ.

Но развѣ существованіе общины мѣшаетъ тому, чтобы крестьянство служило опорой реакціонныхъ партій, развѣ при теперешнихъ условіяхъ оно не усиливаетъ, напротивъ, его политическій консерватизмъ и индифферетизмъ?—вотъ вопросы, которые неизбѣжно должны были вставать въ умѣ чернопередѣльцевъ. Знакомство съ крестьянской массой и съ сочиненіями «беллетристовъ-народниковъ» могло только укрѣпить въ нихъ это сомнѣніе[1]). Мало того. Они уже понимали, что нынѣшнее состояніе производительныхъ силъ въ области крестьянскаго хозяйства, обусловливая индивидуальный, разрозненный трудъ, не представляетъ никакой основы для коммунизма; такимъ образомъ, изъ сферы владѣнія вопросъ былъ перенесенъ въ область производства и на мѣсто юридической формы поставлена экономическая сущность. «Современное состояніе нашего земледѣлія, господство экстензивной культуры почвы, не благопріятствуетъ общинной эксплуатаціи полей. Самое употребительное при такой обработкѣ земледѣльческое орудіе—соха, съ которою, какъ извѣстно, съ удобствомъ можетъ управляться одинъ рабочій. Раздѣленіе труда между отдѣльными работниками невозможно при подобномъ состояніи земледѣльческихъ орудій, а потому артельная обработка мірскихъ полей не въ состояніи была бы увеличить его производительность... Соціализація земледѣльческаго труда можетъ явиться естественнымъ слѣдствіемъ общиннаго землевладѣнія лишь на извѣстномъ уровнѣ сельскохозяйственной культуры» и т. д.

Такимъ образомъ, если современное состояніе производительныхъ силъ не благопріятствуетъ «артельному» производству, а логически обусловливаетъ частное хозяйство и индивидуальный трудъ, тогда естественной тенденціей общины будетъ не

[1]) Писано въ 1901 году.

переходъ ея въ высшую форму, а ея разложеніе. Признаться открыто въ такомъ выводѣ чернопередѣльцы не могли, но они должны были обратиться къ поискамъ другихъ элементовъ, кромѣ крестьянства, для созданія «народно-боевой организаціи»; иначе приходилось отложить дѣло соціализма въ долгій ящикъ. Этотъ элементъ они нашли въ рабочемъ классѣ.

Чернопередѣльцамъ приходилось искать «мостъ для перехода той громадной пропасти, которая отдѣляетъ интеллигенцію отъ народа», и этотъ мостъ они должны были найти въ такомъ классѣ, который по самымъ условіямъ своей жизни, по своему умственному развитію занимаетъ среднее мѣсто между интеллигенціей и крестьянствомъ, служа посредствующимъ звеномъ между ними. Сама жизнь принуждала ихъ незамѣтно и постепенно вносить измѣненія въ свою программу въ смыслѣ признанія преобладающаго значенія за рабочимъ классомъ[1]). Приступая къ перечисленію тѣхъ явленій нашей жизни, которыя давали возможность революціонерамъ усилить свое вліяніе въ народѣ, въ области «крестьянской» жизни статья 2 № „Чернаго Передѣла“ можетъ указать лишь на «волненіе казаковъ на Уралѣ, въ Полтавской станицѣ Кубанскаго Войска и на Дону». Зато въ рабочей средѣ она упоминаетъ «стачки рабочихъ въ Серпуховѣ, Костромѣ, селѣ Тейковѣ, наконецъ, въ Петербургѣ, Москвѣ Кіевѣ и Одессѣ, чтобы видѣть, какъ обильна была наша жатва и какъ мало оказалось жнецовъ». Изъ осязательныхъ продуктовъ революціонной дѣятельности среди крестьянъ статья можетъ указать лишь на Чигиринское дѣло, но въ томъ же нумерѣ редакція должна высказать рѣшительное осужденіе тѣмъ пріемамъ, которые пущены были въ ходъ при организаціи Чигиринскаго заговора. Переходя къ рабочимъ, она не можетъ, напримѣръ, не отмѣтить сравнительно значительныхъ успѣховъ пропаганды, которая велась среди нихъ. «Говорить-ли [2]) о городскихъ

---

[1]) Первый шагъ въ этомъ направленіи сдѣланъ былъ «Землей и Волей»; чернопередѣльцы, а особенно народовольцы, продолжали въ этомъ отношеніи дѣло землевольцевъ, а соціалъ-демократы довели до конца.

[2]) Успѣхъ этотъ, значитъ, не подвергается даже сомнѣнію. Характерный оборотъ для народника, эволюціонизирующаго въ сторону соціалъ-демократіи.

рабочихъ? Повторять-ли, что Малиновскіе, Обнорскіе, Петры Алексѣевы, Петерсоны и т. д. служатъ наглядным доказательствомъ плодотворности нашей дѣятельности въ рабочей средѣ? Лѣтъ 20—25 тому назадъ группа рабочихъ-соціалистовъ въ Россіи была бы «чудомъ родины своей», а въ началѣ 80-хъ г.г. намъ пришлось услышать объ арестѣ тайной типографіи петербургскихъ рабочихъ и о готовившемся къ изданію соціалистическомъ рабочемъ листкѣ».

Мало того. Авторъ этой принципіальной статьи не рѣшается даже сказать заранѣе, изъ какихъ слоевъ трудящагося населенія будутъ вербоваться главныя силы революціонной арміи. Хотя въ настоящее время (т. е. когда была написана статья, въ 1880 г.) промышленное развитіе Россіи незначительно, но «пока мы дѣлаемъ свое дѣло, русская промышленность также не стоитъ на одномъ мѣстѣ. Нужда отрываетъ крестьянина отъ земли и гонитъ его на фабрики, на заводы. Рядомъ съ этимъ, центръ тяжести экономическихъ вопросовъ[1]) передвигается по направленію къ промышленнымъ центрамъ» [2]).

Таковъ былъ итогъ, къ которому жизнь привела эволюцію народническихъ взглядовъ. Черезъ три года послѣ того, какъ написаны были вышецитированныя строки, партизаны чернопередѣльческой доктрины выступили убѣжденными соціалъ-демократами, возлагавшими на капиталистическое развитіе Россіи главныя свои надежды въ смыслѣ подготовленія соціалистическаго строя. Было-ли это измѣной своимъ прежнимъ убѣжденіямъ? Ничуть. Какъ мы видѣли, чернопередѣльцы и прежде опредѣленно стояли на марксистской точкѣ зрѣнія; они понимали, что наступленіе соціалистическаго строя предполагаетъ существованіе капиталистическаго способа производства, который является его необходимымъ предшественникомъ. Они знали, что пролетаріатъ охотно принимаетъ соціалистическое ученіе, тогда какъ крестьяне оказы-

[1]) А значитъ, и революціоннаго вопроса.

[2]) Характерно, что газета «Ч. П.» предназначалась для «интеллигентныхъ читателей», къ которымъ редакція «относитъ и часть городскихъ рабочихъ».

ваютъ ему непреодолимое (по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ) сопротивленіе. Чувствуя ложность своей позиціи, они пытались закрывать глаза на развивающійся въ Россіи капитализмъ и аппелировать къ общинному землевладѣнію, какъ соціальному палладіуму, который одинъ только и оправдываетъ существованіе въ Россіи революціонной партіи. Соціальная жизнь есть явленіе слишкомъ сложное; наряду съ элементами разрушающимися, отживающими, осужденными на исчезновеніе въ силу естественнаго развитія экономическихъ отношеній, имѣются элементы нарождающіеся и крѣпнущіе въ этомъ процессѣ развитія, и имъ-то принадлежитъ будущее. Общинное землевладѣніе представляетъ категорію перваго порядка, и чернопередѣльцы чуяли, что оно, при современномъ состояніи производительныхъ силъ, вовсе не является почвой для процвѣтанія «началъ коллективизма». Пока они связывали судьбу соціально-революціонной партіи съ этимъ наслѣдіемъ старины, которое уже на ихъ глазахъ начинало расползаться по всѣмъ швамъ подъ напоромъ товарнаго производства и денежнаго хозяйства, до тѣхъ поръ жизнь готовила имъ только разочарованія; съ каждымъ шагомъ экономическаго прогресса они не приближались, а отдалялись отъ своей цѣли. Другое дѣло, когда они обратились къ естественному продукту капиталистическаго развитія, къ рабочему классу, котораго сила, численность, сознаніе и организація возрастаютъ въ ходѣ капиталистической эволюціи. Теперь каждый шагъ экономическаго прогресса приближалъ ихъ къ цѣли, потому что они связали свою судьбу съ тѣмъ элементомъ общественной жизни, которому принадлежитъ будущее. Разрушеніе вѣры въ самопроизвольное стремленіе общины къ коммунизму приблизило чернопередѣльцевъ къ соціалъ-демократіи, а этотъ шагъ, какъ мы могли убѣдиться изъ предыдущаго изложенія, имъ не трудно было сдѣлать.

Теперь посмотримъ на эволюцію, пережитую политическими взглядами чернопередѣльцевъ.

Среди многихъ революціонеровъ существуетъ мнѣніе, будто чернопередѣльцы были противъ политической свободы, считая всякую конституцію порожденіемъ дьявола и буржуазіи. Это невѣрно. Такой политической невинностью, какая присуща была большинству народниковъ въ 70-хъ годахъ, чернопередѣльцы уже не страдали. Въ полемической статьѣ противъ народоволь-

цевъ «Письмо къ товарищамъ», помѣщенной въ первомъ же номерѣ «Чернаго Передѣла», говорится слѣдующее: «Не думайте, пожалуйста, товарищи, что я вообще противъ политической свободы. Я слишкомъ уважаю человѣческую личность, всѣхъ честныхъ и искреннихъ людей, чтобы быть противъ политической свободы. Какъ на Западѣ, такъ и у насъ стремленіе къ политической свободѣ есть результатъ нашего прогрессивнаго умственнаго развитія, продуктъ нашего общественнаго самосознанія... Говорить, что идея политической свободы для народа вещь непонятная, ненужная—не резонъ. Она для него такая же необходимая потребность, какъ и для интеллигента. Разница въ томъ, что эта потребность у народа срастается съ другими болѣе насущными, основными потребностями экономическаго свойства». На послѣднія и должна опереться революціонная партія, чтобы гарантировать свободу отъ искаженій со стороны враждебныхъ ей элементовъ. А достигнуть этого можно только организаціей въ народѣ боевой партіи «на почвѣ экономическихъ отношеній, какъ понимаетъ ихъ народъ». Ближайшей задачей революціонеровъ и должно быть созданіе такой партіи, и политическую борьбу авторъ ставитъ въ зависимость отъ предварительной революціонной работы въ народѣ.

Политическое настроеніе чернопередѣльцевъ все болѣе «краснѣетъ» по мѣрѣ обостренія народовольческой борьбы съ правительствомъ. Если приведенныя слова изъ 1-го номера «Чернаго Передѣла» (вышелъ въ январѣ 1880 г.) звучатъ какъ будто томъ робкой уступки, которую врагъ революціоннаго новаторства вынужденъ съ неохотой сдѣлать духу времени, то гораздо опредѣленнѣе и рѣшительнѣе выражается передовая статья второго номера (сентябрь 1880 г.—разгаръ народовольческой борьбы), для того чтобы въ четвертомъ номерѣ, въ статьѣ по поводу 1 марта, окончательно высказаться за необходимость политической борьбы и навсегда распрощаться съ народнической политикобоязнью.

Вотъ что говоритъ передовица № 2: «Конечно, не намъ, отрицающимъ всякое подчиненіе человѣка человѣку, оплакивать паденіе деспотизма въ Россіи; не намъ, которымъ борьба съ существующимъ режимомъ стоила такихъ страшныхъ усилій и столькихъ тяжелыхъ потерь,—желать его продолженія. Мы знаемъ

цѣну политической свободы и можемъ пожалѣть лишь о томъ, что русская конституція отведетъ ей недостаточно широкое мѣсто. Мы привѣтствуемъ всякую борьбу за права человѣка, и чѣмъ энергичнѣе ведется эта борьба, тѣмъ болѣе мы ей сочувствуемъ... Но кромѣ выгодъ, которыя несомнѣнно принесетъ съ собой политическая свобода, кромѣ задачъ ея завоеванія—есть другія выгоды и задачи; и забывать о нихъ невозможно именно въ настоящее время, когда общественныя отношенія такъ заострились и когда, поэтому, нужно быть готовымъ ко всему».

Какъ мы видимъ, каждый разъ признаніе полезности борьбы за политическую свободу сопровождается у чернопередѣльцевъ нѣкоторыми «но». Ниже мы поймемъ смыслъ этихъ оговорокъ, а теперь приведемъ изъ статьи по поводу 1 марта объясненія, коими чернопередѣльцы мотивируютъ свое благосклонное отношеніе къ конституціи. Для народниковъ это большой шагъ впередъ въ смыслѣ развитія политическаго сознанія.

Активная борьба Народной Воли, «изобличая всю несостоятельность нашего допотопнаго, азіатскаго государства, тѣмъ самымъ ускоряетъ паденіе у насъ неограниченнаго монархизма, приближаетъ моментъ установленія болѣе совершенныхъ формъ политической жизни, нѣкоторую (!) полезность которыхъ врядъ ли возможно отрицать... Внесеніе правового элемента въ систему нашихъ государственныхъ отношеній, ослабленіе полицейской опеки и административнаго произвола, большая упорядоченность и справедливость податной системы, расширеніе гласности, свободы печати, независимости судей—все это, сопряженное съ конституціоннымъ порядкомъ, непремѣнно затруднитъ наглое «хищеніе», которое совершается у насъ безпрепятственно во мракѣ абсолютизма, въ душной атмосферѣ его произвола»... Итакъ, по мнѣнію чернопередѣльцевъ, конституціонныя вольности могутъ даже въ извѣстной мѣрѣ оказаться полезными для народной массы—нововведеніе очень существенное. Такъ какъ политика русскаго самодержавія покровительствуетъ «первоначальному накопленію», этой самой отвратительной формѣ экспропріаціи народа, то паденіе абсолютизма будетъ прямымъ выигрышемъ для народа въ сферѣ экономическихъ отношеній. Но этимъ не ограничится вліяніе конституціоннаго режима.

«При представительномъ правленіи, какъ бы исключительно

оно ни было, когда общественное мнѣніе получитъ возможность фактически проявлять себя, сорганизуются различныя партіи, зачатки которыхъ существуютъ уже и въ настоящее время... Явится необходимость во всевозможнаго рода партійныхъ собраніяхъ, митингахъ, избирательной агитаціи и т. д., что, понятно, не можетъ не подѣйствовать благотворно какъ на общество, такъ и на массу; это послужитъ имъ школой для выработки политической дальнозоркости и смысла, которая образуетъ со временемъ изъ мирныхъ обывателей гражданъ. Намъ могутъ возразить, что народъ крайне индиферентно относится къ своимъ политическимъ правамъ, что онъ за ведро водки подастъ свои голоса за любого кандидата, что, однимъ словомъ, съ парламентомъ случится та же исторія, что и съ земствами. Все это совершенно справедливо, но только на первое время. Вѣдь только одна Минерва во всеоружіи вышла изъ головѣ Юпитера, въ обыкновенной же жизни гражданское чувство вырабатывается далеко не сразу, но тѣмъ не менѣе оно такимъ путемъ все-таки вырабатывается...

Сфера дѣятельности партіи (соціалистической), ея внѣшнія условія также сдѣлаются болѣе благопріятными для насъ» [1]).

Не правда ли, характерныя для народника признанія? Авторъ самъ чувствуетъ это и спѣшитъ въ концѣ статьи успокоить «молодыхъ друзей», что признавать конституціонные порядки въ извѣстной мѣрѣ полезными для народа не значитъ измѣнять своей соціалистической программѣ.

Мало того; чернопередѣльцы начали даже положительно относится къ террористической борьбѣ. Вопреки обычному мнѣнію, будто пропагандисты негодовали на терроръ за то, что онъ мѣшаетъ планомѣрной пропагандѣ и организаціи, мы встрѣчаемъ въ «Черномъ Передѣлѣ» неоднократныя заявленія, что активныя дѣйствія Народной Воли не только представляютъ

[1]) И еще: «Мы сами признаемъ не малое значеніе за устраненіемъ деспотизма, давящаго своими желѣзными, хищными лапами русскую жизнь во всѣхъ ея свѣтлыхъ проявленіяхъ; мы прекрасно понимаемъ, что съ измѣненіемъ существующаго политическаго строя тѣсно связанъ цѣлый рядъ, конечно, не коренныхъ, не принципіальныхъ, но все-таки довольно серьезныхъ экономическихъ реформъ» (Передовая статья № 4-го).

хорошее средство для завоеванія политической свободы, но даже облегчаютъ пропаганду и подготовляютъ для нея почву.

Крупный актъ партіи Народной Воли «въ городѣ въ извѣстный моментъ можетъ быть очень кстати» (№ 1, стр. 13).

«Вѣковой предразсудокъ можетъ быть разбитъ только великими событіями. 1 марта не прошло ни для кого безслѣдно, такъ или иначе оно оставило слѣды въ сознаніи каждаго, оно всѣхъ пробудило отъ спячки, дало могучій толчекъ для общественной мысли и чувства... Несомнѣнно, что первому марта принадлежитъ своя доля участія въ порожденіи этихъ (народныхъ) безпорядковъ... Другіе виды революціонной дѣятельности, какъ то пропагаторская и организаціонная, получаютъ свое настоящее значеніе въ моменты, непосредственно слѣдующіе за крупными активными фактами. Партія должна усиленно пользоваться тѣмъ исключительно агитаціоннымъ состояніемъ, которое возникаетъ въ каждой общественной средѣ за такими дѣйствіями партіи. Гораздо труднѣе и медленнѣе совершается работа партіи въ моменты полнаго политическаго штиля, когда ей приходится преодолѣвать большое сопротивленіе со стороны абсолютнаго индеферентизма. Самый фактъ утрачиваетъ значительную часть своей силы и цѣнности, если не приложены усилія къ тому, чтобы освѣтить его надлежащей идеей и утилизировать его для популяризаціи знамени партіи. Цѣлостная и систематическая работа партіи является лишь въ томъ случаѣ, когда всѣ три рода дѣятельности практикуются параллельно и взаимно пополняютъ другъ друга» (№ 4, стр. 5—6).

Послѣднія положенія вводятъ насъ въ самый центръ возраженій, которыя «Ч. П.» дѣлаетъ партіи «Н. В.». Мы видѣли выше, что, не отрицая значенія и важности борьбы за политическую свободу, чернопередѣльцы ставили ее въ зависимость отъ предварительной работы въ народѣ. Когда «Н. В.» заявила, съ одной стороны, что при настоящихъ условіяхъ работа въ народѣ равносильна наполненію бездонной бочки Данаидъ, а, съ другой стороны, впадала въ излишній оптимизмъ, высказывая надежду, что въ русскомъ Учредительномъ Собраніи 90% его членовъ будутъ представителями крестьянскихъ интересовъ, въ это время народники изъ «Черн. Передѣла» вѣрнѣе оцѣнили соотношеніе общественныхъ силъ въ русскомъ обществѣ и, протестуя противъ

сосредоточенія всѣхъ силъ партій на политической борьбѣ, они доказывали необходимость созданія кадровъ народной партіи уже теперь, до политическаго переворота. Какъ это ни странно, но въ своемъ требованіи затрачивать главную часть силъ партіи на подготовленіе народно-боевой организаціи, народники «Ч. П.» исходили изъ признанія нашей буржуазіи единственно серьезной силой въ русскомъ обществѣ.

«Правда, наша буржуазія, какъ политическая сила, пока находится лишь въ потенціальномъ состояніи. Но слабая политически, она въ настоящее время, при общей нашей экономической бѣдности—народа, дворянства и другихъ соціальныхъ группъ—составляетъ единственную солидную силу. Правительство въ настоящее время принимаетъ всѣ мѣры для увеличенія роста ея... Развѣ не характерно заявленіе московской биржи, недавно поданное Грейгу, о томъ, чтобы всѣ финансовыя мѣропріятія правительства совершались съ ея вѣдома, сообразно ея интересамъ? Всегда осторожная, боящаяся всякихъ заговоровъ и смутъ, буржуазія наша, тѣмъ не менѣе, прекрасно сумѣетъ воспользоваться тѣмъ переполохомъ, который вы (т. е. народовольцы) намѣрены произвести. Когда понадобится, она обнаружитъ не мало энергіи, находчивости и ума. Найдутся писатели, ученые и ораторы, готовые защищать ее, облечь ея требованія въ законную форму. Да и теперь уже большинство нашихъ ученыхъ и публицистовъ, за весьма немногими исключеніями, работаютъ въ пользу буржуазіи. Возьмите, напр., хоть-бы «Труды» разныхъ нашихъ комиссій, проекты вольно-экономическаго, ссудо-сберегательнаго и другихъ обществъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что буржуазная тенденція, если не сказать наука, вполнѣ сложилась у насъ и что она ждетъ лишь политической арены».

Вотъ какіе элементы захватятъ власть послѣ политическаго переворота, если народъ не будетъ подготовленъ къ сознанію своихъ интересовъ. Народовольцы надѣялись на избирательную агитацію и расчитывали имѣть на своей сторонѣ подавляющее большинство въ Учредительномъ Собраніи. Авторъ цитируемаго письма разбиваетъ и эту иллюзію. Народъ будетъ захваченъ врасплохъ, говоритъ онъ и указываетъ на ирландскіе выборы (гдѣ помѣщики заставляютъ фермеровъ голосовать по своему

приказанію), чтобы напомнить имъ, что на удачный исходъ русскихъ выборовъ въ Земскій Соборъ нечего возлагать особенныхъ надеждъ. «Подобная же (какъ во Франціи во время плебисцитовъ, въ Англіи и Ирландіи) система выборовъ будетъ несомнѣнно практиковаться и у насъ, какъ это уже и теперь происходитъ въ небольшомъ видѣ при выборахъ земскихъ и городскихъ гласныхъ. Какую роль играетъ народъ въ этихъ собраніяхъ—прототипѣ будущаго Земскаго Собора—слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстно. Въ городѣ въ Земскій Соборъ попадетъ богатый, вліятельный купецъ въ деревнѣ въ большинствѣ случаевъ—богатый, «знатный мужикъ», «хозяйственный мужичекъ»... Въ число депутатовъ отъ крестьянъ попадетъ также мѣстный землевладѣлецъ—«баринъ»!

Для того, чтобы народъ не оказался одураченнымъ при новомъ политическомъ режимѣ, чтобы онъ могъ широко воспользоваться свободой и отстоять свои интересы, для этого необходимо озаботиться организаціей въ народѣ боевой партіи или, по крайней мѣрѣ, кадровъ такой партіи. Только при такомъ условіи борьба за политическую свободу принесетъ народу максимумъ возможной пользы, тѣмъ болѣе, что, по мнѣнію того же автора, «борьба съ буржуазнымъ государствомъ не въ примѣръ труднѣе, чѣмъ съ современнымъ». Мало того, политическая борьба съ деспотическимъ государствомъ не можетъ увѣнчаться успѣхомъ безъ сознательной поддержки широкихъ слоевъ народной массы. Что можетъ сдѣлать сравнительно малочисленная группа интеллигентной молодежи и отдѣльныхъ лицъ разныхъ сословій и положеній, при всей своей энергіи и рѣшимости, въ смыслѣ захвата власти или политическаго переворота? А если даже предположить, если допустить, что такой группѣ удастся вызвать политическій переворотъ, то чѣмъ мы гарантированы отъ такой, напр., непріятной перспективы: временно нарушенное между монархомъ и высшими классами согласіе возстановится; буржуазія захватитъ политическую власть, которую, въ виду отсутствія народной партіи, дѣлить ей ни съ кѣмъ не приходится; охранители изъ департамента полиціи будутъ замѣнены охранителями изъ Земскаго Собора и снова воцарится «порядокъ»? А между тѣмъ, при отсутствіи серьезной революціонной организаціи въ народѣ, которая въ рѣшительный моментъ могла бы бросить на вѣсы исторіи свой мечъ, такой исходъ очень даже

вѣроятенъ. И вотъ почему черноперед'ѣлецъ, при всемъ своемъ «сочувствіи политической борьбѣ», ставитъ «дѣятельность въ народѣ превыше всѣхъ задачъ, какъ источникъ нашей силы и нашихъ успѣховъ въ борьбѣ съ врагами, которыхъ въ конституціонной Россіи у насъ, конечно, будетъ не менѣе, чѣмъ теперь».

Общество состоитъ изъ различныхъ классовъ, «основные интересы» которыхъ «прямо противоположны между собой». Для переворота необходима диктатура извѣстнаго класса, которая, «устранивъ старый порядокъ, захватила бы въ свои руки весь государственный организмъ страны и установила бы новыя обязательныя нормы». «Ни военный переворотъ, ни дворцовая революція не въ состояніи осуществить идеи трудового соціализма. Только путемъ побѣдоносной народной революціи и можетъ совершится дѣло народнаго освобожденія». «Основные интересы народа и всѣхъ прочихъ общественныхъ группъ въ корнѣ расходятся между собой; громадное, подавляющее большинство изъ нихъ не за народъ, а противъ него. Надѣяться составить многочисленную соціально-революціонную партію изъ интеллигенціи невозможно—это иллюзія, это значитъ задаваться задачей перевоспитанія цѣлыхъ поколѣній. Взять эту задачу на себя партія никоимъ образомъ не должна, она должна обратиться къ своему непосредственному, жизненному источнику—народу. Только самъ народъ и можетъ освободить себя» [1]).

Резюмируя теперь тѣ выводы, къ которымъ пришли черноперед'ѣльцы, мы получаемъ слѣдующую картину.

Въ основѣ общественнаго развитія лежатъ явленія экономическія, въ частности состояніе производительныхъ силъ, причемъ для всякаго соціальнаго переворота нужны реальныя экономическія предпосылки. Такое состояніе производительныхъ силъ, которое обусловливаетъ индивидуальный, разрозненный трудъ (напр., соха), не создаетъ основы для коммунистическаго

[1]) Ссылаясь на то, что политическій терроръ въ большинствѣ случаевъ остается непонятенъ народу, «Ч. П.» рекомендуетъ систематическій «фабричный» и «аграрный» терроръ—идея, которая существовала въ «Южно-русскомъ рабочемъ Союзѣ» въ Кіевѣ въ началѣ 80-хъ гг. и впослѣдствіи возродилась у такъ наз. «молодыхъ» народовольцевъ (въ 1883—84 гг.); но въ данномъ случаѣ это насъ не интересуетъ.

строя; напротивъ, развитіе капиталистическаго способа производства, обобщая процессъ труда, неизбѣжно ведетъ къ соціалистическому строю, причемъ соціализація владѣнія является результатомъ соціализаціи производства. Поэтому соціалистическая пропаганда пользуется такимъ рѣшительнымъ успѣхомъ среди пролетаріата и столь же рѣшительнымъ неуспѣхомъ въ крестьянской средѣ (исключеніе для русской общины въ очень, впрочемъ, условномъ смыслѣ; напр., соха). Современное общество состоитъ изъ различныхъ классовъ, интересы которыхъ прямо противоположны; ни одинъ классъ или группа не можетъ брать на себя задачу и иниціативу освобожденія другого класса: освобожденіе народа должно быть дѣломъ самого народа. Достигнуть этого освобожденія можно путемъ организаціи народныхъ силъ въ боевую партію, которая въ рѣшительный моментъ захватываетъ въ свои руки государственную власть и, учредивъ диктатуру класса, преобразовываетъ общественный строй въ своихъ интересахъ. Такому соціальному перевороту предшествуетъ измѣненіе политическаго режима, которое немыслимо безъ содѣйствія народныхъ массъ. Поэтому соціально-революціонная партія должна сосредоточить главныя свои силы на работѣ «въ народѣ», на организаціи народной партіи или, по крайней мѣрѣ, на выработкѣ кадровъ такой партіи. Съ одной стороны, это необходимо и для успѣшности политическаго переворота, съ другой стороны—для гарантированія народу максимума выгодъ отъ установленія правового режима, при которомъ непосредственная власть перейдетъ не въ руки народа, а въ руки буржуазіи.

Передъ нами почти всѣ основныя положенія русской соціальной демократіи.

Въ этой стройной системѣ (а что она была именно такова, читатель могъ убѣдиться изъ предыдущаго изложенія) надлежало болѣе выяснить и подчеркнуть два пункта. Первый—касался роли капитализма, а значитъ и пролетаріата, въ развитіи русской общественной жизни. Второй—касался значенія борьбы за политическую свободу.

Главныя надежды свои въ смыслѣ соціалистической революціи чернопередѣльцы пріурочивали къ своей (впрочемъ, сильно уже помятой) вѣрѣ въ общину, точнѣе, въ ея самопроизвольную тенденцію къ соціализму. Но марксистская точка зрѣнія, на ко-

торой они стояли, весьма недвусмысленно говорила имъ, что при данномъ уровнѣ техники, при данномъ состояніи производительныхъ силъ, индивидуализмъ представляетъ въ общинѣ явленіе нормальное, неустранимое. То же ученіе, которое они раздѣляли, должно было убѣждать ихъ, что при господствѣ товарнаго производства или, что въ данномъ случаѣ одно и то же, денежнаго хозяйства «естественное» стремленіе общины ведетъ ее къ разложенію, а не къ переходу въ высшую форму, къ торжеству индивидуализма, а не соціализма: вѣдь, по ихъ же словамъ, соціализація владѣнія есть результатъ соціализаціи производства, а не наоборотъ. Тотъ же марксизмъ убѣдительно говорилъ имъ, что капитализмъ создаетъ почву для соціализма и порождаетъ его съ желѣзной необходимостью, что исторически первый является необходимымъ предшественникомъ второго; но обращаясь къ русской дѣйствительности, они видѣли въ ней ничтожное развитіе этого капитализма и потому уходили въ сторону отъ естественно напрашивавшагося вывода. Стоило имъ убѣдиться, что русская экономическая жизнь развивается именно въ направленіи капиталистическаго производства,—а знакомый имъ методъ давалъ имъ возможность сравнительно легко разобраться въ данныхъ нашей экономической дѣйствительности и въ ея тенденціяхъ,—и имъ нечего было убѣгать отъ собственной логики. Тогда они убѣдились, что развитіе капитализма есть центральный узелъ русской жизни и основная тенденція всего нашего «пореформеннаго хозяйства», а значитъ, что въ русской дѣйствительности вырабатываются и крѣпнутъ тѣ самыя реальныя и экономическія предпосылки соціализма, которыхъ они тщетно и въ противорѣчіи съ собственными историко-философскими взглядами искали въ русской общинѣ. Но еще раньше, чѣмъ они открыто пришли къ этому выводу, сама жизнь, которая оказалась сильнѣе всѣхъ «апріорныхъ построеній», заставила ихъ усумниться въ томъ, изъ какихъ слоевъ трудящейся массы будутъ вербоваться главныя силы революціи, а затѣмъ прямо признать, что центръ тяжести вопроса передвигается къ рабочей средѣ. Когда, наконецъ, изъ-за туманныхъ очертаній общей народной массы они разглядѣли тотъ классъ, самое развитіе котораго предвѣщаетъ смерть частной собственности, который самыми условіями своего существованія вынуждается взять на себя иниціативу соціалисти-

ческаго преобразованія общества и который только и въ силахъ произвести и довести до конца этотъ переворотъ,—т. е. пролетаріатъ, тогда они сказали послѣднее «прости» народническимъ предразсудкамъ, и циклъ ихъ развитія былъ завершенъ.

Но раньше имъ оставалось еще окончательно раздѣлаться съ народничествомъ въ политикѣ, какъ они раздѣлались съ нимъ въ экономіи и философіи исторіи. И въ этомъ отношеніи благодѣтельное вліяніе на нихъ «Народной Воли» стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія.

Народовольцы выставили положеніе, что политическая свобода (помимо того, что она есть благо сама по себѣ) необходима именно для развитія соціалистической дѣятельности, что широкая пропаганда соціалистическихъ идей невозможна при абсолютномъ режимѣ, что поэтому борьба со старымъ режимомъ и низверженіе его составляютъ главную, первую задачу русскихъ соціалистовъ. Мы видѣли, какъ подъ вліяніемъ ихъ теоріи, а главнымъ образомъ ихъ практики все болѣе и болѣе опредѣлялись политическіе взгляды «Чернаго Передѣла». Но до послѣдняго времени своего существованія (№ 4 вышелъ въ сентябрѣ 1881 г.) чернопередѣльцы выражались сравнительно робко объ этомъ вопросѣ: они дѣлали какъ-будто уступку и въ то же время какъ бы боялись, что ихъ упрекнутъ за это въ измѣнѣ революціоннымъ традиціямъ. Признать политическую борьбу основнымъ элементомъ соціалистической дѣятельности, признать низверженіе абсолютизма первой задачей русскаго соціалистическаго движенія, а завоеваніе свободнаго политическаго режима необходимымъ предварительнымъ условіемъ соціальной революціи—таковъ былъ второй шагъ, который имъ оставалось сдѣлать. Ихъ марксизмъ облегчалъ имъ рѣшеніе и этой стороны задачи.

И тогда они сдѣлались соціалъ-демократами.

Изъ воспоминаній о соціалъ-демократическомъ движеніи среди одесскихъ рабочихъ въ 1893—1894 годахъ.

Первая попытка пропаганды среди одесскихъ рабочихъ связана съ именемъ Заславскаго (1875 г.). Ему и его товарищамъ удалось создать довольно значительную рабочую организацію («Южно-Русскій Рабочій Союзъ»), имѣвшую свой уставъ и кассу. Общій характеръ пропаганды былъ тогда, какъ и во всей Россіи, бунтарскій. Бунтари вообще не оставляли своимъ вниманіемъ рабочій классъ, и ихъ дѣятельность въ концѣ 70-хъ годовъ въ Одессѣ въ значительной долѣ представляла пропаганду среди рабочихъ. Въ знаменитой вооруженной демонстраціи во время суда надъ Ковальскимъ на Гулевой улицѣ (въ 1878 г.) рабочіе принимали видное участіе. Вообще дѣятельность среди одесскихъ рабочихъ никогда не была безплодной благодаря значительной культурности одесскаго населенія. Тогда же одесская пропаганда захватила и николаевскихъ рабочихъ, особенно моряковъ, что обнаружилось отчасти во время процесса Лизогуба и 28 его товарищей (1879 годъ).

Затѣмъ наступила эпоха народовольчества. Можно сказать безъ преувеличенія, что не было ни одного народовольческаго кружка, который не попробовалъ бы своихъ силъ на рабочей пропагандѣ. Въ началѣ 80-хъ годовъ среди одесскихъ рабочихъ существовало много революціонныхъ кружковъ, еще больше было среди нихъ сочувствующихъ народовольцамъ лицъ. Общій характеръ движенія былъ политическій въ узкомъ смыслѣ этого слова; классоваго самосознанія, особой чисто-рабочей организаціи не существовало: рабочее движеніе являлось составной частью народовольческой организаціи. Одесскій процессъ 1883 года показалъ, что народовольцы успѣли завоевать извѣстное положеніе среди рабочихъ. Среди осужденныхъ въ каторжныя

работы по этому дѣлу мы находимъ нѣсколько рабочихъ: Голикова, Сарычева, Надѣева и др.

Всеобщій упадокъ революціонной энергіи въ русскомъ обществѣ послѣ пораженія, нанесеннаго правительствомъ партіи «Народной Воли», отразился и среди одесскихъ рабочихъ затишьемъ въ движеніи. Послѣдующіе революціонные кружки, слабые преемники народовольцевъ, дѣлали неоднократно попытки снова соорганизовать рабочіе кружки. Изъ пропагандистовъ за это время извѣстны болѣе другихъ студентъ Штернбергъ и рабочій Карпенко. Имъ удалось повести довольно широкую пропаганду среди рабочихъ Одессы и другихъ южныхъ городовъ. И теперь[1]) еще можно встрѣтить въ Одессѣ рабочихъ, принадлежавшихъ къ этой организаціи. Ихъ провалъ въ 1887 г. вызвалъ снова затишье въ рабочемъ движеніи Одессы.

Въ началѣ 90-хъ годовъ снова начинается пропаганда среди одесскихъ рабочихъ, и уже преимущественно соціалъ-демократическаго характера. Бывшему провизору Рубинштейну, М. Дилетицкой, Гольдендаху (Рязанову) и нѣкоторымъ другимъ удалось создать довольно значительную организацію среди строительныхъ рабочихъ, но съ ихъ арестомъ (по винѣ предателя Федулова) и съ бѣгствомъ за границу Рубинштейна движеніе снова затихаетъ.

Болѣе массовый характеръ движеніе начало принимать съ 1893 года, когда началась пропаганда среди рабочихъ соціалъ-демократическаго кружка Цыперовича, Нахамкиса (Стеклова) и другихъ. О дѣятельности этого кружка я и хочу здѣсь разсказать.

Собственно говоря, кружка въ строгомъ смыслѣ слова у насъ не существовало; регулярныхъ собраній, зафиксированной организаціонной связи, устава и т. п. не было. Была просто группа пріятелей, связанныхъ, главнымъ образомъ, узами личнаго товарищества и единомыслія по основнымъ вопросамъ. Большинство изъ насъ прошло черезъ стадію народовольческихъ идей. Здѣсь было простое увлеченіе народовольческими идеями,

[1]) Эти строки написаны мною въ 1900 году, когда я по порученію редакціи «Рабочаго Дѣла» просматривалъ и дополнялъ подготовлявшуюся къ печати брошюру «Рабочее движеніе въ Одессѣ и Николаевѣ» (отчеты комитетовъ одесскаго и николаевскаго; вышла въ Женевѣ въ 1900 г.).

навѣянное чтеніемъ народовольческой литературы, которая случайно попала къ намъ въ руки въ огромномъ количествѣ. И увлекались-то мы собственно не программой и теоретическими воззрѣніями народовольцевъ, а мужествомъ и рѣшимостью представителей партіи и ея отчаянной борьбой за политическую свободу. И хотя мы пережили эту стадію чисто головнымъ образомъ, хотя мы прошли эту школу путемъ чисто теоретическихъ переживаній, тѣмъ не менѣе слѣды этого увлеченія сохранились въ насъ навсегда.

Но скоро мы пришли къ марксизму. Къ концу 80-хъ годовъ, когда формировалось міровоззрѣніе членовъ нашего кружка, идеи марксизма уже начинали носиться въ воздухѣ. Онѣ подводили итогъ опыту всего предшествовавшаго революціоннаго движенія въ Россіи, и вотъ почему молодежь, начавшая съ увлеченія народническими и народовольческими идеями, быстро оставляла ихъ и при первомъ удобномъ случаѣ переходила къ марксизму. Я хорошо помню, какъ два члена нашего кружка (пишущій эти строки и еще одинъ товарищъ) сдѣлались марксистами, если такъ можно выразиться, въ одну минуту. Стоило одному пропагандисту, незадолго до того прибывшему изъ-за границы, начать передъ нами свою рѣчь слѣдующими словами: «въ основѣ всего историческаго процесса лежатъ факторы экономическіе», и мы сразу почувствовали, что внутри насъ что-то оборвалось и что незамѣтное, постепенно совершавшееся въ области нашего «подсознательнаго» накопленіе идей нашло себѣ выраженіе въ этой короткой и рѣшительной формулѣ. Мы сразу признали себя соціалъ-демократами. И хотя нашъ старшій товарищъ (теперь извѣстный с.-д.) затѣмъ прибавилъ: «я не с.-д., а просто марксистъ», но это не могло уже измѣнить дѣла. Мы признали себя именно с.-д.

Итакъ, мы опредѣленно констатировали постепенно назрѣвшую въ нашей психикѣ перемѣну. Для выясненія этого, на первый взглядъ, какъ бы страннаго обстоятельства слѣдуетъ прибавить, что въ случайно попавшей къ намъ корзинѣ съ нелегальными изданіями, наряду съ народовольческимъ «Календаремъ» и «Вѣстникомъ Народной Воли», находились первыя изданія группы «Освобожденіе Труда», въ томъ числѣ «Соціализмъ и политическая борьба» и «Наши разногласія» Плеханова, «Рабочее

движеніе и соціальная демократія» Аксельрода, «Манифестъ Коммунистической Партіи» и. если мнѣ не измѣняетъ память, сборникъ «Соціалъ-демократъ». Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ хорошей порціей народовольческой литературы, мы одновременно получили изрядную дозу марксистскаго противоядія. И ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что совершавшееся внутри насъ умственное броженіе въ концѣ концовъ вылилось въ форму опредѣленнаго результата. Внезапность наступленія этого результата совершенно естественна: психологическія превращенія, получающіяся вслѣдствіе медленныхъ измѣненій, обыкновенно отличаются такимъ катастрофическимъ характеромъ.

Теперь предстояло подвести основательный фундаментъ подъ наше новое міросозерцаніе, прежде чѣмъ приступить къ практической дѣятельности. И мы засѣли за книги. Серьезную службу сослужилъ намъ при этомъ систематическій каталогъ составленный Д. Гольдендахомъ и впослѣдствіи дополненный нами (въ этомъ видѣ каталогъ одно время былъ довольно популяренъ на югѣ). Въ то время на русскомъ языкѣ не существовало той богатой марксистской литературы, которая имѣется сейчасъ. Доставать книги на иностранныхъ языкахъ также было довольно трудно. Зато (и отчасти вслѣдствіе недостатка марксистской литературы) пришлось изучить множество всякихъ основательныхъ и неосновательныхъ книгъ по разнымъ научнымъ вопросамъ,—преимущественно, конечно, по вопросамъ обществовѣдѣнія. Нашъ каталогъ обнималъ всѣ существовавшія тогда на русскомъ языкѣ главныя книги и журнальныя статьи по первобытной культурѣ, исторіи права, исторіи всеобщей и русской, философіи исторіи и соціологіи, политической экономіи, но особенно хорошо и полно подобраны были сочиненія по рабочему вопросу и русской экономикѣ. Подготовка наша тянулась нѣсколько лѣтъ (1889—1894) при самой усиленной работѣ. Современная молодежь, избалованная имѣющеюся къ ея услугамъ марксистской литературой (по большей части пропагандистскаго и агитаціоннаго характера), къ сожалѣнію, не проходитъ такого искуса. Объ исключеніяхъ мы, естественно, не говоримъ...

Нечего и пояснять, что основательное знакомство съ сочиненіями Маркса и Энгельса ставилось во главу угла. Въ нашемъ распоряженіи имѣлись тогда: «Капиталъ» тт. 1 и 2, «Коммуни-

стическій Манифестъ», «Наемный трудъ и капиталъ», «Рѣчь о свободѣ торговли»—въ русскомъ переводѣ, «Къ критикѣ политической экономіи», «Нищета философіи» и Энгельсовскій «Анти Дюрингъ»—на нѣмецкомъ языкѣ. Съ другими сочиненіями Маркса и Энгельса мы познакомились только впослѣдствіи. И многое дали намъ въ смыслѣ дополненія къ извѣстнымъ намъ сочиненіямъ обоихъ основателей научнаго соціализма—статьи и книги Зибера, а также вышеупомянутыя изданія группы «Освобожденіе Труда».

Теперь фундаментъ былъ подведенъ, и мы рѣшили примѣнить пріобрѣтенныя нами знанія на практикѣ.

Попытки завязать сношенія съ рабочими дѣлались нѣкоторыми членами нашего кружка и раньше. Мысль о важности и необходимости пропаганды среди рабочихъ носилась въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ въ воздухѣ. Изъ всѣхъ отдѣльныхъ видовъ революціонной дѣятельности, на которые распалась политическая борьба послѣ разгрома партіи «Народной Воли», уцѣлѣло и болѣе или менѣе успѣшно развивалось только «рабочее дѣло». Оно же оказалось и наиболѣе продуктивнымъ. Быть можетъ, въ этомъ полу-сознательномъ, полу-инстиктивномъ устремленіи въ рабочую среду играла извѣстную роль относительная легкость этой пропаганды среди сравнительно культурной пролетарской массы; быть можетъ, не безъ нѣкотораго вліянія осталось при этомъ то обстоятельство, что подавляющее большинство соціалистовъ того времени вышло изъ среды городского населенія, такъ что происхожденіе революціонныхъ дѣятелей, съ одной стороны, и близость соціальнаго матеріала, подлежавшаго обработкѣ и находившагося, можно сказать, подъ рукой, въ извѣстной мѣрѣ предопредѣляли направленіе интеллигентныхъ симпатій. Но не подлежитъ также никакому сомнѣнію, что главное вліяніе оказалъ здѣсь характеръ экономической эволюціи Россіи, который къ разсматриваемому моменту успѣлъ въ достаточной степени выясниться. Теперь даже люди, отъ которыхъ истина была скрыта народническими шорами, увидѣли, что Россія вступила на путь капиталистическаго развитія, больше того, что по этому пути она успѣла зайти довольно далеко. Мы же, кромѣ того, понимали, что быстрый темпъ экономическаго развитія неуклонно приближаетъ нашу страну къ великимъ

политическимъ потрясеніямъ, въ которыхъ пролетаріату предстоитъ сыграть рѣшающую роль. Къ началу 90-хъ годовъ этотъ мысль о рѣшающемъ значеніи пролетаріата въ дѣлѣ предстоящаго политическаго раскрѣпощенія Россіи въ насъ, первыхъ соціалъ-демократахъ, настолько вкоренилась, что сдѣлалась чѣмъ-то въ родѣ «политическаго предразсудка».

Но, повторяю, даже прежде, чѣмъ мы успѣли превратиться въ сознательныхъ соціалъ-демократовъ, среди насъ сказалось непобѣдимое инстинктивное тяготѣніе къ рабочему классу. Подчасъ это тяготѣніе выражалось у насъ, зеленыхъ юношей, въ нѣсколько комической формѣ, но подъ этой смѣшной внѣшностью тѣмъ не менѣе скрывалась серьезная соціальная подкладка: тогда начиналась новая полоса «хожденія въ народъ», на этотъ разъ не въ крестьянство, а въ пролетаріатъ, полоса, отличавшаяся такимъ же энтузіазмомъ и вѣрой, но гораздо болѣе положительная и продуктивная, чѣмъ въ 70-хъ годахъ.

Нѣкоторые изъ насъ почувствовали эту тягу еще на школьной скамьѣ. Въ частности, пишущій эти строки въ возрастѣ 14—15 лѣтъ по вечерамъ совлекалъ съ себя гимназическую форму и отправлялся съ знакомыми въ трактиръ пить чай и просиживать тамъ цѣлые часы, наблюдая простое и безхитростное, но манившее его своей жуткой таинственностью времяпровожденіе рабочихъ. Въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ онъ руководилъ занятіями кружка, состоявшаго изъ учениковъ старшаго класса ремесленнаго училища «Трудъ», которые были старше его на нѣсколько лѣтъ. Занятія въ этомъ кружкѣ носили довольно курьезный характеръ: читались статьи Писарева и Добролюбова съ надлежащими комментаріями, и по поводу такихъ статей, какъ «Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ» и «Мыслящій пролетаріатъ», развивались по мѣрѣ силъ и умѣнья идеи соціализма и революціи. Умѣнья было, конечно, мало, а силъ и того меньше. Иногда уставшій за день работы слушатель засыпалъ, и его мирное похрапываніе своеобразно аккомпанировало тихому голосу чтеца.

Въ другой разъ забредалъ великовозрастный революціонеръ. «старикъ» 20—22 лѣтъ, и, прислушавшись къ обсуждаемой темѣ, начиналъ давать разъясненія въ слѣдующемъ, напримѣръ, родѣ:

Гегеліанство — это ученіе нѣмецкаго философа Гегеля. Онъ доказывалъ, что все дѣйствительное разумно, т. е. все, что существуетъ, очень хорошо. Напримѣръ, войны, самодержавіе, капитализмъ». — «Какой мерзавецъ!» — замѣчалъ съ негодованіемъ кто-нибудь изъ пылкихъ слушателей. — «Н-да-съ, — охотно соглашался пропагандистъ,—прохвостъ порядочный».

При всемъ томъ настроеніе было хорошее. Чувствовалась жизнь, вѣрилось, что изъ этого выйдетъ рабочая организація. На самомъ дѣлѣ не вышло ничего. Участники кружка разбрелись въ разныя стороны.

Года черезъ три—четыре два члена нашего кружка снова сдѣлали попытку сблизиться съ рабочими. Въ 1892 г. въ Одессѣ производилась перепись населенія. Нѣкоторые изъ насъ записались въ число счетчиковъ. Я и мой пріятель, Г. Цыперовичъ, избрали для своихъ прогулокъ рабочее предмѣстье Пересыпь. Здѣсь, ходя по квартирамъ рабочихъ, мы осторожно заводили съ ними разговоры объ ихъ житьѣ-бытьѣ, присматривались къ нимъ, старались ознакомиться съ ихъ стремленіями и интересами, вообще нащупывали почву. Ровно ничего мы не добились. То ли мы не сумѣли приступиться къ рабочимъ, то ли время было тогда такое глухое,—только всѣ наши попытки къ сближенію съ рабочими разбились какъ о каменную стѣну. Рабочіе или не обнаруживали никакого недовольства и не выказывали никакихъ интересовъ, или же, если и жаловались на свое положеніе, то ограничивались платоническими воздыханіями и проявляли величайшую апатію и запуганность. Моему товарищу удалось натолкнуться на одного пожилого и семейнаго рабочаго, который заинтересовался было его разговорами, но изъ дальнѣйшихъ посѣщеній выяснилось, что и этотъ рабочій не отличается никакой активностью и преисполненъ страха передъ полиціей (тогда Одессу терроризовалъ пресловутый контръ-адмиралъ Зеленый, про котораго одинъ уличный газетчикъ остроумно замѣтилъ: «говоритъ по-французски, ругается по-русски»). Посѣщенія пришлось прекратить, и наша первая попытка не привела ни къ какимъ осязательнымъ результатамъ.

Однако на этотъ разъ мы рѣшили не оставлять своихъ попытокъ. Такъ или иначе, въ томъ или другомъ направленіи мы рѣшили пытать счастья до тѣхъ поръ, пока не удастся набрести

на подходящихъ рабочихъ и заложить первую ячейку рабочей организаціи. Случай помогъ намъ добиться своей цѣли.

По вечерамъ мы обыкновенно собирались у одного изъ членовъ нашего кружка, Софьи Яковлевны Т. (нынѣ Стеклова). Въ дѣтствѣ она обитала со своими родителями въ Карантинѣ (приморская часть города) и имѣла среди рабочихъ много знакомыхъ. Нѣкоторые изъ нихъ, хотя и рѣдко и черезъ большіе промежутки времени, иногда ее навѣщали. И вотъ однажды, придя къ ней, мы застали тамъ двухъ пріятелей, Л. и П., служившихъ машинистами на пароходахъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли. Это были первые интеллигентные рабочіе, съ которыми мнѣ пришлось встрѣтиться, и немудрено, что они произвели на меня сильное впечатлѣніе. Они свободно поддерживали разговоръ, касавшійся русской литературы, историческихъ экскурсій, задачъ рабочаго движенія и т. п. Вели себя они совершенно непринужденно, держались самоувѣренно, говорили литературнымъ слогомъ, одѣты были по-европейски. Но что меня непріятно въ нихъ поразило, такъ это какой-то налетъ разочарованности, которой они какъ бы кокетничали, и пренебрежительное отношеніе къ рабочей массѣ. О послѣдней они отзывались не иначе, какъ о стадѣ барановъ, неспособныхъ ни къ какому протесту, ни къ какому сознанію, ни къ какой иниціативѣ; уговаривали насъ не браться за такое безнадежное дѣло, какъ организація одесскихъ рабочихъ; увѣряли, что мы и сами напрасно погибнемъ, и другихъ погубимъ—и все это съ насмѣшливыми прибаутками и глумленіемъ по адресу рабочей массы.

Впослѣдствіи мнѣ не разъ приходилось наблюдать эту черточку у нѣкоторыхъ развитыхъ рабочихъ, выдѣлившихся изъ массы и даже побывавшихъ въ политическихъ передѣлкахъ. На свою братію, россійскихъ рабочихъ — середняковъ, они махали рукой, утверждая—«по собственному опыту»,—что съ этой массой ничего не подѣлаешь. Дескать, и погромче васъ были витіи, да не сдѣлали пользы языкомъ. Возвышались ли такимъ путемъ эти зоилы въ своихъ собственныхъ глазахъ надъ массой, въ то время дѣйствительно косной и рабски придавленной, или же эта аристократическая пренебрежительность служила у нихъ благовидной маской для отказа отъ рискованнаго участія въ пропагандистской работѣ, — не знаю. Вѣроятно, имѣло мѣсто и то, и

другое [1]). Какъ бы тамъ ни было, въ результатѣ нашего продолжительнаго спора Л. рѣшительно отказался отъ нашего предложенія, заявивши, что онъ предпочитаетъ пойти на какое-то народное гулянье пить пиво; П. же въ концѣ концовъ согласился помочь намъ и познакомить кое съ кѣмъ изъ рабочихъ.

П. сдержалъ слово, но только формально. Онъ познакомилъ меня кое съ кѣмъ, но скоро я замѣтилъ, что въ сущности онъ старается парализовать мои усилія, скорѣе мѣшаетъ мнѣ, чѣмъ помогаетъ пріобрѣтать новыя знакомства среди рабочихъ и вообще расширять наше дѣло. П—ъ представлялъ типъ рабочаго, выбившагося «въ люди». Въ тотъ моментъ, о которомъ я разсказываю, онъ занималъ довольно теплое мѣсто старшаго машиниста на пароходѣ. На заблужденія своей молодости онъ смотрѣлъ съ снисходительной усмѣшкой, не хуже любого «разочаровавшагося» интеллигента. Вѣроятно, онъ согласился оказывать мнѣ помощь только потому, что считалъ всю мою затѣю блажью скучающаго барина; когда же онъ увидѣлъ, что я отношусь къ этому вопросу серьезно, то струсилъ и не зналъ уже, какъ отъ меня отдѣлаться. Если онъ не порывалъ со мной круто и сразу, то лишь потому, что стѣснялся: ему хотѣлось до конца выдержать роль человѣка интеллигентнаго, «сочувствующаго». Съ подвластной ему командой онъ обращался довольно грубо, часто

---

[1]) Забѣгая нѣсколько впередъ, разскажу про слѣдующій случай. Въ предмѣстьѣ Слободка-Романовка мнѣ пришлось познакомиться съ однимъ рабочимъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, который еще сильнѣе поразилъ меня своимъ умственнымъ развитіемъ, чѣмъ П. Разговоръ какъ-то коснулся германскаго Центра, и Х. удивилъ меня своимъ основательнымъ знакомствомъ съ характеромъ и дѣятельностью этой партіи, равно какъ и другихъ политическихъ партій. Но отъ активнаго участія въ работѣ онъ наотрѣзъ отказался, также мотивируя свой отказъ безнадежностью нашей затѣи въ виду отсталости русскихъ рабочихъ. И что же оказалось? Впослѣдствіи онъ былъ арестованъ за изготовленіе фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ! Иронія судьбы захотѣла, чтобы онъ былъ арестованъ одновременно съ кружкомъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ, къ которому я хотѣлъ его привлечь. Случайно столкнувшись со мной во дворѣ тюрьмы, онъ страшно смутился и опустилъ голову, чтобы не встрѣтиться со мной взглядами. Въ жизни все бываетъ!

даже въ моемъ присутствіи. И когда я замѣтилъ ему, что человѣку, называющему себя сознательнымъ соціалистомъ, не приличествуетъ такъ обращаться съ зависящими отъ него людьми, онъ, дерзко поблескивая своими сѣрыми на выкатѣ глазами, пояснилъ:

— Вы не знаете этихъ людей. Если я стану распускать ихъ, то они сядутъ мнѣ на шею! Да я и не увѣренъ, что эти милые товарищи на меня не донесутъ. Вы думаете, они не обратили вниманія на Ваши посѣщенія?

Наконецъ, когда я убѣдился, что больше мнѣ отъ него ничего не добиться, мы постепенно начали отдаляться другъ отъ друга, а затѣмъ и вовсе перестали встрѣчаться. Впослѣдствіи онъ сдѣлалъ карьеру и вначалѣ этого вѣка былъ уже капитаномъ большого парохода. На чьей сторонѣ стоялъ онъ въ «дни свободы», не знаю; сомнѣваюсь, чтобы на сторонѣ лѣвыхъ.

Но кое-что онъ для насъ все-таки сдѣлалъ. Благодаря ему мы завязали первыя знакомства въ рабочей средѣ, а дальше дѣло росло какъ снѣжный комъ. Каждый новый знакомый приводилъ своихъ товарищей, эти своихъ и т. д. Начало организаціи было положено.

Первый рабочій, съ которымъ насъ познакомилъ П—въ, былъ слесарь Кириловъ [1]), работавшій на эллингѣ Добровольнаго флота. Человѣкъ культурный, трезвенникъ по принципу, онъ снималъ порядочную комнату и въ общемъ жилъ, какъ интеллигентъ со скромными средствами. Чисто одѣтый, гладко выбритый и причесанный, Кириловъ напоминалъ скорѣе нѣмецкаго или англійскаго, чѣмъ русскаго рабочаго. Это былъ типичный представитель умѣренности и аккуратности въ рабочемъ движеніи, какихъ часто можно встрѣтить въ англійскихъ трэдъ-юніонахъ или нѣмецкихъ профессіональныхъ союзахъ, какіе отчасти встрѣчались въ гапоновскомъ движеніи до 1905 года. Подобно Л. и П—ву онъ въ молодости также подвергался косвенному вліянію народовольческихъ кружковъ, но затѣмъ постепенно отсталъ отъ дѣла и снова примкнулъ къ нему только подъ нашимъ вліяніемъ,— я сказалъ бы, подъ нашимъ давленіемъ, такъ какъ все время упирался не хуже П—ва. Его, Л., П—ва и подобныхъ намъ не

[1]) Всѣ фамиліи (кромѣ Калашникова) были вымышлены, но теперь я ихъ возстанавливаю, насколько припоминаю.

приходилось «пропагандировать»; въ общемъ они были знакомы съ основными положеніями соціаль-демократіи. Характерно (и это мнѣ приходилось наблюдать неоднократно), что рабочіе, пришедшіе къ политической сознательности даже подъ вліяніемъ народовольцевъ, ничуть не были заражены народническими предразсудками; благодаря своему соціальному положенію, какъ пролетаріевъ, они инстинктивно отбрасывали эти предразсудки и извлекали изъ проповѣди революціонеровъ чистое зерно «идеи четвертаго сословія». Здѣсь въ маломъ масштабѣ повторялось то, что нѣкогда случилось съ Сѣверно-Русскимъ Рабочимъ Союзомъ, основатели котораго (между прочимъ, Халтуринъ и Обнорскій) въ свое время также прошли школу народниковъ-бунтарей.

Итакъ, поучать нашихъ первыхъ рабочихъ намъ не было нужды; приходилось лишь толкать ихъ въ практическомъ отношеніи, возбуждать ихъ энергію для того, чтобы они знакомили насъ съ новыми товарищами. Огрызаясь и упираясь, они это дѣлали, но дѣло все-таки подвигалось впередъ довольно туго. Къ счастью, намъ удалось встрѣтиться съ двумя выдающимися рабочими—и картина сразу измѣнилась, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла.

Объ этихъ двухъ людяхъ стоитъ разсказать.

Когда я жаловался Кириллову на то, что дѣло развивается у насъ слабовато, онъ со вздохомъ отвѣчалъ мнѣ:

— Если бы у насъ былъ Л. Яковлевъ, все измѣнилось бы

— А кто такой этотъ Леонидъ Яковлевъ?

— Вы не слыхали про Яковлева? Да это самый выдающійся изъ нашихъ рабочихъ! Умница, начитанный, говоритъ, какъ ораторъ. И смѣлый на удивленіе, не боится никого. Всегда во главѣ рабочихъ, которые преклоняются передъ нимъ. Вотъ это настоящій революціонеръ! Не то что П. и ему подобные.

— Позвольте, — перебилъ я изумленно,—если онъ таковъ, какъ вы его расписываете, такъ почему бы не привлечь его къ нашему кружку?

— Нельзя. Пьетъ! И пьетъ жестоко. Пока Яковлевъ не выпивши, нѣтъ ему равнаго человѣка. А какъ налижется—тряпка человѣкъ, никуда не годится. Вѣдь наше дѣло требуетъ оглядки, конспираціи. А когда Яковлевъ запьетъ свой запой, онъ никого слушать не станетъ. Вылѣзетъ на крышу и начнетъ оттуда орать

такъ и такъ молъ, слушай, народъ православный! Тутъ ужъ никто его не удержитъ. Онъ тогда и васъ не послушаетъ. А станете его уговаривать, васъ же обругаетъ буржуемъ или предателемъ.

— Нѣтъ, чѣмъ больше вы о немъ разсказываете, тѣмъ сильнѣе мнѣ хочется съ нимъ познакомиться. Какъ бы это устроить? —спросилъ я.

— Не совѣтую,—отвѣтилъ Кириловъ,—онъ погубитъ все наше дѣло. Впрочемъ, теперь его и нѣтъ въ городѣ: онъ плаваетъ механикомъ на пароходѣ...

Прошло нѣсколько недѣль... Яковлевъ списался на берегъ поступилъ рабочимъ въ желѣзнодорожныя мастерскія, но Кириловъ все не спѣшилъ меня познакомить съ нимъ.

Однажды, когда я сидѣлъ у Кирилова, дверь изъ сосѣдней комнаты, гдѣ проживалъ знакомый намъ техникъ Ющенко, вдругъ распахнулась и оттуда вышелъ человѣкъ, державшій въ рукахъ подносъ, на которомъ стояла «сороковка» съ нѣсколькими рюмками. Внѣшность этого человѣка сразу привлекала и приковывала къ себѣ вниманіе. Въ парусиновой блузѣ, подпоясанной шелковымъ шнуркомъ, съ блѣднымъ выразительнымъ лицомъ, обрамленнымъ черною окладистою бородою, стройный и изящный, съ пѣвучимъ голосомъ, онъ производилъ впечатлѣніе профессора, писателя, вообще человѣка интеллигентнаго въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Что сразу бросалось въ глаза при взглядѣ на этого человѣка, такъ это глубокая грусть, сквозившая и въ выраженіи его тонкаго, благороднаго лица, и въ тонѣ его мелодичнаго голоса, и въ усталыхъ движеніяхъ. Онъ былъ слегка навеселѣ и чуть-чуть пошатывался. Направившись прямо къ намъ, онъ, не здороваясь, сказалъ добродушно просительнымъ тономъ:

— Выпьемъ, господа!

— Мы не пьемъ,—недовольнымъ голосомъ отвѣтилъ Кириловъ и отвернулся.

Я сразу догадался, кто предо мною, и съ величайшимъ вниманіемъ слѣдилъ за всей сценой.

Яковлевъ (это былъ онъ) медленно поставилъ подносъ на столъ и тяжело опустился на кровать рядомъ съ Кириловымъ.

— Мы не пьемъ!—иронически сказалъ онъ.—Такъ-съ! Конечно, мы ведемъ нравоучительныя бесѣды. Цирлихъ-манирлихъ.

Умѣренность и аккуратность. «Русская Мысль» и «Русскія Вѣдомости» [1]). Н-да!

Наступило неловкое молчаніе. Яковлевъ сидѣлъ, задумавшись и низко опустивъ голову.

— А я, — вдругъ заговорилъ онъ съ силой,—я наплевать хотѣлъ на ваши «Русскія Вѣдомости» и «Вѣстникъ Европы»: на всю вашу умѣренность и аккуратность. Слышите, наплевать хотѣлъ! Я, можетъ быть, потому и пью, что мнѣ осточертѣли вы всѣ съ вашимъ благоразуміемъ и либеральными разговорами. Чѣмъ вести съ вами нравоучительныя бесѣды, я лучше напьюсь какъ свинья. Да, напьюсь—и все тутъ. Ты чего качаешь головой?— обратился онъ къ Кирилову, который посматривалъ то на него, то на меня съ презрительной улыбкой.—Думаешь, вотъ онъ какой Яковлевъ, пьяница и свинья? Я, братъ, съ тобой и не желаю быть ровней. Ни на что вы не способны, кромѣ чтенія «Вѣстника Европы», да и то предварительно завѣшиваете окна. Чего смотришь? Благодаришь Бога, что я вотъ, дескать, не такой грѣшникъ, какъ этотъ Леня? Эхъ вы, люди! Что, и вы такой же, господинъ интеллигентъ?.. Извините, не имѣю чести быть знакомымъ...—вдругъ обратился онъ ко мнѣ.

Я отвѣтилъ неопредѣленнымъ жестомъ, не считая данный моментъ удобнымъ для объясненій. Яковлевъ тяжело поднялся и взялъ свой подносъ со стола.

— Ну, и чортъ съ вами!—сказалъ онъ уныло.—Оставайтесь, ведите свои бесѣды о выѣденномъ яйцѣ. Я вамъ не товарищъ.

И ушелъ въ другую комнату.

— Ну, вотъ видите, какой онъ?—обратился ко мнѣ Кирилову. — Оскорбилъ васъ, даже не зная. А еще хотѣли съ нимъ познакомиться!

— Напротивъ,—отвѣтилъ я.—Теперь-то я хочу съ нимъ познакомиться еще сильнѣе, чѣмъ прежде.

— Ну? —недовѣрчиво протянулъ удивленный Кириловъ.—

---

[1]) Въ поясненіе долженъ сказать, что въ то время среди развитыхъ рабочихъ распространенъ былъ обычай выписывать (часто въ складчину) газеты и журналы. Выписывались «Русская Мысль», рѣже «Вѣстникъ Европы» (другихъ журналовъ и не было), изъ газетъ «Русская Жизнь» Пороховщикова и «Русскія Вѣдомости».

Какъ хотите, но я съ нимъ встрѣчаться не желаю. Всегда вотъ такъ облаетъ за здорово живешь.

Черезъ три дня мы встрѣтились съ Яковлевымъ на квартирѣ другого желѣзнодорожнаго рабочаго Филиппа Квачова. Послѣдній былъ также старымъ обстрѣляннымъ волкомъ и также представителемъ умѣренной осторожности. Яковлева онъ зналъ давно и того же не любилъ за обличенія; но такъ какъ они все-таки были старыми пріятелями и жили рядомъ въ одномъ домѣ, то я и уговорилъ Филиппа познакомить меня съ Яковлевымъ у себя на квартирѣ

Когда я пришелъ къ Филиппу, Яковлевъ, уже умытый послѣ работы, причесанный и чистый, весь какой-то благообразный и одухотворенный, сидѣлъ за столомъ, задумчивый и грустный, какъ всегда. Я сразу приступилъ къ дѣлу.

— Видите ли, мы задумали основать организацію для пропаганды соціалъ-демократическихъ идей среди рабочихъ. Согласны ли вы примкнуть къ намъ?

Лицо Леонида засіяло какимъ-то особымъ свѣтомъ.

— И вы еще можете меня объ этомъ спрашивать!—сказалъ онъ съ грустной улыбкой.—Вѣдь я всю жизнь объ этомъ мечталъ...

Нашъ кружокъ обогатился преданнымъ и способнымъ членомъ, передъ которымъ Филиппъ Кириловъ и другіе быстро отошли на задній планъ.

Другое важное пріобрѣтеніе было нами сдѣлано слѣдующимъ образомъ.

Однажды къ члену нашего кружка Ц. явился знакомый студентъ В. Это былъ симпатичный и радикально настроенный юноша, но по общему складу своего характера тяготѣвшій не къ революціонерамъ, а къ толстовству [1]) Впрочемъ, намъ онъ вполнѣ сочувствовалъ и готовъ былъ оказывать всякія услуги. И вотъ онъ сообщилъ, что прибылъ изъ Англіи матросъ Иванъ Калашниковъ, убѣжденный соціалистъ и сорви-голова, что этотъ парень намъ можетъ очень и очень пригодиться, но въ настоящій моментъ поглощенъ одной мыслью: ему непремѣнно хотѣлось взорвать какой-нибудь пароходъ не то изъ молодечества, не то изъ желанія обратить вниманіе на тяжелое положеніе матросовъ

[1]) Такъ намъ тогда казалось. Теперь Волошкевичъ—старый и ярый большевикъ.

и кочегаровъ, а можетъ быть, и въ надеждѣ такимъ громкимъ актомъ встряхнуть послѣднихъ. По описанію этотъ Калашниковъ намъ очень понравился и рѣшено было поскорѣе познакомиться съ нимъ для того, чтобы отговорить его отъ безразсудныхъ анархическихъ затѣй и привлечь его къ нашей соціалъ-демократической пропагандѣ.

Вольный штурманъ Иванъ Михайловичъ Калашниковъ оказался самымъ цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для нашего кружка. Несмотря на свою молодость (ему было около 20 лѣтъ), онъ до знакомства съ нами успѣлъ уже побывать въ разныхъ странахъ, потереться среди людей и нахватать съ разныхъ сторонъ обрывки знаній и впечатлѣній, сложившихся въ его горячей головѣ въ своеобразную систему непримиримаго бунтарства. Самоувѣренный, бойкій, какъ всѣ матросы, онъ былъ хорошъ, когда, широко разставивъ ноги и заложивъ руки въ карманы, вдругъ начиналъ развивать какой-нибудь блестящій планъ рабочаго движенія. Развернутая передъ нимъ картина могучей рабочей организаціи, охватывающей всѣ слои одесскаго пролетаріата, затѣмъ распространяющейся по всему югу Россіи и, наконецъ, соединяющейся съ другими русскими городами для созданія гигантской соціалъ-демократической рабочей партіи, увлекла его своей грандіозностью. Съ этого момента онъ зналъ «одну лишь пламенную страсть, одной лишь мысли вдохновенье» и всѣ силы своей богато одаренной натуры посвятилъ пропагандѣ среди рабочихъ. Ознакомившись съ нашими цѣлями, онъ сразу отказался отъ своихъ кровавыхъ замысловъ и впослѣдствіи вспоминалъ о нихъ съ добродушной улыбкой. Для большей продуктивности своей работы онъ поступилъ на службу въ качествѣ простого матроса и, переходя съ парохода на пароходъ, нигдѣ не заживаясь долго, онъ пропагандировалъ, агитировалъ, просвѣщалъ, убѣждалъ, организовывалъ и вообще не зналъ ни минуты отдыха.

Съ его присоединеніемъ къ нашему кружку дѣло сразу было поставлено на широкую ногу. Въ порту устроены были двѣ конспиративныя квартиры хозяевами которыхъ были нѣсколько матросовъ, кочегаровъ и одинъ чернорабочій Ошманецъ. На этихъ квартирахъ начали устраиваться сходки. Не менѣе двухъ разъ въ недѣлю сюда являлся я или Ц.. и тогда устраивались чтенія или же обсуждались общія дѣла организаціи. Но въ сущности

на этихъ квартирахъ происходили непрерывныя сходки, такъ какъ постоянно сюда забѣгали рабочіе за справками, книжками, приводили новыхъ товарищей и т. д.

Впрочемъ, наши конспиративныя квартиры скорѣе напоминали берлоги, чѣмъ благоустроенныя жилища. Представьте себѣ большую грязную комнату въ старомъ, сыромъ, заплѣсневѣломъ домѣ съ никогда не моющейся каменной лѣстницей; небольшой некрашеный столикъ, два хромоногихъ стула, нѣсколько деревянныхъ обрубковъ, въ углу на двухъ полѣньяхъ три доски, замѣняющія кровать—вотъ и все убранство этой квартиры, если сюда прибавить еще небольшую керосиновую лампочку, которая начинала чадить и гаснуть, когда въ комнату набивалось слишкомъ много народу. Другая квартира была еще проще: тамъ не было никакой, абсолютно никакой мебели. Собравшіеся на сходку усаживались прямо на полу, пропагандистъ въ качествѣ привиллегированнаго лица садился на подоконникъ, и это собраніе, напоминавшее сборище первыхъ христіанъ въ катакомбахъ, освѣщалось тусклымъ свѣтомъ свѣчи, захваченной кѣмъ-нибудь изъ рабочихъ. Впрочемъ, на этой квартирѣ собирались мало и неохотно.

И подумать, что на такихъ квартирахъ строились грандіозные планы радикальнаго преобразованія Россіи, закладывались основы рабочей партіи! И было такъ хорошо, и такъ вѣрилось...

Наши цѣли и задачи. — Организація кружковъ. — Способъ пропаганды.

Какія же цѣли мы себѣ ставили?

Я уже говорилъ, что, приступая къ дѣлу, мы были вполнѣ убѣжденными марксистами. Мы тогда уже прекрасно понимали, что великія общественныя дѣянія создаются только творчествомъ массъ, и что героическіе индивидуальные порывы рискуютъ остаться безплодными, если ихъ не поддерживаютъ организованныя общественныя силы. Мы хорошо помнили основное историко-философское положеніе марксизма, что «основательность историческаго дѣйствія возрастаетъ пропорціонально объему массъ, творящихъ это дѣйствіе», хотя, быть можетъ, формулировали его нѣсколько иными словами. Мы знали, что въ Россіи немыслимы никакія серьезныя соціальныя и политическія преобразованія до тѣхъ поръ, пока на борьбу не выступятъ народныя массы.

Въ революціонность русской буржуазіи мы не вѣрили; мы знали, что чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ буржуазія становится все консервативнѣе и пассивнѣе. И если прусская буржуазія въ 1848 году оказалась неспособной къ энергичной борьбѣ съ абсолютизмомъ за политическую свободу, то тѣмъ менѣе надеждъ мы могли возлагать въ этомъ отношеніи на нашу чумазую буржуазію эпохи первоначальнаго накопленія. Достаточно безнадежнымъ казалось намъ съ этой точки зрѣнія и наше крестьянство. Потому ли, что соціалъ-демократическая доктрина сложилась въ борьбѣ съ народничествомъ, идеализировавшимъ русское крестьянство, и благодаря этому естественно перегибала палку въ другую сторону, потому ли, что радужныя надежды, возлагавшіяся на крестьянство въ 70-хъ годахъ, были жестоко разбиты, или же потому, что въ то время среди русскихъ крестьянъ не замѣчалось никакихъ проблесковъ движенія, крестьянство не входило въ наши расчеты въ качествѣ активнаго историческаго фактора. Единственно, чего мы отъ него ожидали, это былъ нейтралитетъ въ случаѣ борьбы между рабочимъ классомъ и силами стараго режима. Но и на полный нейтралитетъ съ его стороны мы также не разсчитывали; мы опасались, что въ нѣкоторыхъ, особенно отсталыхъ частяхъ страны можно ожидать активнаго сопротивленія политическимъ и соціальнымъ новшествамъ. И мы даже не были увѣрены, что передача крестьянамъ всѣхъ частновладѣльческихъ и казенныхъ земель парализуетъ приверженность темныхъ крестьянъ къ традиціоннымъ идоламъ. Въ нашемъ кружкѣ очень много говорили о возможности крестьянской «Вандеи». И характерно, что примыкавшіе къ нашей организаціи крестьяне (строительные рабочіе), насколько я помню, не протестовали противъ такихъ опасеній.

Зато всѣ свои надежды возлагали мы на пролетаріатъ. Мы и негодовали, и смѣялись, когда читали статьи и книги народническихъ писателей, съ серьезной миной доказывавшихъ, что въ Россіи промышленный пролетаріатъ составляетъ 1—2% всего населенія, и что его легко можно сбросить со счетовъ. Наоборотъ, мы были увѣрены, что пролетаріатъ, численность и сознательность котораго растетъ у насъ съ каждымъ днемъ, является главнымъ прогрессивнымъ факторомъ русской жизни. Мы знали, что соціализмъ, выражающій классовые интересы пролетаріата, пробьетъ

себѣ дорогу въ его среду, несмотря ни на какія препятствія, и что этотъ прирожденный носитель соціализма сыграетъ также главную роль въ дѣлѣ политическаго раскрѣпощенія страны. Однимъ словомъ, изъ всѣхъ классовъ нашего полуазіатскаго общества мы считали пролетаріатъ наиболѣе европейскимъ классомъ (если не имѣть, конечно, въ виду интеллигенцію, которую мы не считали самостоятельнымъ классомъ, а только промежуточной прослойкой, лишенной самостоятельной силы и самостоятельнаго значенія).

Итакъ, для насъ было ясно, что самая непосредственная, насущная задача русской жизни сводится къ созданію рабочей партіи. Мы разсуждали такъ, какъ коммунары послѣ разгрома Коммуны: всѣ порывы впередъ оказались безплодными именно потому, что не были поддержаны сознательной и организованной рабочей партіей. Но возможно ли создать такую рабочую партію въ широкомъ масштабѣ при тогдашнихъ русскихъ полицейскихъ условіяхъ? Вотъ вопросъ, который вставалъ передъ нами, и на который мы не могли дать опредѣленнаго отвѣта. Вѣрнѣе, мы отвѣчали на него приблизительно въ духѣ проекта программы группы «Освобожденіе Труда», т. е. мы полагали, что намъ придется ограничиться только созданіемъ кружковъ и подготовкой сравнительно немногихъ сознательныхъ рабочихъ, которые въ моментъ революціи могли бы стать во главѣ народныхъ массъ. Политическую же революцію мы считали неизбѣжной и очень близкой.

Не забудьте, что мы приступили къ работѣ въ скорости послѣ голода 1891 года, когда крестьянское трехпольное хозяйство оказалось совершенно подорваннымъ, а финансы страны казались близкими къ полному банкротству. Вдобавокъ, разсуждали мы, абсолютизмъ, чувствуя возросшую неустойчивость своего положенія, постарается искать спасенія отъ внутреннихъ затрудненій въ какой-нибудь внѣшней диверсіи, а здѣсь, какъ мы были въ этомъ твердо убѣждены, его ждетъ неминуемое пораженіе такъ какъ въ исправное состояніе вооруженныхъ силъ правительства мы никогда не вѣрили. Военное пораженіе абсолютизма развяжетъ руки оппозиціи, и правительство принуждено будетъ пойти на уступки. Начнутся конституціонныя заигрыванія, будетъ созванъ земскій соборъ или какой-нибудь «соединенный

ландтагъ», и вообще начнутся глубокія внутреннія замѣшательства. Въ деревняхъ начнется разгромъ помѣщичьихъ усадебъ, а въ городахъ произойдетъ вооруженное возстаніе, которое неминуемо закончится побѣдой народа. Приведетъ ли это къ республикѣ или конституціонной монархіи, мы не могли сказать положительно; но въ чемъ мы были глубоко убѣждены, такъ это въ томъ, что буржуазія, которая въ часы боя будетъ сидѣть у себя по домамъ, послѣ побѣды революціи немедленно выползетъ изъ своихъ норъ и, пользуясь своимъ богатствомъ, образованіемъ, связями, постарается конфисковать въ свою пользу всѣ плоды народныхъ усилій. Этого, по нашему мнѣнію, не слѣдовало допускать ни въ какомъ случаѣ. И мы думали, что народъ, вооруженный и гордый своей побѣдой, въ силахъ будетъ не допустить до этого. Но для этого въ его средѣ и по возможности во главѣ его должны находиться люди, сознательно относящіеся къ развертывающимся событіямъ. Необходима, однимъ словомъ, наличность многочисленной и сознательной рабочей интеллигенціи. Содѣйствовать выработкѣ такой интеллигенціи мы и ставили своей главной задачей. Въ этомъ отношеніи наша организація была большимъ пропагандистскимъ кружкомъ.

Итакъ, политическое содержаніе нашей пропаганды совершенно ясно. Въ общемъ же пропаганда была поставлена у насъ приблизительно слѣдующимъ образомъ. Рабочимъ выяснялся общій характеръ капиталистическаго развитія, порождаемые имъ соціальные антагонизмы и конечная цѣль, къ которой стремится буржуазный строй, словомъ, излагалась теорія Маркса. Далѣе выяснялись историческія задачи пролетаріата, описывались различныя формы его экономической и политической дѣятельности, разсказывалось о его историческихъ судьбахъ и наиболѣе крупныхъ историческихъ выступленіяхъ (движеніе чартистовъ, ліонское возстаніе, февральская революція, іюньскіе дни, Коммуна, дѣятельность нѣмецкой соціалъ-демократіи и французской «Рабочей Партіи» и т. п.). Затѣмъ мы переходили къ Россіи, разсматривали крестьянскую реформу 1861 года, разореніе крестьянскаго хозяйства, разложеніе кустарныхъ промысловъ, развитіе крупной промышленности и указывали на спеціальныя задачи, поставленныя исторіей передъ русскимъ рабочимъ классомъ, который не только долженъ вести соціальную борьбу съ буржуазіей,

но и добиться политическаго освобожденія страны. Мы объясняли нашимъ рабочимъ, что исторія, такимъ образомъ, возложила на нихъ двойную, а слѣдовательно, и болѣе тяжелую задачу, но въ то же время и болѣе благодарную и грандіозную, такъ какъ они могутъ принять участіе въ буржуазной революціи, какъ вполнѣ сознательные соціалъ-демократы, а значитъ, добиться въ моментъ общаго переустройства русской жизни такихъ крупныхъ завоеваній для рабочаго класса, которыхъ въ нормальное время добиться очень трудно, если и не невозможно (конечно, до соціализма).

Перспектива грандіозныхъ соціальныхъ преобразованій, въ которыхъ имъ предстояло принимать непосредственное участіе и даже играть рѣшающую роль, увлекала рабочихъ и возвышала ихъ въ собственныхъ глазахъ. На нашихъ сходкахъ мы могли воочію наблюдать, какъ вырабатывается классовое сознаніе и складывается высокая психика активности и самопожертвованія въ самой сѣрой на видъ массѣ подъ вліяніемъ новыхъ впечатлѣній и внезапно нахлынувшихъ идей. Вчера еще погрязшіе въ животной борьбѣ за существованіе, люди сразу перерождались, когда передъ ихъ удивленнымъ взоромъ внезапно раскрывался ослѣпительный просвѣтъ въ историческую даль, и пріятно было думать, что какой-нибудь побывавшій на нашей сходкѣ строительный рабочій, складывая на другой день кирпичи на постройкѣ, въ то же время мечталъ о возведеніи другого зданія—соціалъ-демократической рабочей партіи.

Весьма возможно, что мы не совсѣмъ удачно и популярно излагали рабочимъ программу и задачи соціалъ-демократіи. Дѣло было молодое и неопытное. Очень даже вѣроятно, что не всѣ толкованія, которыми мы сопровождали, напримѣръ, чтеніе «Коммунистическаго Манифеста» или историческій очеркъ рабочаго движенія Аксельрода (въ сборникѣ «Соціалъ-демократъ»), были доступны рабочимъ и усваивались ими. Но главной своей цѣли мы все-таки добивались. Рабочіе понимали насъ. Наполовину умомъ, наполовину инстинктомъ они схватывали сущность нашей пропаганды, претворяли ее въ плоть и кровь, облекали живымъ тѣломъ своего собственнаго опыта и дальше самостоятельно вели пропаганду среди товарищей, привлекая все новыхъ и новыхъ адептовъ на сторону соціалъ-демократическаго движенія.

Первая с.-д. пропаганда среди одесскихъ рабочихъ.

Сколько именно у насъ было кружковъ. въ точности трудно опредѣлить, такъ какъ, во-первыхъ, составъ ихъ не всегда былъ постояннымъ, а во-вторыхъ, нѣкоторые кружки распадались, а другіе вновь возникали. Но въ общемъ можно насчитать слѣдующіе кружки: 1) первый кружокъ, куда входили П-въ, Кириловъ и нѣсколько пароходныхъ машинистовъ и слесарей; впослѣдствіи онъ распался; 2) городской кружокъ. куда входило нѣсколько сапожниковъ и другихъ рабочихъ; сюда же приходили нѣкоторые солдаты, которыхъ рабочіе привлекли самостоятельно, и которыхъ я такъ ни разу и не видалъ; этотъ кружокъ также распался; 3) самый большой кружокъ, состоявшій преимущественно изъ матросовъ и кочегаровъ и представлявшій центръ нашей организаціи; здѣсь дѣйствовалъ Калашниковъ съ товарищами; 4) кружокъ Яковлева въ предмѣстьи Ближнія Мельницы, состоявшій изъ рабочихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и отчасти строительныхъ рабочихъ; 5) кружокъ слесарей и рабочихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ на Слободкѣ-Романовкѣ; впослѣдствіи распался; 6) кружокъ сапожниковъ на Молдаванкѣ; 7) нѣсколько кружковъ строительныхъ рабочихъ.

Кружки эти не успѣли окончательно сложиться; составъ ихъ все время былъ текучій и неопредѣленный; нѣкоторые члены переходили изъ одного кружка въ другой, хотя мы тщательно этого избѣгали по конспиративнымъ соображеніямъ. Въ общемъ кружки были мало связаны между собой; какихъ-нибудь делегатскихъ собраній не было. Кружки связывались въ одну организацію только черезъ посредство двухъ интеллигентныхъ пропагандистовъ, на плечахъ которыхъ лежала почти вся работа. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что настоящая наша работа продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ, главнымъ образомъ лѣтомъ и осенью 1893 года: въ концѣ января 1894 года насъ постигъ жестокій провалъ. Напуганные постоянными систематическими провалами предшествующихъ кружковъ, мы старались вести дѣло очень конспиративно и сознательно избѣгали до поры до времени открытыхъ массовокъ и связей между отдѣльными кружками. Мы хотѣли прежде всего создать нѣкоторыя прочныя и широкія ячейки. прежде чѣмъ приступить къ объединенію отдѣльныхъ кружковъ. но идеаломъ нашимъ была правильная организація, охватывающая массу одесскихъ рабочихъ, объединяющая ихъ

съ помощью делегатскихъ собраній, руководящая всѣми выступленіями рабочихъ и т. п. Мы мечтали, между прочимъ, объ организаціи всеобщей забастовки въ порту лѣтомъ 1894 года, а также объ устройствѣ маевки. Но до этого намъ не суждено было дожить.

Я уже говорилъ, какъ мы вели пропаганду. Систематическаго плана лекцій у насъ не было, и мы такъ и не успѣли его выработать, хотя въ общемъ чтенія происходили у насъ по извѣстной системѣ, о которой читатель уже могъ получить нѣкоторое представленіе по вышеизложенному. Мы испытывали страшный недостатокъ въ подходящей литературѣ. За два года до начала нашей пропаганды группа заграничныхъ студентовъ, бывшихъ нашихъ товарищей по гимназіи, умудрилась провести черезъ границу небольшой транспортъ нелегальной литературы. Такъ какъ сами они не знали, что съ ней дѣлать, то въ концѣ концовъ они отдали всѣ эти книжки намъ. Мы сохранили ихъ, переплели, и эти немногія брошюры оказались для насъ громаднымъ подспорьемъ въ нашей работѣ.

Но этого было мало. Тогда наши матросы предложили намъ провести изъ-за границы новый транспортъ. Это удалось осуществить, но насъ ожидало страшное разочарованіе. Дѣло въ томъ, что мы выписали транспортъ отъ Фонда Вольной Русской Прессы въ Лондонѣ. Хотя мы опредѣленно указали, что именно намъ нужно, но вмѣсто выписанныхъ соціалъ-демократическихъ брошюръ мы получили почти исключительно изданія Фонда, быть можетъ, и очень хорошія, но для нашихъ цѣлей совершенно непригодныя. Съ большимъ трудомъ и рискомъ удалось доставить эти брошюры на берегъ, и вообразите наше негодованіе и уныніе, когда вмѣсто брошюръ о рабочемъ движеніи и соціализмѣ, мы получили въ десяткахъ и сотняхъ экземпляровъ такія изданія, какъ «Еврей къ евреямъ» Хасина, «Конституція Лорисъ-Меликова», «Заграничная агитація» и «Начало конца» Степняка и т. п. Изъ всего доставленнаго намъ транспорта болѣе или менѣе пригодились «Подпольная Россія», біографія члена партіи «Пролетаріатъ» сапожника Домбровскаго и «Кто чѣмъ живетъ?» Дикштейна. Дикштейнъ былъ бы для насъ совсѣмъ хорошъ, если бы былъ присланъ намъ въ изданіи группы «Освобожденіе Труда» (какъ мы и просили); но вся бѣда заключалась въ томъ, что

Фондъ прислалъ намъ эту брошюру въ собственномъ изданіи, напечатанномъ на прескверной бумагѣ и съ тысячею опечатокъ Попытка наша выписать литературу непосредственно отъ группы «Освобожденіе труда» закончилась неудачей.

Недостатокъ въ нелегальной литературѣ мы старались восполнить легальными изданіями. Еще когда мы готовились къ пропагандѣ, у насъ составилась довольно порядочная библіотечка, въ которую, м. пр., входилъ цѣлый рядъ книгъ, имѣвшійся тогда на русскомъ книжномъ рынкѣ по исторіи революцій, соціализма и рабочаго движенія. Припоминаю такія книги, какъ Михайлова «Пролетаріатъ во Франціи» и «Ассоціаціи», Шефейфера «Ассоціаціи», Бехера «Рабочій вопросъ», Ланге «Рабочій вопросъ», Луи Блана «Исторія революціи», т. I, Вермореля, «Дѣятели 48 г.» и «Дѣятели 51 года», Ватсона—брошюра о Коммунѣ, Ланжале и Корье «Исторія революціи 18 марта», далѣе нѣкоторыя сочиненія Чернышевскаго, въ томъ числѣ его примѣчанія къ Миллю, сочиненія Пругавина, Харизоменова, В. В. Трирогова, Чупрова, Иванюкова и др. Кромѣ того, мы вырывали изъ старыхъ журналовъ наиболѣе интересныя статьи и переплетали ихъ въ видѣ брошюрокъ-книжекъ. Особенно запомнились мнѣ двѣ статьи П. Лаврова «Автобіографія стараго чартиста», которыя производили очень сильное впечатлѣніе и на меня, и на рабочихъ. Изъ всѣхъ имѣвшихся въ нашемъ распоряженіи книгъ наибольшую пользу принесли намъ и больше всего нравились рабочимъ «Коммунистическій Манифестъ», брошюра Дикштейна «Кто чѣмъ живетъ?» (въ то время самая популярная), Плеханова «Ежегодный праздникъ рабочихъ: 1-ое мая» и «Четыре рѣчи рабочихъ», произнесенныя на маевкѣ въ Петербургѣ въ 1891 году. Но, конечно, главную роль играли не брошюры и книги, а устныя толкованія и личныя бесѣды, особенно относительно русскихъ дѣлъ.

Рабочіе относились къ дѣлу очень серьезно. Я уже говорилъ, какимъ возвышающимъ образомъ дѣйствовала на нихъ перспектива историческихъ переворотовъ, которую мы развертывали передъ ними. Они преображались на нашихъ глазахъ, лица ихъ свѣтлѣли, движенія становились болѣе увѣренными и пластичными, рѣчь мѣнялась, въ обращеніи появлялись сдержанность и достоинство. Нѣкоторые переставали пить, другіе

начинали чище одѣваться, пріобрѣтать книги, посѣщать театры и лекціи. Почти всѣ безъ исключенія старались не ограничиваться пассивной ролью слушателей, а пріобрѣтать кружку новыхъ сторонниковъ.

Не обходилось при этомъ и безъ нѣкоторыхъ курьезовъ. Такъ, одного изъ нашихъ рабочихъ, матроса Нахалова, однажды арестовали по слѣдующему поводу. Царившій тогда въ Одессѣ градоначальникъ Зеленый требовалъ, чтобы всѣ встрѣчные кланялись ему на улицѣ. Забитое и запуганное населеніе покорно исполняло капризы бѣшенаго самодура; ослушникамъ же грозилъ арестъ, а то и кулачная расправа.

— Иду это я по улицѣ,—разсказывалъ затѣмъ Нахалова въ кружкѣ,—недалеко отъ дома градоначальника. Вдругъ навстрѣчу мнѣ самъ этотъ фараонъ. Въ другой разъ снялъ бы шапку безъ всякихъ, а теперь обидно мнѣ показалось: что же это я, соціалъ-демократъ, и стану ломать шапку передъ какимъ нибудь помпадуромъ! Прошелъ мимо. Вдругъ слышу кричитъ: «Сто-о-о-й! ты кто такой?» Такой-то. Подзываетъ надзирателя: «Отправить его, мерзавца, въ участокъ». Привели меня, раба Божьяго, въ часть, посадили въ канцелярію. Надзиратель куда-то ушелъ. Сижу я часъ, полтора. Приставъ спрашиваетъ: «Тебѣ чего надо?» Я говорю: ничего. «Ну, такъ пошелъ вонъ, если не хочешь получить по шеѣ!» Я, конечно, не заставилъ себя долго просить и давай Богъ ноги. А все-таки я ему не поклонился!

Конспирацію признавали далеко не всѣ. Да собственно говоря, когда рабочіе ведутъ пропаганду среди своихъ собратій, трудно особенно строго соблюдать правила предосторожности. Разговоры ведутся на чистоту въ мастерской, въ столовой за обѣдомъ или въ трактирѣ за чаемъ. Яковлевъ, такъ тотъ, прочитавши степняковскую сказку «Мудрица Наумовна», пришелъ въ такой ражъ, что побѣжалъ въ кабакъ и тамъ, взобравшись на столъ, произнесъ цѣлую горячую рѣчь о соціализмѣ передъ всей публикой. Калашниковъ также не особенно считался съ конспираціей. Охваченный духомъ прозелитизма, онъ разбрасывалъ сѣмена революціонной пропаганды направо и налѣво. Слѣдуетъ признать, что его тактика оказалась наиболѣе продуктивной: онъ больше всѣхъ другихъ навербовалъ членовъ нашему кружку.

Въ артеляхъ строительныхъ рабочихъ, гдѣ вообще господствуютъ патріархальныя отношенія, довольно открыто велись бесѣды о соціализмѣ, революціи и т. п. Такимъ образомъ вокругъ нашей организаціи незамѣтно создавалась широкая атмосфера сочувствія. У насъ было много сторонниковъ въ рабочей средѣ кромѣ лицъ, непосредственно входившихъ въ организацію, и вербовка новыхъ членовъ продолжалась вплоть до самаго провала. О томъ, что среди одесскихъ рабочихъ дѣйствуетъ какая-то соціалистическая организація, знало довольно много рабочихъ. Однажды произошелъ слѣдующій случай.

Приходитъ на собраніе, назначенное на квартирѣ Яковлева, плотникъ Иванъ, одинъ изъ главныхъ нашихъ пропагандистовъ среди строительныхъ рабочихъ, и приводитъ съ собой, кромѣ уже извѣстныхъ намъ членовъ организаціи, двухъ новичковъ, которыхъ до сихъ поръ мы не видали. Въ теченіе вечера изъ нѣкоторыхъ замѣчаній, оброненныхъ незнакомцами, выяснилось, что на другой день они уѣзжаютъ изъ Одессы. Въ виду этого я обратился къ Ивану съ вопросомъ, зачѣмъ же онъ, нарушая свою обычную осторожность, привелъ сюда этихъ двухъ рабочихъ.

— Видишь ли, въ чемъ дѣло,—отвѣтилъ Иванъ, который въ моменты взволнованности незамѣтно переходилъ на «ты» по закоренѣлой крестьянской привычкѣ.—Это славные ребята: одинъ нашъ плотникъ, а другой половой изъ ресторана. Они знаютъ все наше дѣло. Только вотъ они уѣзжаютъ: одинъ въ деревню, другой въ Крымъ. И захотѣли они передъ отъѣздомъ непремѣнно повидать пропагандиста: дескать, какой-такой изъ себя интеллигентъ? Ничего, пусть посмотрятъ! Имъ удовольствіе, а тебѣ вреда никакого. Мнѣ сейчасъ одинъ изъ нихъ на ухо сказалъ: «А вѣдь интеллигентъ-то такой же, какъ и всѣ люди». Они настоящихъ людей почитай, что и не видали.

Передъ такимъ аргументомъ приходилось поневолѣ склониться.

Усваивали ли рабочіе во всѣхъ деталяхъ соціалъ-демократическое міросозерцаніе? На этотъ вопросъ я затрудняюсь отвѣтить съ положительностью. Насколько я замѣтилъ, они полагали, что революція, къ которой мы подготовляемся, будетъ соціальной революціей, что она одновременно положитъ конецъ и полити-

ческому, и экономическому гнету. Къ такому пониманію особенно склонялись крестьяне, напримѣръ, строительные рабочіе. Они смотрѣли на вещи, такъ сказать, съ точки зрѣнія «максимализма». Особенно разувѣрять ихъ въ этомъ намъ не хотѣлось, такъ какъ мы полагали, что такое настроеніе въ рѣшительный моментъ можетъ оказаться даже полезнымъ, ибо побудитъ рабочую массу съ тѣмъ большей энергіей отстаивать во время буржуазной революціи полное осуществленіе нашей минимальной программы: восьмичасовой рабочій день, полную демократизацію политическаго строя, экспропріацію крупнаго землевладѣнія. Вѣдь не слѣдуетъ забывать, что однимъ изъ пунктовъ нашего символа вѣры была надежда на возможность для русскаго рабочаго класса добиться въ моментъ политическаго переустройства Россіи цѣлаго ряда глубокихъ соціальныхъ реформъ, какихъ не удалось въ соотвѣтствующія эпохи добиться европейскому пролетаріату въ виду отсутствія организованной и сознательной рабочей партіи

— Нѣтъ, ты мнѣ вотъ что скажи,—говорилъ, волнуясь и спѣша, плотникъ Назаровъ, сухощавый и загорѣлый, похожій на цыгана,—зачѣмъ намъ не идти до конца? Разъ у насъ будетъ довольно силъ, чтобы завоевать 8-ми-часовой рабочій день и т. п., зачѣмъ намъ сразу не добиться тогда введенія соціализма? Чего-жъ канителиться? Ужъ воевать, такъ во всю!

Медлительный Иванъ, спокойно и увѣренно начиналъ объяснять ему разницу между буржуазной и соціальной революціей, доказывать, что не все то, что желательно, можно осуществить, но Захаровъ недовольно морщился и, видимо, не хотѣлъ согласиться. Яковлевъ присоединялъ свои аргументы къ аргументамъ Ивана, но по всему видно было, что въ душѣ онъ самъ склонялся къ рѣшенію Назарова: логика говорила ему одно, а сердце и инстинктъ пролетарія подсказывали другое. Ужъ очень не хотѣлось рабочимъ сражаться за «буржуазныя условія существованія».

Я вообще замѣтилъ, что на первыхъ стадіяхъ соціалистическаго движенія рабочіе не взвѣшиваютъ объективныхъ условій историческаго развитія и готовы ставить себѣ непосредственныя задачи, для разрѣшенія которыхъ еще не назрѣли данныя дѣйствительности. Такъ было въ свое время и во Франціи, и въ

Германіи, и въ Швейцаріи, и въ Италіи и т. д. На этомъ «максималистскомъ» настроеніи рабочихъ въ извѣстные историческіе моменты основывалася въ свое время успѣхъ бакунинской пропаганды, на немъ же зиждется европейскій анархизмъ и отчасти нашъ отечественный максимализмъ. Инстинктивный порывъ рабочихъ массъ къ непосредственному соціальному перевороту чреватъ великими возможностями; но для того, чтобы использовать его съ наибольшей продуктивностью, для того, чтобы заставить его служить не слѣпымъ разрушительнымъ эксцессамъ, а историческому развитію пролетаріата, необходима, конечно, сознательная и выдержанная соціалъ-демократическая рабочая партія, способная вліять на рабочихъ и руководить ихъ движеніемъ.

Столь же естественны среди угнетенныхъ и только просыпающихся къ сознательной жизни рабочихъ и анархическіе порывы. Чѣмъ тяжелѣе положеніе рабочаго, чѣмъ онъ изолированнѣе, чѣмъ меньше онъ видитъ вокругъ себя единомышленниковъ, готовыхъ солидарными усиліями отстаивать свои интересы, тѣмъ скорѣе онъ поддается слѣпому озлобленію и желанію протестовать индивидуальными силами. Я уже разсказывалъ о планѣ Калашникова взорвать пароходъ; ниже я разскажу еще о нѣсколькихъ случаяхъ, въ которыхъ проявились анархическія тенденціи рабочихъ. Съ этими тенденціями мы боролись самымъ энергичнымъ образомъ, и я могу съ увѣренностью сказать, что намъ удалось покончить съ этимъ зломъ, но удалось именно потому, что мы сумѣли противопоставить отчаяннымъ индивидуальнымъ эксцессамъ отдѣльныхъ рабочихъ активную классовую солидарность рабочей массы и выяснить передъ нашими товарищами историческую безплодность первыхъ и гигантскую историческую продуктивность второй. Для проницательности и добросовѣстности нашихъ жандармовъ характерно, что они обвиняли насъ какъ разъ въ анархической пропагандѣ.

Возникло это нелѣпое обвиненіе, придуманное шпіонскимъ умомъ Пирамидова (онъ велъ наше дѣло и именно на этомъ дѣлѣ замѣтно выдвинулся), по слѣдующему поводу. Въ майскомъ номерѣ парижскаго журнала «Illustration» помѣщены были портреты наиболѣе выдающихся представителей международнаго соціализма. Этотъ номеръ мы достали и показывали нашимъ рабо-

чимъ. Случай захотѣлъ, чтобы въ томъ же номерѣ были помѣщены снимки, изображающіе нѣкоторыя анархическія покушенія (взрывъ ресторана въ Парижѣ и т. п.). И вотъ для жандармовъ этого было достаточно, чтобы выдвинуть противъ насъ обвиненіе, будто бы мы рекомендовали рабочимъ «поступать такимъ же образомъ», какъ изображено на этихъ рисункахъ. Гораздо вѣрнѣе было другое ихъ обвиненіе противъ насъ, а именно, что мы совѣтовали рабочимъ защищать свои интересы «всѣми законными и незаконными способами». Этого мы, конечно, не отрицали.

Съ интересными типами приходилось встрѣчаться за время моей дѣятельности среди рабочихъ. Кто-то замѣтилъ, что въ сущности каждый человѣкъ представляетъ совершенно оригинальную и рѣзко очерченную индивидуальность. Это мнѣніе, конечно, преувеличено, ибо природа несомнѣнно творитъ по извѣстнымъ шаблонамъ. Но разнообразіе типовъ несомнѣнно огромное. Люди, незнакомые съ рабочими, представляютъ ихъ себѣ какъ сплошную однородную массу въ родѣ того, какими намъ представляются солдаты въ своихъ одинаковыхъ сѣрыхъ шинеляхъ и грубыхъ сапогахъ. Но всякій, побывавшій на военной службѣ, отлично знаетъ, что послѣ первой же недѣли знакомства съ ними эта сѣрая масса на первый взглядъ совершенно одинаковыхъ людей распадается на самые разнообразные типы и индивидуальности. То же самое и со всякой другой массой.

Вотъ одинъ типъ, такъ сказать, первобытный, нѣчто въ родѣ троглодита: это чернорабочій Ошманецъ, хозяинъ одной изъ нашихъ конспиративныхъ квартиръ. Нашелъ его Калашниковъ на какой-то постройкѣ, гдѣ онъ таскалъ кирпичи. Какъ я уже говорилъ, нашъ неутомимый пропагандистъ Калашниковъ мѣнялъ всевозможныя профессіи, всюду отыскивая подходящихъ людей. Между прочимъ, онъ нѣсколько дней проработалъ въ качествѣ чернорабочаго до поступленія на пароходъ. Такимъ-то образомъ и набрелъ онъ на Ошманца и послѣ нѣсколькихъ словъ завербовалъ этого полудикаго литвина въ соціалистическое братство. Убѣдившись, что этотъ варваръ въ сущности очень славный малый, нашъ вольный штурманъ быстро сошелся съ нимъ на «ты», и въ тотъ же вечеръ Ошманецъ очутился хозяиномъ конспиративной квартиры. Бороться съ стремительностью калашниковскихъ рѣшеній было совершенно безнадежнымъ дѣломъ,

тѣмъ болѣе, что, когда мы узнали о существованіи Ошманца, онъ былъ уже посвященъ въ секретъ пропаганды. «Я за него ручаюсь»,—заявилъ Калашниковъ, и этого было довольно.

И вотъ оглушеннаго, ошалѣвшаго, изумленнаго дикаря почти не владѣвшаго даже членораздѣльной рѣчью, Калашниковъ и его ближайшіе помощники начинаютъ накачивать соціалистическими проповѣдями объ эксплуатаціи, прибавочной стоимости, классовой борьбѣ, соціальной революціи и т. д. Несчастный, который никогда не подозрѣвалъ о существованіи такихъ вещей, сначала растерялся, а затѣмъ сдѣлался ярымъ прозелитомъ новыхъ идей. Но первое примѣненіе того, что онъ узналъ отъ своихъ новыхъ товарищей, отличалось нѣкоторой оригинальностью. Такъ, отправившись въ первую же субботу послѣ водворенія на новой квартирѣ въ баню въ старымъ стоптанныхъ сапогахъ, Ошманецъ вернулся оттуда въ новыхъ лакированныхъ полуботинкахъ. На вопросъ, гдѣ онъ раздобылъ такія прелестныя ботинки, Ошманецъ, самодовольно ухмыляясь, отвѣтилъ:

— А свиснулъ у одного буржуя. Довольно имъ нашу кровь пить!

И заговорилъ что-то о прибавочной стоимости.

Скандалъ получился необычайный. Калашниковъ былъ страшно подавленъ неожиданными результатами своей пропаганды. Приходилось теперь прочитать Ошманцу нѣсколько дополнительныхъ лекцій. Съ большимъ трудомъ удалось объяснить ему, что существованіе капиталистической эксплуатаціи въ современномъ обществѣ не даетъ ему, лумпенпролетарію Ошманцу, права на экспропріацію чужихъ ботинокъ. Въ концѣ концовъ онъ понялъ это и впослѣдствіи густо краснѣлъ, когда ему шутя напоминали о его первомъ дебютѣ на соціалистическомъ поприщѣ.

Впослѣдствіи, когда я перенесъ центръ своей дѣятельности въ городъ и на Большой Вокзалъ, я пересталъ ходить въ порт и на время потерялъ Ошманца изъ виду. Встрѣтиться мнѣ съ нимъ пришлось при довольно печальныхъ обстоятельствахъ. Это было въ концѣ января или началѣ февраля 1894 года. Мы всѣ уже сидѣли въ тюрьмѣ. Въ два часа ночи ко мнѣ въ камеру вошли жандармы, пригласили одѣться и повели въ тюремную контору. Тамъ, оказывается, шелъ допросъ. Пирамидовъ, окруженный группой жандармскихъ офицеровъ, чинилъ розыскъ. Не

срединѣ комнаты стоялъ съ шапкой въ рукахъ бѣдняга Ошманецъ. Боже, какъ онъ былъ подавленъ этой группой блестящихъ офицеровъ съ саблями и пистолетами, часовыми, вытянувшимися въ струнку у дверей, желѣзными рѣшетками на окнахъ, зерцаломъ на столѣ и вообще всей обстановкой допроса. Я бросилъ на него ободряющій взглядъ, но Пирамидовъ, не желая дать ему опомниться, быстро и отрывисто спросилъ:

— Этотъ?

Блѣдныя губы несчастнаго Ошманца беззвучно шевелились Съ одной стороны, подавленный величіемъ жандармовъ, съ другой, не рѣшаясь предавать своего товарища, бѣдняга мучительно страдалъ. Но онъ, видимо, начиналъ оправляться, благодаря моему присутствію и дерзкому виду, съ которымъ я посматривалъ на жандармовъ. Пирамидовъ замѣтилъ это и также быстро скомандовалъ, показавши на меня глазами:

— Увести его!

И меня увели.

Только черезъ полтора года я снова увидался съ Ошманцомъ. Насъ отправляли кого въ Сибирь, кого въ «Кресты», кого на сѣверъ. До Москвы мы ѣхали вмѣстѣ въ одномъ вагонѣ. И здѣсь-то я увидалъ Ошманца, который былъ приговоренъ къ шести-мѣсячному заключенію въ «Крестахъ». Оказалось, что выпущенный послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ предварительнаго заключенія изъ тюрьмы, Ошманецъ страшно бѣдствовалъ, снова превратился въ босяка, но на этотъ разъ преслѣдуемаго полиціей въ качествѣ неблагонадежнаго, голодалъ, ночевалъ подъ открытымъ небомъ на берегу моря и т. п. Но духомъ онъ не падалъ. Напротивъ, по его словамъ, за время тюремнаго заключенія и послѣдующихъ мытарствъ онъ окрѣпъ духомъ и закалился. Когда я шутя напомнилъ ему о его плачевномъ видѣ въ кабинетѣ Пирамидова, онъ добродушно засмѣялся и сказалъ:

— Ну, нѣтъ, теперь бы они меня такъ не запугали, а тогда я былъ совсѣмъ зеленымъ. Вотъ теперь выйду изъ тюрьмы, такъ буду знать, что дѣлать.

Больше мнѣ съ нимъ никогда не приходилось встрѣчаться

Любопытными, въ своемъ родѣ, типами были два товарища то чернорабочіе, то кочегары на пароходахъ, Еропись и Санжуръ. Шатаясь въ порту среди босяковъ и хулигановъ, они сво-

имъ умомъ, дошли до своеобразныхъ заключеній, сильно напоминавшихъ мечтанія Вейтлинга и Бакунина о роли уголовныхъ преступниковъ въ соціальной революціи. Однажды они явились на собраніе матросскаго кружка съ цѣлымъ проектомъ о привлеченіи воровъ и карантинныхъ жуликовъ къ нашей организаціи.

— Вѣдь вы намъ сами объяснили, что преступники это жертвы общественной неурядицы. Развѣ можно обвинять ихъ, если они, съ дѣтства брошенные своими родителями на произволъ судьбы, никогда не встрѣчали хорошихъ людей и не видали хорошихъ примѣровъ! А среди нихъ есть хорошіе ребята, смѣлые и славные товарищи. Они тоже протестуютъ противъ современной несправедливости, но дѣлаютъ это плохо, такъ какъ имъ не показали лучшихъ путей. А если имъ все растолковать и разъяснить, то они могутъ быть намъ очень полезны. Мы съ нѣкоторыми изъ нихъ говорили, такъ они вполнѣ сочувствуютъ намъ, и вотъ мы предлагаетъ привлечь ихъ.

Интересно, что многіе изъ членовъ нашего кружка въ глубинѣ души, видимо, сочувствовали этому проекту, но ожидали только, какъ мы къ нему отнесемся. Натурально, что мы самымъ энергичнымъ образомъ возстали противъ затѣи нашихъ Аяксовъ и категорически воспретили имъ разговаривать съ жуликами о нашемъ дѣлѣ. Скрѣпя сердце, тѣ подчинились, но я до сихъ поръ такъ и не знаю, убѣдились ли они нашими аргументами.

Вспоминаю я еще нѣсколько интересныхъ типовъ изъ среды строительныхъ рабочихъ. Во-первыхъ, Яшинъ-Горевъ, каменщикъ. Сухой, озлобленный, съ впалой чахоточной грудью и рѣзкими жестами, онъ казался мнѣ типомъ народнаго революціонера. Его сужденія о вещахъ и лицахъ обыкновенно были рѣшительны и безпощадны. Подравшись какъ-то съ городовымъ («не стерпѣла душа»), онъ былъ приговоренъ къ 3-хмѣсячному аресту. Это еще больше его озлобило, и онъ готовъ былъ собственной рукой перерѣзать всѣхъ «враговъ народа». Его жестокость и кровожадность производили на меня какое-то непріятное впечатлѣніе, въ которомъ я самъ не могъ отдать себѣ отчета. Иногда мы собирались у него на квартирѣ. Во время чтенія въ комнату иногда входили его жена и двое сынишекъ, лѣтъ 8—10. Это мнѣ не совсѣмъ нравилось: женщинамъ я въ то время во-

обще не довѣрялъ (и у меня на это были свои основанія), а дѣтей я особенно опасался, такъ какъ они, играя на улицѣ съ другими дѣтьми, легко могли разболтать про собранія и происходившіе на нихъ разговоры. Когда я замѣтилъ это Яшину, онъ отвѣтилъ:

— Не безпокойтесь, мои парнишки не проболтаются. Они все понимаютъ. Я имъ объяснилъ все. Изъ нихъ вырастутъ два хорошіе революціонера.

По нашему дѣлу Яшинъ не былъ арестованъ (вообще наши связи съ строительными рабочими такъ и остались нераскрытыми); но онъ попался по другому дѣлу въ 1895 году и сталъ выдавать, такъ что товарищи въ концѣ концовъ принуждены были объявить его предателемъ. Когда я узналъ объ этомъ, я отчасти понялъ, почему его рѣзкія сужденія производили на меня подчасъ тягостное впечатлѣніе; вѣроятно, въ нихъ звучала нота неискренности.

Въ другомъ совершенно родѣ былъ плотникъ Иванъ. Это былъ старый травленый волкъ, давно участвовавшій въ революціонномъ движеніи. Огромнаго роста, плотный, съ лысиной во всю голову, съ умными проницательными глазами и густой черной бородой, онъ производилъ впечатлѣніе настоящаго патріарха изъ великороссійской крестьянской семьи. Сдержанный, спокойный, уравновѣшенный, онъ теоретически склонялся къ самымъ крайнимъ рѣшеніямъ, въ родѣ непосредственной соціальной революціи, но на практикѣ стоялъ за строжайшую конспиративность, выдержку и постепенность. Я помню, какъ неодобрительно отнесся онъ къ моему проекту объ организаціи маевки.

— Ну, ужъ знаешь, это шарлатанство (шарлатанствомъ онъ называлъ всякую легкомысленную, безпочвенную затѣю)... Рановато, рановато. Зачѣмъ торопиться? Дѣло терпитъ. Вотъ разовьемся въ ширину, укоренимся, а тамъ видно будетъ, а теперь, Андрей Ивановичъ (моя конспиративная кличка), это будетъ шарлатанство...

Иванъ былъ нашимъ главнымъ пропагандистомъ среди строительныхъ рабочихъ, среди которыхъ онъ пользовался огромнымъ авторитетомъ. Послѣ одного собранія Иванъ съ нѣсколькими другими рабочими пошли меня проводить, такъ какъ дорога моя въ городъ лежала мимо знаменитой Чумки (холмъ

гдѣ похоронены жертвы чумы), проходить мимо которой поздно ночью было небезопасно. По дорогѣ разговорились, и здѣсь повторился инцидентъ, аналогичный тому, о которомъ разсказывается въ біографіи Желябова.

Въ нашемъ кружкѣ участвовалъ молодой рабочій, земляк Ивана, работавшій на фабрикѣ сельскохозяйственныхъ орудій Гена. Ничѣмъ особеннымъ онъ не выдавался, никакой замѣтной энергіи онъ не обнаруживалъ, но все-таки я считалъ его человѣкомъ, преданнымъ нашему дѣлу. И вдругъ, во время дружеской бесѣды, онъ выпаливаетъ мнѣ слѣдующее:

— Да, Андрей Ивановичъ, собираюсь вотъ ѣхать въ деревню... Надоѣло, знаете, жить здѣсь въ городѣ и мыкаться по заводамъ. Скопилъ я себѣ немного деньжонокъ, еще немного прикоплю и открою я въ деревнѣ лавочку. Буду я самъ себѣ хозяинъ, заживу спокойно и благородно.

— Ну, а дальше?—спросилъ я.

Онъ, видимо, даже и не понялъ моего вопроса.

— Да ничего,—сказалъ онъ удивленно.—Буду жить, торговать. Честно, благородно.

Нужно ли прибавлять, что я, двадцатилѣтній пылкій юноша, былъ жестоко разочарованъ...

Я забылъ еще упомянуть о кружкѣ, который собирался на квартирѣ техника Ющенко, нѣкогда жившаго на одной квартирѣ съ Кириловымъ, но затѣмъ переѣхавшаго на Пересыпь. Среди членовъ этого кружка былъ нѣкій Поваляевъ, уже не рабочій, а мелкій подрядчикъ по строительнымъ работамъ. Но этотъ «эксплуататоръ» былъ гораздо болѣе крайнимъ, чѣмъ его рабочіе, которыхъ онъ самъ и пропагандировалъ. Поваляевъ готовъ былъ во всякій моментъ пойти на баррикады. Высокій, жилистый, съ лихорадочнымъ румянцемъ на щекахъ, не дуракъ выпить, но не терявшій головы, онъ иной разъ говаривалъ:

— Андрей Ивановичъ, чего *на нихъ* смотрѣть? Долго ли мы будемъ ждать? Взять бы по хорошей оглоблѣ и, съ Господомъ благословясь, жахнуть... Я бы своихъ восемь ребятъ привелъ. Ребята славные, не выдадутъ.

Приходилось умѣрять его пылъ.

Я бы никогда не кончилъ, если бы вздумалъ перечислять всѣ интересные и оригинальные типы, выдвигаемые пробуждаю-

щимся народомъ. Но объ одной интересной черточкѣ мнѣ хочется въ заключеніе упомянуть.

Мы очень дорожили тѣмъ, чтобы наша организація имѣла чисто пролетарскій характеръ, чтобы она не напоминала тѣхъ кружковъ прежняго времени, въ которыхъ на одного рабочаго приходилось двадцать интеллигентовъ. Поэтому мы привлекали къ нашему дѣлу интеллигенцію только въ случаяхъ крайней необходимости. Далѣе мы чрезвычайно дорожили тѣмъ, чтобы нашимъ врагамъ не удалось исказить истинный характеръ нашего движенія. Уже въ то время реакціонеры старались представить все революціонное движеніе въ качествѣ инородческой и спеціально еврейской интриги. Поэтому мы поставили себѣ за правило впредь до значительнаго расширенія нашей организаціи не привлекать къ ней евреевъ. Быть можетъ, это и очень плохо, но я разсказываю правду. И дѣйствительно, впослѣдствіи по нашему дѣлу привлечено было всего лишь два еврейскихъ рабочихъ, въ то время какъ число арестованныхъ рабочихъ русскихъ и отчасти поляковъ насчитывалось десятками. Это, впрочемъ, не помѣшало господину Пирамидову отнести и наше дѣло къ категоріи инородческихъ интригъ по тому одному, что среди арестованныхъ было два три еврейскихъ интеллигента, руководившихъ пропагандой На этой почвѣ жандармы пытались вести среди рабочихъ, привлеченныхъ къ слѣдствію, самую низкую демагогическую агитацію. но изъ этого, конечно, ничего не вышло.

Итакъ, повторяю, мы рѣшили на первое время не привлекать къ организаціи еврейскихъ рабочихъ. Яковлевъ, для котораго мотивы нашего рѣшенія оставались нѣсколько неяснымъ имѣлъ двухъ знакомыхъ слесарей-евреевъ, изъ которыхъ одного онъ же и спропагандировалъ. И что же онъ придумалъ? Впослѣдствіи оказалось, что оба эти рабочіе безъ нашего вѣдома присутствовали на всѣхъ нашихъ собраніяхъ. Яковлевъ пряталъ ихъ въ сосѣдней комнатѣ за занавѣской. Онъ, видите ли, подозрѣвалъ насъ въ антисемитическихъ предразсудкахъ!! Но не желая до поры до времени поднимать этого принципіальнаго вопроса, онъ предпочелъ дѣйствовать обходнымъ путемъ.

Другая характерная подробность. По новости дѣла и вслѣдствіе горячаго желанія добиться хоть какого-нибудь осязательнаго успѣха, подготовить если не широкую рабочую организацію,

то, по крайней мѣрѣ, хоть многочисленные кадры для нея, мы рѣшили (опять-таки на первое время) не привлекать женщинъ. Мы боялись, что если жены рабочихъ узнаютъ о нашихъ затѣяхъ, то они не остановятся ни передъ какими мѣрами, чтобы спасти своихъ мужей отъ грозящей имъ опасности; затѣмъ отчасти мы боялись, чтобы женщины по неосторожности не разболтали о нашемъ дѣлѣ своимъ сосѣдкамъ. Опять-таки, можетъ быть, это и скверно, и неосновательно, но такъ было. Кстати я долженъ сказать, что благодаря вліянію женщинъ мы потеряли нѣкоторыхъ выдающихся рабочихъ. Такъ, одинъ молотобоецъ изъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, въ виду угрозъ его сожительницы донести на него, долженъ былъ сжечь нѣсколько имѣвшихся у него брошюръ и прекратить сношенія съ кружкомъ. Другой, пароходный машинистъ, очень энергичный и дѣльный парень, въ виду аналогичныхъ угрозъ своей гражданской жены, съ которой онъ собирался разойтись, также долженъ быть отстать отъ организаціи. Но мы боялись не столько доносовъ, сколько слезъ, хныканья и уговоровъ не путаться въ чужія дѣла, не губить своей семьи и т. д., что не можетъ не дѣйствовать растлѣвающимъ образомъ на самыхъ твердыхъ людей.

Какъ бы тамъ ни было, но и въ этомъ отношеніи жизнь намъ дала поучительный урокъ. Впослѣдствіи оказалось, что жена и свояченица Яковлева, черезъ перегородку слыхавшія всѣ наши рѣчи, сдѣлались убѣжденнѣйшими соціалистками и впослѣдствіи, когда наступили дни испытанія, помогали прятать концы въ воду и спасать остатки организаціи. Когда въ назначенный вечеръ я не пришелъ на собраніе, а Яковлевъ, вернувшись изъ города, сообщилъ о моемъ арестѣ, обѣ женщины горько плакали, хотя я съ ними почти никогда не разговаривалъ...

Въ послѣдующіе годы русскія работницы доказали, что онѣ готовы рука объ руку со своими мужьями и братьями бороться за освобожденіе рабочаго класса.

Дѣло наше развивалось блестяще—блестяще, конечно, по тогдашнимъ временамъ. Въ различныхъ частяхъ города у насъ были кружки, намъ удалось завязать связи съ самыми разнообразными профессіями, и стоило только проникнуть въ какой-нибудь районъ или профессію, чтобы тамъ естественно начала складываться новая ячейка. Намъ казалось, что мы уже близки

къ осуществленію нашей завѣтной цѣли, т. е. къ основанію широкой организаціи одесскихъ рабочихъ. Мы уже мечтали объ установленіи регулярной связи между отдѣльными кружками, о введеніи постоянныхъ делегатскихъ собраній, о празднованіи маевки и даже объ изданіи собственной газеты (конечно, подпольной).

Каждый кружокъ, создавшій себѣ болѣе или менѣе широкую сферу дѣятельности, естественно мечтаетъ о собственномъ органѣ, съ помощью котораго онъ могъ бы обращаться къ широкимъ массамъ и значительно расширить свое вліяніе. На мысль объ изданіи газеты навело насъ полученіе незадолго до того вышедшаго въ Петербургѣ 2-го номера «Летучаго листка группы народовольцевъ». Такъ какъ въ этомъ листкѣ выражались идеи, которыя мы считали неправильными, то намъ естественно хотѣлось обзавестись собственнымъ органомъ, въ которомъ мы могли бы излагать соціалъ-демократическую программу и освѣщать текущія событія съ марксистской точки зрѣнія. Условія складывались для насъ довольно благопріятно. Къ кружку Ющенко примыкалъ одинъ литографъ, у котораго имѣлся въ небольшомъ количествѣ шрифтъ, оставшійся у него послѣ закрытія его литографіи. Онъ предлагалъ намъ купить у него этотъ шрифтъ за 300 р. Недоставало только наборщиковъ. И вотъ въ поискахъ наборщика мы и напоролись на провокатора.

Я уже говорилъ о томъ, что мы испытывали страшный недостатокъ въ нелегальной литературѣ. Съ расширеніемъ нашей организаціи этотъ недостатокъ становился все болѣе ощутительнымъ. Можно поэтому представить себѣ радость матросскаго кружка, когда входившій въ него сапожникъ Березовскій сообщилъ, что у него имѣется знакомый наборщикъ, готовый въ своей типографіи тайкомъ набрать и отпечатать въ нѣсколькихъ стахъ экземпляровъ брошюру Аскельрода «Рабочее движеніе и соціальная демократія».

Въ это время я не посѣщалъ матросскаго кружка и о находкѣ этого наборщика узналъ отъ своего товарища Ц., который тогда руководилъ кружкомъ моряковъ. Его разсказъ произвелъ на меня неблагопріятное впечатлѣніе. Оказывается, этого наборщика ни кто невидалъ, кромѣ сапожника Березовскаго. Самъ Березовскій былъ человѣкъ безусловно надежный, но онъ могъ ошибиться. Вообще вся эта исторія показалась мнѣ чрезвычайно

подозрительной, и я подѣлился съ Ц. своими опасеніями. Онъ согласился съ тѣмъ, что необходимо это дѣло выяснить, но, какъ оказалось, было уже поздно. Наборщикъ Позднякова оказался форменнымъ провокаторомъ, состоявшимъ на службѣ у жандармовъ. И когда въ ближайшую пятницу Ц. явился на конспиративную квартиру, тамъ уже ждали его жандармы во главѣ съ Пирамидовымъ.

Насъ постигъ жестокій провалъ. Кружокъ матросовъ и сапожниковъ былъ почти весь разгромленъ. Черезъ мѣсяцъ провалился и кружокъ Яковлева, въ который уже послѣ моего ареста проникли цѣлыхъ два шпіона. Строительные рабочіе арестами не были задѣты; они продолжали работу и были арестованы только черезъ полтора года.

Въ первый моментъ рабочіе были терроризованы, и съ нашимъ арестомъ дѣятельность кружковъ почти прекратилась. Одинъ изъ членовъ матросскаго кружка, ѣздившій въ Англію въ составѣ команды, назначенной для пріемки новаго парохода Добровольнаго Флота, привезъ оттуда транспортъ нелегальной литературы и доставилъ его на берегъ, но возсоздать организацію моряковъ оставшимся на волѣ матросамъ, лишеннымъ помощи интеллигентовъ, не удалось. Желѣзнодорожные рабочіе были сильно напуганы арестомъ Яковлева и его кружка, и хотя связи съ ними не потерялись, но не скоро удалось снова привлечь ихъ къ организаціи. И только строительныхъ рабочихъ намъ удалось передать кружку молодыхъ интеллигентовъ, которые и продолжали поддерживать съ ними связи.

Въ тѣ времена преемственность движенія сохранялась еще съ большимъ трудомъ, чѣмъ теперь. Провалъ какого-нибудь кружка обыкновенно велъ къ наступленію затишья на довольно долгое время. Недостатокъ чисто пропагандистской дѣятельности въ томъ и заключался, что члены кружковъ невольно отрывались отъ рабочей массы, не будучи связаны съ ея повседневными интересами и борьбой. Этотъ опытъ пропагандистскихъ кружковъ былъ учтенъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи нашими преемниками, которые выдвинули новый лозунгъ: агитація среди массы на почвѣ ея насущныхъ экономическихъ потребностей. Новая тактика значительно расширила сферу вліянія соціалъ-демократовъ на рабочую массу, но, какъ извѣстно, расширеніе

русла движенія сопровождалось нѣкоторымъ обмелѣніемъ его: политическія задачи пролетаріата были на время отодвинуты въ сторону или затушеваны. Но разсмотрѣніе этого періода выходитъ за предѣлы моего разсказа.

Мы просидѣли 17 мѣсяцевъ въ одиночномъ заключеніи (съ 28 января 1894 года до 5 іюля 1895 года). Затѣмъ мы получили приговоры, по тогдашнимъ временамъ поражавшіе своей суровостью. Трое изъ насъ были приговорены къ 10-лѣтней ссылкѣ въ Колымскъ, двое на 5 лѣтъ въ Верхоянскъ, нѣсколько человѣкъ на 1 годъ въ «Кресты» и затѣмъ на 3 года въ Вологодскую губернію и т. д.

5-го іюля 1895 года мы подъ усиленнымъ конвоемъ были переведены изъ тюрьмы на вокзалъ для слѣдованія въ Москву. По дорогѣ, на полотнѣ желѣзной дороги, группа желѣзнодорожныхъ рабочихъ подъ предводительствомъ Филиппа Квачова (трижды арестовывавшагося и выпущеннаго въ концѣ концовъ на свободу) устроили намъ сочувственную манифестацію съ криками «ура», маханіемъ красными платками и т. д. Эта неожиданная встрѣча съ оставшимися на волѣ единомышленниками благотворнымъ образомъ подѣйствовала на насъ; въ особенности ободрились ссылавшіеся съ нами рабочіе. Значитъ, думалось узникамъ, наша работа и жертва не пропали безслѣдно; есть еще порохъ въ пороховницахъ, и еще не гнутся казацкія сабли!..

Начиналась новая полоса жизни, періодъ тюремной страды и ссылки...

Матеріалы по исторіи соціалъ-демократическаго движенія въ Россіи.

I.

Съѣзды Р. С.-Д. Р. П.

(1898—1906).

До 1898 года мѣстныя с.-д. организаціи, хотя и руководились въ своей дѣятельности принципами международной соціалъ-демократіи и теоретическими и тактическими положеніями, развитыми въ сочиненіяхъ группы «Освобожденіе Труда», лишены были, однако, общей связи и общихъ руководящихъ директивъ; по мѣрѣ усиленія своего вліянія на рабочую массу, онѣ принимали названіе «Союзовъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса». Къ моменту перваго съѣзда такіе Союзы существовали въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и Екатеринославлѣ. Кромѣ того, въ Западномъ краѣ съ 1893 года дѣйствовали группы, составившія въ 1897 г. «Бундъ» или «Обще-еврейскій рабочій союзъ въ Россіи и Польшѣ», а въ Кіевѣ работала литературная группа, издававшая «Рабочую Газету» (вышло 2 номера). Представители всѣхъ этихъ организацій съѣхались въ мартѣ 1898 г. въ Минскѣ и слились въ одну организацію, принявшую названіе «Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи», въ которую Бундъ вошелъ какъ автономная организація, самостоятельная лишь въ вопросахъ, касающихся спеціально еврейскаго пролетаріата. Выбранный на первомъ съѣздѣ Центральный Комитетъ вскорѣ былъ арестованъ, и хотя партійная организація была разбита, но выпущенный съѣздомъ «Манифестъ», намѣчавшій основныя задачи с.-д. дви-

женія въ Россіи, послужилъ объединяющимъ знаменемъ для возникавшихъ съ тѣхъ поръ многочисленныхъ мѣстныхъ организацій, которыя отнынѣ, если не на дѣлѣ, то морально признавали себя составными частями единой с.-д. партіи.

Второй съѣздъ с.-д. партіи состоялся въ іюлѣ—августѣ 1903 года сначала въ Брюсселѣ, а затѣмъ въ Лондонѣ. За истекшіе 5 лѣтъ с.-д. организаціи успѣли сильно развиться и достигнуть широкаго вліянія на рабочую массу; къ моменту II съѣзда партія располагала уже множествомъ опытныхъ пропагандистовъ, агитаторовъ, литераторовъ и обладала довольно богатой литературой (въ этой области особенныя заслуги принадлежатъ «Рабочему Дѣлу» и группѣ «Искры» и «Зари»). На II съѣздѣ представлены были слѣдующія организаціи: группа «Освобожденіе Труда», организація «Искры», заграничный Комитетъ Бунда, Центральный Комитетъ Бунда, Лига револ. соціалъ-демократіи, заграничный Союзъ русскихъ с.-д., группа «Южный Рабочій», Петербургскій Комитетъ, Петерб. Рабочая организація; Комитеты: Московскій, Харьковскій, Кіевскій, Одесскій, Николаевскій, Донской, Екатеринославскій, Саратовскій, Тифлисскій, Бакинскій, Батумскій, Уфимскій, Тульскій, а также Союзы: Крымскій, Горнозаводскихъ рабочихъ, Сѣверный и Сибирскій (кромѣ того, присутствовали въ качествѣ гостей делегаты Польской соціалъ-демократіи). Съѣздъ выработалъ партійную программу и уставъ. Но на самомъ съѣздѣ обнаружилось глубокое разногласіе по организаціоннымъ вопросамъ: въ то время, какъ одна часть партіи («большевики») склонялась къ строгому централизму, къ ограниченію самостоятельности отдѣльныхъ членовъ партіи и мѣстныхъ организацій, а также къ предоставленію руководящей роли во всей партійной дѣятельности спѣвшейся группѣ профессіональныхъ революціонеровъ, другая часть («меньшевики») отстаивала демократическій принципъ организаціи, развитіе самостоятельности въ рабочихъ массахъ и большую терпимость къ элементамъ, расходившимся по отдѣльнымъ вопросамъ съ спѣвшимся ядромъ «искровцевъ» [1]).

[1]) Что въ дѣйствительности разногласія были гораздо глубже, что двѣ фракціи представляли—одна (большевики) революціонный коммунизмъ, а другая (меньшевики) с.-д. оппортунизмъ, окончательно выяснилось во время революціи 1917 года,—прим. Октября 1918 года.

Эти разногласія завершились фактическимъ расколомъ партіи, и съ этого момента обѣ фракціи существовали почти совершенно самостоятельно, часто парализуя другъ друга взаимной борьбой, не свободной отъ промаховъ съ той и другой стороны. На этомъ же съѣздѣ Бундъ, добивавшійся установленія въ партіи федеративныхъ отношеній, выступилъ изъ Р. С.-Д. Р. П., въ которую обратно вступилъ только въ 1906 году.

Третій съѣздъ состоялся въ серединѣ апрѣля 1905 г. въ Лондонѣ. Это былъ, собственно говоря, не партійный съѣздъ, а съѣздъ одной фракціи—большевиковъ. На немъ присутствовали представители слѣдующихъ организацій: Совѣта Партіи (2 члена), Центральнаго Комитета, Кавказскаго Союза; Комитетовъ: Воронежскаго, Курскаго, Московскаго, Николаевскаго, Нижегородскаго, Орловскаго, Одесскаго, Полѣсскаго, Петербургскаго, Рижскаго, Самарскаго, Саратовскаго, Сѣвернаго, Сѣверо-Западнаго, Тверского, Тульскаго и Уральскаго; кромѣ того, делегаты съ совѣщательными голосами отъ заграничной Организаціи, Уральскаго Союза, Архангельскаго Комитета, Минской группы, Екатериносл. Ком., Казанскаго Ком., Харьковской группы и Одес. Ком. Съѣздъ принялъ рядъ резолюцій о временномъ правительствѣ, вооруженномъ возстаніи и т. д., а также внесъ серьезныя измѣненія въ аграрную программу (замѣнивши «возвращеніе отрѣзковъ» «конфискаціей помѣщичьихъ, казенныхъ, церковныхъ, монастырскихъ и удѣльныхъ земель») и въ уставъ партіи (сдѣлавши значительный шагъ въ сторону демократическаго принципа организаціи).

Почти одновременно съ большевистскимъ съѣздомъ состоялась въ Женевѣ «Первая Общерусская конференція» меньшевиковъ. На ней были представлены слѣд. организаціи: Заграничная Лига, Петербург. группа, Одесская группа; Союзы: Крымскій, Донецкій, Сибирскій и Украинскій; Комитеты: Николаевскій, Харьковскій, Кіевскій, Екатеринославскій, Кубанскій, Донской, Смоленскій, периферія Московскаго Ком. и Сормовская периферія: кромѣ того, къ конференціи примыкали Тифлисскій и Кременчугскій Комитеты, Организація Балаханскихъ и Биби-Эйбатскихъ рабочихъ и Рижская группа, а также выборный членъ Совѣта—Плехановъ. Конференція выработала организаціонный уставъ въ демократическомъ духѣ и рядъ резолюцій о необходимости самой широкой агитаціи и организаціи народныхъ массъ. Наряду съ

Ц. К. большевиковъ конференція выбрала свою Организаціонную Комиссію, — и, такимъ образомъ, партійный расколъ былъ оформленъ.

Вскорѣ послѣ того началось революціонное броженіе, приведшее ко всеобщей политической забастовкѣ и къ манифесту 17 октября. При первыхъ проблескахъ свободы большинство проживающихъ за границей с.-д. поспѣшили возвратиться въ Россію. Серьезность положенія и совмѣстная борьба сильно сблизили враждующія фракціи большевиковъ и меньшевиковъ, тѣмъ болѣе, что цѣлый рядъ разногласій былъ фактически разрѣшенъ и устраненъ самой жизнью. Обѣ фракціи начали готовиться къ возстановленію единства партійной организаціи. Вслѣдствіе наступившей за мимолетными днями свободы реакціи, а отчасти благодаря появленію новаго разногласія по поводу бойкота Государственной Думы, общій съѣздъ не могъ состояться, а вмѣсто него собрались двѣ конференціи: меньшевиковъ въ концѣ ноября, а большевиковъ въ началѣ декабря 1905 года. Главнѣйшій результатъ этихъ конференцій заключался въ томъ, что обоимъ центральнымъ учрежденіямъ (Ц. К. и Орг. Ком.) поручено было подготовить объединеніе фракцій.

Наконецъ, 15 апрѣля 1906 г. состоялся въ Стокгольмѣ объединительный съѣздъ Р. С.-Д. Р. П. (нѣкоторыми называемый IV съѣздомъ). На этомъ съѣздѣ кромѣ делегатовъ отъ русскихъ организацій большев. и меньшев. направленія присутствовали также представители Бунда, Польской и Латышской соціалъ-демократіи.

Стокгольмскій съѣздъ, на которомъ большинство оказалось за меньшевиками, возстановилъ единство партіи, выработалъ новый уставъ, принялъ новую аграрную программу (въ основу ея была положена экспропріація казенныхъ, кабинетскихъ, удѣльныхъ, церковныхъ и помѣщичьихъ земель и передача ихъ въ распоряженіе демократическихъ органовъ мѣстнаго самоуправленія, такъ наз. «муниципализація»), осудилъ партизанскія выступленія (кромѣ конфискаціи оружія) и отвергъ бойкотъ Гос. Думы.

Послѣ IV съѣзда къ Р. С.-Д. Р. П. присоединились національныя с.-д. партіи: польская въ іюнѣ, латышская въ августѣ и еврейская (Бундъ) въ сентябрѣ 1906 года (съ присоединеніемъ этихъ организацій с.-д. партія насчитывала около 150 тысячъ

членовъ). Но фракціонныя разногласія не прекратились. По поводу отношенія къ Гос. Думѣ Ц. К-та, состоявшаго главнымъ образомъ, изъ меньшевиковъ и выдвинувшаго въ маѣ лозунгъ «образованіе министерства изъ думскаго большинства», снова начались споры, приведшіе къ фактическому распаду партіи на двѣ фракціи. Большевики начали требовать созыва чрезвычайнаго съѣзда для разрѣшенія выдвинутыхъ жизнью новыхъ вопросовъ; но этому энергически воспротивились меньшевики, утверждавшіе, что частые съѣзды приносятъ партіи только вредъ (среди многихъ меньшевиковъ все растущей популярностью пользуется идея «рабочаго съѣзда», выдвинутая впервые П. Б. Аксельродомъ). Но приближавшіеся выборы въ Г. Думу дѣлали необходимымъ какое-нибудь соглашеніе между соціалъ-демократами, тѣмъ болѣе, что сенатскія разъясненія придали особенно жгучій интересъ вопросу объ избирательныхъ соглашеніяхъ съ другими револ. и оппозиц. партіями. Въ виду этого въ ноябрѣ 1906 г. Ц. К-томъ созвана была конференція делегатовъ отъ областныхъ союзовъ и національныхъ организацій, которая въ принципѣ допустила соглашенія съ другими партіями вплоть до кадетовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда с.-д-ія не надѣется на побѣду собственными силами, и когда самостоятельное выступленіе с.-д. угрожаетъ обезпечить торжество реакціонеровъ. При этомъ мѣстнымъ организаціямъ предоставлено право рѣшать вопросъ объ избирательныхъ соглашеніяхъ самостоятельно [1]).

[1]) Писано въ 1906 году.

II.

Майскій праздникъ въ Россіи.

Первомайское празднество сыграло въ Россіи огромную роль. На первый взглядъ казалось бы, что постановленіе парижскаго международнаго соціалистическаго конгресса 1889 г. о повсемѣстной майской демонстраціи рабочихъ въ пользу 8-мичасового рабочаго дня совершенно неприменимо къ странѣ насилія и произвола, но оказалось, что именно безпощадный полицейскій гнетъ послужилъ удобной почвой, на которой первомайская агитація развернулась во всю ширь, и придалъ всему движенію политическій и революціонный характеръ. Въ силу объективнаго положенія вещей, русская маевка должна была наряду съ экономическими лозунгами выдвинуть и требованія политическаго характера, какъ-то: низверженіе самодержавія, всеобщее избирательное право, свобода личности, печати, сходокъ, союзовъ, стачекъ и т. п. И при условіяхъ русской дѣйствительности первомайское празднество послужило не только смотромъ растущей со сказочной быстротой пролетарской арміи, но и могучимъ орудіемъ агитаціи и возбужденія, внушавшимъ рабочему классу глубокую вѣру въ свои силы и энергично будившимъ отсталые слои пролетарской массы.

Первая попытка праздновать 1 мая сдѣлана была въ Польшѣ, съ ея болѣе развитой промышленностью и болѣе революціонно настроеннымъ пролетаріатомъ (въ Варшавѣ въ 1890 г., въ Варшавѣ, Лодзи и Жирардовѣ въ 1891 г., въ Лодзи въ 1892 г., когда забастовало около 60.000 чел. и убито было 46 рабочихъ). Въ сѣв.-зап. краѣ еврейскіе рабочіе съ 1892 г. ежегодно праздновали 1 мая на тайныхъ собраніяхъ.

Майскій праздникъ въ Россіи.

Русскіе рабочіе впервые праздновали 1 мая въ 1891 г. Нѣсколько десятковъ сознательныхъ товарищей въ Петербургѣ собрались въ ближайшее послѣ 1 мая воскресенье на тайную сходку, во время которой были произнесены 4 рѣчи, впослѣдствіи напечатанныя заграницей и послужившія важнымъ агитаціоннымъ матеріаломъ. Въ силу русскихъ условій очень часто днемъ празднованія назначалось не 1 мая, а ближайшее до него или за нимъ воскресенье. Въ 1893 г. къ международному празднику присоединяются и латышскіе рабочіе, устроившіе небольшое и тоже тайное собраніе, а въ 1895 г.—московскіе рабочіе. По этому скромному началу трудно было судить о томъ значеніи, которое впослѣдствіи получила маевка въ Россіи.

Первая первомайская прокламація вышла въ Петербургѣ въ 1896 г. (до тѣхъ поръ прокламаціи выходили только въ Польшѣ), а въ 1897 г. появились первыя еврейскія прокламаціи; въ томъ же году маевку отпраздновали рабочіе кіевскихъ ж.-д. мастерскихъ. Въ 1898 г. вышло уже общее для всей Россіи воззваніе отъ имени незадолго до того основанной Р. С.-Д. Р. П., въ которомъ выдвинуты были лозунги: восьмичасовой рабочій день и полная политическая свобода. Въ этомъ году къ празднованію 1 мая присоединились рабочіе Тифлиса, Иваново-Вознесенска, Харькова.

Съ 1899 г. празднованіе 1 мая начинаетъ принимать массовый и открытый характеръ. Особенно повышенное настроеніе обнаружили рабочіе Прибалтійскаго края, гдѣ въ Либавѣ маевка вылилась во всеобщую забастовку и публичную демонстрацію, въ которой приняли участіе около 20.000 рабочихъ. Демонстрація была устроена также въ Вильнѣ; кромѣ того, въ празднованіи приняли участіе рабочіе въ Кіевѣ, Харьковѣ, Ростовѣ на-Дону, Одессѣ, Екатеринославѣ, Тифлисѣ,—но все это въ небольшомъ масштабѣ, а въ Николаевѣ съ цѣлью предупрежденія 1 мая полиція устроила даже небольшой погромчикъ.

Первая уличная демонстрація во время маевки состоялась въ Харьковѣ 1 мая 1900 г.; въ процессіи, прошедшей черезъ весь городъ, приняло участіе около 10.000 чел. Прокламаціи были распространены во многихъ городахъ, кое-гдѣ устроены тайныя собранія, а демонстраціи имѣли мѣсто въ Тифлисѣ, Вильнѣ, Двинскѣ и нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ сѣв.-зап. края. Съ

каждымъ годомъ празднованіе 1 мая расширялось и принимало все болѣе открытый и революціонный характеръ. Въ 1901 г. въ Тифлисѣ 22 апрѣля произошла демонстрація, участники которой, а въ особенности группа, защищавшая красное знамя, были жестоко избиты казаками; въ Петербургѣ въ связи съ празднованіемъ 1 мая произошли серьезныя волненія на Обуховскомъ заводѣ, кончившіяся стрѣльбой въ толпу рабочихъ и драконовскими приговорами суда надъ участниками безпорядковъ (7 мая).

Кромѣ того, демонстраціи имѣли мѣсто въ сѣв.-зап. краѣ (Вильнѣ, Двинскѣ и другихъ пунктахъ), Харьковѣ, Симферополѣ; однимъ словомъ, первомайское празднество вошло въ обычай и получило въ Россіи право гражданства.

Въ 1902 г. майское празднество приняло всероссійскій характеръ: не было почти ни одного болѣе или менѣе промышленнаго центра, въ которомъ къ 1 мая не появилось прокламацій, не устраивалось собраній или демонстрацій. Изъ послѣднихъ необходимо отмѣтить демонстраціи въ Нижнемъ и особенно въ Сормовѣ (кончилась судомъ), въ Саратовѣ (5 мая) и въ Вильнѣ гдѣ ген.-губ. фонъ-Валь подвергъ арестованныхъ демонстрантовъ тѣлесному наказанію; такая же форма издѣвательства надъ плѣннымъ врагомъ примѣнена была и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, какъ въ Екатеринославѣ и на Воткинскомъ заводѣ.

Для борьбы съ рабочимъ праздникомъ правительство пустило въ ходъ погромы; первый изъ нихъ состоялся незадолго до 1 мая 1903 г. въ Кишиневѣ, при чемъ во многихъ мѣстахъ демонстраціи отмѣнялись въ виду угрозъ полиціи произвести погромъ въ случаѣ открытаго выступленія революціонеровъ. Тѣмъ не менѣе, демонстраціи произошли въ Тифлисѣ, Баку, Батумѣ, Кутаисѣ, Сормовѣ и въ Томскѣ (впервые въ Сибири). Кромѣ того, во многихъ городахъ состоялись собранія рабочихъ (въ Николаевѣ, Смолепскѣ, Гулѣ и пр.); во многихъ мѣстахъ рабочіе не выходили на работу (въ Одессѣ, Николаевѣ, Самарѣ) и т. д.

Въ 1904 г. празднованіе 1 мая не было особенно импозантнымъ; кое-гдѣ состоялись собранія и демонстраціи (въ Ригѣ и Митавѣ); соціалистическія партіи воспользовались русско-японской войной для того, чтобы въ своихъ первомайскихъ прокламаціяхъ вести агитацію противъ милитаризма.

Въ революціонномъ 1905 году празднованіе 1 мая сошло лучше, но все-таки не настолько хорошо, чтобы можно было догадываться о предстоявшемъ черезъ полгода великомъ потрясеніи всѣхъ устоевъ русской жизни. Въ цѣломъ рядѣ пунктовъ произошли демонстраціи, хотя и не достаточно внушительныя (въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Кіевѣ, Ростовѣ, Екатеринославѣ, Митавѣ, Ярославлѣ, Сморгони, Владикавказѣ, Тифлисѣ, Николаевѣ, Новороссійскѣ, Екатеринодарѣ); въ другихъ мѣстахъ рабочіе бастовали, собирались на массовки (въ Двинскѣ, Харьковѣ, Юзовѣ, Бахмутѣ, Гомелѣ, Одессѣ, Мелитополѣ, въ Самарѣ, гдѣ произошла всеобщая стачка, въ Баку, гдѣ началась всеобщая стачка на нефтяныхъ промыслахъ, въ Астрахани и пр.). Прокламаціи выпускались въ огромномъ количествѣ, и въ нихъ уже открыто говорилось объ учредительномъ собраніи, демократической республикѣ и т. п.

Въ 1906 г. велась сильная предмайская агитація. Всѣ соціалистическія партіи хотѣли доказать правительству, что жестокія репрессіи перваго «конституціоннаго» министерства Витте-Дурново не въ силахъ были надолго задавить духъ протеста въ россійскомъ пролетаріатѣ, что послѣдній, несмотря на временное пораженіе, полонъ энергіи и великихъ надеждъ на торжество рабочихъ идеаловъ. И дѣйствительно, смотръ рабочихъ силъ въ день 1 мая этого года удался на славу. До тѣхъ поръ въ Россіи никогда еще пролетарскій праздникъ не праздновался въ такихъ размѣрахъ и съ такимъ энтузіазмомъ. Трудно перечислить всѣ мѣста, гдѣ въ этотъ день справлялось русскими рабочими всемірное торжество весны и обновленія. Пролетаріатъ Россіи снова открыто показалъ, что никакія насилія не способны вернуть его въ прежнее состояніе смиреннаго рабства, и что, наперекоръ объединенной силѣ штыковъ и капитала, онъ и впредь твердой стопой пойдетъ навстрѣчу восходящему солнцу соціализма[1]).

---

[1]) Писано въ 1906 году.

III.

Всеобщая забастовка на югѣ Россіи 1903 г.

Уже давно среди русскихъ соціалистовъ распространена была мысль, что всеобщая стачка послужитъ въ Россіи могучимъ рычагомъ политическаго переворота. Предвѣстниками надвигающейся грозы явились стачки 1902 г. въ Костромѣ и Ростовѣ на Дону. Къ этому моменту кротъ капитализма успѣлъ настолько подрыть почву, что достаточно было малѣйшаго повода для того, чтобы въ насыщенной электричествомъ атмосферѣ засверкали молніи и загремѣлъ громъ народнаго гнѣва. Стачка, подготовлявшаяся частичными забастовками и демонстраціями, вызванными предмайской агитаціей революціонныхъ организацій, распространилась съ быстротой стихіи и залила пожаромъ мятежа весь югъ; это небывалое въ Россіи потрясеніе явилось грознымъ предвѣстникомъ того геологическаго переворота, который въ октябрѣ 1905 г. нанесъ смертельный ударъ системѣ самовластія.

1-го іюля началась стачка въ Баку, 5-го забастовка охватила весь городъ и окрестности; 14-го въ Тифлисѣ забастовали рабочіе ж.-д. мастерскихъ, приказчики и ремесленники, а за ними всѣ остальные рабочіе; изъ солидарности къ нимъ примкнули батумскіе рабочіе, такъ что стачка распространилась на весь Кавказъ. Въ Одессѣ первыми забастовали рабочіе въ порту и въ ж.-д. мастерскихъ. Здѣсь агитацію среди рабочей массы вели зубатовцы—«независимцы», которые, стремясь отвлечь ее

отъ политической борьбы, обѣщали ей широкое экономическое выступленіе; масса ждала въ страшномъ напряженіи, но когда независимцы подали ей сигналъ къ чисто-экономической стачкѣ, она ринулась въ борьбу съ такимъ увлеченіемъ, что своимъ стихійнымъ напоромъ сразу опрокинула зубатовцевъ и перешагнула черезъ нихъ, придавъ движенію, хотя и не осознанный, но рѣзко политическій характеръ. Полицейская курица высидѣла революціонныхъ утятъ. Затѣмъ къ забастовкѣ присоединились Николаевъ, Кіевъ (съ 21 іюля), Елисаветградъ, Екатеринославъ (съ 7 августа) и Керчь.

Стачка охватила весь югъ. Это было какое-то стихійное повѣтріе, противъ котораго отдѣльная воля была безсильна. Въ этомъ безудержномъ порывѣ массы сказалось несознанное чаяніе великихъ потрясеній, смутное стремленіе къ новой жизни, глухой гнѣвъ противъ несправедливыхъ страданій и туманная вѣра въ близость соціальнаго обновленія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рабочіе даже не выставляли опредѣленныхъ требованій; они примыкали къ движенію по врожденному чувству солидарности, вскормленному годами общихъ страданій, поддержанному общимъ настроеніемъ, свойственнымъ эпохамъ крутого перелома въ народной психикѣ. Руководившіе забастовкой комитеты с.-д. партіи наряду съ экономическими требованіями выдвигали и политическіе лозунги, которые масса уже привыкла считать своими. Все время стачки масса держалась въ напряженномъ состояніи; торжественное настроеніе не прекращалось ни на минуту. Тысячными толпами, часто съ красными знаменами, расхаживали рабочіе по городу, приглашая товарищей присоединиться къ великому протесту угнетеннаго труда; тамъ, гдѣ спящее, вслѣдствіи долгаго рабства, чувство солидарности нуждалось для своего проявленія въ товарищескомъ насиліи, активные иниціаторы не останавливались передъ спасительнымъ толчкомъ: изъ котловъ выпускался паръ, фабрики, мастерскія и магазины закрывались, лошади распрягались и т. п.

Всѣ профессіи забастовали, и отъ грознаго движенія современныхъ рабовъ, скрестившихъ руки на груди, впервые заколебались и дрогнули устои безправія и самовластія.

Около 250.000 чел. приняли участіе въ этомъ колоссальномъ протестѣ униженныхъ и оскорбленныхъ; жизнь и дѣятельность,

замершія на фабрикахъ и заводахъ, съ тѣмъ большей мощью и блескомъ развернулись на многолюдныхъ митингахъ, куда стекались старъ и младъ послушать вдохновенную проповѣдь общественнаго переустройства; с.-д. организаціи засыпали народъ прокламаціями, въ которыхъ формулировались требованія протестантовъ: восьмичасовой рабочій день, увеличеніе заработной платы, человѣческое обращеніе, нормальныя условія труда и надъ всѣмъ этимъ—созывъ всероссійскаго Учредительнаго Собранія и политическія свободы: свобода союзовъ, собраній, печати, сходокъ, слова, стачекъ, совѣсти, личности. Вчера еще покорная масса рабовъ, смотрѣвшая потухшими очами въ землю, распрямила сгорбленную спину и на вопросъ вождя «независимцевъ», Шаевича, обращенный къ одесскимъ рабочимъ: «Чего вы хотите: головой объ стѣну или сверлить ее?»—гордо и единодушно отвѣчала: «Головой объ стѣну».

Первоначально растерявшаяся администрація, уже безсильная совладать съ грандіознымъ порывомъ народныхъ массъ, сохраняла еще въ рукахъ грозныя орудія репрессіи и могла желѣзомъ и кровью задавить движеніе и вогнать внутрь нестерпимыя обиды пролетаріата. Въ Баку, Тифлисѣ рабочія собранія разгонялись казацкими нагайками; на станціи Михайловка въ рабочихъ, пытавшихся отцѣпить паровозъ, стрѣляли, убивши и тяжело ранивши 36 чел. Въ Одессѣ жестоко избивали рабочихъ, въ особенности кондукторовъ и кучеровъ конки, изъ которыхъ нѣкоторые умерли. Въ Кіевѣ 23 іюля на вокзалѣ стрѣляли въ народъ, убивши 4 рабочихъ и ранивши 20 чел., изъ коихъ нѣсколько умерло; 25-го на Подолѣ произошла новая бойня безоружныхъ рабочихъ. Въ Екатеринославѣ при столкновеніи толпы съ войсками убито 24 чел. и 15 ранено. Въ народъ стрѣляли и въ Николаевѣ, и въ Керчи, гдѣ при попыткѣ освободить изъ тюрьмы арестованныхъ товарищей убито и ранено нѣсколько человѣкъ.

Въ концѣ концовъ забастовка прекратилась не вслѣдствіе этихъ репрессій, а постепенно улеглась, какъ бы выдохлась благодаря тому, что поднявшаяся масса не имѣла передъ собой ясныхъ и сознанныхъ цѣлей; это было не продуманное и сознательное движеніе, а гигантская и трогательная жалоба милліоновъ вѣчно трудящагося и обездоленнаго люда, пламенно жаж-

дующаго лучшей доли, но еще не знающаго вѣрныхъ путей къ завоеванію человѣческой жизни и всеобщаго счастья. Но въ этомъ смутномъ порывѣ пролетарскихъ массъ, впервые почувствовавшихъ непреодолимую силу совмѣстнаго напора, крылись въ зародышѣ грозныя бури, впослѣдствіи потрясшія нѣкогда непоколебимыя твердыни самодержавія.

IV.

Совѣтъ рабочихъ депутатовъ въ СПБ. въ 1905 году.

С.-Петербургскій Совѣтъ рабочихъ депутатовъ родился подъ вліяніемъ всеобщей политической забастовки 1905 года; учредить его рѣшено было на митингѣ 12 октября въ Технологическомъ Институтѣ, а 13-го уже начались выборы депутатовъ на фабрикахъ и заводахъ Московской заставы. Первоначально онъ создался въ цѣляхъ освѣдомленія всѣхъ петербургскихъ рабочихъ о ходѣ забастовочнаго движенія, но постепенно сила событій заставила его взять на себя выполненіе многихъ другихъ функцій. Выдвинутый на историческую авансцену революціоннымъ пролетаріатомъ, игравшимъ руководящую роль въ обще-русскомъ освободительномъ движеніи, С. Р. Д. естественно долженъ былъ взять въ свои руки направленіе революціонной борьбы и мало-по-малу началъ превращаться въ зародышъ «рабочаго правительства».

Какъ выборный органъ петербургскаго пролетаріата, Совѣтъ ведетъ, собственно, свое начало съ 14-го октября, когда въ него вступили делегаты отъ 40 крупныхъ заводовъ, 2 фабрикъ и 3 профессіональныхъ союзовъ: рабочихъ печатнаго дѣла, приказчиковъ и конторщиковъ. На засѣданіи 14 октября рѣшено было послать депутацію въ думу и снять съ работы еще не бастующихъ рабочихъ. Вторая задача была выполнена съ успѣхомъ, но хожденіе въ столичный муниципалитетъ чуть было не закончилось арестомъ рабочихъ депутатовъ, а выставленныя Совѣтомъ требованія (главное изъ нихъ сводилось къ выдачѣ городомъ средствъ на организацію пролетарской милиціи), конечно, не были удовлетворены.

На четвертомъ засѣданіи С. Р. Д. (17 октября въ Вольномъ Эконом. Обществѣ) избранъ былъ «Исполнительный Комитетъ», въ который съ совѣщательнымъ голосомъ вошли также представители соціалистическихъ партій: 6 отъ с.-д. (по 3 отъ «большевиковъ» и «меньшевиковъ») и 3 отъс.-р. Совѣтъ рѣшилъ продолжать политическую забастовку, рекомендуя рабочимъ впредь до возобновленія работъ не платить за квартиры и взятые въ долгъ товары, а собственникамъ—не взыскивать съ рабочихъ долговъ. Въ тотъ же день вышелъ 1-й № «Извѣстій Совѣта Рабочихъ Депутатовъ» косвенно давшій имя самой организаціи, которая до тѣхъ поръ называлась «рабочимъ» или «стачечнымъ комитетомъ».

Представитель сознательнаго пролетаріата, С. Р. Д. не повѣрилъ конституціоннымъ намѣреніямъ самодержавнаго правительства и на 5-мъ засѣданіи 18 октября выставилъ рядъ требованій (устраненіе полиціи, удаленіе изъ города войскъ, созданіе народной милиціи, амнистія, отмѣна военнаго положенія и усиленной охраны, созывъ Учредительнаго Собранія на основѣ четырехчленной формулы), постановивши впредь до исполненія ихъ продолжать стачку. Но съ полученіемъ извѣстій о постепенномъ возобновленіи работъ въ другихъ мѣстахъ Россіи, С. Р. Д. 18 октября декретировалъ прекращеніе забастовки на 21 октября.

Политическое значеніе Совѣта росло со сказочной быстротой. Когда 19 октября полиція арестовала трехъ делегатовъ Совѣта, посланныхъ на Казанскую площадь, чтобы распустить собравшійся тамъ митингъ, достаточно было отправить депутацію отъ С. Р. Д. къ Витте—и арестованные были немедленно освобождены. Когда правительство собиралось закрыть казенные заводы для того, чтобы отомстить рабочимъ за всеобщую забастовку, С. Р. Д. послалъ депутацію къ Витте—и Балтійскій заводъ былъ открытъ на другой день.

Съ первыхъ же шаговъ Совѣту пришлось натолкнуться на злобное противодѣйствіе реакціи. Въ виду явно проявленнаго Треповымъ намѣренія добиться новаго пролитія крови, Совѣтъ принужденъ былъ отмѣнить назначенныя имъ на 23 октября торжественныя похороны жертвъ, павшихъ въ октябрьскіе дни. Это была первая неудача Совѣта, наглядно демонстрировавшая его физическое безсиліе передъ вооруженной до зубовъ камарильей. 18 октября черносотенцы совершили первое нападеніе на члена

Совѣта. Послѣднему пришлось вступить въ борьбу со «священной дружиной» самодержавія не только въ интересахъ самозащиты, но и для охраны города отъ готовившагося погрома, направленнаго противъ революціонныхъ элементовъ и оппозиціонныхъ газетъ. Съ этой цѣлью Совѣтъ приступилъ къ вооруженію рабочихъ; въ нѣкоторыхъ пунктахъ по его иниціативѣ организована была рабочая милиція, которой удалось отстоять столицу отъ подготовлявшейся варѳоломеевской ночи. Въ то же время Совѣтъ, съ помощью Союза рабочихъ печатнаго дѣла, фактически осуществилъ свободу печати: рабочіе бойкотировали владѣльцевъ типографій и писателей, не порвавшихъ всѣхъ связей съ цензурой. Совѣтъ прекрасно понималъ, что революціонная борьба только начинается. Вскорѣ ему пришлось призвать петерб. пролетаріатъ къ новому усилію и новымъ жертвамъ. Повинуясь непреодолимому стремленію рабочихъ, Совѣтъ 29 октября постановилъ ввести «захватнымъ путемъ» 8-мичасово рабочій день съ 31 октября Къ 1 ноября движеніе охватило почти всѣ заводы и крупныя фабрики. Но уже назрѣвали новыя серьезныя событія. 26 октября въ Кронштадтѣ вспыхнуло и было подавлено военное возстаніе; въ виду разнесшихся слуховъ, что бунтовщиковъ будутъ судить полевымъ судомъ, Совѣтъ рѣшилъ призвать пролетаріатъ къ защитѣ своихъ братьевъ, одѣтыхъ въ военные мундиры, и 1 ноября провозгласилъ забастовку съ 12 часовъ дня 2-го ноября съ лозунгомъ: «долой полевые суды! долой смертную казнь! долой военное положеніе въ Польшѣ и во всей Россіи!» Стачка была всеобщей, кромѣ почты и телеграфа, извозчиковъ, конно-желѣзныхъ дорогъ и большинства приказчиковъ. Главной цѣлью этой забастовки было наглядно показать темной солдатской силѣ, что пролетаріатъ является и ея защитникомъ, привлечь армію къ освободительному движенію и, такимъ образомъ, вырвать изъ рукъ абсолютизма послѣднюю опору его могущества. Прямо своей цѣли она не достигла, и въ концѣ концовъ ее пришлось превратить въ стачку-демонстрацію, но она, несомнѣнно, заставила задуматься многихъ солдатъ, и въ этомъ смыслѣ ее можно признать не безплодной. 5 ноября Совѣтъ постановилъ прекратить ее въ 12 часовъ дня 7-го, приглашая вмѣстѣ съ тѣмъ сознательныхъ рабочихъ усилить революціонную агитацію въ арміи и приступить къ боевой организаціи рабочихъ массъ, подготовляя, такимъ

образомъ, «послѣднюю всероссійскую схватку съ кровавой монархіей, доживающей свои послѣдніе дни».

Довести до конца эту задачу С. Р. Д. не удалось. 26 ноября былъ арестованъ его предсѣдатель Хрусталевъ-Носарь, а 3-го декабря захваченъ весь Совѣтъ. Поводомъ къ этому аресту послужило изданіе «Манифеста», въ которомъ С. Р. Д. провозглашалъ банкротство правительства и приглашалъ всѣхъ гражданъ отказаться отъ уплаты налоговъ, требовать при всѣхъ сдѣлкахъ уплаты золотомъ, брать вклады изъ сберегательныхъ кассъ и изъ Государственнаго Банка, требуя уплаты золотомъ; кромѣ того, всѣ подписавшіяся подъ «манифестомъ» организаціи (С. Р. Д., Крестьянскій Союзъ, Р. С.-Д. Р. П., П. С.-Р., П. П. С.) заявили, что онѣ не допустятъ «уплаты долговъ по всѣмъ тѣмъ займамъ, которое царское правительство заключило, когда явно и открыто вело войну со всѣмъ народомъ». Газеты, напечатавшія «этотъ документъ», 2-го декабря были закрыты.

3 декабря С. Р. Д. собрался въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ для того, чтобы обсудить положеніе вещей, созданное закрытіемъ оппозиціонныхъ газетъ, изданіемъ каторжныхъ «Временныхъ правилъ о стачкахъ» и вообще явнымъ намѣреніемъ реакціи перейти въ нападеніе и отнять у народа всѣ свободы, завоеванныя въ октябрѣ. Совѣтъ не имѣлъ иного выхода, какъ объявить всеобщую политическую забастовку, но не успѣлъ этого сдѣлать, такъ какъ до открытія засѣданія былъ арестованъ.

Въ настоящее время трудно оцѣнить все историческое значеніе С. Р. Д. Во второй половинѣ ноября въ составъ его входили 562 чел., представлено было 147 фабрикъ и заводовъ, 34 мастерскія и 16 профессіональныхъ союзовъ, въ томъ числѣ желѣзнодорожный и почтово-телеграфный. Кромѣ того, Совѣтъ поддерживалъ сношенія съ Крестьянскимъ Союзомъ, съ совѣтами рабочихъ депутатовъ, возникшими по его образцу въ другихъ городахъ (Москвѣ Кіевѣ и др.) и даже подготовлялъ съ ихъ помощью всероссійскій рабочій съѣздъ для общаго руководства движеніемъ пролетаріата. Онъ провелъ три стачки: октябрьскую, ноябрьскую и почтово-телеграфную; выпустилъ около 500 000 экземпляровъ «Извѣстій» и воззваній къ солдатамъ, рабочимъ и гражданамъ; онъ провозгласилъ свободу печати и осуществилъ ее на дѣлѣ.

Онъ превратилъ 8-мичасовый день изъ отдаленнаго идеала въ осязательный лозунгъ пролетарской борьбы и сильно приблизилъ его проведеніе въ жизнь. Совѣтъ организовалъ народную самооборону и предохранилъ Петербургъ отъ черносотеннаго погрома. Онъ создалъ комиссію безработныхъ и взялъ на себя борьбу съ голодомъ, на который коалиція правительства и капитала обрекла передовой отрядъ освободительнаго движенія. Ноябрьской стачкой Совѣтъ сблизилъ пролетаріатъ съ революціонной частью арміи. Всю свою дѣятельность Совѣтъ направлялъ къ одной цѣли, низверженію самодержавія и установленію демократической республики; его непосредственнымъ политическимъ требованіемъ было полновластное Учредительное Собраніе, избранное на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права. Средствомъ борьбы—широкая организація рабочаго класса, постоянное упражненіе его силъ и, какъ ultima ratio, всеобщая политическая забастовка, расшатывающая правительственный механизмъ, деморализующая армію и на извѣстной ступени своего развитія и при извѣстныхъ условіяхъ переходящая въ вооруженное возстаніе. С. Р. Д. не былъ партійнымъ учрежденіемъ, а свободной эманаціей петербургскаго пролетаріата; но подавляющее большинство принадлежало въ немъ соціалъ-демократамъ. Фактически въ своейдѣятельности онъ осуществлялъ лозунгъ «революціоннаго самоуправленія», выдвинутый этой партіей. Волей судебъ Совѣтъ, благодаря разложенію правительственной машины, начавшейся вслѣдъ за октябрьской забастовкой, незамѣтно началъ мало-по-малу превращаться въ органъ новой правительственной власти; подъ названіемъ «рабочаго правленія» онъ сдѣлался извѣстенъ населенію провинціи; и не только революціонные элементы видѣли въ немъ естественнаго преемника старой изжившей себя власти, но даже сама послѣдняя начинала понимать, что дальнѣйшее сосуществованіе стараго и новаго правительства грозитъ полной гибелью первому. И вотъ почему оно поспѣшило дать рѣшительное сраженіе Совѣту, прежде чѣмъ онъ успѣлъ собрать всѣ силы, готовыя стать подъ его знамя.

Изъ трехсотъ слишкомъ арестованныхъ депутатовъ правительство предало суду наудачу выхваченныхъ 52 человѣкъ Въ ноябрѣ 1906 года Пет. суд. палата приговорила 15 изъ нихъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе.

Послѣ перваго С. Р. Д., изъ уцѣлѣвшихъ депутатовъ и кандидатовъ составился второй Совѣтъ, но онъ уже не пользовался ни силой, ни авторитетомъ прежняго. Второй Совѣтъ объявилъ и попытался провести декабрьскую забастовку, но время было уже не то, а новое время требовало другихъ птицъ и новыхъ пѣсенъ. Члены его даже не были преданы суду, а дѣло о нихъ разрѣшено въ административномъ порядкѣ.

Письма Карла Маркса и Фридриха Энгельса къ Николаю —ону.

За исключеніемъ «Объяснительной замѣтки», предпосланной письмомъ Маркса и Энгельса въ видѣ предисловія, и нѣкоторыхъ приложеній, содержаніе разсматриваемой книжки уже извѣстно читателямъ «Минувшихъ Годовъ»: письма основателей научнаго соціализма къ г. Н.—ону были напечатаны во 2 и 3 книжкахъ за текущій 1908 годъ.

Въ предисловіи, написанномъ очевидно человѣкомъ, близко стоящимъ къ г. Н.—ону и до сихъ поръ раздѣляющимъ взгляды автора «Очерковъ нашего переформеннаго хозяйства», разсказывается о томъ, какимъ образомъ установились сношенія между Марксомъ и Н.—ономъ. Въ 1867 г. появился первый томъ «Капитала», который произвелъ такое сильное впечатлѣніе на г. Н.—она, что ему тогда же захотѣлось познакомить съ нимъ русскую публику. Сначала переводъ былъ предложенъ Бакунину, но послѣдній отъ начатой работы вскорѣ отказался при условіяхъ, до сихъ поръ невполнѣ выясненныхъ и подавшихъ впослѣдствіи противникамъ Бакунина (въ томъ числѣ и Марксу) поводъ обвинить его въ неблаговидномъ поступкѣ. Затѣмъ эта задача возложена была на Г. Лопатина, который въ началѣ 1870 г. поселился въ Лондонѣ, гдѣ близко сошелся съ Марксомъ. Лопатинъ успѣлъ перевести только часть перваго тома (около трети), послѣ чего былъ вынужденъ бросить дальнѣйшій переводъ, такъ какъ въ это время онъ предпринялъ освобожденіе Н. Чернышевскаго изъ Сибири. Переводъ «Капитала» законченъ былъ самимъ Н.—ономъ.

Еще въ то время, когда за переводъ брался Бакунинъ, Н.—онъ обратился къ Марксу съ письмомъ, въ которомъ просилъ его сообщить о себѣ біографическія свѣдѣнія; въ отвѣтъ онъ получилъ отъ Маркса письмо, часть котораго была помѣщена въ предисловіи къ русскому изданію (вышло въ 1872 г.) Такимъ образомъ между ними началась переписка. Н.—онъ высылалъ Марксу главныя работы по экономикѣ Россіи, преимущественно земскіе статистическіе сборники. Эти матеріалы нужны были Марксу для третьяго тома «Капитала», гдѣ онъ намѣревался, основываясь на данныхъ россійской дѣйствительности, полнѣе обслѣдовать періодъ первоначальнаго накопленія, земельныя отношенія и генезисъ прибавочной цѣнности. Къ сожалѣнію, онъ не успѣлъ выполнить этой задачи и ограничился только множествомъ выписокъ изъ русскихъ изданій. Нѣкоторые друзья Маркса (въ частности Энгельсъ) были даже недовольны присылкой русской экономической литературы, которая, по ихъ мнѣнію, мѣшала Марксу подготовить къ печати второй и третій томы «Капитала».

По мѣрѣ ознакомленія съ русскими матеріалами у Маркса возникали различные вопросы; м. пр., онъ просилъ Н.—она сообщить ему нѣкоторыя свѣдѣнія о положеніи русскаго государственнаго хозяйства. Эта просьба побудила Н.—она приняться за болѣе систематическую работу, въ результатѣ которой получились извѣстные «Очерки нашего переформеннаго общественнаго хозяйства», напечатанные впослѣдствіи въ «Словѣ» за 1880 г. (октябрь).

По смерти Маркса Н.—онъ переписывался съ Энгельсомъ какъ по поводу перевода 2-го и 3-го томовъ «Капитала», такъ попутно и по поводу цѣлаго ряда теоретическихъ вопросовъ.

Собранныя въ разсматриваемой книжкѣ письма Маркса и Энгельса представляютъ величайшій историческій и теоретическій интересъ. Съ одной стороны, они даютъ нѣкоторые матеріалы для біографіи Маркса—но эти данныя не такъ интересны: тѣ же жалобы на препятствія, мѣшавшія Марксу закончить «Капиталъ», та же полемика съ Бакунинымъ.[1]) Съ другой стороны—что гораздо интереснѣе для насъ, русскихъ—изъ этихъ писемъ

[1]) Какъ оказывается изъ этой переписки, знаменитое письмо, которое Марксъ предъявилъ на Гаагскомъ конгрессѣ и которое повлекло за собой исключеніе Бакунина изъ Интернаціонала, было доставлено ему черезъ посредство г. Николая—она.

мы можемъ познакомиться со взглядами основоположниковъ критическаго коммунизма на историческое развитіе нашихъ общественныхъ отношеній или, употребляя принятое у насъ выраженіе, на «судьбы капитализма въ Россіи»

Авторъ предисловія упоминаетъ иносказательно о русскихъ марксистахъ. «Въ девяностыхъ (?) годахъ,—говоритъ онъ,—возникла у насъ доктрина, противъ которой (?) въ такихъ сильныхъ выраженіяхъ боролся Марксъ, и о которой Н.—ону не разъ приходилось писать Энгельсу». «Реальная жизнь,—продолжаетъ авторъ,—пошатнула въ этихъ людяхъ вѣру въ такую доктрину» (стр. XII).

Здѣсь что ни слово, то недоразумѣніе. По словамъ автора выходитъ какъ будто такъ, что Марксъ, умершій въ 1883 г. «боролся» да еще «въ сильныхъ выраженіяхъ» съ русскими марксистами, выступившими въ легальной литературѣ только въ серединѣ 90-хъ годовъ. А вѣдь документъ, который имѣетъ здѣсь въ виду авторъ, направленъ не противъ русскихъ марксистовъ, а... противъ Михайловскаго, заговорившаго о якобы трагическомъ положеніи имѣющихъ еще народиться русскихъ учениковъ Маркса. Это разъ. Во вторыхъ, общій смыслъ вышецитированной фразы автора предисловія сводится къ тому, чтобы внушить читателю, будто Марксъ и Энгельсъ были солидарны со взглядами г. Н.—она на развитіе русскихъ экономическихъ отношеній. Напрасный трудъ! Читатель, прочтя письма Маркса и Энгельса (собственно говоря, сюда относятся только письма Энгельса; Марксу не пришлось высказаться объ утопіи г. Н.—она,) убѣдится, что дѣло обстояло «совершенно напротивъ», и что оба они и въ этомъ отношеніи оставались «марксистами». Правда, г. Н.—онъ «не разъ писалъ Энгельсу» о русскихъ марксистахъ. Но что отвѣчалъ ему Энгельсъ? Вотъ въ чемъ вопросъ!

Что въ критическомъ анализѣ нашего экономическаго развитія и во взглядахъ Н.—она было много такого, съ чѣмъ Марксъ и Энгельсъ не могли не соглашаться, это само собой разумѣется. Согласіе это продолжалось до тѣхъ поръ, пока г. Н.-онъ самъ оставался на марксистской точкѣ зрѣнія и стоялъ на почвѣ объективнаго изслѣдованія фактовъ. Но дѣло рѣшительно измѣнилось какъ только г. Н.—онъ садился на народническаго

конька и начиналъ развивать свои утопіи. Какъ извѣстно, рѣчь шла о томъ, что русскій капитализмъ представляетъ чуть ли не сплошное историческое недоразумѣніе и «нашу» ошибку, что крестьянская община можетъ непосредственно перейти въ ячейку соціалистическаго общества и т. п. Противъ этихъ взглядовъ Энгельсъ, хотя и не всегда «въ сильныхъ выраженіяхъ», а большей частью въ очень вѣжливой иронической формѣ, дѣйствительно энергично протестовалъ [1]). При этомъ нѣкоторыя его письма до иллюзіи напоминаютъ соотвѣтствующія мѣста изъ «Нашихъ Разногласій» Плеханова, также направленныхъ противъ народническихъ утопій (см. особенно стр. 60-84 писемъ Энгельса).

По поводу толковъ г. Н.—она объ искусственности и мертворожденности русскаго капитализма Энгельсъ разумно отвѣчаетъ ему: «Послѣ Крымской войны Россія поняла, что въ настоящее время великая держава не можетъ обойтись безъ индустріи; и вотъ она принялась дѣйствовать, исходя изъ этого убѣжденія. Что она окружила себя оградой покровительственныхъ пошлинъ, это должно считаться лишь слишкомъ естественнымъ». Кто, восклицаетъ Энгельсъ, можетъ порицать Россію за то, что было для нея безусловной необходимостью? Переформенная Россія напоминаетъ Энгельсу Францію при Людовикѣ XIV, но со стороны вліянія на положеніе мелкаго крестьянства между старинною мануфактурою и современною крупною промышленностью существуетъ такая же разница, какъ между гладкоствольнымъ кремневымъ мушкетомъ и малокалиберной магазинной винтовкой. Процессъ разложенія докапиталистическихъ отношеній подъ вліяніемъ капитализма въ Россіи долженъ пойти гораздо быстрѣе. Однимъ изъ результатовъ этого процесса и явился голодъ 1891 г.

Конечно, ростъ крупной промышленности въ Россіи былъ вызванъ «искусственными» способами, но вѣдь то же самое, объясняетъ Энгельсъ г. Н.—ону, имѣло мѣсто и во Франціи и въ

---

[1]) Не можемъ не указать на странное недоразумѣніе, въ которое (вѣроятно, не по своей винѣ) впалъ Энгельсъ, привѣтствовавшій г. Н.—она за «хорошее дѣло» а именно за «указаніе русской публикѣ на приложимость теоріи Маркса къ русскимъ условіямъ». (стр. 47)!

Италіи, и въ Германіи, и даже въ Америкѣ. Промышленная революція въ Россіи была совершенно неизбѣжна. Съ того момента, какъ военное дѣло стало одною изъ отраслей крупной промышленности, машинная индустрія стала и для Россіи политической необходимостью. Получить ее Россія иначе не могла, какъ при помощи «хотя бы нѣкоторой степени правительственнаго покровительства. Съ этой точки зрѣнія,—прибавляетъ Энгельсъ,—вопросъ о покровительствѣ становится только вопросомъ о с т е п е н и, а не о принципѣ; самый принципъ былъ неизбѣженъ».

«И еще одна вещь столь же несомнѣнна: если бы Россіи послѣ Крымской войны потребовалась собственная крупная промышленность, то она могла получить ее л и ш ь въ о д н о й формѣ, т. е. к а п и т а л и с т и ч е с к о й, а не въ какой-либо иной. Ну, а вмѣстѣ съ этой формой она обязана была принять также и всѣ тѣ послѣдствія, которыя обыкновенно сопровождаютъ капиталистическую крупную промышленность во всѣхъ другихъ странахъ». Вопреки указаніямъ г. Н.—она, Энгельсъ рѣшительно не видѣлъ, чтобы результаты промышленной роволюціи въ Россіи «отличались въ чемъ-нибудь отъ того, что мы видимъ или видѣли въ Англіи, Германіи и въ Америкѣ». (Впрочемъ, для Америки онъ признаетъ нѣкоторыя отличія). Медленность возрастанія числа рабочихъ въ текстильной промышленности по сравненію съ возрастаніемъ количества продуктовъ? Но «то же самое имѣетъ мѣсто повсюду». Вытѣсненіе мужского труда женскимъ и дѣтскимъ? Но этого и слѣдовало ожидать заранѣе. Разрушеніе кустарныхъ промысловъ машинной индустріей? Но это—«безусловно необходимое послѣдствіе» капиталистическаго развитія и т. д., и т. п.

Таковы факты, говоритъ Энгельсъ, прибавляя, что относительно самихъ фактовъ Н.—онъ съ нимъ совершенно согласенъ. «Ну, а что касается до вопроса о томъ, нравятся ли они намъ или нѣтъ, то это уже совсѣмъ другое дѣло! Вѣдь нравятся или не нравятся намъ эти факты, они все равно будутъ продолжать существовать. И чѣмъ полнѣе мы сумѣемъ отрѣшиться отъ вопроса о нашихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ, тѣмъ способнѣе мы окажемся къ вѣрному сужденію о самихъ фактахъ и ихъ послѣдствіяхъ» (стр. 69).

Развѣ не то же самое говорили сторонникамъ «субъектив-

наго метода» русскіе «ученики», о которыхъ пишетъ авторъ предисловія?

И развѣ они не продолжали въ такомъ же духѣ, какъ Энгельсъ, когда онъ утѣшаетъ г. Н—она: «Во всякомъ случаѣ я убѣжденъ, что почтенные консерваторы, насаждавшіе въ Россіи капитализмъ, будутъ въ одинъ прекрасный день страшно изумлены неожиданными послѣдствіями ихъ собственныхъ дѣлъ»?

Въ письмѣ же къ Энгельсу отъ 27 Января 1893 года Н.—онъ ставитъ вопросъ: если крупная промышленность сдѣлалась необходимостью для Россіи, то было ли неизбѣжно, чтобы она развилась непремѣнно въ капиталистической формѣ; а въ письмѣ отъ 3/X 1892 г. онъ спрашиваетъ: не могла бы русская община быть взята за основу новаго экономическаго развитія Россіи? [1]).

На эти вопросы (неправда ли, звучащіе нѣсколько странно въ 1893 году?) Энгельсъ отвѣчаетъ: «Если вы возьмете во вниманіе общее состояніе вашей страны (въ 1854 г.), видите ли вы тамъ хоть какую либо возможность привить крупную промышленность къ крестьянской общинѣ, и притомъ въ такой формѣ, которая, съ одной стороны, дѣлала бы возможнымъ развитіе крупной промышленности, а съ другой, подняла бы эту первобытную общину до уровня соціальнаго учрежденія, далеко превосходящаго все то, что міръ видѣлъ до сихъ поръ по этой части? И это въ то время, когда весь европейскій Западъ все еще продолжаетъ быть подъ властью капиталистическаго режима? Что касается меня, то мнѣ кажется яснымъ до очевидности, что

---

[1]) На оба эти вопроса самъ г. Н.—онъ, какъ извѣстно, далъ положительный отвѣтъ въ своей книгѣ «Очерки нашего пореформеннаго хозяйства», вышедшей послѣ замѣчаній, сдѣланныхъ по поводу его взглядовъ Энгельсомъ. Онъ, который внесъ въ свою статью, напечатанную въ «Словѣ», цѣлый рядъ извлеченій изъ писемъ Маркса, въ своей книгѣ совершенно не считался съ убійственными для его теоріи указаніями и возраженіями Энгельса! Это, конечно, его право. Но, оказывается, что когда г. Н.—онъ обвинялъ (см. его статьи въ «Рус Бог.» за 1894 г.) русскихъ марксистовъ въ «апологіи власти денегъ», онъ имѣлъ въ своемъ портфелѣ письма Энгельса, въ которыхъ ему заранѣе дѣлались аналогичныя возраженія. Это уже нѣсколько странно. Что же, и Энгельсъ повиненъ въ такой «апологіи»?

такая эволюція, превосходящая все, что намъ извѣстно изъ предыдущей исторіи, требовала для своего осуществленія совсѣмъ иныхъ экономическихъ, политическихъ и интеллектуальныхъ условій чѣмъ тѣ, какія имѣлись въ то время въ Россіи» (стр. 82).

«Вы должны признать,—пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 72),—что для того, чтобы провести даже въ мысли такую перемѣну, долженъ сначала совершиться громадный процессъ въ общественномъ мнѣніи вашей страны».

Энгельсъ комментируетъ извѣстное мѣсто изъ предисловія 1882 г. къ «Комм. Манифесту» въ томъ смыслѣ, что русская община могла бы послужить исходнымъ пунктомъ для новаго общественнаго развитія лишь подъ вліяніемъ толчка извнѣ, т. е. если бы предварительно произошла соціальная революція въ Европѣ. А вѣдь въ смыслѣ толкованія этого мѣста авторитетъ Энгельса стоитъ внѣ сомнѣнія. Болѣе того, онъ идетъ дальше и говоритъ: «ни въ Россіи, и ни въ какомъ другомъ мѣстѣ невозможно развить изъ первобытнаго земельнаго коммунизма [1]) какую либо болѣе высокую соціальную форму, если эта болѣе высокая форма не существуетъ уже въ дѣйствительности въ какой либо въ другой странѣ и не служитъ такимъ образомъ какъ бы образцомъ для подражанія» (стр. 86). Если бы въ 60-хъ или въ 70-хъ годахъ Западъ Европы оказался созрѣвшимъ для соціалистической революціи, тогда «русскіе дѣйствительно были бы призваны показать, что можетъ быть сдѣлано изъ ихъ общины, которая въ то время оставалась еще болѣе или менѣе нетронутой». Но этого не случилось, и Россія должна была развиваться въ капиталистическомъ направленіи.

Послѣ всего вышесказаннаго понятно, почему Энгельсъ, въ отвѣтъ на просьбу г. Н.—она позволить ему цитировать его Энгельса, мнѣнія для борьбы съ русскими марксистами, отвѣтилъ вѣжливымъ, но рѣшительнымъ отказомъ (и это несмотря на то, что рѣчь шла о г. Струве, съ которымъ во многихъ отношеніяхъ несогласенъ былъ и самъ Энгельсъ, и многіе видные

[1]) Кстати, для русскаго читателя крайне интересно будетъ узнать, что Марксъ рѣшительно отвергалъ теорію Чичерина, объяснившаго возникновеніе русской земельной общины воздѣйствіемъ фиска (стр. 13—14).

русскіе марксисты). Мало того, Энгельсъ обѣщалъ Н.—ону рекомендовать Дицу издать нѣмецкій переводъ «Очерковъ», но при этомъ собирался написать объ этой книгѣ статью, въ которой хотѣлъ указать на свое несогласіе «съ нѣкоторыми изъ заключеній» г. Н.—она.

Наша рецензія даетъ лишь слабое представленіе о томъ интересѣ, который представляетъ разсматриваемая книжка. Къ послѣдней приложены отрывки изъ писемъ Маркса и Энгельса къ Зорге, Больте и др. (взятые изъ «Переписки Зорге»; есть полное русское изданіе), отрывокъ изъ написаннаго Марксомъ второго манифеста Генеральнаго Совѣта Интернаціонала по поводу франко-прусской войны, гдѣ Марксъ предсказываетъ союзъ Франціи съ Россіей, и наконецъ письмо Маркса къ редактору «Отеч. Записокъ», извѣстное у насъ подъ названіемъ «письма Маркса къ Михайловскому» (первоначально было напечатано въ № 5 «Вѣстника Народной Воли», а затѣмъ въ «Юрид. Вѣстникѣ» въ 1888 г.).

Этой книгѣ можно пожелать самаго широкаго распространенія.

Надгробное слово С. Ю. Витте.

И если они этого человѣка считаютъ великимъ, то по-истинѣ у нихъ нѣтъ великихъ людей...

Журналисты спорятъ между собою о томъ, былъ-ли Витте человѣкомъ новой или старой Россіи. Вѣрнѣе, даже не спорятъ. Почти въ одинъ голосъ пресса возводитъ его на пьедесталъ и, за ничтожными исключеніями, поетъ ему дифирамбы. Да и то сказать: пресса у насъ теперь подобралась подъ одинъ сѣрый цвѣтъ, и если въ почти однотонномъ ея хорѣ не слышится диссонирующихъ голосовъ, то не потому, чтобы некому было сказать настоящее и правдивое слово. Негдѣ его сказать, вотъ въ чемъ дѣло...

Витте—человѣкъ новой Россіи! Неужели же одинъ тотъ фактъ, что исторіи угодно было связать его имя съ извѣстнымъ государственнымъ актомъ, да и то двусмысленнаго содержанія, дастъ ему право на зачисленіе въ ряды дѣятелей грядущаго? Но вѣдь въ такомъ случаѣ съ равнымъ, если не съ большимъ правомъ, можно было бы признать Филиппа Эгалите представителемъ Великой Французской Революціи, а Вильгелма I—носителемъ идеи конституціонной Пруссіи. И развѣ мало въ исторіи людей, которыхъ рокъ притянулъ за волосы, механически прицѣпилъ къ строительству новой жизни, но участіе которыхъ въ этомъ строительствѣ выразилось только въ томъ, что они, и прежде всемѣрно боровшіеся противъ новыхъ принциповъ и всячески глушившіе молодые всходы, всѣми силами старались и теперь парализовать, исказить, убить ростки этой новой жизни?

Про Витте говорятъ иногда, какъ про представителя просвѣщеннаго абсолютизма. Абсолютизма—да, но просвѣщеннаго—едва-ли. Просвѣщенный абсолютизмъ имѣлъ въ свое время свой смыслъ и свое значеніе. Онъ возникъ въ такую эпоху,

когда буржуазное общество, только начавшее складываться въ нѣдрахъ стараго режима, не чувствовало въ самомъ себѣ достаточно силъ, чтобы пробить себѣ выходъ въ сковывавшей его скорлупѣ, и для ускоренія своего появленія на свѣтъ Божій нуждалось въ стороннемъ пособникѣ, который, оперируя старыми, ему присущими, методами, все же рѣшался иногда заносить дерзновенную руку на традиціонные авторитеты и сословныя привилегіи. Онъ дѣйствовалъ въ эпоху, когда новые общественные классы еще не посягали на политическое господство, предоставляя его безъ спора сарымъ дворянско-бюрократическимъ силамъ. Поэтому онъ не могъ себѣ ставить цѣлью сознательную борьбу съ новыми принципами—вѣрнѣе, онъ самъ представлялъ новый принципъ, онъ самъ выступалъ въ качествѣ новатора; онъ, словомъ, не былъ сознательно реакціоненъ.

Въ совершенно иномъ положеніи находился Витте или, точнѣе, тотъ режимъ, которому онъ служилъ. Витте выступилъ въ качествѣ государственнаго дѣятеля въ такой моментъ, когда обслуживаемый имъ политическій принципъ уже подвергся оспариванію и отрицанію, притомъ принимавшему подчасъ весьма острыя формы, когда этотъ принципъ уже утратилъ вѣру въ себя и, инстинктивно чувствуя свою слабость, старался доставить себѣ историческое оправданіе путемъ примѣненія самыхъ рѣзкихъ и сильнодѣйствующихъ средствъ, находившихся въ его распоряженіи. Не забудемъ, что начало бюрократической карьеры Витте относится къ 80-мъ годамъ, т. е. къ тому періоду въ исторіи Россіи, когда въ ней еще оставалось мѣсто для абсолютизма, но во всякомъ случаѣ для такого, къ которому терминъ «просвѣщеннаго» подходилъ весьма мало. Если только не признавать и Побѣдоносцева и Каткова носителями просвѣтительства...

Старый режимъ, отбившій недавно ожесточенную атаку, еще царилъ, но смутно сознавалъ свою непрочность. Ему, порожденному крѣпостнымъ бытомъ, еще не удалось вполнѣ приспособиться къ развитію денежнаго хозяйства, къ запросамъ всемірнаго рынка, къ буржуазнымъ условіямъ существованія, въ которыя онъ противъ своей воли властно втягивался историческимъ процессомъ и международной обстановкой. Въ этой области Витте сыгралъ роль новатора—новатора, конечно, въ томъ

смыслѣ, какой придаютъ этому термину поклонники героическаго принципа въ исторіософіи. Никакихъ новыхъ началъ, до чего неизвѣстныхъ, Витте не выдумалъ, а лишь съ большей энергіей и размахомъ продолжалъ политику, которую до него вели его предшественники, можно сказать, которая была завѣщана Московскимъ государствомъ и его «вотчиннымъ» казеннымъ хозяйствомъ. Эта политика была лишь, въ соотвѣтствіи съ запросами момента, доведена имъ до крайнихъ логическихъ послѣдствій. Но въ его новизнѣ «старина родная» явственно слышалась...

Передъ какимъ положеніемъ очутился магъ и волшебникъ «просвѣщеннаго абсолютизма», когда былъ призванъ къ участію въ высшей администраціи? Не забудемъ, что это было сейчасъ же послѣ знаменитаго голода 1891 г. (о чемъ почему-то забываютъ его біографы). Въ тотъ моментъ уже съ достаточной яркостью выяснились результаты «нашего пореформеннаго хозяйства». Крестьянство, дававшее главный контингентъ плательщиковъ налоговъ, дошло до такого экономическаго состоянія, при которомъ благополучіе государственной казны висѣло на волоскѣ. Передъ государственными дѣятелями стояла альтернатива: или произвести радикальную аграрную реформу, чтобы поставить государственное хозяйство въ странѣ на прочную основу, или (такъ какъ великіе люди à la Витте о такой реформѣ меньше всего помышляли, да и не могли помышлять, ибо, говоря словами Библіи, знаетъ волъ ясли господина своего и рабъ—пославшаго его) сдѣлать экономическую основу господствующаго строя независимой отъ участія платящей податной массы. Надлежало, словомъ, или эмансипировать крестьянство отъ крѣпостного режима и его пережитковъ, или эмансипировать этотъ режимъ отъ крестьянства. Витте или, лучше сказать, тѣ, кому онъ служилъ, естественно избрали послѣдній выходъ. Можно было, конечно, найти еще одно средство, а именно переложить податное бремя съ неимущихъ классовъ на плечи крупныхъ собственниковъ. Но на такое героическое средство Витте, конечно, не могъ рѣшиться: во-первыхъ, капиталы въ тогдашней Россіи были слишкомъ еще немногочисленны, чтобы послужить надежной основой для колоссальнаго (при бѣдности страны) государственнаго бюджета, а во-вторыхъ —и это главное—Витте, подобно всѣмъ дѣятелямъ «просвѣщен-

наго абсолютизма», великимъ и малымъ, прекрасно зналъ, что привлеченіе имущихъ классовъ къ платежу налоговъ равносильно привлеченію ихъ къ участію въ государственной власти. А этого-то онъ меньше всего хотѣлъ.

Итакъ, Витте принялся подводить экономическій фундаментъ подъ политическое зданіе, завѣщанное Россіи ея средневѣковой исторіей. Предоставивъ дѣятелямъ типа Дурново-Плеве отстаивать этотъ режимъ съ болѣе или менѣе сомнительнымъ успѣхомъ въ другихъ областяхъ и другими методами, мелкими и поверхностными, Витте взглянулъ на дѣло глубже и приложилъ всѣ свои силы къ тому, чтобы сдѣлать государственное хозяйство стараго режима независимымъ отъ экономическаго состоянія народныхъ массъ и отъ общественныхъ силъ. Съ этой именно цѣлью онъ ввелъ особую систему смѣтныхъ исчисленій для образованія «свободной наличности» въ рукахъ казны, систему, тяжело ложившуюся на подвергшихся усиленному выжиманію налогоплательщиковъ, съ этой цѣлью онъ способствовалъ сосредоточенію желѣзныхъ дорогъ въ рукахъ казны, съ этой цѣлью онъ установилъ золотую валюту, съ этой цѣлью онъ ввелъ винную монополію, съ этой цѣлью онъ, однимъ словомъ, всячески расширялъ сферу казеннаго хозяйства и всячески ее бюрократизировалъ. «Полицейскій соціализмъ» Зубатова и К° являлся лишь малозначительной и безцвѣтной политической надстройкой надъ полицейской финансовой политикой Витте...

Трагизмъ положенія стараго режима, силящагося упрочиться въ обстановкѣ буржуазнаго развитія, заключается въ томъ, что въ интересахъ самосохраненія онъ принужденъ содѣйствовать росту техники, національнаго богатства, т. е. при данныхъ историческихъ условіяхъ росту капитализма, и этимъ медленно, но неуклонно подрывать подъ собою почву. Этого противорѣчія не избѣгъ, конечно, и Витте. Какіе бы азіатскіе идеалы не имѣлись у современнаго политическаго дѣятеля, онъ всегда вынужденъ будетъ, поскольку онъ дѣйствуетъ не въ имъ созданныхъ, а всемірной исторіей подготовленныхъ условіяхъ, невольно служить росту факторовъ, безповоротно подрывающихъ его завѣтные идеалы Такая судьба постигла и Витте, какъ она въ свое время постигала всѣхъ подобныхъ ему государственныхъ мужей, мнившихъ направлять исторію, но твердо и властно ею направ-

мыхъ къ цѣлямъ, которыя ихъ больше всего страшили. Въ интересахъ увѣковѣченія абсолютизма Витте принужденъ былъ способствовать развитію капитализма, который рано или поздно долженъ былъ предъявить ему къ уплатѣ роковой вексель. И когда это, наконецъ, случилось, помѣстное дворянство, еще раньше почуявшее чуждость и враждебность насаждаемой Витте капиталистической атмосферы своимъ кровнымъ интересамъ, завопило противъ него и провозгласило его главнымъ виновникомъ обрушившейся на старый режимъ катастрофы.

Объективно это было до извѣстной степени вѣрно, но субъективно это было несправедливо. Виновный передъ помѣстнымъ дворянствомъ дѣломъ, Витте былъ невиновенъ помышленіемъ. Меньше всего думалъ онъ, когда содѣйствовалъ капиталистическому грюндерству, что въ одинъ прекрасный день вызванныя имъ къ жизни силы обратятся противъ него и противъ той политической системы, которой онъ всегда служилъ не за страхъ, а за совѣсть. Но оборона абсолютизма капиталистическими методами казалось настолько противорѣчащей духу этой системы, что Витте возбудилъ противъ себя въ сферахъ, желавшихъ отстаивать старое старыми методами, сильное подозрѣніе даже въ политической неблагонадежности. И достаточно было доноса какой-то взбалмошной дамы, чтобы всемогущій министръ, возбудившій неудовольствіе господствующихъ классовъ, былъ отставленъ, какъ провинившійся писарь.

Но Витте не былъ злопамятенъ. Когда обанкротившійся на поляхъ Манчжуріи старый режимъ снова почувствовалъ нужду въ его услугахъ, старый дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый, съ готовностью поспѣшилъ ему на помощь. Конечно, только буржуазные газетчики способны приписывать тѣ сравнительно выгодныя условія, которыя удалось выговорить Витте у японскихъ дипломатовъ, его необычайному уму и искусству и вообще сводить ихъ къ его личнымъ качествамъ, тогда какъ своимъ относительнымъ успѣхомъ въ Портсмутѣ Витте обязанъ былъ главнымъ образомъ неувѣренности Японіи въ своихъ силахъ и особенно содѣйствію Рузвельта, т. е. американскаго имперіализма, который видѣлъ въ растущемъ японскомъ имперіализмѣ своего опаснаго соперника и хотѣлъ парализовать его силы и сказочный ростъ. Но такъ или иначе Витте вернулся въ отечество въ ореолѣ

славы и сразу оказался въ центрѣ разыгрывавшейся тамъ міровой трагедіи. Ему пришлось сыграть видную и активную роль въ конфликтѣ между старой и новой Россіей, и здѣсь-то лишній разъ сказался его политическій обликъ. Для проявленія истинной физіономіи политическаго дѣятеля нѣтъ лучшаго оселка, чѣмъ глубокія общественныя потрясенія, во время которыхъ каждый человѣкъ въ концѣ-концовъ находитъ свою полочку, какъ по другому поводу выразился Бѣлинскій.

Итакъ, какому Богу служилъ Витте? Съ этимъ періодомъ его дѣятельности связана извѣстная докладная записка, поданная имъ по возвращеніи изъ Америки, и манифестъ 17 октября,— документы, вызвавшіе противъ него такое озлобленіе въ кругахъ реакціоннаго дворянства, а также сбившіе съ толку часть россійской буржуазіи. И совершенно напрасно. Ярость реакціонеровъ противъ Витте ничѣмъ не отличается отъ гнѣва ребенка, бьющаго предметъ, о который онъ ушибся, а превознесеніе Витте за мнимое признаніе имъ конституціонныхъ принциповъ свидѣтельствуетъ лишь о политическомъ убожествѣ, чтобы не сказать, о сознательной политической лжи.

Только неизлечимо-наивные люди въ родѣ кадетовъ І. Гессена и Кизеветтера, могутъ воображать, что Витте имѣлъ весьма «смутное понятіе о конституціонномъ образѣ правленія» или «остался чуждъ пониманія истиннаго смысла... событій... отъ изданія манифеста 17 октября и до созыва первой Государственной Думы». Исторія показала, что онъ гораздо лучше своихъ критиковъ понималъ эти событія и дѣйствовалъ опредѣленнымъ образомъ именно потому, что имѣлъ вполнѣ ясное «понятіе» о «конституціонномъ образѣ правленія». Конечно, если бы онъ ставилъ своей цѣлью упроченіе конституціоннаго режима, въ такомъ случаѣ его дѣйствія показывали бы, что онъ не отдаетъ себѣ отчета въ истинномъ характерѣ развертывающихся передъ нимъ событій. Но такъ какъ онъ ставилъ себѣ совершенно противоположную цѣль (а это теперь понимаютъ уже и многіе кадеты), такъ какъ онъ оставался и тогда, какъ и прежде и послѣ того, вѣренъ самому себѣ, вѣренъ вскормившему и вспоившему его режиму и классу, то онъ естественно обнаружилъ большую проницательность и большой талантъ въ защитѣ тѣхъ интересовъ, которымъ не переставалъ служить всю свою жизнь.

Сдѣлать все возможное, чтобы спасти старый режимъ, если не по формѣ, то по существу,—такова была цѣль, которую поставилъ себѣ Витте, или, опять-таки вѣрнѣе, которую поставили ему пославшіе его. Бюрократъ прежде всего, т. е. истинный представитель абсолютизма, человѣкъ, заявившій на Нижегородской выставкѣ въ 1896 г. всероссійскому купечеству, что онъ не нуждается въ его указаніяхъ, ибо въ его библіотекѣ имѣется все, что они могутъ и даже не могутъ ему сказать; человѣкъ, прислуживавшійся къ Побѣдоносцеву отстаиваніемъ церковно-приходскихъ школъ, значенія которыхъ онъ не могъ не понимать, министръ, ведшій систематическую агитацію даже противъ такихъ слабыхъ ростковъ самоуправленія, какъ наши земства, и внушавшій кому слѣдуетъ, что этотъ институтъ подлежитъ упраздненію, какъ непримиримый съ основнымъ принципомъ нашего политическаго бытія; вскормленникъ славянофильскихъ послѣдышей, повторявшій избитыя фразы о трехъ прославленныхъ китахъ русской жизни,—такой человѣкъ менѣе всего способенъ былъ сыграть роль насадителя конституціонныхъ принциповъ въ Россіи. Да онъ и не собирался этого дѣлать. Напротивъ, его задача заключалась въ томъ, чтобы въ моментъ, наиболѣе грозный для традиціонныхъ «устоевъ», спасти изъ нихъ все, что возможно, сначала по сути, а затѣмъ, при благопріятныхъ условіяхъ, и по формѣ. Для такой роли изъ всѣхъ представителей стараго режима Витте, бывшій министръ финансовъ, т. е. по самому характеру своихъ функцій самый буржуазный изъ всѣхъ носителей власти въ абсолютистскомъ государствѣ, казался въ моментъ буржуазной революціи самымъ подходящимъ лицомъ—на то время, когда старый правящій классъ еще не успѣлъ собраться съ достаточными силами, чтобы отразить посягательство на свое исключительное господство.

Но представлялъ онъ у власти именно этотъ, а не другой классъ, и именно тѣ его слои, которые, готовые по государственной «мудрости» временно поступиться формой, внѣшностью, по существу не хотѣли ни съ кѣмъ дѣлиться властью и выжидали лишь благопріятной обстановки для полной реставраціи. На Витте и было возложено подготовить эту обстановку какъ можно скорѣе и какъ можно вѣрнѣе. И онъ принялся за это дѣло съ помощью своихъ старыхъ испытанныхъ методовъ, т. е. путемъ

сочетанія традиціонныхъ пріемовъ репрессіи, съ одной стороны, и подведенія экономическаго фундамента подъ пошатнувшееся зданіе—съ другой.

Прежде всего Витте постарался внести разладъ въ болѣе или менѣе сплоченный до того лагерь буржуазной оппозиціи и вмѣстѣ съ тѣмъ расширить пропасть между этой оппозиціей и крайней лѣвой. Это тѣмъ легче ему удалось, что естественный ходъ событій неудержимо раскалывалъ оппозиціонный станъ, подобно тому какъ вращеніе сепаратора отдѣляетъ снятое молоко отъ сливокъ. Но даже стараясь привлечь на свою сторону «благоразумную часть» буржуазнаго общества посредствомъ умильныхъ посуловъ, Витте въ то же время тщательно избѣгалъ придать этимъ посуламъ менѣе туманную форму и старательно отказывался опредѣленно сформулировать принципы новаго строя, титулуемаго имъ и его присными «правовымъ порядкомъ». Въ этой мелочи крылось серьезное содержаніе, поскольку «правовой порядокъ» могъ ужиться (по крайней мѣрѣ, въ представленіи извѣстныхъ круговъ) съ основнымъ принципомъ стараго режима, тогда какъ это было абсолютно невозможно при прямомъ провозглашеніи «конституціи», котораго отъ него добивались водимые имъ до поры до времени за носъ «общественные дѣятели». Съ другой стороны, десницей протягивая «благоразумнымъ элементамъ» въ видѣ приманки «правовой порядокъ», Витте шуйцей вводилъ въ «объединенный» кабинетъ заматорѣлаго мастера полицейскаго розыска, П. Н. Дурново, и подобныхъ ему дѣятелей, которые давали этому «правовому порядку» иллюстраціи, способныя обезкуражить самыхъ благоразумныхъ поклонниковъ умѣренности и аккуратности. Въ дѣйствительности, Витте меньше всего думалъ о конституціи, т. е., точнѣе, думалъ очень много о томъ чтобы не дать ей возможности привиться и упрочиться, а поскорѣе отправить ее въ царство тѣней. И когда ему показалось, что дѣйствіями черной сотни, возросшей подъ его крылышкомъ, почва достаточно подготовлена, когда ему удалось собрать достаточно матеріальныхъ силъ, онъ круто перемѣнилъ тонъ и довольно невѣжливо выпроводилъ «общественныхъ дѣятелей», какъ Мавра, сдѣлавшаго свое дѣло и своимъ «благоразумiемъ» давшаго возможность снова стать на ноги старому режиму. Такъ постепенно лишалъ онъ своей милости кадетовъ,

затѣмъ мирнообновленцевъ и наконецъ октябристовъ, изъ коихъ одни были «благоразумнѣе» другихъ, но этимъ не спасли себя отъ заслуженной участи. Одновременно съ этимъ послѣдовательнымъ изгнаніемъ различныхъ фракцій буржуазной оппозиціи шла систематическая расправа съ активными элементами,— настолько энергичная и, при поддержкѣ «благоразумной» части общества, настолько успѣшная, что Столыпину впослѣдствіи пришлось лишь добивать послѣдніе, разрозненные, партизанскіе отряды нѣкогда великой арміи...

Теперь можно было открыть свои карты. Тѣ основные законы, долженствовавшіе гарантировать политическія свободы, законы, которые нѣкогда рекомендовали ему издать ведшіе съ нимъ переговоры общественные дѣятели, и отъ опубликованія которыхъ онъ отказывался якобы изъ уваженія къ народному суверенитету и къ учредительнымъ правамъ перваго народнаго представительства, были теперь изданы, и какъ разъ наканунѣ созыва первой Государственной Думы. И здѣсь снова сказалась характерная черта Витте: при обсужденіи этихъ законовъ, составленныхъ будто бы безъ его вѣдома, онъ, какъ и при обсужденіи манифеста 17 октября, возражалъ противъ ихъ излишней конституціонности и отстаивалъ «прерогативы» монарха. Но главная-то суть заключалась въ томъ, что эти законы заранѣе связали по рукамъ и ногамъ будущее народное представительство и парализовали всякія крамольныя покушенія на «основы».

Оставалось подготовить послѣднее и самое важное оружіе— деньги, которыя, по авторитетному разъясненію Петра I, «суть артеріею войны». Никто не могъ и этого сдѣлать лучше Витте Онъ и постарался, заключивъ во Франціи двухмилліардный заемъ на условіяхъ, крайне невыгодныхъ для налогоплательщиковъ, но весьма выгодныхъ для господствующаго класса, которому онъ развязывалъ руки въ финансовомъ отношеніи. Этимъ былъ нанесенъ окончательный, смертельный ударъ революціи и, какъ бы для того, чтобы подчеркнуть, что онъ сдѣлалъ все, что было въ его силахъ, Витте въ день заключенія этого займа подалъ въ отставку. Теперь дѣло реставраціи было подготовлено, и додѣлать его могли и другія, менѣе искусныя и менѣе скомпрометированныя руки.

Но съ этого момента политическая роль Витте закончи-

лась. Политически онъ умеръ. Это было, можетъ быть, несправедливо, но это было естественно. Либералы проклинали его за свою собственную политическую наивность, реакціонеры ненавидѣли въ немъ воспоминаніе о своей временной слабости и о необходимости хоть отчасти пойти на уступки. Девятый валъ вынесъ его на поверхность историческаго водораздѣла и, очутившись на переломѣ, Витте на другой день, когда схлынула волна, оказался ненужнымъ ни той, ни другой сторонѣ. Но, поскольку позволительно приписывать отдѣльнымъ личностямъ опредѣляющую роль въ историческомъ процессѣ, слѣдуетъ сказать, что никто не оказалъ старому строю такой услуги, какъ Витте, да еще въ самый критическій моментъ его существованія. И если озлобленные реакціонеры въ разгарѣ реставраціонной горячки доходили до организаціи покушеній на его жизнь, то со временемъ, когда паника начала у нихъ проходить, они стали склоняться къ болѣе справедливой оцѣнкѣ его дѣйствій въ роковой годъ. За послѣднее время они настолько съ нимъ примирились, что кое-гдѣ начали снова поговаривать о возможномъ возвращеніи его къ власти. Но для этого, конечно, требовалось повтореніе условій, въ свое время выдвинувшись Витте на вершину управленія...

Въ итогѣ ясно одно: всю свою жизнь Витте служилъ одному и тому же принципу, и если въ разныя эпохи ему приходилось примѣнять неодинаковыя средства, дѣло отъ этого не мѣняется, ибо всѣ его дѣйствія и симпатіи имѣли одно устремленіе и одно направленіе. Витте умеръ, но дѣло его не умерло. И еще долго оно будетъ давать себя чувствовать новой Россіи...

И если бы было правдой, что о мертвыхъ нельзя ничего говорить кромѣ хорошаго, то русской демократіи, которая всегда относилась къ Витте съ вполнѣ опредѣленными чувствами и которой покойный платилъ той же монетой (и платилъ сторицей), пришлось-бы надъ гробомъ его промолчать. Такое молчаніе краснорѣчивѣе всякихъ восклицаній.

Историческій „документъ".

Извѣстный Л. Меньщиковъ, бывшій чиновникъ департамента полиціи, а впослѣдствіи авторъ надѣлавшихъ шуму разоблаченій провокаторовъ и шпіоновъ, выпустилъ первый выпускъ задуманной имъ библіотеки русскаго освободительнаго движенія. Кромѣ лежащей передъ нами книжки онъ обѣщаетъ издать еще слѣдующія: 1) вторую часть «Русскаго политическаго сыска заграницей» (очеркъ исторіи и организаціи русскаго политическаго шпіонажа заграницей; секретныя донесенія, агентурныя свѣдѣнія и откровенныя показанія, касающіяся русской политической эмиграціи: списокъ агентовъ охраны—съ примѣчаніями и указателемъ); 2) Тайны русской охраны; 3) Двадцать лѣтъ во вражьемъ станѣ; 4) Черную книгу русскаго освободительнаго движенія (алфавитный списокъ охранниковъ,—провокаторовъ, доносчиковъ откровенниковъ, филеровъ, жандармовъ, руководителей сыска,—и документы, касающіеся дѣятельности охранниковъ; 5) Хронику русскаго освободительнаго движенія.

Содержаніе, какъ видимъ, чрезвычайно интересное, но принимая во вниманіе судьбу большинства зарубежныхъ изданій, можно выразить опасеніе, что задуманная такъ широко библіотека рискуетъ не увидѣть свѣта—по крайней мѣрѣ, въ намѣченномъ объемѣ.

Лежащій передъ нами первый выпускъ содержитъ предисловіе и примѣчанія издателя, секретныя донесенія Рачковскаго, Ратаева и Гартинга, завѣдывавшихъ розыскной агентурой заграницей (всего тринадцать справокъ, донесеній, докладовъ и записокъ за періодъ отъ 25-го іюня 1898 г. по 22 октября 1904 г.), а также два приложенія: 1) Русскіе охранники въ Финляндіи и 2) О неопубликованныхъ шпіонахъ.

Прежде чѣмъ перейти къ основному содержанію книги, скажемъ нѣсколько словъ объ этихъ приложеніяхъ. Замѣтка «Русскіе охранники въ Финляндіи» ставитъ себѣ цѣлью на основаніи личнаго опыта автора доказать, что пресловутое дѣло мнимо-сепаратистскаго общества «Войма» создано охранниками и въ частности жандармскихъ офицеромъ Лявданскимъ. Въ этомъ вопросѣ г-ну Меньщикову и книги въ руки, такъ какъ въ 1905—6 г.г. онъ самъ завѣдывалъ финляндской розыскной агентурой и такимъ образомъ имѣлъ возможность собственными глазами убѣдиться въ провокаторскихъ махинаціяхъ русскихъ охранниковъ въ Финляндіи. Между прочимъ онъ устанавливаетъ не безынтересный фактъ, а именно, что ротмистръ Лявданскій, вмѣстѣ со своими агентами игравшій видную роль въ фабрикаціи апокрифическихъ воззваній «Воймы», былъ постояннымъ информаторомъ «Новаго Времени», которому доставлялъ матеріалъ для враждебной финляндцамъ агитаціи. Послѣ детальнаго анализа относящихся сюда фактовъ г. Меньщиковъ приходитъ къ слѣдующему выводу: «Все, что я знаю о воззваніяхъ, приписываемыхъ обществу Войма, убѣждаетъ меня въ одномъ: листки эти сочинялись не тѣми, кому надо было поднять финляндцевъ противъ русскихъ, а тѣми, кому хотѣлось возстановить русскихъ противъ финляндцевъ» (курсивъ автора). Русское прогрессивное общество и раньше въ этомъ не сомнѣвалось, однако подтвержденіе этого вывода человѣкомъ, который по самому своему оффиціальному положенію былъ въ курсѣ всѣхъ деталей интриги, не лишено извѣстнаго значенія.

Въ замѣткѣ «О неопубликованныхъ шпіонахъ» авторъ повѣствуетъ о сдѣланныхъ имъ разоблаченіяхъ. По его словамъ, онъ осенью 1909 г. передалъ спеціальнымъ делегатамъ партійныхъ центровъ списки лицъ, извѣстныхъ ему въ качествѣ агентовъ охранной полиціи: Россійской с.-д. рабочей партіи онъ сообщилъ 90 фамилій, Бунду—20, Партіи с.-р.—25, Польскимъ революціонымъ партіямъ—75, Кавказскимъ организаціямъ—45 и финляндцамъ—20. По утвержденію г. Меньщикова, онъ способствовалъ такимъ образомъ разоблаченію Жученко, Батушанскаго, Каплинскаго, Розенберга, Путята-Русановской, Спандарьянца (Константина), Еваленко и Серебряковой; еще раньше онъ разоблачилъ Татарова, Азефа, Гартинга. Изъ указанныхъ имъ охранниковъ

впослѣдствіи были оглашены еще 14 лицъ Бундомъ, 3 лица партіей с.-р. и нѣсколько польскими организаціями. Кромѣ того на основаніи доставленныхъ имъ свѣдѣній было опубликовано 80 шпіоновъ въ журналахъ «Общее дѣло» Бурцева и «Революціонная мысль». Наконецъ, въ позднѣйшее время имъ былъ разоблаченъ въ легальной прессѣ бывшій агентъ Судейкина Владиміръ Дегаевъ (братъ извѣстнаго Дегаева), состоящій подъ фамиліей Полевого секретаремъ русскаго консульства въ Нью-Іоркѣ и нишущій подъ псевдонимомъ Fields'a въ «Новомъ Времени», а также рядъ лицъ, причастныхъ къ почтовой перлюстраціи.

При этомъ авторъ выражаетъ недовольство тѣмъ, что, по его мнѣнію, партійныя организаціи недостаточно энергично ведутъ разслѣдованіе по поводу сдѣланныхъ имъ указаній. Онъ жалуется на то, что изъ свыше 250 шпіоновъ, указанныхъ имъ, опубликовано лишь два десятка, въ то время какъ онъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что и остальная масса названныхъ имъ лицъ является охранниками. Не считая себя связаннымъ никакими партійными соображеніями (понятно, ни къ какой революціонной партіи г. Меньщиковъ не принадлежитъ), онъ заявляетъ, что составляетъ въ настоящее время одинъ общій списокъ, въ который войдутъ имена агентовъ, уже сообщенныя партійнымъ центрамъ, а также нѣсколько новыхъ, выяснившихся въ позднѣйшее время. Этотъ списокъ г. Меньщиковъ намѣревается сообщить центрамъ всѣхъ дѣйствующихъ революціонныхъ организацій; но если послѣдніе не найдутъ нужнымъ огласить имена предателей, опубликованіе которыхъ уже возможно (по мнѣнію г. Меньщикова), то онъ обѣщаетъ назвать ихъ публично за своей личной отвѣтственностью. Это онъ считаетъ выполненіемъ своего долга [1]).

Переходя къ главному содержанію разсматриваемой статьи, а именно къ донесеніямъ Рачковскаго, Ратаева и Гартинга, завѣдывавшихъ розыскной агентурой заграницей, въ департаментъ полиціи, мы прежде всего должны отмѣтить неслыханную

---

[1]) Въ виду прошлаго г. Меньщикова, ему бы не мѣшало держаться нѣсколько болѣе скромнаго тона, когда ему приходится говорить о политическихъ партіяхъ и дѣятеляхъ.

лживость этихъ «оффиціальныхъ» документовъ.[2]) И лживость эта имѣетъ какъ объективный, такъ и субъективный характеръ. Послѣдній выражается въ томъ, что авторы донесеній, въ интересахъ своей служебной карьеры и съ цѣлью подчеркнуть свои «заслуги», пускаются сплошь и рядомъ въ самое развязное сочинительство и буквально дѣлаютъ изъ мухи слона. Объективная же лживость ихъ донесеній вызывается ихъ поразительнымъ невѣжествомъ въ политическихъ вопросахъ, недостаточной освѣдомленностью, а также, вѣроятно, прямымъ обманомъ со стороны подчиненныхъ имъ агентовъ, которые тоже вѣдь должны доказать, что они не даромъ ѣдятъ казенный хлѣбъ, и врутъ напропалую.

Примѣровъ, свидѣтельствующихъ о невѣжествѣ господъ доносителей, не оберешься. Приведемъ нѣкоторые наиболѣе характерные. Такъ, Рачковскій сообщаетъ, что главная и к о н е ч н а я (sic!) цѣль группы соціалистовъ-революціонеровъ заключается въ замѣнѣ существующаго государственнаго строя конституціоннымъ правленіемъ (стр. 24). Онъ же сообщаетъ, что на предполагавшемся (?) въ Парижѣ въ 1900 г. соціалъ-демократическомъ съѣздѣ должны были якобы принять участіе такія лица, какъ Бахъ, Бохановскіе, Житловскій, Бурцевъ, Волховской, Лазаревъ, Русановъ, Паули и т. п., т. е. завѣдомые противники с.-д., все народовольцы или с.-р. (стр. 77). Еще большее невѣжество обнаруживаетъ этотъ господинъ, когда заговариваетъ о с.-д. партіи, которую кстати называетъ то петербургской «Центральной россійской с.-д. организаціей» (стр. 40), то «Союзомъ русской с.-д. партіи» (стр. 106), причемъ петербургскій союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса превращается у него въ одну изъ второстепенныхъ з а г р а н и ч н ы х ъ организацій; дальше партія именуется уже «Россійской с.-д. группой» (стр. 131).

Само собой разумѣется, что передъ происходившей въ рядахъ с.-д. партіи борьбой направленій Рачковскій оказывается совершенно безпомощнымъ. Такъ, по его словамъ, заграничный

[2]) Часть докладовъ Рачковскаго за 1900—1 г. г. въ старомъ видѣ была изложена въ двухъ «Обзорахъ виднѣйшихъ дознаній», изданныхъ А. Н. Суратъ.

Союзъ русскихъ с.-д. стоитъ на почвѣ «народнаго (?!) соціализма», при чемъ тутъ же указывается, что онъ вполнѣ раздѣляетъ взгляды группы «Освобожденіе Труда» на капиталистическое развитіе Россіи (стр. 36). Разсказывая о борьбѣ Плеханова съ такъ называемыми «экономистами», онъ зачисляетъ въ ряды послѣднихъ какъ дѣйствительныхъ сторонниковъ этого направленія, такъ и ярыхъ его противниковъ, которые примкнули въ этомъ вопросѣ къ Плеханову и о которыхъ онъ черезъ нѣсколько страницъ сообщаетъ, что они отстаивали необходимость политической борьбы. Въ pendant къ «народному соціализму» Рачковскій придумываетъ впослѣдствіи еще какой-то «экономическій соціализмъ» (стр. 123). Находя, повидимому, что было бы подано горяче, а тамъ въ департаментѣ съѣдятъ, Рачковскій не старается даже придать своимъ сообщеніямъ хотя бы мало-мальски логическій смыслъ и сообщаетъ, что на съѣздѣ заграничнаго союза была реорганизована с.-д. партія, причемъ эта реорганизованная партія дала знать о своемъ существованіи Центральному Комитету (стр. 49)! Основанная Плехановымъ и его единомышленниками «Революціонная организація Соціалъ-Демократъ» превращается у Рачковскаго въ революціонную организацію «соціалъ-демократовъ» (стр. 49), а самъ Плехановъ по его словамъ собирается написать статью «Бернштейнъ въ борьбѣ съ діалектическими методами» (стр. 50)! Далѣе, бездѣйствіе народовольцевъ въ концѣ 90-хъ и началѣ 900-хъ годовъ у него объясняется ихъ выжиданіемъ «въ виду успѣха соціалъ-демократизма и неустойчивости (?) въ программахъ... соціалъ-демократическихъ партій» (стр. 71). А черезъ полгода въ іюлѣ 1901 г. онъ спѣшитъ сообщить своему начальству, что «всѣ партійныя организаціи усвапваютъ себѣ террористическую дѣятельность» (стр. 124).

Столь же основательныя свѣдѣнія сообщаетъ онъ о либералахъ. По его словамъ, Ковалевскій, де Роберти, Исаевъ и другіе ученые, «составляющіе центръ оппозиціи въ Россіи», предполагали принять участіе въ Международномъ Соціалистическомъ конгрессѣ во время всемірной выставки въ Парижѣ 1900 г. (стр. 63)! Далѣе онъ сообщаетъ о либералахъ нѣчто настолько невразумительное, что мы предпочитаемъ передать это мѣсто его собственными словами. Въ докладѣ отъ 14/27 сентяб-

ря 1900 г. онъ разсказываетъ, что «въ послѣднее время дѣло идетъ не о соціализмѣ демократическомъ (?), а, принимая болѣе острыя формы, оставаясь на почвѣ экономической эволюціи (?), переходитъ на степень политической борьбы, къ которой примыкаютъ народовольцы, крупные либералы и даже «постепеновцы»... Наступательныя дѣйствія политической полиціи, приведшія къ деморализаціи соціалъ-демократической организаціи, вынудили вожаковъ ея отдать предпочтеніе политической борьбѣ передъ экономической. Съ этого момента дѣйствующіе въ Россіи либералы примкнули къ соціалъ-демократамъ, образуя большую партію, дѣятельность которой выражается въ такъ наз. «культурной работѣ» или, вѣрнѣе, «революціонной школѣ», воспитывающей среди интеллигенціи рядъ оппозиціонныхъ правительству дѣятелей» (стр. 70).

Soweit въ области освѣдомленности и пониманія руководителями сыска развертывавшихся на ихъ глазахъ политическихъ событій. Нечего и пояснять, что еще безжалостнѣе они путали и лгали относительно отдѣльныхъ фактовъ и лицъ. По словамъ Рачковскаго, Плехановъ въ 1899 г. намѣревался со своими единомышленниками «снова вступить» въ заграничный союзъ, изъ котораго они въ то время въ дѣйствительности вовсе не выходили (стр. 39). Въ редакцію «Рабочаго Дѣла», органа этого Союза, наряду съ «экономистами» входилъ, по словамъ Рачковскаго, и... Плехановъ (стр. 42), который въ дѣйствительности велъ съ этимъ журналомъ ожесточенную борьбу. Къ «молодымъ» соціалъ-демократамъ, т. е. противникамъ Плеханова, онъ, наряду съ дѣйствительными «экономистами», относитъ людей, въ дѣйствительности боровшихся съ ними рука объ руку съ Плехановымъ. Здѣсь онъ путаетъ до того, что сообщаетъ, будто всѣ эти лица, т. е. «экономисты» и ихъ противники, согласились вмѣстѣ съ представителями крайняго органа экономистовъ, «Рабочей Мысли», дѣйствовать солидарно противъ группы «Освобожденіе Труда», «причемъ, позабывши свои партійныя разногласія, рѣшили признать политическую борьбу однимъ изъ преобладающихъ принциповъ успѣха рабочаго движенія» (стр. 45). Въ дѣйствительности же вопросъ о политической борьбѣ выдвигался Плехановымъ и его сторонниками какъ разъ противъ молодыхъ и въ частности противъ «Рабочей Мысли». Тутъ же Рачковскій со-

общаетъ, что на второмъ съѣздѣ заграничнаго союза докладчиками отъ Центральнаго Комитета были Сущинскій, Нахамкисъ, Плехановъ и Теплевъ (стр. 45—6). Не говоря уже о нелѣпости сочетанія этихъ именъ, пикантность этой исторіи состоитъ въ томъ, что никакихъ докладчиковъ отъ Центральнаго Комитета на съѣздѣ вовсе не было. Точно также нелѣпо сообщеніе Рачковскаго о томъ, что благодаря «необычайной энергіи Сущинскаго, Нахамкиса и Гольдендаха участники съѣзда (замѣтьте: заграничнаго) добились измѣненія программы «Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса» и вынудили этотъ послѣдній признать политическую борьбу за руководящее начало революціонной дѣятельности, взамѣнъ экономической» (стр. 47). Во-первыхъ, въ тотъ моментъ Союза борьбы уже не существовало, а существовалъ петербургскій комитетъ с.-д. партіи; во-вторыхъ, совершенно очевидно, что съѣздъ заграничной организаціи не могъ измѣнять программы петербургской организаціи; въ третьихъ, никто никогда не говорилъ о замѣнѣ экономической агитаціи политической; въ четвертыхъ, «необычайная энергія» упомянутыхъ лицъ не могла проявиться потому, что Сущинскій никакимъ идейнымъ вліяніемъ въ Союзѣ не пользовался, Нахамкисъ въ то время на съѣздѣ не былъ, такъ какъ ушелъ съ него вмѣстѣ съ Плехановымъ, а Гольдендахъ на съѣздѣ вовсе не былъ и даже никогда не былъ членомъ заграничнаго Союза. Столь же ложно свѣдѣніе объ исключеніи Плеханова изъ Союза (ib.). Стараясь раскрыть псевдонимъ нѣкоего Каменскаго, редактировавшаго статьи для «Рабочаго Знамени», Рачковскій дѣлаетъ геніальную догадку, что Каменскій, вѣроятно, никто иной, какъ Егоровъ, писавшій въ «Началѣ», причемъ кстати журналъ «Начало» превращается у него въ газету (стр. 58-9). Читая это сообщеніе, директоръ департамента полиціи вѣроятно улыбался, такъ какъ черезъ другого провокатора Гуровича онъ былъ лучше освѣдомленъ о личности Егорова (какъ извѣстно, псевдонимъ Егоровъ принадлежалъ Мартову, который никакого отношенія къ «Рабочему Знамени», органу апокрифической «Русской» с.-д. партіи не имѣлъ да и имѣть не могъ).

Еще болѣе нелѣпо сообщеніе Рачковскаго, будто разногласія «между Нахамкисомъ и Гольдендахомъ—съ одной стороны, Плехановымъ и Аксельродомъ—съ другой» возникли на почвѣ того,

что «Искра» и «Заря» якобы ставили себѣ цѣлью объединеніе соціалъ-демократовъ съ народовольцами, чему Плехановъ будтобы препятствовалъ. Нахамкисъ въ виду этого (?) задался, по словамъ Рачковскаго, мыслью поставить новый органъ «Борьба», который имѣлъ бы цѣлью съ одной стороны объединить всѣ соціалъ-демократическія группы въ Россіи въ одну партію, а съ другой надѣялся убѣдить народовольцевъ присоединиться къ названной организаціи на почвѣ активной политической борьбы съ самодержавіемъ. И освѣдомленный доноситель прибавляетъ: «Энергичная оппозиція Нахамкиса сильно встревожила «Рабочее Дѣло» и Плеханова, который вынужденъ былъ уступить, присоединивши организацію «Рабочее Дѣло» къ организаціи «Заря» и «Искра» (стр. 132-133).

Это донесеніе представляетъ типичный образчикъ охраннаго сочинительства. Не говоря уже о безсмысленномъ преувеличеніи роли Нахамкиса, который никогда не располагалъ такими связями и силами (объ этой манерѣ преувеличивать см. ниже), здѣсь одно слово противорѣчитъ другому, и всѣ вмѣстѣ лишены всякой фактической основы. Никогда Нахамкисъ и Гольдендахъ (кстати, послѣдній всегда былъ самымъ ярымъ принципіальнымъ противникомъ террора) не требовали включенія народовольцевъ въ соціалъ-демократическую партію; никогда «Искра» и «Заря» не ставили себѣ аналогичной цѣли (наоборотъ, извѣстна полемика «Искры» противъ террора); никогда поэтому Плеханову не пришлось препятствовать несуществовавшей задачѣ. Точно также никогда группа «Борьба» не расходилась съ «Искрой» по этому вопросу, который вообще между ними ни разу не подымался. Разногласія между ними имѣли чисто принципіальный характеръ и касались только проекта вырабатывавшейся тогда программы соціалъ-демократической партіи. Далѣе, оппозиція группы «Борьба» не могла сильно тревожить «Рабочее Дѣло» и Плеханова и никакихъ уступокъ Плеханову не пришлось дѣлать, особенно же ему не приходилось присоединять «Рабочее Дѣло» къ «Искрѣ». Во-первыхъ, «Рабочее Дѣло» тогда уже не существовало; во-вторыхъ, оно, какъ организація, никогда къ «Искрѣ» не присоединялось ни Плехановымъ, ни кѣмъ либо другимъ; въ третьихъ, присоединеніе «Рабочаго Дѣла» къ «Искрѣ» въ качествѣ «уступки» Плеханова требованіямъ о соединеніи съ народовольцами могло бы

имѣть смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если бы «Рабочее Дѣло» было организиціей народовольческой. Между тѣмъ, какъ извѣстно, ничего подобнаго не было. Такимъ образомъ все донесеніе Рачковскаго не только не соотвѣтствуетъ фактамъ, но даже лишено всякаго логическаго смысла. Столь же невѣрно его утвержденіе въ томъ же докладѣ, будто заграницей образовалась общая соціалъ-демократическая группа, въ которую вошли мѣстныя организаціи «Искры» «Знамени» [1]) и «Рабочаго Дѣла» (стр. 133). Увлекшись, Рачковскій начинаетъ говорить уже о проектѣ объединенія, долженствующаго охватить с.-д., с.-р., молодыхъ и старыхъ народовольцевъ, Аграрную Лигу и даже несуществовавшую организацію «Наканунѣ [2]). Образовавшуюся въ 1901 г. въ Парижѣ изъ представителей мѣстныхъ организацій комиссію, которой поставлена была скромная задача—освѣдомлять французскую публику относительно происходившихъ въ Россіи событій, Рачковскій ничтоже сумняшеся обращаетъ въ «спеціальный комитетъ, имѣющій цѣлью вырѣшить всѣ вопросы, касающіеся намѣченной организаціи», т. е. мнимаго объединенія всѣхъ революціонныхъ партій (стр. 135-6).

О народовольцахъ и с.-р. Рачковскій сообщаетъ не менѣе фантастическія свѣдѣнія, чѣмъ о с.-д. Такъ, онъ зачисляетъ въ народовольцы, наряду съ Шишко и Русановымъ, Аркадакскаго и Антова, изъ которыхъ первый держался скорѣе либеральныхъ взглядовъ, а второй не имѣлъ никакихъ политическихъ взглядовъ (стр. 62)! Въ народовольцы же онъ зачисляетъ берлинскаго с.-д. Бухгольца (стр. 81) и сообщаетъ точную цифру членовъ народовольческой партіи—37 человѣкъ (стр. 71)! Кто только ни подвертывался ему подъ перо, о комъ только ни доходили до него какіе-нибудь слухи, тѣ моментально превращались имъ въ подозри-

---

[1]) Кстати, о какомъ «Знамени» говорилъ Рачковскій? Вѣдь «Раб. Знамени» тогда еще не было, а «Красное Знамя» было газетой, издававшейся группой «Раб. Дѣла», и никакой самостоятельной организаціи не представляло. Рачковскій и его агенты плохо разбирались въ этихъ деталяхъ.

[2]) Тогда «Наканунѣ» издавалось Серебряковымъ; никакой организаціи при немъ не было да и не могло быть.

тельныхъ лицъ и опасныхъ революціонеровъ [1]). Шкловскій (Діонео) зачисленъ имъ въ революціонеры и въ члены Аграрной Лиги (стр. 117); г-жа Кончевская, посѣщавшая по его свѣдѣніямъ Международный соціалистическій конгрессъ въ Парижѣ 1900 г. (замѣтьте: происходившій публично и доступъ на который былъ совершенно свободенъ), заносится имъ въ списокъ подозрительныхъ, наряду съ завѣдомыми революціонерами (стр. 111); точно такъ же онъ поступаетъ съ мирнѣйшими студентами, фамиліи которыхъ такъ или иначе до него доходятъ. Богоразъ (Танъ) зачисляется въ опасные революціонеры, а его поѣздка заграницу по личнымъ и въ частности научнымъ дѣламъ превращается въ революціонное турне по Европѣ (стр. 63). Не менѣе фантастическія свѣдѣнія сообщаетъ Ратаевъ о съѣздѣ с.-д. въ 1903 г. По его словамъ, на этомъ съѣздѣ участвовали между прочимъ Гоцъ, прибывшій съ Тунскаго озера на автомобилѣ, Зеленскій (Надеждинъ) и т. п.: вокругъ дома разставлена была охрана черезъ велосипедистовъ съ частой провѣркой охранныхъ постовъ Черновымъ и... Азефомъ! Между тѣмъ Гоцъ на съѣздѣ вовсе не присутствовалъ, а Зеленскаго, который вовсе не былъ с.-р., на съѣздъ даже и не приглашали; никакихъ охранныхъ постовъ и велосипедистовъ тоже не было. Здѣсь Азефъ по своимъ соображеніямъ видимо дурачилъ своего начальника (стр. 162-3).

— Послѣ всего вышесказаннаго можно представить себѣ, какъ разыгрывается фантазія охранниковъ въ тѣхъ случаяхъ, когда задѣты ихъ личные, особенно шкурные интересы. Недурнымъ образчикомъ этого могутъ служить донесенія Рачковскаго о покушеніи на него, якобы подготовлявшемся Н. Паули. Какъ извѣстно, Паули въ 1900 г. предложилъ свои услуги политической полиціи черезъ Рачковскаго, но въ концѣ концовъ былъ послѣднимъ разоблаченъ, такъ какъ Рачковскій заподозрилъ своего новаго агента въ замыслахъ на свою драгоцѣнную жизнь. Въ

[1]) А вѣдь русская политическая полиція считалась съ этими измышленіями, и сколько народа пострадало благодаря выдумкамъ охранниковъ! Въ виду процвѣтавшей у насъ административной расправы съ «неблагонадежными» лицами, послѣднія сплошь и рядомъ даже не догадывались, на какомъ основаніи съ ними расправляются. А впослѣдствіи, оказывается, что удружилъ имъ какой-нибудь Бейтнеръ или Рачковскій.

настоящее время трудно раскрыть всѣ тѣ лживыя утвержденія, которыя содержатся въ донесеніяхъ Рачковскаго на этотъ счетъ. ибо показаніямъ Паули можно довѣрять столь же мало, а относящіеся къ дѣлу документы хранятся въ тайникахъ департамента полиціи (впрочемъ, какъ видно изъ нашего разбора, и этимъ оффиціальнымъ запискамъ, донесеніямъ, докладамъ и т. д. вѣрить также особенно не приходится). Одно ясно: чтобы выставить въ болѣе яркомъ свѣтѣ свои заслуги и опасность, угрожавшую его особѣ, Рачковскій страшно преувеличиваетъ роль Паули въ революціонныхъ кругахъ и всячески раздуваетъ его замыслы. если только таковые вообще имѣли мѣсто (мы сомнѣваемся въ самомъ фактѣ, хотя, конечно, Паули для оправданія себя впослѣдствіи старался увѣрить своихъ бывшихъ товарищей с.-р., будто онъ затѣвалъ покушеніе на Рачковскаго или даже на болѣе высокопоставленныхъ лицъ). Такъ, Рачковскій увѣряетъ, будто «не было ни одного эмигранта, который бы не преклонялся передъ талантами (?) Паули, сумѣвшаго въ короткій приблизительно промежутокъ времени оживить заснувшіе эмигрантскіе кружки». На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не было, и въ частности къ с.-д., преобладавшимъ тогда среди политической эмиграціи, Паули никакого отношенія не имѣлъ и вліять на нихъ въ силу своихъ взглядовъ, а особенно въ силу своего невысокаго умственнаго развитія никоимъ образомъ не могъ. Далѣе Рачковскій сообщаетъ. будто о своемъ планѣ покушенія на него Паули сообщилъ Шишко, Аркадакскому, Нахамкису и Лазареву; мало того, Нахамкисъ будто бы принялъ активное участіе въ этой авантюрѣ и намѣревался вмѣстѣ съ Паули выждать Рачковскаго въ кафе, адресъ котораго охранникъ для вящщей убѣдительности тутъ же сообщаетъ. Все это, конечно, не только ложь, но и глупая ложь. потому что ни Нахамкисъ, с.-д. по убѣжденіямъ, ни Аркадакскій, человѣкъ умѣренныхъ взглядовъ, ни въ какомъ случаѣ не могли бы одобрить затѣи Паули, а особенно принять какое бы то ни было участіе въ ея осуществленіи [1]). Въ дѣйствительности никто

[1]) См. предыдущее примѣчаніе. Явно неправдоподобной лжи Рачковскаго (а можетъ быть. и Паули?) было достаточно для того, чтобы департаментъ полиціи въ 1906 г. возвелъ Нахамкиса въ въ рангъ «террориста», причемъ послѣдній никакъ не могъ по-

изъ эмигрантовъ ни о планахъ Паули, ни о сношеніяхъ его съ политической полиціей никакого понятія не имѣлъ, и о двусмысленной роли Паули эмигранты узнали лишь изъ писемъ, разосланныхъ имъ самимъ Рачковскимъ. Цѣль, которую преслѣдовалъ охранникъ, сочиняя и раздувая этотъ инцидентъ, прекрасно выясняется изъ конца его донесенія: «Что же касается вопроса объ опубликованіи дѣла Паули (эмигрантами во французской прессѣ), то мнѣнія расходятся: одни думаютъ, что преданіе гласности этого дѣла послужитъ только къ тому, что мнѣ, какъ они выражаются, «повѣсятъ Владиміра»; другіе же утверждаютъ»...—впрочемъ, неважно, что утверждаютъ другіе (стр. 153-8).

Мы уже упоминали выше о манерѣ охранниковъ сочинять и всячески преувеличиватъ факты. По донесеніямъ, опубликованнымъ въ разбираемой книгѣ, можно до извѣстной степени уяснить себѣ механизмъ этого сочинительства и раздуванія низшими и средними агентами охраны. Какой-нибудь провокаторъ или «сотрудникъ», вращающійся въ революціонныхъ сферахъ, силится всячески убѣдить своего непосредственнаго начальника, Рачковскаго, Гартинга, Ратаева и т. д., а черезъ нихъ и высшее охранное начальство, въ обширности своихъ связей, своей освѣдомленности и т. д. Поэтому онъ ловитъ на лету всякія сплетни, обрывки подслушанныхъ разговоровъ или просто вычитываетъ изъ революціонной литературы тѣ или другія свѣдѣнія, которыя впослѣдствіи выдаетъ за свои («добытыя агентурнымъ путемъ»), все это смѣшиваетъ, перепутываетъ, тамъ, гдѣ есть пробѣлы, прибавляетъ отъ себя, выдаетъ свои догадки, въ большинствѣ случаевъ весьма глупыя, за факты и сочиняетъ такимъ образомъ докладъ. «Сотрудникъ» долженъ всегда все знать, быть въ курсѣ всѣхъ дѣлъ и обо всемъ докладывать; если онъ ничего не узналъ и ни о чемъ не сообщаетъ, значитъ, онъ мало старается, значитъ, у него нѣтъ достаточныхъ связей, значитъ, онъ не сумѣлъ проникнуть въ надлежащія мѣста и т. д. Поэтому никакой «сотрудникъ» не посмѣетъ откровенно заявить завѣдующему розыскной агентурой, что онъ по тому или иному вопросу ничего не знаетъ, а тѣмъ паче, что въ революціонномъ мірѣ въ данный

нять, на чемъ основано это обвиненіе. Теперь дѣло ясно. И вотъ какъ въ охранкѣ составлялись характеристики неугодныхъ лицъ!

моментъ ничего особеннаго не происходитъ: поневолѣ приходится врать и сочинять, чтобы поддержать свое реноме человѣка дѣльнаго, полезнаго и нужнаго, словомъ, человѣка, имѣющаго право на іудины серебренники. Съ своей стороны завѣдующіе агентурой, къ которымъ поступаютъ доклады «сотрудниковъ», руководятся тѣми же мотивами, т. е. также стараются доказать высшему начальству свою освѣдомленность и полезность. Но такъ какъ они преслѣдуютъ болѣе высокія цѣли (напримѣръ, «Владиміра») и получаютъ болѣе высокіе оклады, то они сочиняютъ и путаютъ еще сильнѣе, тѣмъ болѣе, что они стоятъ еще дальше отъ революціоннаго міра, а потому еще меньше знакомы съ его дѣйствительными нравами, обычаями, начинаніями и предпріятіями. Иногда же они просто «пужаютъ» свое начальство для того, чтобы добиться болѣе широкихъ полномочій а особенно предоставленія въ ихъ руки болѣе крупныхъ средствъ. Возможно, что такими мотивами объясняется между прочимъ приведенное выше утвержденіе Рачковскаго, что всѣ революціонныя партіи усвоили террористическій методъ борьбы и предсказаніе имъ къ осени 1901 г. крупныхъ террористическихъ фактовъ (стр. 125; впрочемъ, это относится уже одной стороной къ провокаціи; см. ниже). Само собою разумѣется, что высшіе полицейскіе чины, къ которымъ поступаютъ донесенія Рачковскихъ и Гартинговъ, съ своей стороны, когда нужно, пугаютъ еще болѣе высоко стоящее начальство, и такимъ образомъ цѣпь охраннаго сочинительства, однимъ концомъ выходящая изъ низменныхъ круговъ «сотрудниковъ», другимъ уходитъ въ высокія надзвѣздныя сферы.

Вотъ почему положеніе политическаго дѣятеля, имѣвшаго несчастье случайно познакомиться съ «сотрудникомъ»» и попасть въ сферу его «освѣщенія», оказывается чрезвычайно непріятнымъ. Онъ можетъ быть весьма сдержанъ, никогда не разговаривать съ «сотрудникомъ» о серьезныхъ матеріяхъ (не потому, чтобы онъ догадывался объ истинной роли своего знакомаго,—въ такомъ случаѣ онъ бы просто выставилъ его за дверь, а просто потому, что не принято откровенничать съ посторонними), и тѣмъ не менѣе «сотрудникъ» будетъ о немъ очень часто докладывать, приписывать ему всякаго рода слова и факты, особенно если этотъ дѣятель занимаетъ болѣе или менѣе видное положеніе,—и все это «сотрудникъ» будетъ дѣлать для того, чтобы доказать

свою близость къ видному политическому дѣятелю и возможность получать отъ него свѣдѣнія непосредственно. Это, вѣроятно, ведетъ къ повышенію оклада. Но, повторяемъ, положеніе «освѣщаемаго» человѣка въ высшей степени непріятно, такъ какъ можетъ получиться впечатлѣніе, что онъ велъ себя недостаточно осторожно, откровенничалъ съ субъектами, не заслуживающими серьезнаго къ себѣ отношенія, а иногда даже, можетъ быть, и хвасталъ. Возможно, что нѣкоторыя сообщенія «сотрудниковъ» вызваны легкомысленной болтовней или даже хвастовствомъ тѣхъ или иныхъ лицъ, но въ большинствѣ случаевъ это объясняется просто наглымъ сочинительствомъ охранника, желавшаго придать себѣ больше вѣса въ глазахъ своего начальства.

Если принять во вниманіе эту черту большинства «сотрудниковъ», то мы не такъ будемъ поражены содержаніемъ донесеній Рачковскаго и К°. На первый взглядъ кажется, что эти господа освѣдомлены обо всемъ: они не только знаютъ, что дѣлало то или другое лицо, съ кѣмъ оно встрѣчалось, съ кѣмъ вело переписку, но знаютъ также, что оно думало, что предполагало дѣлать, что намѣревалось предпринять, что оно рѣшило, каково содержаніе полученныхъ имъ или посланныхъ имъ писемъ и т. д., и т. п. Конечно, во многихъ случаяхъ такіе сотрудники, какъ Азефъ, стоявшій въ центрѣ партіи с.-р., или какъ Бейтнеръ, имѣвшій знакомыхъ во всѣхъ организаціяхъ, всѣмъ старавшійся оказывать услуги и державшій себя довольно ловко, какъ сочувствующій всѣмъ проявленіямъ освободительнаго движенія, могли быть освѣдомлены о многомъ. Но, тѣмъ не менѣе, даже тотъ же Бейтнеръ на девять десятыхъ выдумываетъ и сочиняетъ самымъ беззастѣнчивымъ образомъ. Такъ какъ этотъ Бейтнеръ былъ хорошо знакомъ съ М. Сущинскимъ, завѣдывавшимъ типографіей «Рабочаго Дѣла», и съ Бурцевымъ (о его связахъ съ поляками мы здѣсь не говоримъ), то онъ поневолѣ, а, можетъ быть, и поволѣ страшно преувеличивалъ ихъ дѣятельность, особенно роль Сущинскаго, имя котораго фигурируетъ особенно часто. Сущинскому приписывается въ с.-д. движеніи роль, которой онъ никогда не игралъ да и не могъ играть. То сообщается, что онъ рѣшилъ основать спеціальный боевой органъ, «долженствовавшій привлечь на его (!) сторону колеблющихся революціонеровъ не только заграницей, но и въ Россіи» (стр. 22), то разсказыва-

ется, что къ Сущинскому присоединяются (!) Нахамкисъ, Бауманъ, Махновецъ (стр. 50:—кстати, люди трехъ различныхъ направленій). Чрезвычайно раздута въ докладахъ также роль Нахамкиса, которому приписывается (вѣроятно, Бейтнеромъ и Рачковскимъ) чуть ли не все, о чемъ они не могли узнать, такъ какъ имъ, къ ихъ величайшей досадѣ, не удалось посадить провокатора въ «Искру» (стр. 111), и такъ какъ онъ имѣлъ несчастье жить въ Парижѣ, гдѣ дѣйствовали эти охранники. Такъ, о Нахамкисѣ сообщается, будто онъ получилъ 30 тысячъ франковъ на изданіе «Зари», занимаетъ чуть ли не центральное мѣсто въ дѣятельности с.-д. организацій и т. п. (стр. 105—7, 128, 131). Въ дѣйствительности же Нахамкисъ никогда такой роли не игралъ, къ «Искрѣ» близко не стоялъ и въ ея конспираціи не былъ посвященъ. Но охранники, конечно, меньше всего считаются съ правдой и съ человѣческой личностью.

Не слѣдуетъ однако думать, что разсматриваемые доклады представляютъ сплошной наборъ выдумокъ и ложныхъ сообщеній. Ничего подобнаго. Во многихъ случаяхъ, а особенно въ крупныхъ и общихъ чертахъ эти господа освѣдомлены довольно недурно. Правда, въ этомъ отношеніи имъ большія услуги оказывала революціонная пресса. Сообщаемыя въ послѣдней свѣдѣнія они, не обинуясь, выдавали сплошь и рядомъ за свѣдѣнія, добытыя ихъ усиліями «агентурнымъ путемъ»; благо начальство не провѣряло ихъ донесеній и не сопоставляло ихъ съ революціонной печатью. Но иногда охранники оказывались недурно освѣдомленными и относительно дѣлъ чисто конспиративнаго характера. Такъ, Рачковскій сообщаетъ о типѣ и точныхъ размѣрахъ чемодановъ, въ которыхъ предполагалось доставлять въ предѣлы Имперіи изданія «Свободы» (стр. 140). Онъ хвалится передъ своимъ начальствомъ, что дѣятельность народовольцевъ въ Парижѣ и Швейцаріи была ему въ точности извѣстна, а потому онъ-дескать не особенно нуждался въ услугахъ Паули (стр. 151). Сплошь и рядомъ охранка знакомилась съ произведеніями революціонной литературы раньше, чѣмъ публика, для которой они предназначались; такъ, Рачковскій часто имѣлъ въ своихъ рукахъ корректуры изданій Бурцева, «Рабочаго Дѣла», польскихъ организацій (все это, вѣроятно, дѣло рукъ Бейтнера). Съ своей стороны Гартингъ былъ очень недурно освѣдомленъ

о лондонскомъ съѣздѣ с.-д. 1903 г., причемъ агентъ его стоялъ, повидимому, близко къ Донскому комитету (стр. 166—182), а Ратаевъ, несомнѣнно со словъ Азефа, подробно доносилъ о конференціи представителей русскихъ революціонныхъ и оппозиціонныхъ группъ, созванной въ Парижѣ въ 1904 г. Въ отличіе отъ донесеній Рачковскаго, основанныхъ большей частью на сообщеніяхъ недалекаго и мало развитаго уголовнаго преступника Бейтнера, послѣдніе два доклада Гартнига и Ратаева составлены вполнѣ грамотно, связно и со знаніемъ дѣла. Авторъ одного изъ нихъ Азефъ, а другого?

Интересныя данныя содержатъ эти донесенія также по вопросу о методѣ провокаціи. Извѣстенъ этотъ методъ: дать задуманному преступленію (задуманному иногда непосредственно самимъ охранникомъ или во всякомъ случаѣ съ его вѣдома), итакъ, дать преступленію назрѣть до конца и выступить къ расправѣ только въ самый послѣдній моментъ, для того чтобы взять виновныхъ съ поличнымъ и такимъ образомъ заставить ихъ раскрыть свои карты и вовлечь въ свое предпріятіе какъ можно больше лицъ. И вотъ Рачковскій, сообщая начальству о замыслахъ народовольческаго кружка, въ частности г-жи Селюкъ, о выдѣлкѣ этимъ кружкомъ разрывныхъ бомбъ и о подготовленіи ими покушенія первостепенной важности, слѣшитъ прибавить: «Въ виду вышеизложеннаго я полагалъ бы цѣлесообразнымъ не препятствовать Селюкъ вернуться въ Берлинъ, дать ей возможность организовать группу людей, съ которыми она разсчитывала отправиться въ Россію въ первыхъ числахъ января (1901 г.), и такимъ образомъ выяснить не только единомышленниковъ Селюкъ въ Берлинѣ, но и всѣхъ вообще лицъ, которые бы приняли участіе въ этомъ замыслѣ» (стр. 65—6). Тотъ же пріемъ Рачковскій не прочь примѣнить и къ либераламъ. Сообщая о замыслѣ Венгерова издавать заграницей ежемѣсячный обще-революціонный органъ, въ которомъ должны были якобы принимать участіе конституціоналисты, народовольцы и соціалъ-демократы, (повидимому, до Рачковскаго дошли какіе-то слухи о затѣвавшемся около этого времени въ 1901 г. либеральномъ органѣ «Освобожденіе» подъ редакціей Струве, но дошли въ искаженномъ видѣ), Рачковскій прибавляетъ, что фамилія жертвователя, давшаго или собирающагося дать на это дѣло

100 тысячъ рублей, ему неизвѣстна, и вообще названное предпріятіе обставляется крайне конспиративно. «Поэтому,—продолжаетъ онъ,—впредь до выясненія дальнѣйшихъ подробностей этого дѣла, я позволю себѣ убѣдительно просить Ваше Превосходительство не приступать къ какимъ либо дѣйствіямъ, могущимъ скомпрометировать одного изъ моихъ лучшихъ сотрудниковъ, который по своему положенію имѣетъ полную возможность держать насъ въ курсѣ намѣченной затѣи, тѣмъ болѣе, что возникновеніе таковой обязано своимъ происхожденіемъ сложившимся въ Россіи условіямъ дѣятельности оппозиціи, и если мы немедленно помѣшаемъ осуществленію плана, задуманнаго Венгеровымъ, Липницкимъ и невыясненнымъ пока третьимъ лицомъ, то на смѣну имъ могутъ явиться новые дѣятели, которыхъ, быть можетъ, намъ на удастся обставить столь благопріятно, какъ это представляется возможнымъ сдѣлать теперь» (стр. 127).

Понятно негодованіе охранниковъ въ томъ случаѣ, если полиція въ Россіи поспѣшнымъ арестомъ спутывала ихъ карты. Такъ, по поводу ареста Эрнеста Ролау въ 1901 г. (извѣстный латышскій дѣятель, убитый въ 1906 г. конвойными «при попыткѣ къ побѣгу») Рачковскій сообщаетъ, что Ролау былъ однимъ изъ самыхъ важныхъ «транспортистовъ», когда либо существовавшихъ заграницей, и разочарованно прибавляетъ: «Аккуратной прослѣдкой за нимъ мы могли бы на долгое время обезпечить себя отъ безконтрольнаго водворенія въ Россію подпольной литературы. Независимо отъ этого намъ представлялась полная возможность выяснить всѣ пути, черезъ которые революціонныя изданія распространяются въ предѣлахъ самой Имперіи. Въ виду необычайной трудности быть въ курсѣ транспортнаго дѣла заграницей, ведомаго личностями, исключительными дѣйствующими къ тому же вполнѣ самостоятельно, я не могу не выразить сожалѣнія, что розыскные органы, на которыхъ была возложена прослѣдка за водвореніемъ въ Россію означеннымъ Ролау транспортовъ, слишкомъ поспѣшили арестомъ столь драгоцѣннаго показателя» (стр. 146).

Еще болѣе велика досада охранниковъ въ томъ случаѣ, если имъ никакъ не удается «обставить» надлежащимъ образомъ какую-нибудь организацію. Такъ обстояло дѣло съ «Искрой».

Донося о чрезвычайной конспиративности этой группы, Рачковскій сообщаетъ, что имъ приняты соотвѣтствующія мѣры къ выясненію наличнаго состава редакціи и точнаго ея мѣстопребыванія. И далѣе онъ похваляется: «Я найду средство, дѣйствуя навѣрнякa, ликвидировать эту крайне опасную организацію и поставить ее въ совершенную невозможность дальнѣйшаго печатанія «Искры» при существующихъ конспиративныхъ условіяхъ, въ высшей степени затрудняющихъ борьбу съ ней» (стр. 131-2). Въ чемъ должны были выразиться эти дѣйствія «навѣрняка», можно понимать двояко. Возможно, что Рачковскій надѣялся протащить все-таки какого нибудь сотрудника въ группу «Искры», но столь же возможно, что онъ приготовлялъ «Искрѣ» ту же участь, какая по его винѣ постигла въ 1886 г. женевскую типографію «Вѣстника Народной Воли». Какъ извѣстно, эта типографія была разгромлена ночью неизвѣстными лицами, т. е. франко-русскимъ сыщикомъ Бинтомъ съ товарищами.

«По вопросу о народовольцахъ, дѣйствующихъ въ Парижѣ и Лондонѣ,—доноситъ Рачковскій въ сентябрѣ 1900 г.,—я считаю долгомъ донести, что мною въ данное время приняты соотвѣтствующія мѣры, обезпечивающія насъ отъ всякихъ неожиданностей» (стр. 73). Эти мѣры заключались въ томъ, что Рачковскій окружилъ Бурцева провокаторами, изъ которыхъ извѣстны Бейтнеръ и Панкратьевъ. Мы уже видѣли, что гордый своей освѣдомленностью Рачковскій увѣренно предсказывалъ, что «съ наступающей осени (1901 г.) революціонная дѣятельность выразится рядомъ неожиданныхъ фактовъ террористическаго характера» (стр. 125). Вопросъ только, для кого неожиданными? По крайней мѣрѣ, самъ Рачковскій ихъ ожидалъ. Зная характеръ дѣятельности Рачковскаго и такихъ его сотрудниковъ, какъ Азефъ и Бейтнеръ, приходится приписывать слову «неожиданный» въ его устахъ совершенно специфическій характеръ. Дѣятельность Азефа общеизвѣстна; относительно же Бейтнера, изгнаннаго въ 1890 г. изъ Нижегородскаго кадетскаго корпуса за сбытъ украденныхъ у купца Коломнина денегъ и отсидѣвшаго за это семь мѣсяцевъ въ тюрьмѣ (что дало ему возможность заграницей выдавать себя за бывшаго офицера, пострадавшаго за революціонную пропаганду въ арміи!), извѣстно, что онъ, между прочимъ, спровоцировалъ нѣкоего Кракова на покушеніе на министра

юстиціи Муравьева, далъ ему денегъ на дорогу, причемъ тотъ по пріѣздѣ въ Петербургъ натурально былъ немедленно арестованъ съ браунингомъ въ карманѣ лѣтомъ 1904 г. (стр. 213 и 216).

Нѣкоторыя небезъинтересныя свѣдѣнія даются разсматриваемыми донесеніями также по вопросу о нравахъ и пріемахъ охранниковъ. Отъ Паули Рачковскій требовалъ «честности и прямодушія» (sic!; стр. 151); самъ же онъ, между прочимъ, пускался на такія штуки. Сообщая о пріѣздѣ за границу нѣкоего Розенбаума, занимавшагося перевозкой с.-р. изданій, Рачковскій разсказываетъ, что освобожденіе Розенбаума изъ крѣпости подъ поручительство и его чрезмѣрная любознательность вызвали въ эмигрантскихъ сферахъ подозрѣнія его въ шпіонствѣ, «каковымъ обстоятельствомъ,—прибавляетъ честный и прямодумный Рачковскій,—я воспользуюсь для окончательнаго его провала» (стр. 105). Такой же пріемъ Рачковскій намѣревался примѣнить и къ Надеждину (Зеленскому), издававшему «Свободу». Указывая на то, что Надеждинъ выступаетъ въ одно и то же время и какъ соціалъ-демократъ, и какъ конституціоналистъ, и какъ сторонникъ террора, и всѣмъ своимъ поведеніемъ возбуждаетъ среди эмигрантовъ подозрѣнія, Рачковскій прибавляетъ: «При такомъ образѣ дѣйствій со стороны иниціатора «Свободы» мнѣ не трудно будетъ провалить его, какъ только его личность будетъ установлена» (стр. 140). Между прочимъ именно потому, что революціонеры знали о такихъ пріемахъ охранниковъ, Азефъ въ теченіе долгаго времени находилъ горячихъ защитниковъ среди своихъ бывшихъ товарищей, которые были увѣрены, что свѣдѣнія изъ охранныхъ круговъ о его провокаторствѣ распространяются съ спеціальной цѣлью погубить опаснаго для полиціи революціонера!

Поражаетъ также обиліе писемъ, представляемыхъ доносителями въ оригиналахъ или копіяхъ по начальству. Часть такихъ писемъ, вѣроятно, прямо адресовывалась «сотрудникамъ» лицами, которыя, конечно, не догадывались о томъ, что имѣютъ дѣло съ полицейскими агентами; другая часть могла просто выкрадываться такими «сотрудниками», какъ Бейтнеръ, который, какъ мы уже говорили, былъ осужденъ за сбытъ краденыхъ денегъ и, значитъ, въ этомъ дѣлѣ набилъ руку; наконецъ, возможно, что часть писемъ перехватывалась съ помощью подкупленныхъ

консьержей,—пріемъ, особенно практиковавшійся въ послѣдніе годы и вызвавшій заграницей рядъ скандаловъ.

Наконецъ, разсматриваемыя донесенія содержатъ еще рядъ откровеній относительно сношеній русскихъ охранниковъ съ заграничной полиціей. Сообщая лѣтомъ 1900 г. о возобновленіи Бурцевымъ «Народовольца» послѣ отбытія имъ тюремнаго заключенія, а также о задуманномъ имъ историческомъ журналѣ «Былое», корректуры котораго тутъ же прилагались, Рачковскій пишетъ, что изъ прилагаемыхъ корректуръ «нетрудно будетъ убѣдиться, что онъ (Бурцевъ) превзошелъ самого себя и, въ качествѣ яраго фанатика террора, даетъ достаточный матеріалъ для привлеченія его къ отвѣтственности за восхваленіе такихъ террористическихъ дѣятелей, какъ Перовская, Гриневицкій и Кибальчичъ, если впрочемъ, — осторожно прибавляетъ охранникъ,—англійское правительство еще разъ пожелаетъ оказать намъ дружескую услугу» (стр. 61). Итакъ, осужденіе Бурцева за изданіе «Народовольца» было со стороны англійскаго правительства «дружеской услугой» по отношенію къ русскому. Признаніе, безусловно интересное для историка.

Но на частое повтореніе такихъ «услугъ» со стороны англійскаго правительства, повидимому, разсчитывать не очень-то приходилось. Иначе обстояло дѣло съ нѣмецкой полиціей. Въ докладѣ Рачковскаго отъ 14—27 сентября 1900 г. онъ рекомендуетъ учредить въ Берлинѣ спеціальную розыскную агентуру. Эта идея Рачковскаго была осуществлена въ 1902 г., причемъ завѣдывающимъ берлинской агентурой назначенъ былъ Гартингъ, онъ же Гекельманъ, онъ же Ландезенъ, бывшій агентъ Рачковскаго и извѣстный провокаторъ по дѣлу парижскихъ бомбъ 1889 г. На содержаніе берлинской агентуры сначалѣ отпускалось около 45 тысячъ рублей. Нѣмецкая полиція отлично знала о существованіи этой организаціи, а Рачковскій въ цитируемомъ докладѣ прямо упоминаетъ о «переговорахъ, которые Ваше Превосходительство (директоръ департамента полиціи) изволили имѣть съ президентомъ берлинской полиціи» (стр. 72 и 204).

Въ томъ же докладѣ Рачковскій говоритъ о необходимости учрежденія агентуры въ Австріи, но «въ виду испытанной подозрительности австрійскаго правительства, не довѣряющагося нашей дѣятельности» (вѣроятно, изъ боязни панславистскихъ

происковъ), онъ предлагаетъ свои услуги къ тому, чтобы съѣздить въ Вѣну для переговоровъ съ центральными полицейскими властями на предметъ устройства систематическаго наблюденія за двумя польскими революціонерами, Лангомъ и Кульчицкимъ. Повидимому, это должно было служить пробнымъ шаромъ. Можно думать что его предложеніе не было принято департаментомъ, такъ какъ организація агентуры въ Галиціи была поручена извѣстному провокатору Гуровичу, на что ему, разумѣется, былъ отпущенъ спеціальный кредитъ. Вообще же полицейскимъ розыскомъ въ Австріи для надобностей русской охраны занимался Симонъ Вейсманъ, извѣстный шпіонъ, состоявшій съ 1890 г. агентомъ различныхъ жандармскихъ чиновъ (стр. 72 и 204).

Еще одна черточка изъ дѣятельности заграничной охранной агентуры, поскольку она выразилась въ разсматриваемыхъ донесеніяхъ, заслуживаетъ быть отмѣченною историкомъ. Сообщая о задуманной политическими эмигрантами широкой кампаніи въ цѣляхъ ознакомленія французской публики съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ въ Россіи, Рачковскій доноситъ: «Для борьбы съ упомянутой затѣей эмигрантовъ я въ свою очередь организовалъ небольшой кружокъ французскихъ газетчиковъ и съ осени намѣренъ приступить къ печатному воздѣйствію противъ смѣло задуманнаго предпріятія нашихъ выходцевъ. Но для этого,—разумно прибавляетъ онъ,—мнѣ необходимы денежныя средства, далеко превышающія тѣ пятьсотъ франковъ ежемѣсячныхъ, которые Ваше Превосходительство предполагали ассигновать на веденіе этого дѣла. Если, вообще, Вашему Превосходительству благоугодно будетъ одобрить задуманный мною планъ и противопоставить затѣѣ революціонеровъ, имѣющей цѣлью дискредитировать въ общественномъ мнѣніи Франціи франко-русскій союзъ и позорить наше правительство всевозможными измышленіями, правильно организованное противодѣйствіе, то на это дѣло потребуется до 3 тысячъ франковъ въ мѣсяцъ, считая съ 1-го октября по 1-е апрѣля будущаго года. При этомъ Ваше Превосходительство не откажете, вѣроятно, въ сообщеніи необходимаго для даннаго случая матеріала. Съ своей стороны я доставлю своимъ сотрудникамъ всѣ компрометирующія эмигрантовъ свѣдѣнія изъ ихъ практики и частной жизни» (стр. 134—5).

Этотъ отрывокъ полицейской прозы, какъ говорится, не

нуждается въ комментаріяхъ. Мысль Рачковскаго, частично примѣнявшаяся, конечно и до его предложенія, не говоря уже о добровольцахъ-реакціонерахъ изъ числа французскихъ газетчиковъ, которые не за страхъ, а за совѣсть защищали тогдашнюю политику русскаго правительства,—эта мысль въ болѣе или менѣе систематическомъ видѣ получила осуществленіе при Плеве, когда во Францію съ этой цѣлью командированъ былъ пресловутый Манасевичъ-Мануйловъ (онъ же нововременская «Маска»), причемъ въ его распоряженіе отпущенъ былъ въ 1903 г. спеціальный кредитъ въ размѣрѣ около 35 тысячъ франковъ. Какое-то невполнѣ выясненное еще отношеніе къ этому почтенному дѣлу имѣлъ и пресловутый сербско-русскій патріотъ Черепъ-Спиридовичъ. Мы припоминаемъ, что около того времени въ такихъ грязныхъ парижскихъ газеткахъ, какъ Patrie, появилось за его подписью сообщеніе объ организаціи какого-то латинско-славянскаго союза (или что-то вродѣ этого) съ недвусмысленной цѣлью вести въ черносотенной французской прессѣ агитацію противъ русскаго освободительнаго движенія. Получилъ ли за это г. Черепъ-Спиридовичъ какую либо мзду изъ упомянутаго фонда и въ какомъ именно размѣрѣ, мы не знаемъ, но затѣя его не имѣла никакого успѣха.

Мы далеко не исчерпали богатаго матеріала, содержащагося въ разсматриваемой книгѣ. Многіе изъ упоминаемыхъ тамъ фактовъ и именъ до сихъ поръ еще не установлены и не выяснены: значительная часть, какъ мы видѣли, искажена и переврана. Тѣмъ не менѣе напечатанные въ ней документы имѣютъ извѣстную историческую цѣнность, какъ сами по себѣ, со стороны своего фактическаго содержанія, такъ и для характеристики пріемовъ и дѣятельности русской политической полиціи, составляющей такую существенную часть царскаго правительственнаго механизма. Само собою разумѣется, что историкъ, который пожелаетъ воспользоваться этимъ матеріаломъ, долженъ будетъ отнестись къ нему въ высшей степени осторожно и критически. Настоящей замѣткой мы между прочимъ и преслѣдовали цѣль внести извѣстныя поправки въ эти документы и выяснить ихъ относительное значеніе. Само собою разумѣется, что необходимы замѣчанія и другихъ лицъ, лучше насъ знакомыхъ съ нѣкоторыми сторонами затрагиваемыхъ въ этихъ документахъ вопро-

совъ (напримѣръ, о дѣятельности народовольцевъ, с.-р., поль-скихъ партій). И только съ такими поправками и критическими замѣчаніями будущій изслѣдователь сможетъ воспользоваться этими донесеніями, какъ историческимъ документомъ.

Какъ я бѣжалъ изъ Якутки.

(Страничка изъ воспоминаній).

I.

Кучка одноэтажныхъ деревянныхъ домиковъ на берегу многоводной Лены, погребенныхъ подъ снѣгомъ во время безконечной зимы и тонущихъ въ навозной жижѣ во время быстротечнаго лѣта,—такова картина города Якутска, центра области, по пространству втрое превосходящей всю Францію. Въ эту яму я прибылъ въ мартѣ 1896 г. Такъ какъ я подлежалъ отбыванію воинской повинности (совершеннолѣтіе исполнилось мнѣ въ тюрьмѣ, изъ которой я не выходилъ свыше двухъ лѣтъ), то я былъ временно оставленъ въ Якутскѣ. Товарищи же мои по дѣлу были усланы въ Верхоянскъ и Колымскъ, самыя гиблыя мѣста Якутской области. Ссылкѣ въ Колымскъ подлежалъ и я.

Въ апрѣлѣ 1896 г. я былъ подвергнутъ освидѣтельствованію въ воинской комиссіи «на предметъ годности» къ воинской службѣ и получилъ годичную отсрочку. Немедленно послѣ этого полиція принудила меня выѣхать изъ города; я поселился въ Багаратсахъ Батурусскаго улуса въ 10 верстахъ отъ Якутска, прожилъ тамъ лѣто, а къ осени захватнымъ путемъ снова перебрался въ городъ. Зимой моя жена, добровольно послѣдовавшая за мною въ ссылку, возвратилась въ Россію; послѣ этого меня снова выселили въ улусъ, но черезъ недѣлю я опять водворился въ городѣ, и на меня махнули рукой.

О побѣгѣ я началъ помышлять съ первыхъ же дней пребыванія въ Якуткѣ. Но осуществить эту мысль оказалось не такъ-то легко. Сильно мѣшало то обстоятельство, что среди ссыльныхъ товарищей къ тому времени укрѣпилось убѣжденіе въ физической невозможности побѣга изъ Якутской области. Послѣдніе удачные побѣги (Калинцева и Федорова въ 1885 г., Паули въ 1888 г.) имѣли мѣсто задолго до моего прибытія въ этотъ заброшенный край, послѣдующія же попытки систематически кончались неудачей.

Трудности такого предпріятія были многочисленны. Во-первыхъ, выѣхать изъ города на почтовыхъ было почти невозможно, такъ какъ бѣглецъ сразу былъ бы опознанъ ямщиками, и такимъ образомъ преступное покушеніе было бы пресѣчено въ зародышѣ; о томъ, чтобы лѣтомъ сѣсть въ городѣ на пароходъ, нечего было и думать, такъ какъ полиція тщательно слѣдила за всѣми пассажирами, а нашего брата—ссыльнаго полицейскіе знали, конечно, на перечетъ. Приходилось въ виду этого брать вольныхъ ямщиковъ, но черезъ три перегона все-таки нужно было обращаться къ почтовымъ—и вотъ тутъ-то и обнаруживалась самая щекотливая сторона побѣга изъ Якутской области. Дѣло въ томъ, что между Иркутскомъ и Якутскомъ имѣется одинъ лишь почтовый трактъ. Движеніе по этому тракту (въ то, по крайней мѣрѣ, время, о которомъ я говорю) было крайне слабымъ: изрѣдка проѣзжалъ чиновникъ, купецъ, да раза два въ годъ «прогоняли» политическую партію. Поэтому ямщицкое населеніе станковъ, помѣсь инородцевъ и русскихъ, обладающая всѣми недостатками варварства и цивилизаціи, не могло не замѣтить сразу всякое новое, появившееся на трактѣ лицо. А память на лица у этихъ дикарей поразительная: черезъ десять лѣтъ онъ узнаетъ человѣка, проѣзжавшаго по этой дорогѣ, а слѣдовательно, проведшаго на ихъ станкѣ нѣсколько часовъ. Вдобавокъ, политическіе, какъ замѣтили сибиряки, отличаются какими-то особыми признаками, по которымъ туземцы почти безошибочно узнаютъ ихъ; даже сибирскія собаки скоро научаются отличать политическихъ отъ обыкновенныхъ смертныхъ, хотя бы они были одѣты, какъ и всѣ; по особому запаху, что ли...[1])

---

[1]) Забѣгая впередъ, приведу слѣдующій примѣръ. Вывезшій меня изъ Якутска офицеръ, пріѣхавъ въ Олекминскъ (я уже успѣлъ проѣхать впередъ), остановилъ проходившаго по улицѣ человѣка и, выскочивши изъ саней, шопотомъ сообщилъ ему на ухо: «Юрій Михайловичъ бѣжалъ!» Остановленный господинъ дѣйствительно оказался политическимъ ссыльнымъ, тов. Г.: но одѣтъ онъ былъ, какъ всѣ остальные олекминскіе жители. Когда тов. Г. замѣтилъ офицеру, что онъ поступилъ крайне неосторожно, такъ какъ легко могъ ошибиться и наткнуться вовсе не на политическаго ссыльнаго, поручикъ увѣренно отвѣтилъ: «Ну, васъ всѣхъ сразу узнаешь... какъ спиртоносовъ!»

Какъ бы то ни было, проѣхать свыше трехъ тысячъ верстъ на почтовыхъ, не будучи узнаннымъ ямщиками, считалось почти невозможнымъ. А погоня? Допустимъ, что удалось бы преодолѣть всѣ вышеуказанныя затрудненія и двинуться по тракту. Но вѣдь дорога до Иркутска должна была продолжаться двѣ-три недѣли и столько же—отъ Иркутска до Москвы; а тѣмъ временемъ полиція неминуемо должна была бы хватиться и замѣтить отсутствіе бѣглеца. Правда, телеграфная линія въ то время не доходила еще да Якутска, а только до Витима. Но отправленный изъ Якутска нарочный, мѣняя верховыхъ лошадей, могъ бы доскакать до Витима въ пять сутокъ, а оттуда дать телеграмму въ Иркутскъ, такъ что бѣглецъ рисковалъ быть схваченнымъ если не по дорогѣ, то при самомъ въѣздѣ въ столицу Восточной Сибири. Если бы, наконецъ, ему даже удалось благополучно проскочить этотъ пунктъ, то вѣдь дальше начиналась полоса уже настоящей цивилизаціи: желѣзная дорога, телеграфъ и жандармскія управленія. Однимъ словомъ, выходило: куда ни кинь—все клинъ!..

Такія приблизительно соображенія представляли мнѣ тѣ старые ссыльные, къ которымъ я обращался за совѣтомъ. Одинъ изъ нихъ, старый ссыльный М., сосланный въ Якутку административнымъ порядкомъ въ серединѣ 80-хъ годовъ и исколесившій по своимъ торговымъ дѣламъ чуть ли не всю Якутскую область, рекомендовалъ мнѣ испробовать обходный путь на Аянъ и даже обѣщалъ оказать посильную помощь, пріискать проводниковъ, раздобыть паспортъ и пр. Но затѣмъ онъ уѣхалъ, и проектъ этотъ какъ-то заглохъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ разсматриваемое время ссыльная колонія состояла преимущественно изъ стариковъ, обломковъ героическаго періода революціоннаго движенія 70-хъ и 80-хъ годовъ. Все это были прекрасные товарищи и милые люди; но издерганные жизнью, измученные продолжительнымъ сидѣніемъ по тюрьмамъ, каторгой и долголѣтней ссылкой, они испытывали естественную потребность въ нѣкоторомъ покоѣ, позволявшемъ имъ хоть нѣсколько вытянуть усталые члены, пожить на склонѣ лѣтъ какой ни на есть, но все же личной жизнью. Правда, покой этотъ былъ относительный, удобства жизни въ проклятой Якуткѣ были минимальныя, горькій хлѣбъ изгнанья

приходилось добывать въ потѣ лица своего и чуть ли не съ бою, но истрепанные нервы властно требовали отдыха. И эти въ общемъ энергичные, активные и смѣлые люди пассивно принимали на вѣру утвержденія о полной безплодности всякихъ попытокъ къ побѣгу, которыя способны только ухудшить положеніе остальныхъ товарищей. Кто знаетъ? Быть можетъ, инстинктивно нѣкоторые изъ нихъ видѣли въ такихъ порывахъ признакъ малодушія, страха передъ продолжительной ссылкой... Быть можетъ, здѣсь сказывалась психологія, явившаяся результатомъ мрачнаго безвременья 80-хъ и начала 90-хъ годовъ, эпохи ужасной реакціи, незамѣтно отравлявшей сознаніе самыхъ сильныхъ ядомъ скептицизма и невѣрія... Какъ бы то ни было, осуществленіе моего плана сдѣлалось возможнымъ лишь съ появленіемъ молодой новой ссылки. Послѣднія партіи политическихъ предшествующей полосы пришли въ Якутскую область въ концѣ 80-хъ годовъ: это были главнымъ образомъ представители группъ, мечтавшихъ о возстановленіи «Народной Воли». Затѣмъ въ исторіи Якутской ссылки наступаетъ перерывъ, продолжавшійся лѣтъ 5—6. Въ срединѣ 90-хъ годовъ появляются въ Якутскѣ снова партіи политическихъ ссыльныхъ. Партія, въ которой пришелъ я, была второй по счету.

Въ апрѣлѣ 1897 г. я былъ принятъ на военную службу и зачисленъ рядовымъ въ Якутскую мѣстную команду. Въ силу какихъ-то циркуляровъ политическимъ ссыльнымъ не полагалось служить въ гарнизонныхъ частяхъ, и я долженъ былъ отправиться въ Иркутскій стрѣлковый батальонъ. Но для меня было сдѣлано почему-то исключеніе; послѣ переписки съ главнымъ штабомъ, тянувшейся 5 мѣсяцевъ, я былъ оставленъ въ Якутской командѣ, причемъ въ «особенно секретной» бумажкѣ приказано было ни подъ какимъ видомъ не производить меня въ какіе-либо «чины». Послѣднее распоряженіе меня смѣшило, но зато крайне огорчало моихъ начальниковъ, которые хотѣли сдѣлать меня, какъ лучшаго «фрунтовика» въ ротѣ, унтеръ-офицеромъ или хотя бы ефрейторомъ! Впрочемъ, фактически я ходилъ начальникомъ караула, дежурилъ по ротѣ, завѣдывалъ ротной школой и вообще «исполнялъ должность» унтера.

Теперь мысль о побѣгѣ волей-неволей приходилось на время оставить; по цѣлому ряду соображеній мнѣ не хотѣлось бѣжать

съ военной службы. Но зато здѣсь мнѣ удалось завести такія знакомства, которыя впослѣдствіи очень и очень мнѣ пригодились.

Вскорѣ послѣ моего поступленія въ команду у насъ смѣнились командиры, ротный и полуротный. На мѣсто ротнаго командира прибылъ капитанъ изъ нѣмцевъ Гляссъ, честный и добродушный человѣкъ. Стараясь держаться въ рамкахъ официальныхъ отношеній, онъ въ то же время не стѣснялъ меня, хотя въ глубинѣ души, вѣроятно, не сочувствовалъ моимъ политическимъ воззрѣніямъ. Аккуратный и исполнительный человѣкъ, онъ, видимо, избѣгалъ всякихъ осложненій, какъ въ смыслѣ сближенія съ крамольнымъ солдатомъ, такъ и въ смыслѣ ненужнымъ къ нему придирокъ. Зато полную противоположность ему представлялъ поручикъ Н. М. Темниковъ—нашъ полуротный. Высокій и худощавый, съ большимъ кадыкомъ и маленькими усиками, онъ живо напоминалъ того отчаяннаго поручика, съ которымъ Гоголь сравнивалъ Ноздрева, вошедшаго въ азартъ. Искренно увлекавшійся военнымъ дѣломъ, но представлявшій его себѣ въ обстановкѣ временъ очаковскихъ, онъ бредилъ знаменитыми героями русской военной исторіи и силился привить такое же настроеніе солдатамъ—сброду изъ объякутѣвшихъ ямщиковъ, татаръ и т. п. Понятно, что изъ этого, кромѣ комическихъ курьезовъ, ничего не выходило, но солдаты страшно любили поручика, въ то время какъ исполнительнаго капитана, почти искоренившаго у насъ въ казармѣ мордобитіе, но холоднаго и не выходившаго изъ рамокъ офиціальности, не очень-то долюбливали.

Между ротнымъ командиромъ и поручикомъ, вслѣдствіе глубокаго различія ихъ характеровъ, постоянно существовалъ нѣкоторый скрытый антагонизмъ. Бывало, во время ротнаго ученія придетъ капитанъ въ казарму, молча постоитъ нѣсколько минутъ, присматриваясь своими близорукими глазами къ несовсѣмъ обычной тренировкѣ солдатъ, и, наконецъ, спокойно скажетъ:

— Вы что жъ это, Николай Михайловичъ, какимъ-то страннымъ пріемамъ ихъ обучаете?

— А это,—отрывисто отвѣчаетъ поручикъ, задирая голову и какъ бы выправляя шею изъ воротника,—это я обучаю ихъ суворовской тактикѣ... Суворовъ говорилъ...

—Знаете, Николай Михайловичъ, оставимъ лучше Суворова

и давайте заниматься по уставу,—добродушно прерываетъ капитанъ, къ величайшему негодованію поручика, дергающаго головой съ удвоенной энергіей.

Крайне симпатичный и отзывчивый человѣкъ, Темниковъ не отличался особенной политической сознательностью, но его инстинктивно тянуло къ «политическимъ». Врядъ ли онъ зналъ даже хорошо, за что собственно я попалъ въ ссылку, но онъ сочувствовалъ мнѣ отъ всей души и сразу, по прибытіи въ Якутскъ, поспѣшилъ со мной сблизиться. Постепенно его взгляды болѣе оформились, и туманный протестъ противъ безобразій русской жизни превратился у него въ болѣе или менѣе сознательное отрицаніе господствующихъ порядковъ. Но все это отрицаніе до конца оставалось главнымъ образомъ въ области чувства. Что губило его и часто отдаляло насъ другъ отъ друга, такъ это его пагубное пристрастіе къ алкоголю; временами онъ пилъ запоемъ и тогда становился прямо невозможенъ. Но когда на него находило просвѣтленіе, онъ стыдился своей пагубной страсти и съ конфузливой улыбкой обѣщалъ больше не пить. Конечно, изъ этого ничего не выходило.

Капитанъ Глассъ былъ недоволенъ тѣми отношеніями, которыя установились у меня съ Темниковымъ, и неоднократно отечески выговаривалъ ему за это.

— Не доведетъ васъ до добра эта дружба съ Н.,—говорилъ онъ ему.—Кто бы онъ ни былъ,—я самъ его глубоко уважаю,—но вы не должны забывать, что вы офицеръ... и притомъ, вѣдь вы сами знаете, что онъ поднадзорный. Конечно, въ предѣлахъ возможнаго я самъ понимаю... но вѣдь это подрываетъ дисциплину и т. д.

На это поручикъ неизмѣнно отвѣчалъ:

— Никакихъ особенныхъ отношеній у насъ нѣтъ. Въ казармѣ у насъ чисто официальныя отношенія. Что же касается моего поведенія внѣ службы, то за это отвѣчаю я самъ.

— Такъ-то оно такъ, а все-таки помяните мое слово: все это до добра васъ не доведетъ.

На этомъ разговоръ кончался, а затѣмъ мы съ поручикомъ добродушно подшучивали надъ честнымъ, но робкимъ командиромъ.

Приведу къ характеристикѣ поручика еще одинъ фактъ.

На вечеринкѣ у одного чиновника Темниковъ встрѣтился съ нѣкоторыми политическими. Обычный на захолустныхъ пирушкахъ разговоръ вращался около самыхъ прозаическихъ предметовъ. Вдругъ, послѣ основательнаго возліянія, поручикъ наклоняется къ одному ссыльному и конфиденціально ни съ того, ни съ сего сообщаетъ ему на ухо:

— Въ случаѣ чего, возстанія тамъ или чего-нибудь подобнаго будте увѣрены, я со своей ротой перейду на сторону народа...

Видно, этотъ вопросъ сильно занималъ его, хотя я бесѣдъ въ такой конкретной формѣ съ нимъ не велъ.

Незадолго до моего побѣга Темниковъ допился до бѣлой горячки. Интересно, что во время своей болѣзни онъ бредилъ революціей: ему казалось, что я, возмутивъ команду, арестовалъ капитана и хочу убить также и его. Поэтому онъ порывался въ казарму, чтобы обратиться къ солдатамъ со словомъ увѣщанія, а ко мнѣ съ просьбой не предавать смерти ротнаго командира. Когда послѣдній явился къ нему въ лазаретъ, поручикъ съ удивленіемъ спросилъ его:

— Какъ, Эдуардъ Карловичъ, Н. васъ еще не убилъ?

Добрый капитанъ былъ сильно смущенъ, тѣмъ болѣе, что подобный разговоръ могъ ввести въ соблазнъ присутствующихъ при этомъ нижнихъ чиновъ.

Вдобавокъ, я въ это время уже не находился въ ротѣ, такъ какъ кончилъ службу 15 августа 1899 г. и мирно проживалъ въ городѣ на своей квартирѣ. Обо всей этой исторіи, происходившей въ сентябрѣ, я узналъ только мѣсяца черезъ два со словъ Темникова, который съ конфузливой улыбкой разсказалъ мнѣ про свои чудачества. Замѣчу кстати, что никогда я не велъ съ нимъ разговоровъ, которые дали бы ему поводъ заподозрить меня въ столь кровожадныхъ замыслахъ.

Во время этого визита мы бесѣдовали о томъ положеніи, которое неожиданно создалось для меня послѣ увольненія моего въ запасъ. Этотъ разговоръ не остался безъ вліянія на мою дальнѣйшую судьбу.

II.

Къ тому моменту, о которомъ идетъ рѣчь, я прожилъ въ ссылкѣ свыше $3^1/_2$ лѣтъ, успѣлъ попривыкнуть къ товарищамъ,

къ мирному житію съ вечеринками, нескончаемыми спорами, пикниками и охотничьими экскурсіями; я нѣсколько отяжелѣлъ сдѣлался отцомъ семейства и такъ или иначе почти примирился съ мыслью о томъ, что мнѣ придется до конца прожить назначенные мнѣ Особымъ Совѣщаніемъ 10 лѣтъ ссылки (это за с.-д. пропаганду среди рабочихъ!), если не случится какихъ-либо экстраординарныхъ событій въ Россіи. Но одно непредвидѣнное обстоятельство сразу выбило меня изъ колеи и заставило снова задуматься о побѣгѣ, мысль о которомъ постепенно подернулась дымкой забвенія и почти вышла у меня изъ головы.

Вице-губернаторомъ въ Якутскъ лѣтомъ 1899 г. назначенъ былъ нѣкій Миллеръ изъ чиновниковъ департамента полиціи. Это было маленькое, злое, сухопарое существо. Привыкшій въ департаментѣ къ сыску и войнѣ съ крамолой, этотъ господинъ пріѣхалъ въ нашъ богоспасаемый Якутскъ съ самыми высокими понятіями о задачахъ «твердой власти», которыя, по его мнѣнію, лучше всего выражались въ учиненіи всяческихъ пакостей политическимъ ссыльнымъ. И. д. якутскаго губернатора, Скрипицынъ, сухой чиновникъ-формалистъ, но въ общемъ человѣкъ не глупый и не злой, никогда не унижался до сознательнаго и систематическаго преслѣдованія невольныхъ обитателей Якутки. При немъ ссылка нѣсколько вздохнула и начала пользоваться нѣкоторымъ спокойствіемъ, конечно, въ предѣлахъ закона и циркуляровъ. Для Миллера это былъ ножъ острый. И какъ только, съ отъѣздомъ Скрипицина въ отпускъ, онъ дорвался до власти и сдѣлался «исполняющимъ должность начальника губерніи», тотчасъ началась политика мелкихъ, кляузническихъ придирокъ къ ссыльнымъ.

Меня Миллеръ особенно возненавидѣлъ. Во-первыхъ, мы жили съ нимъ въ одномъ домѣ, такъ что намъ приходилось часто сталкиваться; онъ вообразилъ, что я буду съ нимъ раскланиваться; я же игнорировалъ его, и «невѣжливость» моя глубоко его возмущала. Во-вторыхъ, ко мнѣ захаживали въ гости міровой судья и полицейскій врачъ, чего Миллеръ никакъ не могъ переварить. Пробовалъ было онъ прочитать имъ по этому поводу нотацію, но тѣ резонно отвѣтили ему, что до ихъ внѣслужебныхъ дѣлъ и знакомствъ ему нѣтъ никакого дѣла. Вдобавокъ, я однажды имѣлъ возможность наблюдать его въ преко-

мичномъ положеніи, когда во время прогулки его собачки, къ которымъ онъ относился, какъ къ дѣтямъ, разбѣжались, и ему никакъ не удавалось поймать ихъ и снова усадить въ колясочку. Онъ бросилъ на меня взглядъ, полный ненависти, и этотъ взглядъ, отъ котораго я не могъ не улыбнуться, не предвѣщалъ ничего хорошаго.

Наконецъ, Миллеру представился удобный случай устроить мнѣ хорошую пакость. До тѣхъ поръ политическіе ссыльные отбывшіе въ Сибири воинскую повинность, оставлялись обыкновенно на мѣстѣ службы, а то и вовсе освобождались. На послѣднее я, причисленный жандармами къ лику «закоренѣлыхъ» и «опасныхъ» преступниковъ, расчитывать не могъ, но зато я не сомнѣвался въ томъ, что буду оставленъ въ Якутскѣ. Между тѣмъ Миллеръ предписалъ полиціи немедленно отправить меня на мѣсто назначенія, т. е. въ Колымскъ, куда я первоначально былъ высланъ (не знаю, департаментомъ полиціи или генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири Горемыкинымъ). Мои протесты не повели ни къ чему. Миллеръ заявилъ мнѣ, что меня оставятъ въ Якутскѣ лишь въ томъ случаѣ, если я подамъ объ этомъ прошеніе генералъ-губернатору. Объ этомъ, конечно, не могло быть и рѣчи.

Конфликтъ назрѣвалъ. Вся колонія была страшно возмущена произволомъ Миллера, который категорически отказывался запросить Горемыкина относительно того, какъ быть со мной по отбытіи мною воинской повинности.

Путешествіе въ Колымскъ далеко мнѣ не улыбалось—главнымъ образомъ, въ виду болѣзненнаго состоянія жены и двухлѣтней дѣвочки, за недѣлю до того пережившей тяжкую болѣзнь и успѣвшей уже два раза схватить воспаленіе легкихъ. Мы съ женой были почти увѣрены, что живымъ мы ребенка до Колымска не довеземъ. Приходилось проѣхать 3,000 верстъ по тундрѣ при самыхъ антигигіеническихъ условіяхъ, при морозѣ, доходящемъ до 55°, при полномъ отсутствіи жилья, при недостаткѣ провизіи и т. д. У двухъ моихъ товарищей, Шифа и Борейши, дѣти погибли въ дорогѣ. Только безграничный произволъ царизма могъ придумать ссылку въ Колымскій край въ административномъ порядкѣ. Не забудемъ, что именно на этой почвѣ разыгралась знаменитая первая Якутская исторія въ мартѣ

1889 года, кончившаяся убійствомъ шести ссыльныхъ, повѣшеніемъ троихъ и ссылкой въ каторгу около двадцати человѣкъ, а отчасти также и вторая, «Романовская» исторія (въ 1904 г.).

Посовѣтовавшись съ женой и группой молодыхъ товарищей, я рѣшилъ попытать счастья и бѣжать. Предполагалось, что жена останется съ ребенкомъ въ Якутскѣ до открытія навигаціи, а затѣмъ свободно уѣдетъ въ Россію. Но для осуществленія нашего плана приходилось преодолѣть цѣлый рядъ препятствій. И вотъ машина заработала во всю.

Прежде всего необходимо было раздобыться «артеріей войны», такъ какъ поѣздка на почтовыхъ до Иркутска въ распутицу, когда приходилось платить за тройку лошадей, должна была стоить большихъ денегъ. Функціонировавшая среди группы молодыхъ ссыльныхъ касса для побѣговъ и иныхъ революціонныхъ цѣлей отпустила мнѣ 200 рублей. Но этого было слишкомъ мало. Нашелся добрый человѣкъ, состоявшій въ то время на государственной службѣ, который ссудилъ меня 400-ми рублями и револьверомъ на всякій случай (не называю этого прекраснаго человѣка, чтобы не повредить ему неосторожнымъ словомъ, но пользуюсь случаемъ, чтобы послать ему въ дальніе края горя чую благодарность).[1]) Итакъ, денежный вопросъ былъ рѣшенъ. Оставалось найти попутчиковъ, выгадать время и обмануть бдительность полиціи.

Прежде всего надлежало устроить такъ, чтобы въ моемъ распоряженіи оказалось полтора-два мѣсяца свободнаго времени. Къ разсматриваемому моменту въ Якутскѣ собралось пять—шесть паръ, подлежавшихъ ссылкѣ въ Верхоянскъ и Колымскъ; необходимо было поставить меня въ послѣднюю очередь. И вотъ я съ двумя товарищами отправились въ областное правленіе для объясненій съ Миллеромъ. Дѣло въ томъ, что по заведенному за послѣдніе годы обычаю политическимъ представлялось самимъ устанавливать очередь слѣдованія на сѣверъ. Этотъ порядокъ былъ въ сущности очень выгоденъ для полиціи: онъ избавлялъ ее отъ излишнихъ треній и пареканій; для нея важно было лишь одно, а именно, чтобы къ назначенному сроку всѣ подлежащіе удаленію въ полярный адъ убрались туда безъ лишнихъ скан-

[1]) Теперь я могу его назвать: это—докторъ Пурверъ. (декабрь 1918 года).

даловъ, такъ сказать, добровольно. И эта цѣль прекрасно достигалась своеобразной автономіей подлежащихъ закланію. Для ссыльныхъ же этотъ порядокъ былъ существенно важенъ, ибо давалъ имъ возможности при распредѣленіи очередей сообразоваться съ здоровьемъ, средствами, душевнымъ состояніемъ отъѣзжающихъ товарищей.

Миллеръ рѣшилъ посягнуть на установившееся обычное право. Возможно, что онъ инстинктивно догадывался о моемъ желаніи бѣжать. Во всякомъ случаѣ, послѣ довольно бурнаго объясненія, сопровождавшагося болѣе или менѣе прозрачными угрозами съ обѣихъ сторонъ, онъ уже согласился было на наше требованіе признать существующій обычай; но когда мы удалялись изъ его кабинета, довольные одержанной побѣдой, онъ снова позвалъ товарища Е. и вдругъ выпалилъ ему въ лицо:

— Само собою разумѣется, что мое согласіе не относится къ Н—у: онъ долженъ поѣхать первымъ!

Е. готовъ былъ броситься на самодура и впѣпиться ему въ горло. Но пересиливъ себя и подавляя внутреннюю брезгливость, онъ обратилъ вниманіе вице-губернатора на болѣзнь моего ребенка, отъ которой тотъ еще не успѣлъ оправиться, и объяснилъ ему, что въ виду этого товарищи рѣшили отправить меня послѣднимъ. Послѣ долгихъ пререканій Миллеръ согласился отсрочить мой отъѣздъ, если я представлю ему бумагу за подписью областного врачебнаго инспектора, удостовѣряющую, что немедленная высылка грозитъ опасностью для жизни моей дочери.

Врачебнымъ инспекторомъ въ Якутскѣ былъ тогда Вонгродскій, человѣкъ не злой, но бюрократъ и трусъ, боявшійся всякаго начальства и не любившій никакихъ «осложненій». Послѣ нѣкоторыхъ препирательствъ онъ согласился выдать свидѣтельство (замѣтьте—ничуть не расходившееся съ дѣйствительностью), и Миллеру ничего другого не оставалось, какъ согласиться на требованіе моихъ товарищей.

Итакъ, я имѣлъ въ своемъ распоряженіи мѣсяца полтора. Но тронуться немедленно въ путь я не могъ, такъ какъ Лена еще не стала, а по сухопутью движеніе уже прекратилось. Приходилось переждать распутицу, а тѣмъ временемъ искать попутчиковъ. Чтобъ не возбуждать подозрѣнія ямщиковъ при пересадкѣ съ вольныхъ лошадей на почтовыхъ, лучше всего было

выѣхать изъ города сразу на почтовыхъ. За нѣсколько мѣсяцевъ до моего побѣга изъ Якутска бѣжало двое товарищей, Гожанскій и Пріютовъ. Ихъ вывезъ изъ города товарищъ на собственной лошади, а на второмъ или третьемъ станкѣ они пересѣли на почтовыхъ лошадей и этимъ сразу возбудили подозрѣніе ямщиковъ; въ результатѣ оба они были арестованы послѣ неудачнаго вооруженнаог сопротивленія, не отдѣлались въ концѣ концовъ пустяками.

Итакъ, необходимо было найти вѣрнаго человѣка, который бы согласился записывать свое имя въ почтовыхъ книгахъ (подорожныя были уже тогда отмѣнены, и расплачиваться приходилось на каждой станціи) и увезти меня съ собой. Темниковъ долженъ былъ выѣхать изъ Якутска по первому санному пути въ Олекминскъ (верстъ 600 отъ Якутска) для засѣданія въ окружномъ воинскомъ присутствіи при пріемѣ новобранцевъ. Объ этомъ онъ сообщилъ мнѣ при послѣднемъ визитѣ; онъ собственно и заходилъ ко мнѣ проститься... И вдругъ меня осѣнила блестящая мысль: предложить Темникову вывезти меня изъ города.

Слѣдуетъ замѣтить, что онъ близко принялъ къ сердцу непріятности, постигшія меня при столкновеніи съ Миллеромъ. Какъ человѣкъ военный, онъ первымъ долгомъ хотѣлъ было поѣхать лично объясняться съ вице-губернаторомъ и въ случаѣ возраженій зарубить его шашкой. Я отговорилъ его отъ этой затѣи, и онъ безъ моего вѣдома поѣхалъ объясняться съ Гляссомъ, но послѣдній резонно посовѣтовалъ ему не соваться въ это дѣло, хотя лично мнѣ сочувствовалъ.

Итакъ, я отправился къ Темникову. Мы потолковали о томъ, о семъ, а затѣмъ, когда я собрался уходить, онъ вышелъ меня проводить. На дворѣ стояла чудная осенняя ночь; морозный, бодрящій воздухъ крѣпилъ нервы и вливалъ энергію въ жилы. Я повелъ аттаку съ фронта.

— Николай Михайловичъ, у меня къ Вамъ большая просьба.

— Юрій Михайловичъ, все, что могу, сдѣлаю для васъ.

— Я рѣшилъ бѣжать. Вывезите меня отсюда.

Наступило минутное молчаніе. Темниковъ, видимо, колебался. Думалъ ли онъ въ это мгновеніе о своемъ офицерскомъ «долгѣ», не знаю. Только, помолчавши немного, онъ сказалъ неувѣреннымъ, слегка дрожащимъ голосомъ:

— А вѣдь это... каторжныя работы.

— Я не хочу скрывать отъ васъ, что вы рискуете, соглашаясь на мое предложеніе. Могу сказать вамъ только одно: я, съ своей стороны, приму всѣ мѣры, чтобы уменьшить вашъ рискъ до минимума.

Онъ какъ будто устыдился своего минутнаго колебанія и рѣшительно протянулъ мнѣ руку.

— Юрій Михайловичъ, конечно, я согласенъ,—сказалъ онъ на этотъ разъ болѣе веселымъ голосомъ.—Чортъ съ нимъ, съ рискомъ! Только изложите свой планъ.

Планъ былъ довольно простъ. Съ помощью отыскавшагося въ колоніи и состоявшаго изъ нѣсколькихъ фальшивыхъ печатей «паспортнаго бюро», заключеннаго въ круглую жестяную коробочку изъ-подъ монпансье и нѣсколько лѣтъ провалявшагося безъ употребленія, мы смастерили два фальшивыхъ документа: проходное свидѣтельство на мое собственное имя, якобы выданное мнѣ якутской полиціей по окончаніи ссылки для свободнаго слѣдованія въ Херсонъ, и паспортъ-книжку на имя мнѣническаго инженеръ-технолога II разряда (существуютъ ли такіе, мы, впрочемъ, хорошенько не знали), какого-то Ивана Алексѣева. Недостающія печати вырѣзалъ для насъ шлиссельбурженъ Мартыновъ, въ то время находившійся въ Якутскѣ. Кромѣ того, одинъ чиновникъ далъ мнѣ свой настоящій паспортъ, которымъ я могъ пользоваться лишь въ случаяхъ крайней необходимости, напримѣръ, при пропискѣ въ большихъ центрахъ Европейской Россіи. Проходное свидѣтельство на мое имя было сдѣлано настолько удачно, что Темниковъ, увидавши его, пришелъ въ восторгъ и просто ахнулъ отъ изумленія: до того ловко была поддѣлана подпись полицмейстера [1]). Это свидѣтельство я имѣлъ въ виду предъявлять въ тѣхъ случаяхъ, если бы меня узнали по дорогѣ. А узнать было нетрудно, такъ какъ по станкамъ жили многіе бывшіе мои сослуживцы по ротѣ. Мое возвращеніе въ Россію не могло ихъ удивить, такъ какъ по ихъ простецкому разсужденію человѣкъ, отбывшій службу «престолъ-отечеству», безусловно подлежалъ освобожденію отъ полицейскаго надзора; многіе изъ

[1]) Между прочимъ, за это свидѣльство впослѣдствіи совершенно безвинно пострадалъ письмоводитель при полицейскомъ управленіи, заподозрѣнный въ передачѣ мнѣ казенной печати!

нихъ, увольняясь въ запасъ, сочувственно предсказывали мнѣ, что скоро и мнѣ придется «оборотиться въ Рассею».

Лошадей долженъ былъ заказать Темниковъ; моя задача заключалась въ томъ, чтобы незамѣтно сѣсть въ сани за нѣсколько минутъ до отъѣзда. Для того, чтобы меня не видѣли слишкомъ часто по дорогѣ, необходимо было пріобрѣсти собственный крытый возокъ, «кибитку»; перепряжка лошадей на станкахъ должна была производиться такъ, чтобы мы не вылѣзали изъ кибитки, которая спереди завѣшивалась войлокомъ. Выходить изъ возка предполагалось рѣдко—лишь для того, чтобы подкрѣпляться пищей и чаемъ.

— Ну, а если полиція хватится васъ въ городѣ?—спросилъ Темниковъ.

— Это предусмотрѣно, и противъ такой случайности приняты мѣры.

Мѣры эти заключались въ слѣдующемъ. Для предупрежденія побѣговъ полиція завела особаго надзирателя, который разъ или два въ недѣлю являлся на квартиру политическихъ ссыльныхъ; послѣдніе расписывались въ его книгѣ. Мы исподволь и систематически начали пріучать его къ тому, что одинъ товарищъ расписывался за другого. Дальше порога передней его не пускали; провѣрить, находится ли въ квартирѣ лицо, за которое расписываются, онъ не могъ; жаловаться на это не смѣлъ. И такимъ образомъ, съ этой стороны недѣли на двѣ-три мы были обезпечены.

— Все это прекрасно,—сказалъ Темниковъ, выслушавши мою повѣсть,—но вѣдь я ѣду только до Олекминска. А дальше вамъ остается сдѣлать еще 2500 верстъ. Какъ же вы тамъ проѣдете?

— Ясно,—отвѣтилъ я,—что необходимъ еще одинъ попутчикъ.

— А гдѣ его взять?

— Вотъ это-то, Николай Михайловичъ, вы и должны устроить. Такого человѣка я намѣтилъ. Но сразу раскрывать передъ нимъ свои карты я не хочу. Вы же можете поговорить съ нимъ, нащупать почву и, если увидите, что онъ соглашается, посвятить его въ наше дѣло.

— Хорошо, — протянулъ Темниковъ. — Но кто же этотъ человѣкъ?

— Это — Шумаковъ.

Моего собесѣдника такъ и передернуло.

— Шумаковъ! — вскричалъ онъ. — Но развѣ я могу съ нимъ разговаривать?

Я хорошо понималъ затруднительное положеніе Темникова. Дѣло въ томъ, что съ Шумаковымъ, нѣкогда также служившимъ по военному вѣдомству, онъ находился въ смертельной враждѣ; между ними однажды произошло крайне непріятное столкновеніе, которое съ трудомъ удалось замять. Поручикъ, считая себя жестоко обиженнымъ, не могъ простить Шумакову этой исторіи. И вдругъ я предлагаю ему дружески объясниться съ своимъ обидчикомъ... Но, подумавъ немного и признавши справедливость моихъ доводовъ, онъ переломилъ свою гордость и согласился пригласить къ себѣ своего непримиримаго врага для переговоровъ. Я понялъ, какую жертву приноситъ для меня этотъ благородный человѣкъ, и горячо пожалъ его руку.

Но разыскать Шумакова оказалось не такъ-то легко. Оставивъ службу, онъ никакъ не могъ пристроиться и страшно бѣдствовалъ. Типичный представитель тѣхъ «среднихъ» людей, о которыхъ говоритъ чеховскій мировой судья, съ проснувшимся чувствомъ собственнаго достоинства, онъ страдалъ извѣстнымъ русскимъ національнымъ порокомъ. Мы познакомились съ нимъ во время моего пребыванія въ казармѣ и были въ хорошихъ отношеніяхъ. Иногда онъ давалъ мнѣ на сохраненіе часть своего жалованья съ тѣмъ, чтобы я выдавалъ ему деньги по частямъ, когда онъ, пропивши все остальное, явится ко мнѣ требовать ввѣренную мнѣ сумму. Въ тотъ моментъ, къ которому относится мой разсказъ, Шумаковъ, перебивавшійся случайной медицинской «практикой», не имѣлъ квартиры, ютился по какимъ-то притонамъ, ночевалъ иногда на улицѣ. Съ большимъ трудомъ удалось напасть на его слѣды и передать ему приглашеніе явиться къ Темникову для какихъ-то переговоровъ о мѣстѣ.

Я присутствовалъ при ихъ свиданіи, спрятавшись въ сосѣдней комнатѣ за занавѣской. Шумаковъ вошелъ въ столовую робко, повидимому, подозрѣвая со стороны поручика какую-нибудь каверзу, быть можетъ, желаніе свести съ нимъ старые счеты. Видъ

У него былъ угрюмый и печальный. Несмотря на морозъ, жестоко щипавшій кожу, онъ былъ въ лѣтнемъ пальтишкѣ, одѣтомъ прямо на рубашку, и въ стоптанныхъ калошахъ безъ сапогъ. Мрачно поздоровавшись съ Темниковымъ, онъ покосился на столъ, гдѣ пріятно бурлилъ самоваръ, дымились горячія котлеты и стояла бутылка водки.

— Вы звали меня по какому-то дѣлу,—сказалъ онъ глухо, присѣвши на край стула.

— Да, да,—заторопился поручикъ.—Но не закусить ли намъ и не пропустить ли до разговора по маленькой?

Лицо у Шумакова просіяло.

— Это можно,—сказалъ онъ съ улыбкой.

Пропустили по одной и т. д. Закусили. Закурили по папироскѣ.

Бѣдняга явно ожилъ и повеселѣлъ. Очевидно, онъ убѣдился, что никакой каверзы опасаться нечего, и что его пригласили дѣйствительно по дѣлу.

— Ну-съ, раскажите, какъ вы живете?—обратился къ нему поручикъ, очевидно, не зная, какъ приступить къ дѣлу.

— Сами видите, какъ я живу,—уныло отвѣтилъ Шумаковъ, указывая на свой костюмъ.—Вотъ уже прямо можно сказать: ни кола, ни двора, пальто—весь пожитокъ. Перебиваюсь съ хлѣба на квасъ или, вѣрнѣе сказать, на водку. Уѣхать бы изъ этой проклятой ямы, да никакъ не вырвешься...

— А скажите, отчего бы вамъ въ самомъ дѣлѣ не уѣхать въ Иркутскъ?

— Да какъ же уѣдешь!—грустно возразилъ Чистяковъ.—На это нужно рублей 200. А у мена нѣтъ и двухъ копеекъ. Взаймы никто не повѣритъ. А я и такъ весь въ долгу, какъ въ шелку... И главное, что досадно,—прибавилъ онъ, помолчавъ.—Вѣдь тамъ въ Иркутскѣ я долженъ получить рублей 300—400. Мнѣ дядя наслѣдство оставилъ. Только для этого я долженъ лично туда явиться.

— Ну, а что бы вы сказали, если бы я для васъ нашелъ человѣка, который согласился бы ссудить васъ деньгами... или даже повезъ бы васъ въ Иркутскъ на свой счетъ?—бацнулъ Темниковъ.

Шумаковъ поднялъ опущенную голову.

— Вы не шутите?—сказалъ онъ.—Да я бы... да я бы вѣкъ васъ помнилъ... Вѣдь я бы жизнь наново началъ...

— Только,—прибавилъ Темниковъ нерѣшительно,—это связано съ нѣкоторымъ рискомъ, такъ сказать...

— А чортъ съ нимъ! все равно,—отвѣтилъ Шумаковъ.—Хуже теперешняго не будетъ. Только,—протянулъ онъ съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ,—я собственно не понимаю, при чемъ тутъ рискъ и какой рискъ?

— Гмъ,—промычалъ смущенно поручикъ, Видите ли... здѣсь такое дѣло... Словомъ, одному человѣку нужно ѣхать въ Иркутскъ... и онъ ищетъ попутчика...

Шумаковъ не сводилъ глазъ съ собесѣдника.

— Я знаю этого человѣка?—наконецъ спросилъ онъ.

— М—да,—протянулъ Темниковъ,—вы его знаете.

— Николай Михайловичъ,—вдругъ сказалъ Шумаковъ.—Юрій Михайловичъ хочетъ бѣжать?

— Да,—отвѣтилъ Темниковъ, застигнутый врасплохъ.

— И вы меня спрашиваете? — сказалъ Шумаковъ и даже всталъ.—Да я съ величайшимъ удовольствіемъ... И если бы даже мнѣ не нужно было ѣхать...

— Ну, я радъ, что такъ хорошо вышло,—сказалъ Темниковъ.

— А гдѣ же Юрій Михайловичъ?—спросилъ Шумаковъ.

— Я здѣсь,—отвѣтилъ я, выходя изъ другой комнаты.

Шумаковъ улыбнулся.

— Не довѣряли мнѣ?—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, не то,—отвѣтилъ Темниковъ,—но знаете... въ такомъ дѣлѣ...

— Ну, ну, конечно,—успокоительно заключилъ Шумаковъ.—Юрій Михайловичъ,но какъ же вы могли во мнѣ сомнѣваться? Да я готовъ на что угодно...

Съ этого момента и вплоть до отъѣзда Шумаковъ былъ взятъ мною подъ строжайшій надзоръ; на добровольный арестъ онъ, впрочемъ, сразу добродушнѣйшимъ образомъ согласился, зная свою слабость. Мы водворили его на моей квартирѣ, экипировали его съ ногъ до головы, кормили и поили вволю, но въ городъ безъ меня онъ выходить не могъ. Опасались, чтобы онъ не загулялъ и въ пьяномъ видѣ не проболтался. Впрочемъ, этотъ

суровый карантинъ продолжался лишь два-три дня. Рѣка стала, и мы рѣшили, не мѣшкая, двинуться въ путь.

III.

Сборы кончены. Послѣдніе поцѣлуи, пожатія руки, торопливые совѣты и напутствія. Шумаковъ ушелъ впередъ къ поручику; онъ сядетъ въ возокъ открыто; ему не нужно скрываться... Я выхожу со двора въ какомъ-то неопредѣленномъ состояніи: это—странная смѣсь душевнаго подъема и вмѣстѣ съ тѣмъ оцѣпенѣнія Позади осталось все близкое и дорогое: семья, товарищи, друзья, какая бы то ни было, но все же такъ или иначе налаженная жизнь. Впереди—неизвѣстность, полный мракъ, а главное—рискъ неудачи. Если меня схватятъ, снова подтвердится убѣжденіе въ невозможности бѣгства изъ проклятой Якутки, въ безплодности всякихъ попытокъ вырваться изъ этой ямы. Итти трудно: я въ барнаульской шубѣ, надѣтой поверхъ пальто, подъ которымъ меня жметъ костюмъ изъ заячьихъ шкурокъ, на ногахъ заячьи чулки и катанки, не разношенные, твердые какъ камень. Они жмутъ ногу; скандалъ! по дорогѣ ноги будутъ мерзнуть. Это самая ужасная сторона путешествія, вѣдь придется не выходить изъ возка по цѣлымъ суткамъ... Вотъ и площадь. Отсюда я пойду одинъ. Послѣднее братское рукопожатіе вѣрнаго друга, пожелавшаго меня проводить [1])... И вотъ я неуклюже подвигаюсь впередъ, перехожу мостикъ. Вотъ и домъ Темникова. Въ одну секунду я незамѣтно юркнулъ въ дверь, предусмотрительно оставленную для меня открытой. Во дворѣ тройка нетерпѣливо перебираетъ ногами. Милые кони! благополучно ли вы вывезете меня отсюда? выдадите или нѣтъ? Вотъ я въ спальнѣ за занавѣской. Жду рѣшительнаго сигнала. А тамъ будь, что будетъ. Vogue la galère!..

Ямщиковъ зовутъ на кухню пить водку. Это обычай. Одинъ ямщикъ взошелъ, другой остался сторожить коней. «Эй, ядри и второй!»—«Кони уйдутъ».—«Ничего, затворяй ворота, да шевелись—водки не останется!» Пришелъ и второй. Ну, Господи благослови! Выхожу. Во дворѣ живетъ цѣлая орда татаръ; что, если кто-нибудь изъ нихъ торчитъ у возка? Никого! Разъ-два-

[1]) А. Ергинъ. (декабрь 1918 года).

три! Быстрѣе молніи скользнулъ я въ кошевку. Какъ душно, какъ неудобно! Не успѣваю распрямить члены. Идутъ. Теперь нельзя шевелиться. Темниковъ садится съ правой стороны. Шумаковъ вваливается прямо на меня. Я задыхаюсь, но говорить и громко ворочаться нельзя. Ямщики возятся у возка. Тутъ же деньщикъ, солдаты, высыпали татары, бабы. Все готово. «Счастливый путь! Съ Богомъ!» «Готово?» «Есть».—«Ну, открывай ворота!» Ухъ, какъ дернули застоявшіеся кони! Полозья заскрипѣли по снѣгу. Поѣхали. Вдругъ... что это? галлюцинація слуха? За нами бѣгутъ, слышатся яростные крики: «стой! стой!» Ямщикъ осаживаетъ коней. Неужели конецъ? Не можетъ быть! Это было бы такъ глупо... въ самомъ началѣ. «Что за дьяволъ!»—тихо ворчитъ поручикъ. «Развязались постромки». Только-то? Ну, слава Богу. «Готово?»—«Съ Богомъ». Пошелъ! Кони вырвались на просторъ.

— Выѣхали изъ города!—радостно шепчетъ Темниковъ и толкаетъ меня локтемъ въ бокъ.

— Тпш...—шиплю я.—Дайте вздохнуть!

— Все обойдется!—философски замѣчаетъ Шумаковъ, плотнѣе усаживаясь на мнѣ. У, дьяволъ!

— Ямщикъ, пошелъ живѣй!—кричитъ поручикъ, Онъ возбужденъ. Шумаковъ, прямой потомокъ Діогена, хладнокровенъ и увѣренъ въ благополучномъ исходѣ. Я тоже спокоенъ, хотя не такъ увѣренъ въ побѣдѣ.

Первый станокъ проѣхали молча. Ямщикъ не долженъ знать, что насъ въ возкѣ трое, а не двое. Перепрягаютъ лошадей. «Пойдемъ согрѣться»,—предлагаетъ Темниковъ.—«Да, не мѣшало бы»,—поддерживаетъ его Шумаковъ, зная, что у насъ бутылокъ припасено въ дорогу много. Но я не разрѣшаю. Мои товарищи съ ропотомъ подчиняются. Тронулись. «Эй, милый, пошевеливай!» Второй станокъ. Снова перепрягаютъ лошадей «Выйдемъ!»—говорятъ Темниковъ и Шумаковъ. Но я безжало стенъ. Снова ѣдемъ. Колокольчики заливаются. Теперь я могу показаться и ссадить съ себя Шумакова. Ямщикъ не обращаетъ на насъ никакого вниманія. Да и то сказать: съ нами офицеръ въ николаевской шинели. Какая чудная ночь! Какой бодрящій воздухъ! Какъ прекрасно свѣтитъ луна! Хорошо...

Мысли проносятся вихремъ въ головѣ. Что-то теперь подѣлываютъ жена, товарищи? Спятъ ли спокойно или волнуются,

прислушиваясь къ каждому шороху, вздрагивая при стукѣ ставня, захлопнутаго вѣтромъ? А моя маленькая Маруся? Она безмятежно спала, раскинувшись въ своей колыбелькѣ, когда я подошелъ, чтобы запечатлѣть на ея раскраснѣвшейся щечкѣ прощальный поцѣлуй. Какъ она удивится утромъ, не видя своего папки!.. Но прочь всякія мысли! Предадимся на волю стихіи, и пусть капризный случай вывозитъ. Летите впередъ, быстрые кони. Ямщикъ, погоняй—получишь на чай! И кони мчатся, вѣтеръ обвѣваетъ пылающее лицо, снѣжные комья летятъ въ возокъ...

— Проѣхали больше 60 верстъ,—замѣчаетъ Темниковъ...

Наконецъ, остановились. Зашли въ станціонный домъ выпить чаю и закусить. Пришелъ староста съ мѣдной бляхой и сталъ въ дверяхъ. Замѣчаю, пристально смотритъ на меня своими инородческими, узкими и черными глазами. Узнаетъ, каналья! Снимаю пальто и нарочно роняю на полъ увольнительный солдатскій билетъ характернаго зеленаго цвѣта. Староста подскакиваетъ и услужливо подаетъ книжку. Вижу: успокоился. Мои попутчики тѣмъ временемъ прикладываются къ бутылочкѣ, раньше чѣмъ я успѣю наложить свое строгое «вето». Довольно! Уговоръ дороже денегъ. Напиваться въ дорогѣ запрещено. Только трезвость спасетъ насъ. Ворчатъ, но повинуются. Подкрѣпились? Баста! Въ дорогу! Ночевать до самаго Иркутска нигдѣ не будемъ. Каждая минута дорога. И опять несемся по снѣжной дорогѣ. Ночь скоро кончится. Колокольчики звенятъ. Дремлемъ кое-какъ въ полусидячемъ положеніи. О, дорогая свобода!..

Такъ прошло трое сутокъ. Не доѣзжая нѣсколькихъ станковъ до Олекминска, я рѣшилъ разстаться съ поручикомъ, для того чтобы, во-первыхъ, пріучить дальнѣйшихъ ямщиковъ къ тому, что насъ ѣдетъ двое, и лошадей беретъ Шумаковъ, а во-вторыхъ, чтобы хотя отчасти замести слѣды, и чтобы въ Олекминскѣ, гдѣ имѣется исправникъ и полицейское управленіе, не знали, что меня провезъ офицеръ. Кстати, подвернулся удобный случай, позволившій намъ разстаться, не возбуждая этимъ ничьихъ подозрѣній. Содержателями одной почтовой станціи оказалась семья, сплошь состоявшая въ мужской своей части изъ бывшихъ солдатъ (одинъ изъ нихъ былъ моимъ сослуживцемъ); какъ люди военные, они сочли своимъ долгомъ хорошо насъ угостить и

убѣдили поручика остаться у нихъ на нѣсколько часовъ. Этимъ я и воспользовался, убѣдивши Темникова принять приглашеніе, къ негодованію Шумакова, который бросалъ умильные взгляды на стоявшую на столѣ четвертную бутыль, опорожненную только на половину. На крыльцѣ мы поцѣловались и дружески распростились съ поручикомъ; разставаясь со мной, онъ заплакалъ... Больше мнѣ не привелось его увидѣть [1]).

Итакъ, теперь мы ѣхали вдвоемъ, останавливаясь уже только разъ въ сутки. На остановкахъ мы пили чай съ коньякомъ и сдобными булками и варили пельмени, которыхъ у насъ въ замороженномъ видѣ имѣли цѣлый мѣшокъ. Ну, и надоѣли же мнѣ за дорогу эти пельмени; впослѣдствіи я нѣсколько лѣтъ не могъ ихъ видѣть! За двадцать часовъ ѣзды въ самомъ неудобномъ положеніи члены до того затекали, что трудно было стоять на ногахъ. Послѣ долговременнаго пребыванія на морозѣ температура почти нетопленной комнаты казалась нестерпимо высокой; лицо пылало; зато мы быстро подвигались впередъ.

Днемъ мы грызли въ возкѣ мерзлые пирожки съ мясной начинкой. Вѣрнѣе, грызъ ихъ я; мой же спутникъ предпочиталъ питаться болѣе духовнымъ образомъ, если такъ можно выразиться. Послѣ долгихъ споровъ и упрековъ за мой деспотизмъ онъ выговорилъ себѣ право на полбутылки водки въ день. Сначала (т. е. первые два дня) онъ строго держался установленной нормы, при которой онъ, по его словамъ, чувствовалъ себя человѣкомъ, а не тряпкой; затѣмъ онъ началъ выпивать свою бутылку за одинъ день и, наконецъ, выпивалъ ее въ полчаса—часъ, заваливаясь съ 11 часовъ утра спать вплоть до остановки, которую мы дѣлали обыкновенно вечеромъ часовъ въ 8—9. По этому поводу у насъ происходили уморительныя пререканія.

— Василій Петровичъ, это неудобно, что вы вѣчно спите... Мало ли съ кѣмъ придется объясняться, а вѣдь вы знаете, что мнѣ неудобно часто показываться.

---

[1]) Впослѣдствіи, благодаря отчасти стараніямъ добровольнаго сыщика, якутскаго купца Астраханцева, раскрылось участіе Темникова въ моемъ побѣгѣ. Противъ него и моей жены (!) возбуждено было преслѣдованіе, которое не кончилось ничѣмъ, кажется, благодаря вмѣшательству ген.-губернатора Горемыкина.

— Пустяки, батенька, все обойдется прекрасно, увѣряю васъ,—невозмутимо отвѣчалъ Діогенъ.

Однажды (это было уже недалеко отъ Киренска) по дорогѣ послышался приближающійся звукъ колокольчика. Шумаковъ спалъ по обыкновенію.

— Кто это?—спросилъ я у ямщика.

— А это засѣдатель ѣдетъ.

— Зачѣмъ? Куда?

— А кто его знаетъ! Должно, ловить кого собрался...

Невѣжливымъ толчкомъ въ бокъ я разбудилъ своего товарища.

— Ну, что такое?—недовольно пробурчалъ онъ. Я объяснилъ ему, въ чемъ дѣло, и попросилъ не спать, на случай, если засѣдатель пожелаетъ остановить нашъ возокъ и вступить съ нами въ разговоръ.

— Пустое!—пробормоталъ Діогенъ, прехладнокровно поворачиваясь на другой бокъ.

И дѣйствительно, оказалось пустое. Засѣдатель проѣхалъ благополучно; видимо, онъ «ловилъ» не насъ...

Мои страхи передъ случайной встрѣчей съ бывшими сослуживцами оказались совершенно неосновательными. Нѣсколько разъ я наталкивался въ станціонныхъ домахъ на знакомыхъ отставныхъ солдатъ, но такъ какъ, съ ихъ точки зрѣнія, я, по отбытіи воинской повинности, получалъ право на полное освобожденіе, то они нисколько не удивлялись моему возвращенію въ Россію [1]). Напротивъ, я встрѣчалъ съ ихъ стороны самый теплый пріемъ; Шумакова они также любили—и въ результатѣ ямщики съ этихъ станковъ везли насъ съ удвоенной быстротой, не за страхъ, а за совѣсть. Впрочемъ, мы вообще обнаруживали щедрость, и волшебныя слова «на чай» и «на водку» окрыляли ямщиковъ и коней. Кое-гдѣ Шумаковъ для приданія намъ пущей важности

[1]) Ожидая перепряжки лошадей на Мачинской пріисковой резиденціи, я совершенно не замѣтилъ, что изъ сѣней станціоннаго дома за мной внимательно наблюдаетъ одинъ мой бывшій сослуживецъ (Япыгинъ). Какъ человѣкъ интеллигентный, онъ сразу понялъ все, но не подалъ виду и долго никому не сообщалъ о моемъ проѣздѣ. Обо всемъ этомъ я узналъ гораздо позже.

не останавливался передъ угрозами и конфиденціально сообщалъ ямщикамъ, медлившимъ съ перепряжкой:

— Тэропись, паря; вишь, баринъ сердится.

«Баринъ» это былъ я, сурово молчавшій, забившись въ уголъ возка и запрятавши лицо въ воротникъ шубы. Неудивительно, что среди ямщиковъ пошелъ слухъ, будто ѣдетъ прокуроръ А нѣкоторые изъ нихъ даже прибавляли:

— Какой тамъ прокуроръ! Самъ членъ...

«Членъ» окружного суда, незадолго передъ тѣмъ введеннаго въ Якутской области, по представленіямъ станочнаго населенія, занималъ самую верхушку чиновнаго Олимпа. Разубѣждать ямщиковъ мы не считали нужнымъ, такъ какъ ихъ наивное заблужденіе ускоряло быстроту нашего передвиженія. Впрочемъ, по Ленѣ вообще прекрасныя лошади.

Мы ѣхали по рѣкѣ, выбираясь иногда на трактъ, такъ какъ Лена не вездѣ стала. Случалось иногда темной ночью ѣхать по самому краю зловѣще чернѣвшей въ сторонѣ полыньи. Чувство не совсѣмъ пріятное. Ямщики иногда рѣшительно отказывались везти по ночамъ, и съ трудомъ удавалось убѣдить ихъ пуститься въ дорогу. Они боялись не за насъ и не за себя, а за лошадей. И для того, кто знаетъ, какую роль въ хозяйствѣ этихъ несчастныхъ играетъ «тройка», эти опасенія не за собственную жизнь, а за лошадей, вполнѣ понятны. Для приленскаго населенія почтовая гоньба составляетъ основной, чтобы не сказать единственный, источникъ существованія. Сѣрый камень не родитъ хлѣба, темный лѣсъ стоитъ предъ ними мрачной угрозой и сковываетъ ихъ безпросвѣтную жизнь. На одномъ станкѣ, когда мы въ ожиданіи перепряжки сидѣли въ почтовомъ домѣ и бесѣдовали о нашествіи медвѣдей, на середину избы вдругъ выступилъ бородатый мужикъ въ распоясанной рубахѣ и босой, до того молча сидѣвшій въ углу, и отчаянно заговорилъ, обращаясь ко мнѣ, котораго онъ принималъ за власть имущаго.

— Баринъ, помоги!... Медвѣдь заѣлъ... Тайга насъ задавила... Что же это будетъ?

Мнѣ показалось, что онъ былъ слегка выпивши. Возможно, что я ошибался...

— Ну, ну, оставь!—сказалъ присутствовавшій отставной

солдатъ, отводя его рукой. Бородатый мужикъ замолчалъ и уныло поплелся обратно въ свой уголъ.

Я уѣхалъ съ этого станка съ тяжелымъ чувствомъ. Какими средствами можно улучшить жалкое положеніе заброшеннаго населенія прирѣчныхъ станковъ?..

Зато хорошо живется въ Восточной Сибири купцамъ. Не могу безъ смѣха вспомнить курьезную встрѣчу съ однимъ изъ представителей этого почтеннаго сословія. Это было подъ самымъ Олекминскомъ. Къ станціонному дому, гдѣ мы ожидали, пока намъ подадутъ лошадей, подкатила тройка, разукрашенная лентами, и въ комнату ввалился одѣтый въ дорогую доху высокій красивый мужчина—настоящій купецъ Калашниковъ. Оказалось, что онъ «гулялъ», т. е. въ теченіе цѣлой недѣли переѣзжалъ изъ дома въ домъ, распивая водку и наливку со всякимъ встрѣчнымъ. Обычное сибирское времяпрепровожденіе. Поздоровавшись съ нами, онъ сразу засыпалъ насъ кучей вопросовъ.

—Кто? откуда? куда?

Мы постарались кое-какъ удовлетворить его чисто-сибирскому любопытству. Я отрекомендовался приказчикомъ Поповымъ, Шумаковъ предъявилъ свое настоящее званіе; ѣдемъ мы изъ Якутска на новыя земли, въ Портъ-Артуръ.

— Какого жъ чорта васъ понесло такъ далеко?

Мы начали объяснять купцу, что тамъ нуждаются въ служащихъ, заработки прекрасные, можно быстро сдѣлать карьеру и т. д. Но это его не убѣждало. Тогда я выставилъ рѣшающій доводъ.

— Развѣ вы не слыхали, что тамъ порто-франко?

— Ну?

— И что тамъ коньякъ прямо ничего не стоитъ? Въ Портъ-Артурѣ пьютъ его, какъ квасъ!

Купецъ просіялъ.

— Вотъ такъ край!—сказалъ онъ.—Ей-богу, и я туда поѣду. Коньякъ, говоришь, даромъ? Вотъ, право слово, возьму и прикачу къ вамъ въ Портъ-Артуръ въ гости. Примете?

— Помилуйте. Почтемъ за честь...

Разстались мы съ нимъ, какъ старые пріятели...

Возокъ нашъ летитъ впередъ. Вотъ и Витимъ; въѣзжаемъ въ Иркутскую губернію. Отсюда уже идетъ телеграфъ. Значитъ

опасность увеличилась. Проѣхали Киренскъ... Ничего, не трогаютъ. Неужели удастся проскользнуть счастливо? Подъ Верхоленскомъ мы принуждены были разстаться съ нашимъ возкомъ, съ которымъ я такъ сроднился. Дальше пришлось поѣхать на перекладныхъ въ тарантасѣ, ибо снѣжная дорога въ этихъ мѣстахъ еще не установилась. Вотъ и послѣдній станокъ передъ Иркутскомъ. Пока запрягаютъ лошадей, торопливо сжигаю въ печкѣ свое проходное свидѣтельство; здѣсь оно уже мнѣ не нужно, а можетъ только послужить лишней уликой. Вотъ мы взобрались на гору. Иркутскъ лежитъ передъ нами, какъ на ладони. Черезъ полчаса мы въѣзжаемъ въ столицу Восточной Сибири. Четыре года тому назадъ я выѣхалъ отсюда подъ конвоемъ на сѣверъ; теперь я возвращаюсь сюда свободнымъ человѣкомъ... Свободнымъ? погоди еще, мой другъ, торжествовать побѣду.

Всю дорогу изъ Якутска въ Иркутскъ мы сдѣлали въ 14 сутокъ. При распутицѣ это блестящая скорость: мы побили рекордъ!

Ямщикъ повезъ насъ въ знакомыя меблированныя комнаты крайне подозрительнаго вида. Номеръ взялъ на свое имя Шумаковъ. Я же рѣшилъ отправиться къ товарищамъ, условившись съ Шумаковымъ, что ночью или на другое утро приду за вещами И вотъ я *хожу* по улицамъ Иркутска, какъ свободный гражданинъ; вѣдь до сихъ поръ я только *ѣхалъ* свободно.

Одному изъ товарищей, жившихъ въ Иркутскѣ, дано было знать посредствомъ шифрованнаго письма о моемъ предстоящемъ пріѣздѣ. Но такъ какъ адреса его я не зналъ, то прежде всего я направился на квартиру другого стараго ссыльнаго, у котораго надѣялся навести справки. Сначала онъ не узналъ меня въ темной передней; но когда разглядѣлъ, страшно смутился и засуетился; въ комнату, впрочемъ, онъ не счелъ нужнымъ меня пригласить...

— Какими судьбами?—спросилъ онъ растерянно.

— Возвращаюсь по собственной волѣ,—такъ же шопотомъ отвѣтилъ я.

— Ну да, я такъ и догадался... Что же собственно вамъ нужно?

— Будьте такъ добры,—сказалъ я, чтобы успокоить моего взволнованнаго камарада,—укажите мнѣ адресъ такого-то, и больше ничего.

— Постойте, я самъ васъ провожу,—заторопился онъ, очевидно, не желая оставить меня ни одной лишней минуты въ

своей прекрасно обставленной квартирѣ, которую я могъ разсматривать изъ передней, а послѣ пятнадцатидневнаго сидѣнія въ полосогнутомъ положеніи въ возкѣ мнѣ, признаться, такъ хотѣлось вытянуться на мягкомъ креслѣ, которое заманчиво улыбалось мнѣ изъ зала... Да и отъ стакана чая я бы не отказался: холодно было чертовски. Но мой товарищъ поспѣшно накинулъ пальто и шапку и уже открывалъ дверь на улицу...

Только на свѣжемъ морозномъ воздухѣ онъ нѣсколько опомнился. Итти пришлось не далеко.

— Ну, вотъ мы и пришли,—сказалъ онъ, остановившись передъ чистымъ и новенькимъ двухэтажнымъ деревяннымъ домомъ.—Поднимитесь на лѣстницу и позвоните.

Съ этими словами мой проводникъ исчезъ.

Я позвонилъ. Сверху послышались шаги, и на порогѣ показался со свѣчой въ рукахъ товарищъ, котораго я разыскивалъ. Увидѣвши меня, онъ, подобно женѣ Лота, мгновенно превратился въ соляной столпъ.

— Это вы? Такъ скоро? Ну, ну, входите,—прибавилъ онъ, замѣтивъ, что и я начинаю теряться при видѣ его изумленія.

Оказалось, что письмо наше задержалось гдѣ-то въ дорогѣ; N (будемъ такъ называть пріютившаго меня товарища) получилъ его за часъ до моего пріѣзда и засѣлъ за расшифровываніе; онъ успѣлъ прочесть только: «Къ вамъ ѣдетъ Н.»—и въ этотъ именно моментъ я позвонилъ. Вотъ почему онъ встрѣтилъ меня такимъ смутившимъ меня восклицаніемъ.

Послѣ обмѣна нѣкоторыми дѣловымивопросами, N [1]) пригласилъ меня въ столовую выпить и закусить и познакомилъ меня съ своей миловидной женой. Ея теплое и мягкое обращеніе нѣсколько разогрѣло мою душу, которая начала было уже застывать и озлобляться подъ вліяніемъ официальнаго холодка первыхъ встрѣчъ. Спасибо тебѣ, чуткое и привѣтливое женское сердце!

Я переночевалъ у N. Рѣшено было, что я уѣду изъ Иркутска на слѣдующее же утро. N. снабдилъ меня на дорогу одѣяломъ и подушкой, жена его завязала мнѣ въ узелокъ сдобный хлѣбъ и нѣкоторыя другія прелести, необходимыя для души и тѣла. Утромъ я простился со своими гостепріимными хозяевами

---

[1]) N —это А. Бычковъ.

и отправился по лавкамъ, такъ какъ для ѣзды по желѣзной дорогѣ слѣдовало нѣсколько преобразиться. Купилъ бѣлье, галстухъ, русскую фуражку съ козырькомъ, галоши, баплыкъ. Съ помощью этихъ предметовъ я пріобрѣлъ до извѣстной степени европейскій видъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, я думалъ. Въ Варшавѣ, впрочемъ, публика нашла, что я похожъ на настоящаго варвара, выбѣжавшаго изъ степей, и что мнѣ безусловно необходимо измѣнить свою наружность, если я не хочу, чтобы меня повсюду принимали за русскаго шпика...

Въ меблированныхъ комнатахъ меня ожидалъ непріятный сюрпризъ.

Шумаковъ, ушедшій наканунѣ вечеромъ въ баню, еще не возвращался; очевидно, онъ «загулялъ». Съ большимъ трудомъ удалось мнѣ выручить свой чемоданъ съ вещами у недовѣрчиваго хозяина. Я написалъ моему вѣрному попутчику дружеское прощальное письмо и оставилъ его на столѣ. Получилъ ли онъ его, вернулся ли въ гостиницу, и вообще что съ нимъ сталось, я такъ и не знаю...

Ну, вотъ я и на станціи. Ахъ, чортъ возьми! У кассы торчитъ жандармъ. Что, если изъ Якутска уже дана телеграмма о моемъ задержаніи? «Билетъ до Варшавы»,—говорю я увѣренно и въ то же время думаю: «глупо, однако, мнѣ посовѣтовали брать прямой билетъ». Ну, такъ и есть: жандармъ насторожился, придвинулся и не сводитъ съ меня глазъ. Я направляюсь къ вагонамъ съ чемоданомъ въ рукахъ, жандармъ, позвякивая шпорами, идетъ за мной.

— Позвольте узнать, господинъ...

Я останавливаюсь. Къ удивленію, волненія никакого, только легкая дрожь въ пальцахъ. Сознаніе работаетъ совершенно отчетливо. Вниманіе!..

— Позвольте васъ спросить: вы ѣдете въ Варшаву?

— Да.

— А собственно зачѣмъ, то-есть, я хотѣлъ спросить, какъ?

Не находитъ приличнаго повода, каналья,—думаю я и говорю хладнокровно:

— Да такъ, по своимъ дѣламъ... Съ родными повидаться...

— Вы какъ же?—продолжаетъ жандармъ свой допросъ,—давно въ Сибири живете?

— Такъ, лѣтъ пять... на службѣ... а теперь вотъ повидаться захотѣлось...

Лицо жандарма расплывается въ улыбку.

— Не узнаете вы теперь Варшаву. Такъ она измѣнилась, прямо сказать, до чрезвычайности... Памятникъ Мицкевичу поставили... Вѣдь я тамъ 12 лѣтъ служилъ, въ Варшавѣ-то. Что за городъ чудесный, просто, можно сказать важнѣющій городъ... Будете тамъ, поклонитесь ей отъ меня, — дескать, изъ Иркутска жандармъ посылаетъ поклонъ... Да, вамъ какой вагонъ желателенъ? Позвольте, я пособлю...

Фу, чортъ! Гора свалилась съ плечъ. Вотъ тоже россійскій типъ: сентиментальный жандармъ! Вѣдь онъ въ Варшавѣ 12 лѣтъ «тащилъ и не пущалъ», да и при открытіи памятника Мицкевичу, должно быть, здорово «поработалъ». А съ какимъ умиленіемъ объ этомъ говоритъ, разбойникъ! Да еще поклонъ посылаетъ... «Такъ русская печь печетъ»,—какъ говаривалъ Погодинъ...

Вагонъ набитъ биткомъ. Примоститься негдѣ. Къ счастью, возвращающаяся въ Россію съ желѣзнодорожныхъ работъ артель землекоповъ, занявшая полъ-вагона своими мѣшками и нескладными тѣлами, любезно очищаетъ мнѣ мѣсто. Какіе могучіе организмы, какія открытыя лица и дѣтски-наивные голубые глаза, какъ пріятно пахнетъ отъ нихъ здоровымъ рабочимъ потомъ! Толстой правъ: это милый запахъ. Скоро я узналъ всю ихъ исторію, всѣ біографіи ихъ самихъ и ихъ семей, оставшихся въ россійскихъ деревушкахъ. Одинъ изъ нихъ, хохлатый мрачный мужикъ, получивши разсчетъ, загулялъ и очнулся съ пустыми карманами. Товарищи купили ему въ складчину билетъ и рѣшили продовольствовать его всю дорогу на общій счетъ, но денегъ на руки не давать. Теперь онъ сидитъ, опустивши голову, и уныло думаетъ. О чемъ? Вѣроятно, о томъ, что дома ждетъ его исхудавшая жена, голодные ребятишки, покосившаяся избенка. А денегъ ни гроша! И это послѣ полуторалѣтней каторжной работы... Тоже продуктъ «русской печи».

Наконецъ, поѣздъ тронулся. Проползетъ черепашьимъ шагомъ нѣсколько верстъ и остановится на полчаса. Пассажиры спокойно говорили, что инженеры здорово наворовали и построили отвратительную расползающуюся насыпь, но мнѣ отъ этого суда-ченья, въ которомъ русскій человѣкъ отводитъ душу, было не

легче. За границей почтовые поѣзда движутся со скоростью, по крайней мѣрѣ, вдвое большей. Зато вагоны у насъ гораздо удобнѣе; на каждаго пассажира приходится скамья, на которой можно вытянуться и выспаться. Да и то сказать: при нашихъ разстояніяхъ самый крѣпкій организмъ не выдержалъ бы передвиженія во французскихъ клѣтушкахъ. Мнѣ, напримѣръ, приходилось ѣхать 11 сутокъ.

Медленность нашего поѣзда меня раздражала. Вѣдь, думалъ я, въ удачѣ моего побѣга заинтересована въ извѣстномъ смыслѣ вся якутская ссылка,—по крайней мѣрѣ, всѣ тѣ товарищи, которые посвящены были въ это предпріятіе и принимали участіе въ его подготовленіи. Успѣхъ его былъ бы прекраснымъ отвѣтомъ на безсмысленный произволъ мѣстной администраціи; для Миллера это было бы личнымъ ударомъ, тѣмъ болѣе, что ему должно было за это достаться. Зато какъ бы его полицейская душа торжествовала, если бы меня привели подъ конвоемъ обратно въ Якутскъ, какъ были бы удручены товарищи!..

А между тѣмъ съ того момента, какъ я сѣлъ въ поѣздъ, опасность провала возросла до высочайшей степени. Я очутился всецѣло во власти желѣзнодорожныхъ жандармовъ и телеграфа. Съ какой ненавистью я иногда поглядывалъ на телеграфную проволоку, мелькавшую, поднимаясь и опускаясь, за окнами плавно покачивавшагося вагона.

Сначала я старался не выходить изъ вагона, чтобы не попадаться на глаза станціоннымъ жандармамъ, среди которыхъ могли оказаться и старые знакомцы. Но затѣмъ сидѣть въ вагонѣ надоѣло, и я рѣшилъ пренебречь излишней осторожностью. Все единственно: если есть телеграмма, то синіе мундиры придутъ за мной въ вагонъ.

Въ Челябинскѣ поѣздъ стоялъ долго, часа два-три. Пошелъ въ буфетъ I-го класса обѣдать. На платформѣ торчалъ на вытяжку жандармъ, который пристально началъ въ меня всматриваться. Гм! Твердыми шагами направляюсь прямо къ нему. «Когда уходитъ поѣздъ?»—«Въ 3 ч. 20 м.». Въ дверяхъ буфета оглядываюсь: жандармъ не сводитъ съ меня глазъ. Странно! Заказалъ обѣдъ. Въ ожиданіи обѣда, прошелъ отъ скуки въ буфетъ третьяго класса. Мой жандармъ здѣсь; показываетъ на меня глазами другому жандарму, стоящему у кассы; тотъ так-

же начинаетъ пялить на меня свои буркалы. Подозрительно! Возвращаюсь, сажусь за столъ. Недалеко отъ меня, за отдѣльнымъ столикомъ, расположилась группа пьянствующихъ офицеровъ, изъ нихъ два жандармскихъ. Вдругъ въ залъ входитъ солдатъ, судя по нашивкамъ унтеръ. «Ваше высокородіе, прикажете сейчасъ его арестовать?»—«А бумага готова?»—«Готова, вашбродіе!»—«Арестовать немедленно!»—Ну, думаю, плохо дѣло. Попался, голубчикъ! Однако, не подаю вида; продолжаю спокойно ѣсть и читать газету. Проходитъ нѣсколько минутъ. Унтеръ возвращается. «Уже арестованъ, вашбродь»!—доносится до меня: —«сидитъ въ карцу» (предложный падежъ отъ слова «карецъ» т. е. карцеръ!). Прекрасно! Значитъ, весь предыдущій разговоръ относился не ко мнѣ, а къ какому-то солдату. Меня и то удивило, что унтеръ обращался не къ жандармскому офицеру, а къ армейцу. Но чѣмъ же объяснить странное поглядываніе жандармовъ?

Впослѣдствіи, я догадался, въ чемъ дѣло. Жандармовъ просто привлекалъ мой ростъ. Полицейскіе и военные, среди которыхъ всегда царитъ культъ грубой физической силы, испытываютъ неодолимую слабость ко всѣмъ признакамъ такой силы, въ томъ числѣ и къ огромному росту,—впрочемъ, при случаѣ они съ особеннымъ наслажденіемъ избиваютъ именно крупныхъ людей. Позже я имѣлъ возможность убѣдиться, что эта черта свойственна не только россійскимъ Держимордамъ. Въ Парижѣ полицейскіе, довольно грубо обращающіеся съ публикой во время уличныхъ скопищъ, никогда меня не трогали, а иногда даже пропускали черезъ свою цѣпь. Однажды знакомый земскій врачъ, попытавшійся пройти черезъ цѣпь лепиновскихъ младочинищъ вслѣдъ за мной, получилъ такого леща по шеѣ, что съ легкостью пушинки улетѣлъ въ боковой переулокъ и отыскалъ меня только на слѣдующее утро...

IV.

Вотъ мы и въ Россіи. Все идетъ благополучно. На какой-то станціи недалеко отъ Смоленска покупаю коробку вяземскихъ пряниковъ и ѣмъ ихъ съ наслажденіемъ: вѣдь столько лѣтъ я ихъ не видалъ! Въ Вязьмѣ приходится долго ждать поѣзда. Ми-

нутъ черезъ 10 пройдетъ курьерскій, но въ немъ нѣтъ вагоновъ третьяго класса... И вдругъ мнѣ приходитъ въ голову маленькая идея. Я, незамѣтно отъ привязавшихся ко мнѣ дорожныхъ знакомыхъ, отправляюсь къ кассѣ, доплачиваю за мѣсто во второмъ классѣ и черезъ пять минутъ качу въ Варшаву въ уютномъ купэ скораго поѣзда. Кстати. Эта пересадка можетъ на короткое время сбить съ толку жандармовъ въ случаѣ преслѣдованія.

Купэ переполнено. На противоположномъ диванѣ сидитъ симпатичный юноша съ темными кудрями, непокорно выбивающимися изъ-подъ мягкой шляпы, и разсказываетъ о студенческихъ волненіяхъ, имѣвшихъ мѣсто среди воспитанниковъ московскаго университета. Изъ разговоровъ заключаю, что юноша уволенъ за участіе въ безпорядкахъ и ѣдетъ учиться заграницу. Примѣчаю: парень славный. Простонароднымъ языкомъ (я не былъ одѣтъ, какъ подобаетъ настоящему «барину» и могъ сойти за приказчика) задаю ему нѣсколько вопросовъ, притворяясь человѣкомъ, не понимающимъ цѣлей студенческаго движенія. Юноша сначала охотно объясняетъ, но затѣмъ, принявши меня за гнуснаго реакціонера, умолкаетъ и, наконецъ, взобравшись наверхъ, отворачивается къ стѣнѣ и засыпаетъ. Я слѣдую его примѣру, и скоро наше купэ превращается въ сонное царство.

Ночью я проснулся отъ сильнаго стука, произведеннаго какъ будто ударомъ металлическимъ предметомъ по дереву. Думаю, не выпалъ ли какъ-нибудь мой револьверъ? Нѣтъ, револьверъ на мѣстѣ. Въ купэ нѣтъ никого, кромѣ меня и студента, спящаго безмятежнымъ сномъ юности. Очевидно, мнѣ померещилось, и я снова укладываюсь на боковую.

Когда я проснулся, сердитый юноша еще спалъ. За чаемъ я началъ раздумывать о своемъ положеніи. Поѣздъ долженъ былъ притти въ Варшаву часовъ въ 9 вечера. У меня имѣлся адресъ одной знакомой польской семьи изъ сочувствующихъ революціонерамъ; но являться туда прямо съ вокзала съ чемоданомъ значило жестоко подводить добрыхъ людей въ случаѣ провала. Приходилось поэтому заѣхать въ гостинницу и, можетъ быть, переночевать тамъ. Предъявлять въ Варшавѣ фальшивый паспортъ и притомъ сдѣланный довольно скверно, было бы безуміемъ.

слѣдовательно, приходилось пустить въ ходъ паспортъ, довѣренный мнѣ въ Якутскѣ пріятелемъ на крайній случай. Но помимо того, что мнѣ не хотѣлось вводить въ рискъ человѣка, которому я былъ многимъ обязанъ, этотъ паспортъ имѣлъ еще то неудобство, что недвусмысленно свидѣтельствовалъ о прибытіи его носителя изъ Восточной Сибири. А вѣдь я могъ предполагать, что о моемъ бѣгствѣ варшавской полиціи уже извѣстно, такъ какъ со дня моего отъѣзда изъ Якутска прошло уже 26 дней [1]).

Студентъ тѣмъ временемъ проснулся. Я предложилъ ему чаю. Сначала онъ, припоминая мои вчерашніе вопросы, отнѣкивался, но затѣмъ согласился принять мое приглашеніе. Мы разговорились, и юноша съ каждой минутой нравился мнѣ все сильнѣе. Желая съ своей стороны выказать мнѣ любезность, онъ захотѣлъ угостить меня хорошей папироской и полѣзъ въ карманъ за портсигаромъ. Но тщетно онъ обшарилъ всѣ свои карманы; портсигаръ исчезъ безслѣдно.

— Гмъ!—пробормоталъ онъ,—дорогая вещь, а главное—подарокъ! Куда бы онъ могъ запропаститься?

Я вспомнилъ про стукъ, разбудившій меня ночью, и сообщилъ объ этомъ инцидентѣ Вольскому. Мы съ Вольскимъ внимательно осмотрѣли полъ, искали подъ диванами и во всѣхъ уголкахъ. Портсигаръ не находился. Не поднялъ ли его кондукторъ? Вольскій позвалъ кондуктора; тотъ ничего не зналъ, такъ какъ первая кондукторская бригада незадолго до того смѣнилась, но посовѣтовалъ позвать жандарма и подать заявленіе. При этомъ онъ прозрачно намекнулъ на то, что стащить портсигаръ могли и пассажиры. Разсказъ о моемъ ночномъ пробужденіи только усилилъ подозрѣнія кондуктора.

Положеніе мое становилось критическимъ. Глупѣйшая случайность, не имѣвшая никакого отношенія къ моему побѣгу, грозила погубить все дѣло и гдѣ?—у самой пристани... Если

---

[1]) Такъ оно, вѣроятно, и было. И почему меня не арестовали въ Нольшѣ, я до сихъ поръ не понимаю. Впрочемъ, извѣстно, что наши жандармы въ большинствѣ случаевъ даромъ ѣдятъ казенный хлѣбъ.

[2]) Настоящая фамилія его Высоцкій (правый с.-р.).

жандармъ вздумаетъ порыться въ моихъ вещахъ, то онъ найдетъ у меня два паспорта, револьверъ и т. п. Принимая въ соображеніе всѣ обстоятельства, я рѣшилъ убѣдить Вольскаго не поднимать исторіи и предать дѣло забвенію. Правда, это было нѣсколько неудобно; мои слова могли вѣдь натолкнуть моего попутчика,—совершенно меня не знавшаго и принимавшаго меня, какъ впослѣдствіи оказалось, за дорожнаго мастера или желѣзнодорожнаго техника,—на подозрѣніе о моей заинтересованности въ замятіи дѣла. Но у меня не было иного выхода, и я рѣшилъ въ крайнемъ случаѣ открыть симпатичному юношѣ свою тайну.

Къ моему удивленію, юноша сразу согласился плюнуть на всю эту исторію. Онъ призналъ справедливость моего довода, что если кондукторъ даже укралъ портсигаръ, все-таки не стоитъ губить рабочаго человѣка изъ-за такого пустяка. Это насъ сблизило. Изъ завязавшагося разговора я узналъ, что Вольскій симпатизируетъ революціонерамъ, что его знакомые и родственники пострадали за правду (онъ назвалъ пару именъ, довольно извѣстныхъ въ революціонныхъ кругахъ). И я рѣшилъ сдѣлать дальнѣйшій шагъ.

— Скажите,—обратился я къ Вольскому,—вы не думаете ли остановиться въ Варшавѣ?

— Нѣтъ, я хочу проѣхать прямо въ Берлинъ черезъ Александрово.

— Ну, а если бы васъ *попросили* остаться на ночь въ Варшавѣ, если бы это было необходимо? — продолжалъ я настаивать.

Юноша внимательно посмотрѣлъ на меня. И вдругъ понялъ сразу.

— Я знаю, кто вы,—улыбнулся онъ. вы—политическій и бѣжали изъ ссылки...

Я не счелъ нужнымъ скрывать. Онъ охотно согласился занять номеръ въ гостинницѣ и взять съ собой мои вещи; если бы мнѣ не удалось устроиться въ польской семьѣ, я долженъ былъ тайкомъ пробраться въ номеръ и попытаться переночевать тамъ безъ прописки.

Вотъ и Варшава. У Вольскаго оказалось двѣ скрипки; каждый изъ насъ взялъ по футляру для того, чтобы насъ приняли за двухъ музыкантовъ. Но если мой спутникъ дѣйствитель-

но походилъ на артиста, то про меня этого ужъ никакъ нельзя было сказать, даже въ видѣ комплимента. Но ничего, все идетъ прекрасно. Жандармы не обращаютъ на насъ ни малѣйшаго вниманія Садимся на извозчика, ѣдемъ—ничего! Вотъ и мостъ черезъ Вислу, вотъ и польская столица. Подъѣзжаемъ къ воротамъ гостинницы; я незамѣтно выскакиваю изъ экипажа и ухожу на поиски, предварительно хорошенько замѣтивши номеръ дома, названіе улицы и пр.

Вотъ я на Новомъ Свѣтѣ (лучшая варшавская улица). Сразу чувствуешь, что находишься въ европейскомъ городѣ. Несмотря на порядочный морозъ, не видишь отвратительной, тяжелой, азіатской одежды россійскихъ городовъ. Люди въ коротких пальто и котелкахъ не ходятъ, а почти бѣгутъ въ припрыжку; поневолѣ самъ начинаешь ускорять шагъ, чтобы не отставать отъ людского потока. Завидую этимъ людямъ: у каждаго изъ нихъ есть свой домъ, куда они стремятся, свой уголъ, а ты шляешься безпріютный въ громадномъ чуждомъ муравейникѣ, не вполнѣ даже понимая рѣчь его обитателей... Кстати, про эту рѣчь. Съ русскими городовыми я, конечно, объяснялся по-русски; зато при разговорахъ съ поляками я своимъ ужаснымъ ломанымъ польскимъ языкомъ, которому я научился въ Сибири отъ пе-пе-эсниковъ, невольно обращалъ на себя вниманіе и возбуждалъ естественное подозрѣніе. Это неудобство не замедлило съ перваго же моего шага въ Варшавѣ сказаться самымъ плачевнымъ образомъ.

Вотъ я и у разыскиваемаго дома. Квартира въ глубинѣ двора. Стучу, звоню—гробовое молчаніе. Поднятый мною шумъ встревожилъ обитателей сосѣднихъ квартиръ; изъ одного пріоткрывшагося окна высунулась какая-то сердобольная голова и посовѣтовала мнѣ постучать съ задняго хода къ кухаркѣ, такъ какъ хозяевъ нѣтъ дома. Я послѣдовалъ этому совѣту. Дверь, запираемая цѣпью, пріоткрылась немного, и сердитая старуха со свѣчой въ рукѣ спросила меня черезъ образовавшуюся щель, чего мнѣ нужно. Я, ничтоже сумняшеся, отвѣтилъ, что мнѣ нужна панни Марія... и чуть было не погубилъ себя этимъ отвѣтомъ. Я спуталъ слова *панна*—барышня и *панни*—мадамъ.

— Никакой панни Маріи здѣсь нѣтъ,—недовѣрчиво пробурчала старуха.—Есть панни Феликса и панна Марія....

— Ну, вотъ, ее-то я и ищу, этой панни...

— Никого нѣтъ дома,—рѣзко произнесла старуха.—А кто вы такой и что вамъ надо?

— У меня есть дѣло до панни Маріи,—продолжалъ я настаивать.

— Теперь одиннадцатый часъ,—сказала старуха, смотря на меня крайне подозрительно.—И никакой панни Маріи тутъ нѣтъ...

Я хотѣлъ уже отретироваться, но не тутъ-то было. Старая вѣдьма, очевидно, принявшая меня за мазурика, не отставала отъ меня ни на шагъ. Она послѣдовала за мной во дворъ, подняла адскій шумъ и вызвала дворника. Если дворникъ тогда не задержалъ меня и не отправилъ въ участокъ, то съ его стороны это было прямымъ бездѣйствіемъ власти и упущеніемъ по службѣ. Насилу я вырвался изъ этого проклятаго дома. Забѣгая впередъ, скажу, что, когда впослѣдствіи старуха узнала, «какой человѣкъ» (Іезусъ—Марія!) чуть было не провалился изъ-за нея, она горько скорбѣла и просила прощенія...

Я отправился въ гостинницу, гдѣ остановился Вольскій. Никто не видѣлъ, какъ я соскочилъ съ извозчика у воротъ гостинницы, и поэтому я разсчитывалъ проскользнуть въ номеръ незамѣтно. Но къ моему удивленію, какъ только я вошелъ въ подъѣздъ, швейцаръ привѣтливо крикнулъ мнѣ:

— № 84, второй этажъ направо!

Этакіе примѣтливые канальи,—размышлялъ я, поднимаясь по лѣстницѣ. Черезъ полчаса раздался стукъ въ дверь. «Пожалуйте паспортъ второго господина».

— Мы уже легли спать,—отвѣтилъ Вольскій.—Паспортъ получите завтра утромъ.

Нечего и объяснять, что на слѣдующее утро я изчезъ изъ гостинницы безслѣдно. Вещи мои Вольскій отвезъ къ своему знакомому, откуда ихъ взялъ мой пріятель-полякъ.

Въ польской семьѣ, къ которой меня направили изъ Сибири, меня ждалъ самый радушный пріемъ. Наши обрусители въ Польшѣ достаточно потрудились надъ тѣмъ, чтобы рѣшительно возстановить польскій народъ противъ «москалей», но по отношенію къ гонимымъ и преслѣдуемымъ поляками въ большинствѣ своемъ проявляютъ свое традиціонное гостепріимство и рыцарство. Я пробылъ въ Польшѣ 14 дней (изъ нихъ 12 сутокъ въ

Варшавѣ); за это время мнѣ приходилось сталкиваться съ людьми самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній; я находилъ пріютъ у чиновника окружного суда, у актера, врача, рабочихъ, студентовъ, фармацевтовъ и т. д.—и повсюду меня встрѣчали «улыбкой ласковой привѣта», повсюду старались по мѣрѣ силъ своихъ скрасить мое неприглядное положеніе человѣка, слоняющагося безъ крова и своего угла.

А положеніе мое было довольно-таки непріятное. Каждый лишній день, проведенный мною въ Варшавѣ, гдѣ я жилъ, конечно, безъ прописки, увеличивалъ опасность ареста и рискъ провала. Польская Партія Соціалистическая, къ которой я имѣлъ рекомендацію, переправляла въ это время черезъ границу транспортъ нелегальной литературы. Въ виду этого мнѣ приходилось дожидаться, пока путь очистится. Въ революціонномъ дѣлѣ отдѣльный человѣкъ значитъ гораздо меньше, чѣмъ хорошій транспортъ «нелегальщины»; поэтому волей-неволей приходилось мириться съ задержкой. Во время моихъ шатаній по ночевкамъ не обходилось безъ курьезовъ.

Такъ, однажды меня направили въ студенческое общежитіе. Прихожу и сразу замѣчаю, что попалъ въ конспиративную берлогу. Говорю одному студенту:

— Знаете, вашъ дворникъ очень подозрительно на меня посмотрѣлъ, когда я входилъ во дворъ.

— Пустяки,—отвѣчаетъ мнѣ собесѣдникъ,—онъ привыкъ. Здѣсь каждую недѣлю бываетъ, по крайней мѣрѣ, хоть два обыска.

Я превратился въ восклицательный знакъ. Но юноша хладнокровно прибавилъ:

— Впрочемъ, вамъ безпокоиться нечего. Обыскъ былъ два дня тому назадъ, значитъ—полиція явится сюда не раньше, чѣмъ дня черезъ два.

Это философское замѣчаніе меня успокоило, и я заснулъ сномъ праведника. Вообще, я замѣтилъ, что во время такихъ передрягъ въ человѣкѣ развивается какое-то фаталистическое настроеніе. Все равно: чему быть, тому не миновать! Или, какъ говаривалъ Шумаковъ, все обойдется.

Наконецъ, мнѣ сообщили, что я могу ѣхать на границу. Въ спутники мнѣ назначили славнаго молодого рабочаго. Вно-

слѣдствіи, онъ былъ приговоренъ къ смертной казни Варшавскимъ военно-окружнымъ судомъ и сосланъ въ каторжныя работы. Но въ тотъ моментъ онъ былъ полонъ жизненной энергіи и надеждъ, и мы всю дорогу весело болтали de rebus omnibus et quibusdam aliis. Съ особеннымъ интересомъ распрашивалъ онъ меня про русское рабочее движеніе, и я замѣтилъ, что этотъ выдающійся рабочій не имѣлъ никакого понятія о растущихъ успѣхахъ юнаго движенія русскаго пролетаріата. Впрочемъ, въ то время среди польскихъ рабочихъ это было явленіемъ довольно обычнымъ.

Подъ вечеръ прибыли въ Домброво (Сосновицы). Здѣсь меня ждала новая непріятность. Контрабандистъ, который долженъ былъ перевести меня черезъ границу, за день до моего пріѣзда въ пьяномъ видѣ разодрался съ полиціей и «досталъ до козы», т. е. былъ посаженъ въ холодную на пять сутокъ. Ждать его освобожденія на самой границѣ, гдѣ жандармско-полицейскій надзоръ особенно силенъ, да еще въ конспиративной квартирѣ, куда меня помѣстили, я счелъ неудобнымъ. Поэтому на военномъ совѣщаніи быстро былъ выработанъ новый планъ. Я съ двумя рабочими, охотно согласившимися съѣздить на мой счетъ къ роднымъ на праздники (Рождества), долженъ былъ отправиться въ ихъ деревню, расположенную на самой австрійской границѣ недалеко отъ Кракова, и тамъ попытаться какъ-нибудь перейти границу.

Сказано—сдѣлано. На слѣдующее утро мы втроемъ сѣли въ поѣздъ, идущій къ Мѣхову. Меня непріятно поразило, что мои спутники перекрестились, какъ самые темные крестьяне, когда тронулся поѣздъ. Впослѣдствіи, мнѣ пришлось убѣдиться, что религіозные предразсудки уживаются въ головѣ рабочихъ рядомъ съ самыми крайними политическими взглядами. Такъ, нѣкоторые члены перваго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ въ «Крестахъ», возвращаясь съ прогулки, крестились на икону, находящуюся въ тюремномъ коридорѣ. Я утѣшалъ себя тѣмъ соображеніемъ, что вѣдь и іюньскіе баррикадные бойцы 1848 г. не были свободны отъ религіозныхъ суевѣрій...

Проѣхавши верстъ 40 по желѣзной дорогѣ, мы пересѣли на лошадей. Какой унылый пейзажъ, какой бѣдный край! Прежде я представлялъ себѣ Польшу въ видѣ культурной страны на

европейскій ладъ, воображалъ увидѣть веселыя деревни съ крытыми черепицей домиками. На самомъ же дѣлѣ мнѣ попадались навстрѣчу убогія мазанки, согбенные крестьяне, тощій скотъ. Въ одной избѣ, гдѣ мы остановились переночевать, не было ни крошки хлѣба, ни капли молока. Убитый нищетой и преданный церкви хлопъ, высокая тощая жена, золотушные дѣти съ гноящимися глазами—печальная картина! Съ какой радостью дѣтишки набросились на хлѣбъ и молоко, которымъ мы ихъ угостили! Мать со скорбью отвернулась...

По дорогѣ молодой возница вдругъ повернулся къ намъ и, указывая кнутовищемъ на черпѣвшую въ сторонѣ отъ дороги рощу, сказалъ:

— Въ этомъ лѣсу собралась первая банда повстанцевъ!

Воспоминанія 1863 г. живы среди польскаго народа; это проявится при первомъ удобномъ случаѣ. Національная боль штыками загнана внутрь, но не исцѣлена, и рана сочится кровью.

Наконецъ, мы прибыли въ деревню, которая должна была послужить операціоннымъ базисомъ для дальнѣйшихъ моихъ дѣйствій. Проѣхали мимо кордона пограничной стражи. Одинъ изъ ѣхавшихъ со мной рабочихъ сказалъ:

— Солдаты замѣтили, что насъ трое. Когда мы поѣдемъ обратно, они обратятъ вниманіе, что насъ только двое.

— Ничего,—замѣтилъ второй,—забудутъ...

Странная это деревня: половина ея принадлежитъ Россіи, половина—Австріи. Населеніе обѣихъ половинъ, связаное дружескими и родственными узами, раздѣлено пограничнымъ барьеромъ. Обѣ части деревни отдѣлены другъ отъ друга ложбиной, по которой прогуливается русскій часовой; съ австрійской стороны граница не охраняется.

Переходя изъ дома въ домъ подъ предлогомъ визитовъ, мы постепенно добрались до крайней избы, расположенной шагахъ въ двадцати отъ границы. Отсюда я могъ любоваться свободной землей: австрійская часть лежала передо мною какъ на ладони. Изба, стоявшая на пригоркѣ, принадлежала старому контрабандисту. Но когда мы пришли къ нему, то нашли его въ постели.

Старый контрабандистъ умиралъ. Слабѣющимъ ухомъ слушалъ онъ нашъ разсказъ. Вдругъ, сдѣлавъ нечеловѣческое усиліе, онъ приподнялся на локтѣ; угасающими глазами посмотрѣлъ

онъ черезъ грязное окно на разстилавшуюся внизу австрійскую землю и прохрипѣлъ:

— Если-бъ могъ встать... проводилъ бы... Тутъ недалеко... Иди, благословляю... Жена поможетъ...

И упалъ на подушку. Я вышелъ въ сѣни. Жена его, старая, но энергичная и могучая женщина, стала на улицѣ передъ дверью. Она слѣдила за движеніями часового и должна была подать мнѣ сигналъ, когда солдатъ отвернется и зашагаетъ въ противоположную сторону. Револьверъ мои спутники у меня отобрали; они указывали на то, что если побѣгъ не удастся, и я буду схваченъ, то револьверъ послужитъ серьезной противъ меня уликой; безъ револьвера же какъ-нибудь можно выпутаться. Итакъ, я остался совершенно беззащитнымъ. Вдобавокъ, крестьяне мнѣ разсказывали, что за послѣднее время солдаты начали стрѣлять въ переходящихъ границу людей, даже если они успѣли уже очутиться на иностранной землѣ; затѣмъ часовые будто перетаскивали трупы убитыхъ на пограничную межу и такимъ образомъ избавлялись отъ отвѣтственности. Все это было непріятно. Вдобавокъ, стояла отвратительная гололедица, такъ что трудно было сдѣлать два шага, не поскользнувшись; скажу еще, что дѣло происходило часа въ 4 пополудни, такъ что было совершенно свѣтло.

Часовой въ полушубкѣ и башлыкѣ прогуливался по ложбинѣ; онъ дѣлалъ шаговъ 70—80 въ одну сторону и затѣмъ возвращался. По временамъ онъ останавливался и задумывался. О чемъ онъ думалъ? Вспоминалъ ли онъ свою Самарскую губернію, родную деревню, колосящуюся ниву, отчій домъ, изъ котораго онъ былъ вырванъ и поставленъ на эту чуждую землю?... Если онъ замѣтитъ меня, то выстрѣлитъ непремѣнно, и выстрѣлитъ безъ всякой злобы, просто изъ страха. Но будь, что будетъ. Стою за дверью и не свожу глазъ со старухи. Вдругъ она махнула рукой. Это сигналъ: надо идти.

Я выхожу изъ своего угла. Часовой спокойно расхаживаетъ по ложбинѣ. Медленно направляюсь къ границѣ. Сначала иду тихо, затѣмъ невольно ускоряю шагъ. Калоши кажутся страшно тяжелыми и стѣсняютъ. Вдобавокъ проклятая гололедица заставляетъ употреблять отчаянныя усилія, чтобы не поскользнуться. Вдругъ я срываюсь и съ грохотомъ лечу внизъ въ оврагъ. Все погибло!

Но нѣтъ, ничего. Закутанный въ башлыкъ часовой ничего не слышитъ. Моментально я вскакиваю на ноги, перебѣгаю узкую пограничную полосу и лѣзу черезъ заборъ, окружающій въ этомъ мѣстѣ австрійскую часть деревни. Вотъ, я уже на заборѣ, остается спрыгнуть, и я спасенъ. Проклятіе! я зацѣпилъ пальто за колъ и безпомощно повисъ, тщетно усиливаясь достать ногами до земли. Теперь, если часовой обернется, все кончено: онъ сниметъ меня съ забора просто штыкомъ. Дѣлаю отчаянное усиліе, дергаюсь разъ, два, три. Трахъ! пальто треснуло, я оторвался и стою ногами на твердой землѣ.

Все это продолжалось меньше минуты.

Теперь нужно побѣжать, чтобы удалиться отъ русской границы на порядочное разстояніе. Часовой, который съ секунды на секунду долженъ обернуться, не посмѣетъ стрѣлять, если я буду далеко. Но въ этотъ моментъ мною овладѣло странное упорство. Не побѣгу, да и только! И я спокойно, не оглядываясь, медленнымъ размѣреннымъ шагомъ направился къ галиційскимъ избамъ, расположеннымъ шагахъ въ полутораста отъ забора. Шелъ я по совершенно открытому мѣсту. Испытываю какое-то безкойное ощущеніе въ спинѣ. И вдругъ мнѣ страшно захотѣлось оглянуться: этакая шаловливая мысль! Остановился, повернулся лицомъ къ Россіи. Стоитъ мой солдатикъ, выпучивъ глаза, ружье въ рукахъ держитъ и на меня упорно смотритъ. Постоялъ я, посмотрѣлъ, потомъ повернулся и спокойно пошелъ дальше. Въ послѣдній разъ оглянулся на Россію, поклонился и изчезъ за [illegible]етнемъ.

Черезъ полчаса я ѣхалъ на крестьянской телѣгѣ въ Краковъ. На дворѣ стоялъ изрядный морозъ, но мнѣ было страшно жарко и душно; снялъ пальто, разстегнулъ пиджакъ—все жарко. Такимъ образомъ разрядилось нервное настроеніе послѣдняго дня...

Вотъ и предмѣстье Кракова. Здравствуй, желанная свобода!

КОНЕЦЪ.

Госцентр. историческая библиотека

Оглавленіе.

	стр.
Предисловіе	
Соціально-политическіе взгляды Добролюбова	1—34.
Герценъ и Чернышевскій	35—80.
М. А. Бакунинъ	80—125.
Русскій ткачъ Петръ Алексѣевичъ Алексѣевъ I ст.	126—130.
Русскій ткачъ Петръ Алексѣевичъ Алексѣевъ II ст.	131—140.
Памяти Чародной Воли	141—148.
Степанъ Халтуринъ	149—168.
Историческое подготовленіе соціалъ-демократіи	169—241.
Первая с.-д. пропаганда среди одесскихъ рабочихъ	242—2[illegible]
Матеріалы по исторіи русской с.-демократіи:	
I. Съѣзды Р. С.-Д. Р. П.	280—28[illegible]
II. Майскій праздникъ въ Россіи	285—28[illegible]
III. Всеобщая забастовка на югѣ Россіи	289—29[illegible]
IV. Совѣтъ рабочихъ депутатовъ въ С.-Петербургѣ въ 1905 г.	293—298.
Письма Карла Маркса и Фридриха Энгельса къ Николаю —ону	299—306.
Надгробное слово С. Ю. Витте	307—316.
Историческій документъ	317—339.
Какъ я бѣжалъ изъ Якутки	340—379.